

Леся Амурская

Яркие огни

Леся Амурская

Яркие огни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70385407

SelfPub; 2024

Аннотация

Семнадцатилетняя Аделина никогда не знала своих родителей. Вместе с состоятельными опекунами она покидает Северную столицу и переезжает в крупный южный город. Попав в элитную академию, Лина оказывается в уже привычном для неё мире «золотой молодёжи», но всё меняется, когда обстоятельства сталкивают её с двумя лучшими друзьями. Дани сильно отличается от своих одноклассников: он не носит дорожную одежду, не ведёт разговоры о бизнесе. Он лишь живёт мечтой стать известным музыкантом, зарабатывая деньги на улицах города. Его жизнь полна творчества и... жутких секретов, которые грозятся вот-вот вырваться наружу. Денис – полная противоположность Дани. Наследник крупной бизнес-империи и надежда влиятельного отца, мечтающего вырастить себе достойную замену. Кажется, что жизни троих разных подростков никак не должны быть схожи между собой, но всё меняется, когда она переплетает их судьбы, чтобы каждый мог зажечь свой яркий огонь и найти самый главный путь в своей жизни – путь к самому себе.

Содержание

Лина	7
Даня	16
Лина	32
Денис	42
Лина	50
Денис	66
Лина	84
Даня	97
Денис	124
Лина	137
Денис	164
Даня	185
Лина	213
Денис	227
Даня	250
Денис	264
Лина	285
Денис	321
Даня	343
Лина	364
Денис	390
Лина	405
Даня	422

Денис	445
Лина	463
Денис	483
Даня	503
Эпилог	526
Лина	527

Леся Амурская

Яркие огни

Правда ли, что ни один человек не приходит в нашу жизнь просто так? Правда ли, что ни один человек не исчезает из неё без определённых на то причин?

На своём пути мы встречаем огромное количество людей. Согласно статистике, среднее значение достигает восьмидесяти тысяч человек за жизнь. Одни могут появиться лишь на короткое мгновенье, оставив практически незаметный след в нашей судьбе, другие способны в корне изменить нас, и не важно, как именно: поменять нас как личностей или полностью сменить наше представление о мире и собственной жизни.

Кто-то посчитает эти встречи настоящим благословением – ценным подарком, который, кажется, послан им с самих Небес. Для других же – это превратиться в настоящее столкновение, которое однажды из борьбы перерастёт в ценный жизненный урок.

Никто не знает, когда на нашем горизонте появится тот, кто невольно заставит нас остановиться и посмотреть на жизнь под другим углом – кто своим появлением зажжёт внутри нас яркий огонь, который покажет, чего мы стоим на самом деле. Можно ждать годами, десятилетиями, а можно всю жизнь идти по извилистой тропинке, так и не заметив,

что кто-то всё это время пытался направить вас на более правильный путь.

Не стоит постоянно бежать, бросаться в омут с головой, в надежде найти верное решение. Иногда нужно притормозить, обратить внимание на тех, кто неосознанно пытается дать нам уникальную возможность – возможность обрести себя настоящего.

Лина

Казалось, эта дорога никогда не закончится. Картинка за окном автомобиля больше была похожа на кадры старого кино: что-то случилось с киноплёнкой, и, кроме сменяющих друг друга частных домов и бескрайних полей, она больше ничего не могла показать.

Двадцать шестой час езды в автомобиле не мог не сказаться на моём настроении, как и тот факт, что этот бесконечный путь, который вёл неизвестно куда, грозился доставить меня в новую точку невозврата. А что у меня осталось от прежней жизни? Вещи, тщательно упакованные в картонные коробки и ценные воспоминания. Всё.

В машине становилось жарко, сказывалась стремительная смена климата. Я открыла окно, и, резко проникший внутрь салона мощный поток воздуха, чуть не вырвал из моих рук маленькое фото, которое я с самого начала поездки крепко сжимала в руке. С него на меня смотрели две счастливые девчонки: одной из них была я, второй – моя лучшая подруга Наташа. При виде знакомой улыбки и искрящихся глаз, на меня накатила тоска. Кто знает, когда мне ещё представиться возможность увидеть подругу, от которой меня буквально оторвали?

– Аделина, закрой окно! Не хватало ещё заболеть.

Моя тётя Ольга недовольно посмотрела на меня через правое боковое стекло автомобиля, после чего элегантно жестом спрятала глаза в солнцезащитные очки.

Я не стала перечить, посчитав это бесполезным, но всё же недовольно буркнула, что в салоне нечем дышать.

– Я включу кондиционер. Ты же не против, дорогая?

– Делайте, что хотите! – тётя Оля вскинула руки, что было присуще её типичной манере.

Водитель, взглянув в зеркало дальнего вида, дружелюбно подмигнул мне. Я, улыбнувшись, подмигнула в ответ.

Мой дядя – Вячеслав Озерцов не раз становился моим негласным кумиром. Он действительно заслуживал звание лучшего дяди мира за прекрасное отношение к племяннице, учитывая тот факт, что родная я ему только по бумагам.

Мою жизнь многие люди всегда сравнивали с судьбами известных реальных и вымышленных личностей. В их числе были: Гарри Поттер, Питер Паркер (Человек-паук) и даже сам создатель и участник известной рок-группы шестидесятых «The Beatles» – Джон Леннон. Интересные личности, правда? Вот только у меня с этими кумирами миллионов было кое-что общее – меня вырастили мои тётя и дядя. Но мне не приходило письмо из Хогвартса, я не стала известным и любимым всеми супергероем, и моя мать никогда не жила по соседству со мной в отличие от матери известного музыканта.

Трагедия? Возможно для других. Но для меня это нор-

мальная жизнь, ведь другой я не знаю.

– Уже подъезжаем, – сказал дядя Слава, сворачивая с главной дороги.

Теперь я с любопытством рассматривала богатые дома и гадала, какой же из них принадлежит нам. Я знала, что район, который мы выбрали для жизни, славился своей новизной и хорошей инфраструктурой. Он оказался достаточно богатым, но без лишнего лоска и пафоса, чем приятно удивил меня. Красивые коттеджи и просторные участки будоражили воображение.

Этот переезд состоялся в самый неудачный момент. Но не смена обстановки пугала меня, а то, что за окном был март – самый разгар учебного года в школе. Не просто менять привычный коллектив и заводить новых друзей особенно, когда тебе семнадцать лет. Однако причины были слишком вескими, чтобы думать о несправедливости и принимать сторону эгоизма.

У моего дяди бронхиальная астма – хроническое неинфекционное заболевание дыхательных путей. К сожалению, именно наследственность сыграла с ним злую шутку – его отец тоже страдал от этого недуга. Лечение, бесконечные походы к лучшим врачам города и внушительный список различных лекарственных препаратов не давали того результата, которого ожидал Вячеслав Озерцов. В конце концов, дяде настоятельно порекомендовали сменить климат на более тёплый, мол, если проблема до конца не отступит, то хотя

бы симптомы астмы будут проявляться не так явно. Решение было принято немедленно, смена привычной обстановки превратилась в неизбежность.

Этот переезд сильно отразился на всех нас, но я не переставала себя убеждать, что больший ущерб он нанёс именно мне. Дядя и тётя, по сути, не потеряли столько, сколько я. Ольга всегда хотела сменить быстрый темп большого города на что-то более тихое и размеренное, и даже отсутствие дорогих ресторанов в нашем новом районе, которые она очень любила, статную женщину ничуть не смутило. Тётя могла по-прежнему заниматься своим маленьким бизнесом, тем более, что смена обстановки ей была только на руку – появлялось вдохновение. У неё был свой небольшой бутик дизайнерской одежды, которая, разумеется, исключительно в особых кругах, пользовалась большой популярностью. Она создавала наряды для обеспеченных женщин, таких же бизнесвумен, как и она сама. Её учёба в Италии и во Франции не прошла зря – Ольга имела ошеломительный успех в этой сфере. Сдаётся мне, что она вот-вот похвастается перед публикой своей новой коллекцией под названием «Переезд – возможности для творчества или как юг влияет на воображение». Шучу, конечно!

А вот мой дядя с детства обожал автомобили. Он прекрасно разбирался в марках, особенностях каждой модели, считал, что каждый конь на четырёх колёсах по-своему уникален и неповторим. Поэтому наличие у него бизнеса, связан-

ного с этой сферой, никого не могло удивить. У Вячеслава был свой элитный автосервис, который брал своё начало чуть ли не со старого гаража на окраине небольшого города. За двадцать лет нелёгкой работы мой дядя добился практически всего, чего хотел: статуса в обществе, больших денежных средств, недвижимость в виде трёх квартир в центре большого города, а теперь ещё и, по его словам, шикарный дом с большим участком.

– Лина, Оля, смотрите! Вот наш новый дом.

Я попыталась вытянуть шею вперёд. Перед нами появились очертания двухэтажного большого дома со стенами цвета слоновой кости. Но не это поразило меня, а большое панорамное окно во всю стену первого этажа. Я даже не сразу поняла, что раскрыла рот от удивления. Дом выглядел очень современным, без лишних деталей в интерьере. Белизну стен разбавляли чёрные оконные рамы и облагороженный участок с отдельно стоящим гаражом и небольшой пристройкой к дому.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

Я перевела взгляд на свою тётю, и меня очень сильно обрадовало то, что даже солнечные очки не смогли скрыть её эмоций.

– Слава, этот дом великолепен! – заохала она. – Не ожидала, что ты сделаешь такой прекрасный выбор. Стиль брутализм экстерьер!

Сделаю вид, будто поняла, что она только что сказала. А

вот не заметить того, что Мисс «Меня невозможно удивить» снова вернула заслуженный титул себе, я не смогла. Ольга всегда недооценивала окружающих, и это был её главный недостаток. Но я и дядя давно привыкли к этому – просто разучились обращать внимание на колкие фразочки тёти. Мы знали, что она это делает не со зла, а просто, потому что у неё такая черта характера. Здесь уж ничего не поделаешь!

Но дядя Слава улыбнулся супруге, а потом снова подмигнул мне. Я же в свою очередь показала ему два больших пальца, поднятых вверх. Я одобрила выбор нашего нового жилища.

Когда машина заехала на территорию дома, я смогла получше рассмотреть его окрестности. На самом деле, на участке не было ничего интересного, просто лужайка и не более. Всё нужно самим оборудовать. Да, такой дом требует тщательного ухода...

– Сколько квадратных метров у этого дома? – спросила я, когда мы вышли из машины.

Солнце отражалось от огромных окон, из-за чего глазам становилось крайне некомфортно.

– Здесь 207 квадратных метров, – дядя однозначно был доволен своим выбором, – и это только дом, не считая участка.

Конечно, цифра сильно удивила меня. Раньше мы жили в центре большого города в двухэтажной квартире, которая постоянно требовала тщательной уборки, а здесь такой

большой дом... Глава нашей семьи предлагал супруге нанять персонал, который следил бы за всем, приводил в порядок участок или занимался приготовлением еды, но Ольга сразу сказала, что не потерпит присутствия посторонних людей в своём доме. На моё удивление, тётя решила, что сама будет заниматься всеми домашними делами, ведь теперь не нужно каждое утро спешить на работу, достаточно уйти в отдельную комнату, где находится мастерская.

– Так, девочки, – хлопнул в ладоши дядя, – вы идите, осмотрите дом, а я отойду позвонить на счёт грузоперевозки.

Тётя, словно птица, пропорхнула мимо меня и залетела в дом. Я же, взяв из багажника машины небольшую коробку с вещами, пошла за ней.

– Лина, ты только посмотри какой простор!

Судя по выражению её лица и искрящимся глазам, которые она больше не прятала за тёмными очками, дом произвёл на неё самое лучшее впечатление.

Да и мне он на первый взгляд показался очень привлекательным, хоть немного и смутил своими внушительными квадратными метрами. Высокие потолки, большие окна, в том числе и панорамные, новая современная мебель, которую успели доставить до нашего приезда и запах косметического ремонта.

– Да, не обманула меня Марго, – тётя уже любовалась просторной кухней, совмещённой со столовой. – Дизайнеры молодцы! Сделали акцент на том, что я просила.

– Ты же не была в этом доме, – я стояла между кухней и одной из множества комнат, прижимая к себе картонную коробку. – Как ты могла отслеживать работу дизайнеров?

– Но я же видела план помещения, фото, 3D-проект. Современные технологии позволяют сделать многое, не выходя из офиса, моя девочка, – она громко хлопнула в ладоши. – Так, а теперь я хочу посмотреть спальню. Советую и тебе заглянуть в свою комнату. Она на втором этаже, вторая дверь слева.

Я не стала ждать, пока Ольга с блаженным взглядом пронесётся мимо меня, поэтому без лишних слов и расспросов отправилась наверх.

Второй этаж оказался ничем не примечательным, скорее, я бы назвала его невзрачным, с большим количеством одинаковых дверей. Я нашла свою и легонько толкнула дверь ногой.

Первое, что меня приятно удивило – большое количество света. Просторное светлое помещение с двумя окнами, одно из которых было панорамным, пока ещё пустое, но в моей голове уже выстраивались планы по поводу обстановки. Мебели не было, в углу лишь стояло моё зеркало в полный рост, которое успели доставить до нашего приезда.

Я поставила коробку на пол и встала напротив своего отражения. Выглядела я не очень хорошо: уставший вид, тёмные круги под карими глазами, да и спутанные пряди светлых волос некрасиво спадали, едва касаясь моих худеньких

плеч. Я наклонила голову набок, потом вернула в исходное положение.

– Ну, что ж..., – сказала я своему отражению. – Попробуем начать сначала. Нам с тобой это уже не впервой, – я подбадривающе подмигнула девочке напротив.

Даня

Я резко открыл глаза, когда услышал звук будильника на моём мобильном телефоне. Ненавистная в последнее время мелодия, каждый раз провоцировала меня разбить агрегат о стену. Что-то в последнее время мои нервы начали сдавать, раз мою голову всё чаще посещают подобные мысли. Я взял телефон с тумбочки, отключил будильник, поставленный на семь утра, и вместе с ним рухнул обратно на кровать. Мне так сильно хотелось снова закрыть глаза и поспать хотя бы ещё часик, чтобы избавиться от состояния зомби, но, увы, этому не суждено было случиться.

Я нашёл в себе силы подняться с кровати и протереть глаза, но с удивлением понял, что, вернувшись домой сегодня ночью, я даже не снял толстовку и джинсы, а лёг спать прямо в них. Хорошо, что хоть обувь осталась на своём месте, и грязные следы не «красовались» на моей постели.

Я, слегка пошатываясь от недосыпа, подошёл к окну и поднял жалюзи, пуская в комнату солнечный свет. Вот только сегодня он меня не радовал. Я в очередной раз протёр уставшие глаза и, собравшись с силами, поплёлся к старенькому шкафу-купе. Долго выбирать наряд не пришлось: схватил единственные приличные джинсы и недавно приобретённую голубую рубашку. Эти две вещи я не особо жаловал,

выглядел в них, как паршивый актёр, который уже измученно играет надоевшую дешёвую роль лишь бы не заработать себе лишних проблем.

Я аккуратно положил одежду на кровать, и тут мой взгляд скользнул по тумбе, которая стояла у изголовья. Старое фото в деревянной рамке – единственная дорогая для меня вещь в этом доме. Не любимая гитара, не плакаты со знаменитыми музыкантами, которыми была увешана почти вся стена до самого потолка, не что-либо из материальных вещей, а только это изображение под толстым стеклом.

Я грустно улыбнулся, глядя на фото, помотал головой, чтобы отогнать от себя дурные мысли и, делая тихие неуверенные шаги, покинул комнату. Я осторожно спустился на первый этаж дома, заглядывая поочерёдно во все комнаты. Но в них было пусто, никакого намёка на жизнь. Так я и знал – отец опять не вернулся домой. Наверняка просидел всю ночь в баре, ошиваясь со своими приятелями. Не удивлюсь, если он вчера вообще не вышел на смену. Но это меня в какой-то степени даже обрадовало. Я без лишней нервозности принял бодрящий душ, приготовил завтрак из того, что нашёл в холодильнике, погладил одежду, в которой должен идти в школу, схватил старенький рюкзак и уже собирался выходить из дома, как вдруг остановился перед зеркалом, встроенным во входную дверь.

Я закатил глаза, посмотрев на своё отражение. Да, я привёл в порядок свой внешний вид: уложил волосы, чтобы не

торчали светлыми прядями в разные стороны, облачился в более-менее приличную одежду, но эти серые большие глаза выдавали меня с головой. Такого замученного вида я давно у себя не замечал. Ощущение, будто я всю ночь вагоны разгружал, хотя, от части, это было правдой.

Я недовольно вздохнул и вышел из дома, неохотно направляясь в сторону элитного района нашего города.

Я шёл по пустым ухоженным улицам и рассматривал роскошные особняки местных богачей. Они будоражили воображения, но в то же время угнетали и каким-то странным способом ставили меня на своё место. Я никак не вписывался в эти улочки, каждый раз, идя по ним, я чувствовал себя чужаком, незваным гостем на чьём-то празднике жизни. Мне никогда не были знакомы роскошь, дорогие машины и поездки за границу. Я сильно отличался от тех, кто прятался за высокими заборами своих больших участков, и часто некоторые люди открыто мне на это намекали.

Я попытался не думать об этом, увеличил громкость музыки, которую слушал через наушники и более уверенным шагом продолжил свой путь. Песни любимых исполнителей действовали на меня, как антидепрессант. Из раза в раз они уносили меня куда-то очень далеко за пределы этой реальности, где я мог чувствовать себя самим собой. Музыка действительно приносила мне настоящее наслаждение, в особенности исполнение групп «Queen», «Ария», «The Beatles»,

«БИ-2» и «Linkin Park». Но группа «Queen» всё равно оставалась для меня особенной. Голос вокалиста британской рок-группы настолько восхищал меня, что с детства покрывал мою кожу мурашками. Их музыка творила со мной какие-то чудеса: поднимала настроение, помогала настроиться на работу, заставляла прекращать думать о грустном в те дни, когда повседневная рутина казалась невыносимой.

Пока я шёл и думал о музыке, трек в телефоне переключился, и заиграла песня, с которой я ассоциировался у всех своих друзей, только по той причине, что я болел ею практически с пяти лет. Кто-то до сих пор в редкие моменты так и называл меня – беспечный ангел. Нет, я не был любителем байков, меня не привлекал шум дорог и я, к счастью, не собирался отправляться в Рай в ближайшее время, но было кое-что другое, о чём мне часто говорили друзья. Для них я был, как и герой песни, ярким огнём, который чудесным образом заражал этим свечением других людей, зажигал в них невидимую искру, позволяющую не опускать руки и идти дальше к намеченной цели. Но, если я действительно являюсь таким, то передо мной встаёт выбор – отдать предпочтение очень яркому пути длиною в миг или запомниться людям, как человек, который долгим трудом добивался столь яркого свечения, чтобы потом его помнили миллионы.

Но не в моих принципах ярко вспыхнуть и угаснуть потом столь же быстро. Несмотря на все трудности, которые мне пришлось пережить за последние шесть лет, которые я пере-

живаю сейчас. Я знаю, что ни за что на свете не променял бы свою жизнь на тысячи таких, которые могли бы меня ждать в элитных коттеджах такого же района города. Я всегда любил жизнь, даже когда казалось, что ничего хорошего ждать не стоит. Она моя, и только в моих силах прожить её ярко, смело, так, как мне того хочется.

Мои мысли прервал телефонный звонок.

– Я за углом, – произнёс я слегка охрипшим голосом. – Уже у ворот?... Да. Давай быстрее, пока твой отец меня ненароком не увидел.

Я перешёл дорогу и приблизился к одному из элитных двухэтажных домов. Конечно же, я мог видеть только верхнее убранство роскошного особняка, так как сам участок был скрыт от посторонних глаз. Ждать долго мне действительно не пришлось – калитка отворилась под звуки тихого нечёткого чертыханья, выпуская наружу Дэна. Парень с трудом удерживал в руках спортивную сумку, набитую, по всей видимости, отнюдь не спортивным инвентарём, два холста большого размера, ещё и связку кистей держал в зубах. При виде такой картины я не смог удержаться от смеха.

– Хватит ржать! – не удержался приятель, после чего все кисти оказались на асфальтированной дорожке. – Лучше помоги.

Я, не прекращая смеяться, собрал разбросанные кисти и забрал у друга холсты.

– Дэн, ты как всегда в своём репертуаре, честное слово! Я

тебе уже много раз говорил, что слова «немного» и «и набитая доверху спортивная сумка» не сочетаются.

– Давай, поумничай мне тут ещё, – он легонько толкнул меня локтем в бок. – Если отец узнает, на что я спустил все карманные деньги, он запрёт меня в доме до окончания времён.

– Ты мог перенаправить заказ на мой адрес, я же тебе говорил, – произнёс я, чуть не споткнувшись на ровном месте. Недосып сильно сказывался на мне в последнее время. – Во всяком случае, мы могли всё сделать без лишнего драматизма.

– Тебя практически никогда не бывает дома, – протянул друг, – а на милость твоего родителя я не могу положиться, уж, прости.

Я взглянул на Дениса недовольным взглядом, но у меня не было никаких причин уверять его, что он не прав, ведь друг прекрасно знал мою историю. И тут друг резко остановился, не переставая глядеть мне в глаза.

– Что? – я уж подумал, что что-то выронил по дороге.

– Ничего, – его голос прозвучал серьёзно. – Скажи ка мне, во сколько ты вчера домой заявился?

Я замялся, как провинившийся малолетка. От этого проницательного взгляда ничего не скроешь... Я тяжело выдохнул.

– Мне предложили подзаработать, отказаться я не мог, ты же знаешь, – я недовольно выдохнул. – Домой пришёл около

трёх часов ночи.

Дэн раздражённо прикрыл глаза в присущей ему манере, после чего поставил спортивную сумку на землю и подошёл ко мне.

– У нас уже был разговор по этому поводу, не припоминать?

– Дэн...

– Я же тебе говорил, что ты всегда можешь обратиться ко мне, если возникли какие-то финансовые трудности.

– Я ещё у тебя только на шее не сидел! – развёл я руками. – Не маленький мальчик, разберусь как-нибудь со своими проблемами.

– Да я же за тебя беспокоюсь, придурок, беспокоюсь, чтобы об этом не узнали лишние люди, чтобы это всё не обернулось сам знаешь чем...

Он злился, и я готов был его понять. Но друг не знает, каково это – проживать каждый день, боясь, что в любой момент всё может измениться. Да, я был слишком горд, чтобы просить помощи, но с другой стороны, жизненная ситуация готовит меня к тому, что во взрослой жизни будет нелегко.

– Приятель, я понимаю, что просить помощи не всегда бывает просто, – сказал друг уже более спокойным голосом, – но не просить её ещё хуже. Мы знакомы больше десяти лет, и ты думаешь, что я буду спокойно смотреть, как мой лучший друг едва сводит концы с концами? – Денис перевёл дух. – Я тебя очень прошу, если у тебя вдруг возникают какие-то

проблемы, сразу же сообщай мне, понял?

Я неохотно покачал головой. Никогда не хотел ввязываться друга в свои сложности, но его искреннее желание помочь всегда показывало мне, что я не одинок, что у меня есть поддержка.

И тут Дэн выставил руку вперёд, сжав пальцы в кулак.

– Братья навек? – улыбнулся он.

Я всегда расплывался в улыбке в ответ, когда слышал эти слова.

– Братья навек, – повторил я.

Я тоже вытянул руку вперёд и мы «отбили кулачки».

Мы появились на пороге школы ещё до её открытия. Нам повезло, что местный охранник без лишних слов в очередной раз пустил нас в здание. На самом деле, как бы странно это не звучало из моих уст, но в кой-то веке я мог выразить благодарность отцу своего друга, который помог местному, сбившемуся с пути работяге устроиться на работу в элитную школу. Может, мы поступали не совсем по совести, но пользовались этой привилегией, чтобы незаметно приходиться в одно из подсобных помещений здания.

Денис свободной рукой постучал в массивную дверь. Её открыл полноватый мужчина лет пятидесяти. У него была немного грозная внешность, но каждый ребёнок знал, что на самом деле под униформой школьного охранника прячется открытая и добрая душа.

Он сначала серьёзно посмотрел на нас, а потом, тяжело вздохнув, поправил круглые очки.

– Что-то вы зачастили в последнее время, – произнёс он, пропуская нас вперёд. – Я, конечно, понимаю вашу тягу к знаниям, но даже отъявленные умники не приходят в школу за час до её открытия.

– И вам доброе утро, Григорий Александрович! – Денис расплылся в улыбке. – Не пропустите двух неотёсанных школьников в их скромную обитель у актового зала?

Охранник наигранно закатил глаза и пропустил нас в коридор школы.

– Ой, парни, хорошо вы устроились. Если руководство узнает, что вы сюда, как к себе домой ходите, меня быстро отсюда выгонят.

– Это в последний раз, мы обещаем, – я попытался сделать серьёзное лицо.

Григорий Александрович достал из кармана брюк ключ и отдал его мне.

– Как чувствовал, что вы заявитесь. Подготовился заранее.

Он подмигнул нам, после чего вернулся на рабочее место к своим кроссвордам.

– Эх, пользуемся добротой человека, – тихо произнёс я, и даже не сразу заметил, что мой голос эхом пронёсся по длинным коридорам школы. – Не хорошо.

– Но это же ради хорошего дела, забыл? Никто ничего не

узнает. Всё равно добрую половину придётся перетаскивать в гараж.

Я остановился и выпучил на Дэна глаза.

– Ты шутишь?! А сейчас мы не могли этого сделать? – я чуть ли не задыхался от возмущения, хоть и понимал, что отчитывать друга всё равно бесполезно. – В следующий раз будем действовать по-моему, понял?

– Слушай, – друг зашагал дальше по коридору, – я бы не стал тебя так жестоко эксплуатировать, будь у меня ключи от гаража. Стас так и не сделал мне дубликат, а свои оставил Ромке.

– Ой, Дэн, у тебя никогда не получалось искать лёгкие пути, – я легонько толкнул друга, он сразу же ответил мне тем же, и мы, как два идиота, расплылись в улыбках.

В подсобном помещении было темно, как в подzemелье. Даже лампочка не могла спасти эту комнатку от мрака. На самом деле, это место официально считалось школьной гримёркой: в стареньких шкафах висели различные концертные костюмы, в коробках пылились декорации, в углу стояла музыкальная аппаратура и несколько гитар. Мой взгляд упал на одну из них – классический инструмент, который навсегда изменил мою жизнь. Помню, как будучи пятиклассником, я попал на школьный концерт, где выступала группа старших ребят. Я уже не помню, какую именно песню они исполняли, но звучание гитарных струн настолько поразило меня, что

с тех пор я не мыслил свою жизнь без этого инструмента. Окончательно я в этом убедился, как только коснулся грифа гитары – *этой самой гитары*.

– Эй, беспечный ангел, спустись на землю! – Денис поставил набитую сумку на дощатый пол. – Лучше помоги.

Друг начал разбирать сумку, доставая из неё баллоны с краской.

– Сколько их здесь? – я бы не сильно удивился, скажи он, что «очень много».

– Э... тридцать семь.

Я закалил глаза.

– И почему я не удивлён...

– Ну, мы же не потащим это всё обратно, только несколько баллонов для сегодняшнего вечера, – он тяжело вздохнул. – Отец не должен узнать о том, чем я занимаюсь. Иначе всё потеряет смысл.

Наши судьбы с Дэном, помимо крепкой дружбы, объединяла именно эта тема – отношения с отцами. И для меня, и для него не было ничего страшнее, чем гнев старшего родителя. Хоть у нас и были различные ситуации, которые подвергали нас риску, итог, к сожалению, мог быть одинаковым для нас двоих.

Я положил другу руку на плечо и сжал его.

– Не грузись, слышишь? Никто ни о чём не узнает. Ты проворачиваешь это всё больше пяти лет. Так, почему сейчас всё должно пойти не так?

Приятель еле заметно улыбнулся, но, кажется, мои слова его несильно утешили.

– Сегодня мы начинаем работу, поэтому...

Меня перебил приближающийся стук каблуков. Противный звук не предвещал ничего хорошего. Интересно, насколько хорошо нас было слышно?

– Прячь сумку, быстро! – успел скомандовать я до того, как дверь гримёрки открылась.

Яркий солнечный свет ударил нам в глаза, и мы не сразу заметили, как в помещение зашёл человек.

– Это ещё что такое?! – раздался возмущённый женский голос.

Когда глаза привыкли к свету, я увидел недовольное выражение лица директрисы. На самом деле, эта милая, приятная женщина средних лет практически всегда прибывала в прекрасном настроении. Нам часто казалось, что она с учениками «на одной волне», поэтому видеть на этом лице недовольство было для меня ну очень странно.

– Доброе утро, Маргарита Артуровна! – произнесли мы с Денисом в один голос.

Женщина недовольно скрестила руки.

– Молодые люди, может, вы мне объясните, что здесь происходит? Каким образом вошли в школу за час до её открытия?

Пришлось включать фантазию.

– Простите, что так бесцеремонно ворвались сюда, – на-

чал Денис, – но нам нужно было подготовить кое-что к... музыкальному концерту, который будет в конце учебного года.

Женщина недоверчиво посмотрела на нас.

– К музыкальному концерту значит... Именно он заставил вас посетить школу в нерабочее время?

– Ну, понимаете, – начал я, – мы принесли несколько вещей для украшения сцены, кое-что из декораций. Мы... хотим удивить публику, поэтому решили заранее подготовить всё необходимое, чтобы лишние глаза ничего не увидели.

– Интересно, и что же вы придумали для своего выступления? – не отставала директриса.

Я и Дэн неуверенно посмотрели друг на друга, но приятель быстро собрался и схватил первое, на что упал его взгляд – холст.

– Вот...

– Что это? – Маргарита Артуровна приподняла бровь.

– Холст, – Денис замялся. – Я собирался нарисовать несколько картин, которыми можно украсить сцену, так сказать, добавить в выступление изюминку.

Хоть мы и старались преподнести нашу ложь как можно правдоподобнее, не уверен, что после такого нелепого оправдания по нам будет плакать «МХТ».

– Что ж, с этим мы разберёмся позже, – она взглянула на наручные часы. Видимо, скоро школу откроют. – На самом деле хорошо, что вы оба здесь. У меня к вам дело, в особенности, к тебе Даниил. Прошу, пройдите за мной.

В кабинете директора я был всего несколько раз, а вот Денис по сей день продолжает регулярно посещать его. Нет, дело было не в хамском поведении или плохих оценках (хотя, какой-то недолгий период было и такое), а в неприятных ситуациях, в которые попадал мой друг, общаясь с самым популярным парнем школы – выпускником Юрой Лино́вским.

Этот мерзкий тип ставил себя выше всех остальных далеко не только потому, что пользовался большой популярностью у представительниц женского пола (на него постоянно вешались практически все девчонки школы, чем он охотно пользовался). Родители Линовского считались очень состоятельными и влиятельными людьми этого города. Они имели самое дорогое, что только и необходимо таким людям, как они – статус, который открывает дороги ко всем благам человечества. Вот только те самые блага негативно сказались на их обожаемом сыне, который может запросто получить в подарок дорогую иномарку лишь за красивые глазки.

Денис по воле обстоятельств попал в его окружение. Родители Дэна и родители Юры считались близкими друзьями, поэтому не удивительно, что парень оказался в обществе мальчика-мажора. Из-за него у друга возникали серьёзные проблемы, один раз дело чуть не дошло до полиции. После одного из таких происшествий Дэн ограничил общение с этим типом, но иногда всё равно пересекается с ним от случая к случаю.

Мы сидели напротив директрисы, ожидая очередную порцию проблем на наши головы. Хотя, за что нас винить? Мы же ничего противоправного не натворили. Почти...

– Итак, – начала она, – о том, что было сегодня утром, мы с вами ещё поговорим, но сейчас у меня к вам есть одно дело.

Я приготовился к восприятию информации, которая отказывалась лезть в мой не отдохнувший мозг.

– Сегодня в ваш класс придёт новый ученик, вернее, ученица. Её семья несколько дней назад переехала в наш город, девочка никого здесь не знает, а, как вы понимаете, не каждый человек может быстро адаптироваться к новому месту. Поэтому я хочу попросить тебя, Даниил, сегодня встретить нашу новую ученицу, провести небольшую экскурсию по школе, познакомить с классом. Твоя задача – помочь девочке немного освоиться.

Я слушал Маргариту Артуровну с широко раскрытыми глазами и старался придумать хоть какое-то оправдание, лишь бы не выполнять её просьбу. Не то, чтобы я не хотел помогать новой ученице, просто не знал, как вести с ней разговор, как представлять классу, особенно в таком состоянии, когда голова отказывается хоть что-либо соображать.

– Но я не...

– Даниил, я не просто так попросила об этом именно тебя, – женщина будто прочитала мои мысли о желании отказаться. – Я знаю, что ты справишься с этой работой лучше, чем кто-либо из твоего класса, поэтому настоятельно прошу

тебя выполнить мою просьбу.

Я понял, что из этой передраги мне не выбраться, тем более, я очень многим обязан Маргарите Артуровне. Именно благодаря ей я до сих пор нахожусь в стенах этой школы, которую мой отец не был в состоянии оплачивать вот уже несколько лет. С другой стороны, я ведь люблю знакомиться с новыми людьми, так почему бы не попробовать хотя бы завязать хорошее общение с новенькой?

– Хорошо, – сдался я, – я согласен.

– Отлично, – обрадовалась директриса и протянула мне маленькое фото.

С него на меня смотрела симпатичная девушка. Её светлые волосы едва касались хрупких плеч, а карие глаза, казалось, были способны заглянуть в самые глубины человеческой души. Она казалась очень милой, но, в то же время, я увидел в ней какую-то недостижимость.

– Её зовут Аделина Озерцова, – объяснила директриса. – Сегодня её первый день, поэтому я хочу попросить тебя, Денис, – она перевела взгляд на друга, – сходить в библиотеку и принести девочке учебники.

Теперь глаза Дениса удивлённо распахнулись, но ему ничего не оставалось сделать, кроме того, как согласиться.

– Спасибо, мальчики! – поблагодарила женщина, мило улыбнувшись. – Я знала, что могу на вас положиться.

Лина

С самого утра меня не переставала бить дрожь, и дело было вовсе не в том, что мне предстояло сменить привычную атмосферу на что-то совершенно незнакомое. Главная проблема заключалась в самой школе, вернее, в тех, кто считался её учениками. Я прекрасно знала о том, что это учебное заведение считается элитным, в неё могли попасть только те дети, которые действительно были достойны оказаться там: хорошие оценки, активное участие в различных олимпиадах, погружение в школьную жизнь... Но таких детей здесь было от силы процентов пятнадцать, остальные же – дети богатых родителей. Я более чем уверена, что попала в это место в числе вторых претендентов. Нет, я не была глупой, всегда старалась хорошо учиться, знала два иностранных языка – английский и итальянский, но погружение в учёбу, зубрёжка учебников – совершенно не для меня.

Я была простой девчонкой, хоть и жила с состоятельными опекунами. Моими друзьями всегда были обычные ребята с соседних дворов, у меня не было привычки ежедневно посещать дорогие рестораны и прочие заведения, не было желания проводить время с напыщенными мажорами, с которыми мне часто приходилось в жизни сталкиваться.

Вот он мой страх – быть окружённой детишками, которые

не перестают вить верёвки из своих богатых родителей. Я не хотела заводить дружбу с такими, хотя, в глубине души надеялась, что не все окажутся пустышками, у которых в голове исключительно все мысли о пачках купюр.

Мой дядя проявил инициативу, чтобы довезти меня до школы. На самом деле, его поступок был для меня очень ценен, ведь от ожидания и неизвестности было не по себе.

– Лиана, не переживай! – его голос прозвучал оптимистично. – Новая школа – это же новые друзья, впечатления, эмоции... Так что смени свою кислую мину на очаровательную улыбку.

Я попыталась улыбнуться, но, даже не видя себя в зеркало, поняла, что у меня не вышло. Это бесполезно!

– Не волнуйся, – произнёс дядя. – А вот, кстати, и школа.

Я подняла глаза и увидела кирпичное, ухоженное трёхэтажное здание. Минимализм привлекал, мне это нравилось, как и большие окна, в которые проникал солнечный свет. Большая территория была оснащена скамейками, местами отдыха, спортивным уголком, где-то за зданием показался кусочек футбольного поля. Что ж, первое впечатление оказалось приятным.

Я также обратила внимание на приближающихся к школе учеников. Все девушки, которые попались мне на глаза были очень ухоженными, сразу видно, что в дорогой одежде, многие с укладками, как после салона. Увидев это, я почувствовала, как остатки моей уверенности просто взяли и

испарились. Парней же было немного, но и те выходили из дорогих машин с личными водителями, собирались небольшими компаниями и бесцеремонно, будто это было в порядке вещей, доставали из пачек сигареты и курили чуть ли не на самом школьном крыльце.

Я обречённо вздохнула, поняв, что это провал.

Дядя припарковал машину, заглушил мотор и обернулся ко мне, мило улыбаясь.

– Готова? – спросил он.

Я отрицательно покачала головой. Не была полностью уверена в том, что эта школа – лучшее, что для меня смогли найти опекуны.

– Эй, ты же боец! Забыла? – дядя Слава посмотрел в окно. – А вот это, – он указал рукой на здание, – мелочи. Просто иди и покажи, что «новенькая» – не значит «слабая».

Я понимала, о чём он говорит, поэтому сразу же улыбнулась. Он был прав! Я справлюсь. Всегда справлялась. Мне всего семнадцать, а по моей жизни уже можно снимать целый сериал. Это место, эти люди ни за что не станут для меня проблемой.

Я попрощалась с дядей и вышла из машины, пытаюсь унять в руках предательскую мелкую дрожь.

Я зашла в здание школы и слилась с толпой. На удивление, учеников было много, в проходе иногда доходило до столпотворения, но когда я зашла в холл, то даже не удержалась от

того, чтобы сделать сильный вдох. Сердце забилося сильнее, но я не могла позволить себе растеряться. На меня бросали взгляды ученики. Странно. Наверное, именно так ощущают себя новенькие – на тебя глазают, как на музейный экспонат. Каждый хочет тебя рассмотреть, узнать, понять...

Так, только спокойствие, Лина! Спокойно.

Я осмотрела просторный коридор и направилась к стенду с расписанием. Этот день обещал быть интересным, но ненапряжённым – всего четыре урока, одним из которых была литература – мой любимый предмет.

– Привет! – раздалось позади меня.

От неожиданности, я чуть не уронила на пол сумку, которую держала в руках. Я повернула голову.

Рядом со мной появился парень, примерно такого же возраста, что и я. Признаюсь, меня с первых же секунд поразила его приветливая улыбка: такая искренняя, ненапрянутая, приятная, не похожая на ту, когда парень намеривается подкатить к девушке. Меня это приятно удивило, но и лишило дара речи.

Незнакомец сам по себе был очень симпатичным: светлые незамысловато уложенные волосы, большие серые немного уставшие глаза, которые казались мне настоящим зеркалом – отражением человеческой души. Я оглядела его сверху вниз: голубая непримечательная рубашка, простые джинсы, белоснежные кроссовки, будто их только сняли с полки магазина, на плече парня на одной лямке висел самый обыкновенный

черный рюкзак.

Парень отличался от остальных ребят. Я это точно видела. Я практически сразу поняла, что он не был отпрыском состоятельного директора крупной фирмы, что у него нет какого-то превосходства над другими людьми, что в нём есть что-то особенное...

Господи, о чём я думаю?! Да такого же не может быть! Как я смогла так много сказать о человеке, увидев его впервые в жизни? Бред какой-то!

– Привет, – тихо произнесла я, глядя на парня.

– Ты же – Аделина Озерцова, верно? – его мягкий голос заставлял меня смущаться сильнее, чем симпатичная мордашка.

– Просто Лина, – выдала я на автомате, даже не сразу задумавшись о том, откуда незнакомец знает моё имя.

Парень не убирал приятной улыбки.

– Что ж, очень приятно, Лина, – он протянул руку.

Я ответила на рукопожатие, обратив внимание на тепло его ладони.

– Меня зовут Даня. Даня Февралёв. Я – твой одноклассник и личный гид по нашему учебному заведению.

Он говорил очень уверенно, но при этом очень дружелюбно, словно разговаривал с давно знакомым человеком.

– Личный... гид? – я удивлённо приподняла бровь.

– Именно. Поскольку ты – новенькая, я должен провести для тебя экскурсию по школе, показать, где что находится.

ся, немного рассказать о школьных правилах и многом другом, – Даня посмотрел на наручные часы. – У нас есть ещё двадцать минут. Ты не против?

Я подумала, что это отличная возможность немного освоиться в новом месте, да ещё и прогуляться в компании симпатичного одноклассника.

За эти двадцать минут Даня показал мне очень много. Как типичный представитель мужского пола, он, конечно же, в первую очередь, показал мне столовую. После мы прошли мимо библиотеки, актового зала, спортивного зала, кабинетов завуча и директора. Парень посвятил меня в общий план занятий: начало уроков, их продолжительность, наизусть пересказал расписание театрального кружка и даже рассказал про особенности характеров учителей.

Например, преподавательница химии была очень требовательной женщиной, всех учеников держала в «ежовых рукавицах», но была справедлива в отношении оценивания учащихся, а вот учитель английского языка всегда умел находить подход к любому школьнику, умел договариваться с детьми, располагал их к себе, почему и считался любимчиком среди учителей.

Я слушала одноклассника и думала о том, как легко он обо всём рассказывает мне. Его голос, интонация, жесты – всё было таким дружественным, приятным и располагающим к себе. Я понимала, что по собственной воле никто не стал

бы проводить экскурсию для новенькой девчонки, понимала, что Даню просто попросили помочь, чтобы мне не было так дискомфортно в новом окружении. Но я была благодарна даже за это, даже за возможность просто несколько минут поговорить с кем-нибудь, ведь после моей последней встречи с Наташей, у меня не было возможности насладиться приятным общением.

– Так, – произнёс Даня, снова посмотрев на часы, – сейчас у нас история. Учительницу зовут Лидия Георгиевна, она, кстати, наш классный руководитель.

Даня подошёл к одной из двери кабинета и открыл её, пропуская меня внутрь. Мне было очень неловко заходить туда, такое чувство, будто предстояло пройти по краю пропасти, и от любого смешка или высокомерного взгляда была высокая вероятность сорваться вниз.

Но я сделала глубокий вдох, вылепила на своём лице маску храбрости и зашла внутрь.

Несколько ребят образовали собой небольшую группу на задних партах в углу кабинета, но стоило мне появиться в классе, как все любопытные взгляды сразу же уставились на меня. Казалось, будто они забыли, о чём говорили до этого, занимаясь пристальным изучением моей персоны, да и я последовала их примеру.

Эти ребята действительно были из класса «элиты». Дорогая одежда, которая сразу же бросилась мне в глаза (никакой единой формы в этой школе, на моё счастье, не было), доро-

гие аксессуары у девушек в виде колец и сережек в ушах, у одного из парней были солнцезащитные очки, которые, по всей видимости, тоже были не из дешёвых. Но больше меня интересовало то, как они смотрят на меня. Да, изучающие взгляды, но они не были надменными или презрительными. Одна девушка даже мило улыбнулась мне, и я попыталась ответить ей тем же.

Я перевела взгляд на ещё одну маленькую группку, состоявшую из трёх человек. Два парня и девушка смотрели на меня не с меньшим интересом, чем остальные, но что-то меня всё равно смутило в них. Один из парней рассматривал меня так пристально, будто я была не человеком, а дорогой вещью на аукционе. Ещё и подмигнул мне, подозрительно улыбаясь. Девочка же просто бросила на меня взгляд, а потом отвернулась, переключившись на другого своего приятеля. Вот тот-то прожигал меня своим взглядом, казалось, хотел заглянуть вовнутрь меня.

Я быстро отвела глаза, когда снова услышала голос Дани:
– Вторая колонна, четвёртая парта, там свободно, можешь сесть туда. У нас во всех классах одноместные парты.

Я благодарно кивнула парню и быстрым шагом направилась к своему месту, уселась на стул, положив сумку на парту. Краем глаза я заметила, как Даня прошёл мимо меня и сел где-то позади.

– Всем доброе утро! – я даже не сразу заметила, как в класс зашла полноватая женщина лет сорока.

А, что, уже был звонок?

На ней было простое клетчатое платье, аккуратные туфли на невысоком каблучке, рыжие волосы забраны в аккуратную простую причёску. Она держала в руках классный журнал, прижала его к себе так, словно боялась, что его кто-то выхватит у неё. Она оглядела учеников и остановила свой удивлённый взгляд на парне, который до этого пытался привлечь моё внимание своими подмигиваниями.

– Линовский, кажется, ты перепутал кабинеты, – каждое её слово прозвучало очень чётко и строго.

– Простите, Лидия Георгиевна, – парень вальяжной походкой прошагал к выходу. – Просто хотел пожелать удачного дня своей сестрёнке.

Не дождавшись ответа учительницы, парень покинул кабинет.

– Аня, – она обратилась к девушке из их компании, – передай, пожалуйста, своему брату, чтобы после звонка он находился в кабинете вместе со своим классом, а не с вашим. Уже не в первый раз.

Я заметила, как эта девчонка недовольно закатила глаза, а потом повернулась к женщине.

– Конечно, Лидия Георгиевна, – получилось слишком наигранно с её стороны.

Учительница села за стол и открыла классный журнал.

– Итак, насколько мне известно, у нас в классе пополнение, – она сразу же выцепила взглядом меня. – Аделина

Озерцова, верно?

– Верно, – мой голос прозвучал достаточно тихо, за что я мгновенно поругала себя.

Добро пожаловать в новую реальность!

Денис

Я наблюдал за ней в течение всего дня. Я приглядывался. Я задумывался. В конце концов, просто смотрел на эту новенькую незнакомую девчонку. А вживую она даже красивее, чем на фото. Не знаю, чем руководствовался мой мозг, но я просто не мог оторвать от неё глаз.

Но ведь она – совершенно обычная, тихая, что характерно для того, кто только что попал в новый класс, не старалась произвести какое-то впечатление, почти ничего не говорила на уроках. Только на литературе, когда мы читали отрывок из произведения Эмили Бронте «Грозовой перевал», я наконец-то услышал её голос. Обычно, я никогда не слушал, что говорят на этом предмете, он был мне неинтересен, а тут я заслушался, сконцентрировался на этой мелодичности, будто сам прожил кусочек этой истории вместе с той, кто его читал.

В один момент я не выдержал и перевёл взгляд на Даньку. Он тоже смотрел на неё, но...как-то по-другому. Казалось, что он изучает её, пытается разглядеть в ней то, что просто так не рассмотришь за завесой серьёзности и некой замкнутости. Она заинтересовала его, и я это чётко видел, но не стал предавать сильного значения. Сердце друга уже давно было занято одной единственной девушкой, которая даже не

догадывалась о его чувствах. Она как раз сидела прямо передо мной – Лилия Соловьёва.

Эта красивая, очаровательная девушка была одной из тех, кто действительно не соответствовал своему статусу. У её родителей были два крупных бизнеса в сфере развлечений. Они жили очень богато, могли позволить себе любой отдых, любые дорогие покупки, но особо не привлекали этим внимание окружающих. Я слышал, что какую-то часть своих заработанных средств семья Соловьёвых отдаёт на благотворительность, за что следует выразить им уважение. Лиля никогда не была заносчивой, никогда не была высокомерной мажоркой, хвастающейся успехами своей семьи. Нет. Она была скромной, доброй девочкой, чьи длинные светлые волосы и большие голубые глаза привлекали внимание очень многих представителей противоположного пола. Вот и мой друг не устоял перед обаянием этой красотки.

А что я? Я тусовался в компании Юры Линовского и его сестры, когда не был с Данькой. Я обещал себе прекратить это общение после того, как чуть не угодил за решётку, но по непонятным для себя причинам не смог этого сделать. Аня при любом удобном случае вешалась мне на шею, проявляя нечто большее, чем просто дружескую симпатию, а я понимал, что не желаю подпускать её к себе настолько близко, хоть когда-то и пытался построить с ней полноценные отношения. Я даже понять не успел, как меня затянуло в эту пучину. Я запутался, не понимал, что делать дальше, как

разобраться со своими мыслями и собственным поведением. Мне не хватало сил расстаться с прошлым и сделать шаг в своё собственное будущее.

– Денис Гра́нин! – выбил меня из дум строгий женский голос.

Елена Александровна смотрела на меня исподлобья.

– Скажи, пожалуйста, какие конфликтные ситуации автор описывает в главе, которую мы только что сейчас прочитали?

Чёрт! Я неуверенно встал с места, чтобы дать ответ, которого у меня не было.

– Ну...

А в голове только одна мысль: «Отец опять отчитает за пару в дневнике».

После уроков директриса всё же вызвала нас к себе в кабинет, но не для того, чтобы узнать, как мы справились с её утренними поручениями, а для того, чтобы выведать у нас пути проникновения в школу.

Мы с Даней сразу же договорились, что охранника в это дело даже впутывать не будем. Не хотелось, чтобы мужик потерял работу из-за двух неугомонных школьников. Придумали красивую версию о том, что кто-то вчера забыл закрыть форточку в кабинете биологии, который находился на первом этаже. Стоило нам приоткрыть окно, как мы оказались в здании, «одурачив» охранника. Для правдивости версии, мы свалили всё на внезапный ремонт кабинета, кото-

рый, по неизвестным никому причинам, решили сделать в самом разгаре учебного года. Кто знает, может, один из рабочих просто забыл закрыть форточку во время очередного перекура?

Сначала допрос провели мне. Маргарита Артуровна прекрасно знала, что мне читать нотации бесполезно. Не скрою, я слишком много доставил хлопот этой женщине, слишком много подводил её, из-за чего она в какой-то момент просто махнула на меня рукой.

А вот Данька засиделся там... Я ждал его у кабинета директрисы, пялился в одну точку, как идиот. Потом не выдержал – стал мерить шагами длинный коридор. Я так не привык к этой тишине! В школе я всегда чувствовал себя расслабленно, как бы странно это не звучало. Это одно из немногих мест, где я мог быть самим собой: смеяться, чудить, как малолетний мальчишка, помогать в подготовке школьных мероприятий, занимаясь любимым делом. Здесь шумно, весело, всегда много людей, а сейчас... я впервые ощутил какую-то странную тоску.

– Тебя это так увлекает? – послышался голос сзади. – Я думала, что тебя интересуют вещи посерьёзнее.

Аня. Сестра Юры Линовского стояла, облокотившись на одну из стен. Она пристально смотрела на меня оценивающим взглядом. Девушка улыбнулась уголком рта и подошла ко мне.

– Мой брат ищет тебя по всей школе. Даже меня к поискам

подключил.

– Что он хотел? – я сделал вид, будто не обратил внимания на то, насколько близко она стояла ко мне. Одно из её дурных качеств, распространяющихся исключительно на меня.

Аня наигранным жестом откинула длинные волосы назад.

– Мы в субботу планируем провести вечеринку. Родители снова уезжают на какое-то светское собрание, так что, – она улыбнулась шире, – ты первый в списках избранных гостей. Юра хочет, чтобы ты помог ему всё организовать. Будет очень весело.

Весело. Знаю я это «весело». В прошлый раз подобное собрание слишком плохо закончилось, чтобы я согласился на ещё одну попытку.

– Не уверен, что смогу присоединиться к вам. Отец что-то планирует на выходные, так что...

И тут она обиженно надула губки – её коронный жест. Раньше он меня умилял, а сейчас сильно напрягает.

– Дэн, – её голос стал очень тихим, – ну ты же понимаешь, что дело не только в тусовке, – она взяла меня за руку.

Начинается...

– Я думаю, что нам нужно поговорить о...нас.

Как же мне объяснить ей, что нет никаких «нас» и никогда не будет? Я знал, что нравлюсь ей, но она – совершенно не тот человек, который нужен мне. Аня – тусовщица, любительница всего дорогого, масштабного и запретного, с ней нельзя просто так поговорить, приятно провести время, по-

тому что всё заканчивается одним – открытым навязыванием своей личности.

Недавно я понял, что мне на данный момент нужно прийти в себя, подумать о том, что делать дальше со своей жизнью, настроиться на учёбу и проводить время с кем угодно, но только не с Аней и её братом. У меня есть прекрасная компания, которая не смотрит на меня, как на богатого сына состоятельного родителя; есть лучший друг, с которым мы и в огонь, и в воду; есть любимое дело, с которым я хочу связать свою жизнь, и семья Линовских к этому не имеет совершенно никакого отношения.

– Ань, послушай, я...

Я услышал тихие шаги. Мы с Аней одновременно повернули головы и увидели, что кто-то шёл навстречу к нам по длинному коридору. Когда фигура вышла из полумрака, я понял, что это – наша новенькая – Аделина. Она несла в руках два наполненных доверху пакета с...книгами.

Вот я идиот! Забыл принести этой девчонке учебники. Мысленно, я ударил себя по лбу, но в реале стоял и смотрел на неё, не двигаясь с места.

Проходя мимо меня и Ани, она украдкой бросила в нас свой взгляд и, гордо держа голову, прошла мимо. И тут один из её пакетов лопнул, все учебники оказались на полу.

Аня надменно усмехнулась.

– Что, родителям денег не хватает на то, чтобы дать тебе несколько прочных сумок? – бросила она новенькой. – Или

тыходишь в число поступивших сюда умников из нищербродских районов города?

Я был готов заткнуть рот Ане, но, как всегда, просто промолчал и ничего не сделал.

Я смотрел на Аделину. Девушка не растерялась, достала новый пакет из сумки и стала складывать учебники. Но она сделала ещё кое-что – улыбнулась Ане и произнесла уверенным голосом:

– Если ты думаешь, что едкие словечки и папочкин кошелек, набитый купюрами, прибавляют тебе IQ, то, боюсь тебя огорчить, дорогая – ты сильно ошибаешься. Смотрю, ни ума, ни манер тебе не хватает.

Аня, услышав эти слова, аж покраснела от злости. Никто никогда не смел ей грубить или перечить, а тут такое...

– Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь, а?! Ты совсем страх потеряла?!

Я держал Линовскую за локоть, чтобы та не полезла в драку. А она могла.

– Так же, как ты, видимо, потеряла совесть, – голос Аделины звучал очень спокойно, она будто разговаривала на какую-то постороннюю тему, а не нарывалась на конфликт.

Аня резко дёрнулась, но я смог её удержать.

– Не обращай внимания, Ань, – надменно произнёс я, хоть и не хотел такого тона. Нужно было подыграть, чтобы Юркина сестра остыла и не начала доказывать, что она здесь «королева мира». – Она – новенькая, что с неё взять? – я пере-

вёл взгляд на девчонку и, кажется, застыл. – Просто ещё не понимает, с кем здесь можно спорить, а с кем нельзя. Освоится, тогда и поймёт, кто в этой школе всем заправляет.

Она пристально, с диким отвращением посмотрела на меня. Её карие глаза прожигали во мне дыру и заставляли жестоко мучиться. Но через мгновение Аделина просто взяла пакеты в руки и напоследок смерила меня недовольным взглядом.

– Если в этой школе вы считаете себя главарями, – тихо произнесла она, – то мне безумно жалко тех, кто беспрекословно соглашается с этим.

Она направилась к выходу.

– Вот же стерва! – прорычала Аня. – Ну, ничего, она ещё получит за свой острый язык.

«Рано или поздно ты тоже отхватишь за своё отношение к людям», – пронеслось у меня в голове, но, как всегда, не вслух.

Лина

Первый день в новой школе подарил мне очень смешанные впечатления. С одной стороны – довольно-таки неплохой класс, толковые преподаватели, с другой – отдельные личности, подпортившие мне настроение.

Эта девчонка, кажется, совершенно не знала основ воспитания. Я просто прошла мимо, а тут нате! Ещё и её дружок вставил своё слово. Уж он мог бы и промолчать.

Но в пятничный вечер мне не хотелось думать о тех, кто не заслуживал находиться в моих мыслях. Я очень хотела приготовить вкусный ужин для дяди и тётки, поговорить по душам, как мы обычно делали это, но, увы, оба вечером были очень заняты. Ольге поступил заказ на пошив вечернего платья для пассии какого-то очень уважаемого человека этого города, а дядя Слава уехал на светское мероприятие, чтобы познакомиться с местной элитой.

Все хлопоты по учёбе и дому я решила оставить на ближайшие выходные. Нужно было всё хорошенько обдумать, понять, как дальше вести себя среди новых людей. Может, именно здесь у меня получится начать всё заново? Я бы очень хотела этого. Ведь последние полтора года я живу, как на пороховой бочке. Хотелось всё бросить, забыть о тех внутренних мучениях, которые не переставали преследовать ме-

ня, и просто начать жизнь с чистого листа.

Мои мысли прервал телефонный звонок. Я взяла смартфон в руки и не смогла скрыть улыбки, когда на экране высветилось лицо Наташи.

– Ало?

– Лина, ну наконец-то! – голос подруги действовал на меня магически – успокаивал, когда неприятные мысли не давали мне покоя. – А я уже подумала, что всё – какой-нибудь местный красавчик повёл тебя на свидание и не оставил мне ни единого шанса поболтать с тобой.

Я рассмеялась и плюхнулась на кровать, уставившись в потолок, залитый солнечным светом.

– Нет, никакой местный красавчик меня никуда не уводил.

Подруга подозрительно замолчала.

– Только не говори, что в твоём классе одни затюканные ботаники и самодовольные придурки, рассекающие на папиных тачка? В таком случае, – заявила подруга наигранным философским голосом, – я просто обязана тебя забрать отсюда и отправить на свидание со своим братом.

– О, Боже! – смех окончательно завладел мной. – Надеюсь, Женька этого не слышит.

Старая история, которая стандартно из типично-трагичной превратилась в смешное воспоминание. Когда-то мне очень сильно нравился её старший брат, но это было настолько давно, что я даже не могла вспомнить, сколько лет мне

было. Семь? Восемь? Не важно! С тех самых пор лучшая подруга только и искала повод подколоть меня. Самое главное, чтобы сам Женька не узнал об этом, а то мне будет очень неловко.

– Тогда колись, – потребовала Наташа, – есть уже кто-нибудь на примете или нет?

Типичная Наташа! Тема парней всегда была её любимой. А ведь я в новом коллективе всего один день!

– Ну, – задумалась я, – и да, а, может, нет... Я не знаю.

– Кто он? – не унималась подруга. – Одноклассник? Симпатяга? Проявлял к тебе какой-то интерес?

– Он просто показал мне школу, – я попыталась отмахнуться от этого разговора, не сразу поняв, что мои щёки налились краской. – И не по своей воле, его заставили.

Сама не понимаю, почему мой новый одноклассник Даня Февралёв вызвал у меня такой сильный интерес. Да, он отличался от остальных ребят, не был похож ни на кого из них, но это же ничего такого не значит, верно?

– Ладно, к этому вопросу мы ещё вернёмся, – бодрому голосу Наташи можно было только позавидовать. – Ну, давай, рассказывай. Я хочу знать всё пре всё!

Наш разговор затянулся на добрых два часа. Я поделилась с ней всем: рассказала про дом, в который мы переехали, про город, что я успела о нём узнать, про школу, одноклассников – хороших и не очень. Она внимательно слушала меня, задавала много вопросов, а я была готова отвечать даже на

самые элементарные вещи, лишь она не пропала на том конце провода.

– Я тебя знаю, Лина. Никакие обстоятельства тебя не сломят, помни это. А эти богатенькие детки только делают вид, что такие крутые. Спорим, что на самом деле они рыдают по ночам, прижимая к себе мягкую подушку в виде доллара?

Я сразу же представила, как эти двое – Аня Линовская и Денис Гранин размазывают сопли по лицу, прижимая к груди символическую подушку. Эта картина меня повеселила.

– Может, ты права.

– Конечно, права! – воскликнула Наташа. – Когда я была не права?

И то правда...

Я поболтала с подругой ещё немного, а потом она побегала на танцы – её хобби чуть ли не с самых пелёнок.

Я положила телефон на стол и посмотрела в окно, с которого открывался великолепный вид на наш двор и близлежащие дома.

Я так не хотела сидеть дома, пялясь в потолок и обдумывая прошедший день. Но долго мучиться не пришлось. Сегодня в школьной столовой я случайно подслушала разговор двух маленьких девчонок. Они очень активно обсуждали какое-то скромное мероприятие, которое будет проходить сегодня вечером на центральной набережной города.

А почему бы и нет? Есть прекрасная возможность изучить небольшой городок, посмотреть на жизни простых людей,

оценить культурные возможности и просто приятно провести время.

В этих краях март был тёплым месяцем, поэтому долго мучиться по поводу внешнего вида я не стала: джинсы, удобные кроссовки, легкая светлая куртка. Готово! Я попрощалась с тётёй, пообещав ей, что не задержусь надолго, и, наслаждаясь тёплой погодой, направилась к нахваленной девочками набережной.

До центра города я шла минут тридцать, поскольку наш район находился на окраине. Я рассматривала дома: высокие современные здания и старинные, приведённые в порядок жилища создавали собой сильный, но очень интересный контраст. Красивые ухоженные улицы с ровными широкими дорогами радовали глаз, как и счастливые люди, прогуливающиеся по этим улочкам. Я не чувствовала дискомфорт или неприязнь от нового места, напротив, ощущение было таким, будто я нахожусь на своём месте, на своих улицах, дышу своим воздухом, зная здесь каждый закоулок и каждую живую душу. Это меня сильно удивило, но себя не обманешь – факт остаётся фактом.

Словив себя на такой позитивной мысли, я направилась к набережной. В лицо сразу же ударил тёплый влажный воздух, а вечернее небо, переливающееся различными нежными красками, только добавило к этому ощущению свою неповторимую особенность. Гуляло большое количество людей – влюблённые парочки, семьи с детьми, молодёжные

компании, заливающиеся смехом, даже пожилые люди не упускали возможность подышать свежим воздухом в таком красивом месте.

Ещё не стемнело, но на набережной уже кипела вечерняя жизнь. Маленькие местные кафе с верандами были переполнены, на улице работали различные площадки, в основном касающиеся игровой сферы, где-то продавали мороженое, но окончательно эта атмосфера завладела мной, когда я услышала звуки музыки – игра уличных музыкантов. Я уже видела, куда мне нужно идти, чтобы вдоволь насладиться этим – люди окружили кого-то на одной точке набережной, слушая завораживающий голос. Некто пел незнакомую мне красивую песню под сопровождение гитары. Люди столпились вокруг этого уличного гения, и мне никак не удалось рассмотреть его лица. Но я хотела увидеть его, увидеть человека, чей голос, чья музыка дотрагиваются до самого сердца. Я поняла, что смогу увидеть незнакомца только с высоты, поэтому без всяких лишних раздумий я поднялась по ступенькам широкой лестницы, которая вела к улицам города и взглянула на интересующую меня персону. Я чуть не осела на этих самых ступенях, когда узнала в уличном музыканте моего нового одноклассника – Даню Февралёва.

Он ловко перебирал пальцами струны гитары и, слегка прикрыв глаза, пел в микрофон, полностью погрузившись в собственную музыку. Да, в нём нельзя было узнать утреннего школьника: джинсы и рубашку он сменил на чёрную тол-

стовку и такие же спортивные штаны, белые новенькие кроссовки на уличные кеды, а рюкзак на электронную гитару с аппаратурой. Но не внешний вид показался мне значимым, а его голос. Любой человек, который стоит и слушает его музыку, наверняка с неподдельной уверенностью скажет, что Даня восхитителен! Его мелодичный голос творил какие-то невероятные чудеса. Он аккуратно подкрадывается, завораживает, заманивает тебя, а потом ты уже не можешь представить себе этот вечер без гитары и голоса этого мальчишки. В Дане сочеталось всё: внешний вид, музыкальный инструмент, стиль музыки, прекрасный голос и его отношение к тому, что он делает.

Я стояла и слушала парня, не скрывая улыбки. Он не видел меня, но я вдела его, и с уверенностью могу сказать, что эту картину я буду вспоминать ещё очень долгое время. Однако я понимала, что для Дани это не просто развлечение – заметила, как люди клали деньги в чехол от гитары, который лежал перед ним. Парень зарабатывал на своём творчестве, что меня и восхитило, и насторожило. Возможно, это всего лишь шанс заявить о себе в своём городе, поделиться творчеством с людьми, своими талантами, а заработанные деньги – всего лишь дополнительный приятный бонус.

Когда Даня закончил петь, публика одарила его громкими аплодисментами, а он, как и положено настоящему артисту, поклонился людям и поблагодарил за внимание. Кажется, на сегодня это была последняя песня. Народ стал расходиться,

а сам парень разбираться с аппаратурой. Я заметила, что он ещё не успел собрать заработанное, казалось, оно его интересовало не так сильно, как семиструнная подруга. Пока Даня разбирался со своим инструментом, я незаметно подошла к нему и осторожно подбросила к заработанному ещё одну купюру.

– Очень красивая песня, – произнесла я, после чего парень резко обернулся. – Никогда не слышала её.

– О, привет! – он улыбнулся. – Спасибо. Эта песня мало кому известна. Её написал один музыкант, некогда живший в нашем городе. Старшие поколения её ещё узнают, некоторые даже подпевают, несмотря на то, что я исполняю её немного в немного, хм... современной манере.

– Ничего себе! – удивилась я. – Казалось бы – всего лишь песня, а имеет целую историю.

Даня складывал провода, закончил возиться с аппаратурой, а потом просто сгрёб заработанное в одну охапку и переложил в отдельный кармашек чехла, освободив место для гитары.

– На самом деле каждая хорошая песня имеет свою историю, – продолжил он. – Например, взять песню группы Queen «The Show Must Go On». Последняя песня в последнем студийном альбоме, изданным при жизни Меркьюри. Знатоки говорят, что музыкант спел о своих личных страданиях, он предчувствовал свою скорую смерть. Она была исполнена настолько проникновенно, что композиция до сих

пор считается главным хитом группы. Грустная, конечно, но по-своему уникальная история.

Я удивлёнными глазами посмотрела на одноклассника. Да он не только классно поёт и играет на гитаре, но ещё и разбирается в истории песен!

– Я и не знала об этом, – честно призналась я. – Хоть и люблю эту группу, но не думала, что за этим кроется готовый сюжет для хорошего кино.

Даня улыбнулся, а потом несколько секунд молча смотрел на меня.

– Кстати, как у тебя дела? – спросил он, закидывая гитару за спину. – Вижу, ты уже почти освоила город, добралась до набережной. Очень неплохо для первого дня.

– Ну, когда-то же надо начинать, – мой голос заглушил неожиданно поднявшийся ветер. – Решила, что нет лучше времени, чем пятничный вечер. Здесь будто начинается совершенно другая жизнь.

– Это ты верно подметила, – Даня взглянул на наручные часы. – Слушай, а ты никуда не торопишься?

Этот вопрос застал меня врасплох. Не каждый день парни спрашивают такое.

– Ну, – замялась я, вспомнив, что обещала тёте не гулять допоздна, – нет, вовсе нет.

– У меня здесь встреча через час. Может, съедим по мороженому? – он улыбнулся. – Я угощаю.

Ну как я могла отказаться от такого? Симпатичный па-

рень, первый человек, с которым я познакомилась в этом городе, приглашает меня на часовую прогулку, да ещё и с приятным бонусом в виде сладкого лакомства! Так, Лина, не теряй головы!

Я пожалала плечами.

– Почему бы и нет? – смущённо произнесла я, после чего поругала себя за это.

Мы с Даней подошли к неприметному ларьку, часть которого скрылась за массивными кронами деревьев. К нему уже выстроилась целая очередь из местной детворы, молодёжи и, как я поняла, судя по разговорам, приезжих людей. Было немного странно видеть туристов в этом месяце, март совсем не походил на курортный сезон даже на этой территории, где тяжёлые куртки давно уступили место лёгким ветровкам.

– О, наконец-то! – произнёс полноватый мужчина, когда подошла наша очередь. От меня не скрылось, что он искренне был рад видеть Даню. – А я уже начал переживать, думал, что зря заказал партию твоего любимого вкуса.

– Ну, уж нет, – протянул парень, пожимая продавцу руку. – Ты же знаешь, что я не могу и дня прожить без твоего мороженого.

Мужчина довольно улыбнулся, а потом перевёл заинтересованный взгляд на меня.

– Новое лицо! – отметил он. – Твоя подруга? – обратился он вновь к Дане.

Меня немного позабавили его слова, но я не могла себе

не признаться, что они слегка вогнали меня в краску. А вот Даня лишь непринуждённо улыбнулся.

– Это Лина – моя новая одноклассница. Лина, а это Боря, – представил мне мужчину Даня, – у него самое вкусное мороженое во всём городе.

– И по-настоящему натуральное, – не без гордости добавил продавец. – А ещё у меня огромное разнообразие вкусов.

– Что ж, здесь не поспоришь. Мне, как обычно.

– Понял, – Боря взял ложку для мороженого и стал накладывать нежно-фиолетовую массу в креманку. – Считай, что это твой персональный вкус. Редко кто берёт лаванду и чернику.

Лаванда и черника? Необычно.

– Лина, а ты что предпочитаешь? – Боря отдал креманку Дане.

– Я как-то больше по классике. У вас есть крем-брюле?

– Конечно!

Когда я получила свой стаканчик, Даня расплатился с Борей, и мы, попрощавшись с продавцом мороженого, пошли дальше по набережной.

Даня оказался очень общительным человеком. Он немного рассказал мне о себе: парень не стал ничего привирать и признался, что не является сыном богатых родителей, не живёт в усадьбе и не разъезжает на дорогих машинах. Он совершенно обычный парень, и это не мешает ему общаться с ребятами выше его по статусу. Про его болезнь музыкой я

уже успела догадаться, и мне это по-настоящему нравилось. Когда человек увлечён чем-то, он становится самим собой.

В ответ я рассказала Дане немного про себя. Поделилась тем, что переехала с дядей и тётёй из северной столицы и живу теперь в одном из современных районов города, поделилась впечатлениями от новой школы, да и в принципе о сменённой обстановке. Конечно же, это всё далось мне нелегко, но я не стала говорить об этом.

Даня внимательно выслушал меня, рассказал, что было время, когда ему тоже приходилось нелегко.

– Можно задать тебе вопрос? – спросил он осторожно.

– Да, конечно, – я выскребала ложечкой остатки мороженого.

А Боря не соврал... Я вкуснее крем-брюле в жизни никогда не ела!

– Ты сказала, что приехала сюда с тётёй и дядей...

– Да, – специально перебила я его, чтобы парень не успел закончить неловкий для него вопрос. Но для меня он был совершенно обычным. – Они вырастили меня, удочерили, когда я была ещё совсем маленькой. Моя тётя – старшая сестра моей мамы. Я так и не узнала, что произошло в нашей семье, но, по известным мне фактам, моя биологическая мать просто не могла меня растить. Насколько мне известно, она уехала вскоре после моего рождения, но куда именно, никто не знает. По факту я считаю тётю и дядю своими родителями.

Я заметила, что Дане стало неловко от того, что он задал этот вопрос. Все всегда осторожничали, переживали, как яотреагирую на их любопытство, но для меня здесь никогда не было ничего страшного.

– Прости, мне не стоило спрашивать, – он опустил взгляд.

– Не извиняйся, – попросила я его, – всё не так уж страшно. У меня есть родители, просто... не родные по крови, – я ободряюще улыбнулась ему. – Знаешь, ты не всегда будешь скучать по тому, кого не заешь.

Несмотря на то, что эта тема никогда не приносила мне боль, мы всё же решили насладиться более приятной темой для разговора.

Мы болтали без умолку, как будто были давними друзьями. Мне было так легко и комфортно в компании этого парня, что была готова рассказать ему все свои мысли и секреты. Странно... Мне казалось, что в этом городе я ни с кем не смогу так непринуждённо разговаривать, как всегда делала это с Наташей, но мне повезло повстречаться с этим парнем – таким открытым и непохожим ни на кого.

За разговором Даня не сразу услышал телефонного звонка.

– Ой, это Дэн, – он поднёс смартфон к уху. – Прости, я потерял счёт времени, – он мельком взглянул на меня, улыбнувшись. – Да, я на месте... Жду.

Это был короткий разговор, но не это смутило меня. Дэн?

– Тебе пора? – спросила я, взглянув на наручные часы.

Мы действительно потеряли счёт времени.

– У меня здесь встреча, но ты можешь остаться со мной, если хочешь. Познакомлю тебя со своими друзьями.

Это было заманчивое предложение, но я немного переживала. Не всегда легко вливаться в новую компанию, мне ли это не знать. Но я смотрела на Даню и понимала, что в его окружении не будут люди, с которыми мне периодически приходилось общаться на протяжении жизни. Уверена, в его компании прекрасные ребята.

– Данька, ну что за дела? – услышала я позади. – Мы вообще-то ждём тебя.

Мы с Даней обернулись на голос, и я увидела приближающегося к нам ... Дениса Гранина.

Парень уверенно шел нам навстречу, но стоило нашим взглядам пересечься, его уверенность как ветром сдуло. Он, несомненно, был сильно удивлён моему присутствию, и даже не пытался скрывать этого.

Моё прекрасное настроение исчезло в ту же самую минуту, стоило этому парню появиться в моём поле зрения. Я с интересом и не без плохо скрываемого раздражения рассматривала своего одноклассника.

Сейчас он предстал передо мной в совершенно другом виде: опрятную одежду парень сменил на чёрный спортивный костюм, который местами был испачкан краской, на руках были перчатки тоже с «цветными пинтами». Аккуратно уложенные тёмные волосы теперь были слегка растрёпаны,

а чёлка предательски лезла в карие глаза. Я смотрела на Дениса и не верила, что этот мальчишка буквально несколько часов назад насмеялся надо мной вместе со своей подружкой. Не знай я его вовсе, приняла бы за обычного парня – такого же простого, открытого и весёлого, как Даня. Но это был он... такой, каким я его видела впервые.

Я поймала себя на мимолётной мысли, что парень, обладающий такой притягательной внешностью, не может быть столь высокомерным человеком: идеальные пропорции лица, большие глубокие глаза и такой пронзительный взгляд, который, казалось, мог заглянуть в самые глубины твоей души...

Денис медленно подошёл к нам, не переставая переводить взгляд с Дани на меня.

– Не знал, что ты не один, – голос Дениса прозвучал довольно-таки тихо. Это даже показалось мне весьма забавным.

– Да. Я встретил Лину, когда был на своей площадке, – Даня бросил в меня короткий взгляд. – Кстати, Лина, не знаю, успели ли вы сегодня познакомиться...

– Успели, – перебила я парня, не переставая сверлить взглядом Дениса.

Одноклассник на несколько секунд опустил глаза вниз, как провинившийся школьник, а потом, словно по щелчку, переменялся в лице, надев на себя маску уверенности.

– Да, – подтвердил уверенно Денис, – успели.

Я не отводила от парня недовольного взгляда. Парадокс! Как этот высокомерный, наглый, невоспитанный богачей может быть другом такого доброго и открытого парня, как Даня? Моё удивление зашкаливало, никак не ожидала, что такие два совершенно разных человека могут быть друзьями.

– Что ж, – произнёс Даня, прервав неловкое молчание, – предлагаю выдвигаться. Лина, – обратился он ко мне, – ты с нами?

Возможно, мне бы и хотелось познакомиться с Данькиными друзьями, впустить в свою жизнь новых людей, но эта встреча с Денисом Граниным лишила меня всякого желания, по крайней мере, на сегодня точно.

– Прости, Дань, но меня ждут дома к ужину. Я обещала прийти вовремя, – я сделал несколько шагов назад. – Кстати, спасибо за мороженое. Увидимся!

Я улыбнулась ему и пошагала в сторону дома. Да, этот день успел преподнести мне много сюрпризов...

Денис

– Дэн, что ты опять натворил? – Данька пытливо уставился на меня.

Да, это действительно был очень неловкий момент. Ну, откуда я мог знать, что друг придёт на место встречи вместе с девчонкой, перед которой мне пришлось подставиться? Если Дане я могу объяснить ситуацию, то Лине, наверняка, нет.

Она повела себя смело, когда поставила Аню на место, но в то же время глупо, потому что не знает, на что способны брат и сестра Линовские. Когда-нибудь Лина всё поймёт, будет иметь представление о том, кто – друг, а кто – враг.

Я не хотел её как-то задеть или обидеть, но другого выхода не было. Не останови я Аньку, вполне могла завязаться драка, а в будущем – травля, которая новенькой девчонке совершенно не нужна.

Я рассказал обо всём другу, рассказал, что по своей глупости забыл принести ей учебники, рассказал про слова, брошенные Аней, про то, какие слова сам сказал Лине. Так паршиво я себя давно не чувствовал, сам себе казался высокомерным придурком.

– Теперь мне всё понятно, – протянул Даня. – Честно, не удивлён поведению Ани.

– Поверь, я тоже, – чувство паршивости никак не отпус-

кало. – Не хотел я так бросаться словами, понимаешь? Просто... сглупил.

Данька понимающе кивнул. Друг всегда умел меня поддержать, знал, как это делать, никогда не судил строго, если я совершал какие-то ошибки по собственной глупости. Но я понимал, что в последнее время он перестал узнавать меня, да и я сам себя тоже.

Общение с Юркой и его сестрой стало катастрофически плохо на меня влиять. И дело не в учёбе, хотя, и с ней у меня появились проблемы, суть была в другом – я стал попадать в серьёзные неприятности, вёл себя высокомерно по отношению к тем, кто слабее меня, лишь бы показать остальным, что всё это делается им назло. Я лез в опасные приключения, чтобы позлить отца, делал это специально, чтобы показать – мной нельзя управлять, диктуя правила и принуждая к чему-то. Вместе с Юрой мы разбивали дорогие отцовские машины, не специально, конечно. Но, по иронии судьбы, в большинстве случаев за рулём был я. Это был драйв, чувство свободы, которого мне так не хватало в жизни. Казалось, я был кузнецом своей судьбы, автором своей жизни, мальчишкой, который глушит опасными приключениями рвущиеся наружу крики отчаяния. Мне было легко и свободно, но в то же время – больно и невыносимо одиноко.

Полгода назад я понял, что хожу по краю, когда чуть не угодил за решётку. Это был конец августа, оставалось несколько дней до начала учебного года. Ночью на мой те-

лефон поступил звонок – звонок от моего друга Юры Ливновского. Он предложил мне покататься по ночному городу. Сказал, что его приятелю родители подарили новенький BMW X7, и он (его друг) разрешил нам немного прокатиться.

В тот день я сильно поругался с отцом, поэтому решил, что отвлечься не помешает. Мы встретились с Юркой недалеко от дома его приятеля, и отправились на стоянку, где был автомобиль. Юрка достал ключи из кармана толстовки, мы сели в салон и помчались в центр города. Всю ночь мы рассекали по ночным дорогам, умудрились даже съездить к морю на дикий пляж, который находился за семьдесят километров от нашего дома. Это приключение не предвещало никаких неприятностей, мы просто наслаждались последними летними деньками, грезили о беззаботном будущем и весёлой жизни. Благо, мы из тех людей, про которых говорят: «Родился с серебряной ложечкой во рту».

С Юркой я забывал о проблемах, не думал о каких-то преградах и жизненных препятствиях. Но эти самые проблемы сильно ударили по мне в это же утро...

Мы вернулись в город около семи утра. Когда я зашёл в свой дом, первое, что я увидел – яростное лицо отца. Не успел я перейти порог дома, как он схватил меня за грудки, прижал к стене и начал сильно кричать мне в лицо. Я так испугался, что начал оправдываться, мол: «Я не первый раз ухожу гулять на всю ночь, а тебя это почему-то стало беспо-

коить только сейчас». И тут отец ошарашил меня новостью – машина, которую мы взяли с Юрой у его приятеля, на самом деле была нами угнана. Ни у кого Юрка не спрашивал разрешения, он просто каким-то непонятным для меня образом стащил ключи у парня из кармана, пока тот разговаривал с какой-то девчонкой. Как оказалось, этот «приятель» был Линовскому ни кем иным, как недругом, и Юра принял для себя решение, что его необходимо проучить.

Но зачем ему было подставлять меня?

Мой страх, казалось, впервые в жизни достиг своего предела. Осень началась в череде бесконечных разбирательств, процессов и нервных срывов – не у меня – у мамы. Перед ней мне было ужасно стыдно. Я ненавидел себя за эту ситуацию, хоть и не знал, на что меня подталкивает приятель.

Я ожидал, что меня посадят за решётку, морально готовился этому. Но, к счастью для меня, тот парень, у которого мы угнали авто, забрал заявление – помогли деньги, которые наши с Юрой отцы заплатили его семье за нанесённый ущерб.

Этот жуткий для меня период закончился страшной депрессией. От меня отвернулись все – родственники, друзья, сам Юрка отшучивался, говорил, что я сильно загоняюсь по этому поводу. Тогда я ненавидел Линовского всей своей душой! И только Данька, узнав о ситуации во всех её подробностях, не прекратил со мной общение.

Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы поставить

мои мозги на место. Он объяснял, рассуждал, иногда кричал и ругался так, что стены дома содрогались, лишь бы я не вернулся к тому, что пришлось пережить. Я до сих пор безумно благодарен ему за то, что он познакомил меня со своими друзьями, которые, со временем, стали и моими – они были настоящими.

Данька всегда был мне очень дорог. Я переживал за него, хотел помочь ему, если это было в моих силах. До окончания школы оставалось чуть больше года, а я так до сих пор и не знаю, как помочь другу наметить путь в счастливое будущее.

– Много заработал сегодня? – спросил я, снимая испачканные краской перчатки.

Даня пожал плечами.

– Примерно тысячу рублей. Туристов ещё мало, поэтому на большие заработки не приходится рассчитывать.

Я почувствовал, как от боли у меня сжалось сердце.

– Нет, приятель, это не выход. Всё, что я сегодня заработал с картин, а это, заметь, на две тысячи больше, чем у тебя, заберёшь сегодня с собой.

Друг возмущённо посмотрел на меня.

– Даже не смей сейчас возникать! – громко перебил я его. – Я никогда в жизни тебе не прощу, если ты сейчас откажешься.

– Дэн...

– Это мои деньги, и я решаю, что с ними делать. Они тебе нужнее, чем мне.

Я знал, что, заставляя Даньку не отказываться от моей помощи, я задеваю его достоинство и самолюбие. Но мне всё равно, если речь идёт чуть ли не о выживании друга. Я понимал, что рано или поздно мы можем поругаться на этой почве, однако благополучие этого парня было для меня чуть ли не на первом месте.

– Сам подумай, – начал рассуждать я, – на сколько дней тебе хватит этих денег? С натяжкой дня на три? Тем более, не забывай, что будет с тобой, если поползут слухи. Лично я не хочу терять лучшего друга.

Данька прекрасно знал, что это сильный аргумент для того, чтобы он перестал сопротивляться. Это бы мой личный козырь, которым я частенько пользовался в таких случаях.

– Я тебе всё верну, – уверил меня друг.

Я лишь закатил глаза.

– Прекращай, Дань. Мы же друзья. Братья!

Друг улыбнулся.

– Маленькая поправочка, Дэн.

Я непонимающе уставился на него.

– Братья навек, – негромко произнёс Даня.

После того, как мы собрали баллоны, холсты и прочие инструменты для спрей-арта, всей нашей большой командой направились в гараж, который находился на окраине элитного района города.

Это было наше место – место, где пятеро ребят могут хоть

ненадолго побыть самими собой. Помимо меня и Даньки наша группа состояла из ещё двоих парней – Ромки и Стаса, и одной девчонки – Ксюши.

Эти ребята – те самые Данины друзья, с которыми он меня познакомил после инцидента с угоном автомобиля. С первой же минуты нашего общения, я понял, что простота и открытость этих людей способна исцелить душу каждого. Они прекрасно знали, кто я такой, из какой семьи, с какими людьми привык общаться и проводить свободное время. Но это не оттолкнуло их, напротив, ребята упорно делали вид, что понятия не имеют, кто стоял перед ними. Так и родилась наша дружба.

Я разбирал оставшиеся в сумке баллоны с красками, пустые выкидывал в ящик, приготовленный Стасом.

– Дэн, слушай, а если нам использовать твой талант в нашем выступлении? – Стас перебирал мои холсты, раскладывая их по самодельным полкам. – Украсим сцену школы к нашему выступлению. Не зря же ты директорисе лапши на уши навесил по поводу декораций.

Я задумчиво посмотрел на Стаса. Парень поднял на меня глаза, привычным движением поправив очки на носу.

– Я не очень представляю, как это будет выглядеть, – я бросил очередной пустой баллон в ящик. – Я, конечно, могу создать декорации, но как сделать так, чтобы они сочетались со всеми выступлениями, которые будут на мероприятии?

Стас задумался, но я прекрасно знал, что друг скоро даст

ответ. Этот парень действительно был одним из самых умных людей, которых я когда-либо встречал, но он, отнюдь, не ботаником. Стас был очень весёлым парнем, добрым, всегда мог подбодрить, если человек нуждался в этом. Его внешность тоже была по-своему уникальна: выше меня на целую голову, худощав, карие глаза спрятаны за аккуратными очками в крупной круглой оправе, русые волосы привычно торчат в разные стороны. Ещё одной явной особенностью Стаса был его голос. В детстве после тяжёлой болезни он повредил голосовые связки. К сожалению, до конца голос Стаса так и не восстановился. Он разговаривает с лёгкой хрипотцой. По началу, я обращал на это внимание, а потом привык. Теперь даже не представляю Стаса без этой его, как он говорит, «изюминки».

– Пока не знаю, – ответил друг. – Но у меня уже созревает идея.

Я невольно бросил взгляд на Даньку. Казалось, он абстрагировался на какое-то время, как было всегда, когда он брал в руки гитару. Он наигрывал неизвестную мне мелодию, скорее всего, его новое сочинение.

– Как думаете, у нас получится осуществить задуманное? – Ромка расхаживал по гаражу туда-сюда. – Просто, подумайте сами, чтобы завоевать симпатию слушателей, нам нужна верная подача.

Ромка в своей манере пригладил пятернёй тёмные волосы. Он всегда так делал, когда думал о чём-то серьёзном.

– Нам нужна красивая история, – продолжил друг, – что-то, что заинтересует людей.

– Я знаю! – Ксюша Юркевич вскочила со старенького кресла. – Пускай Даня со сцены признается Лиле в любви. В шоке будут все!

Данька поднял на нас изумлённые глаза, а мы, с вою очередь залились смехом. Ксюша... Такая она у нас юмористка!

– Да ну вас! – бросил нам Даня.

– И то верно, Ксюш, – обратился я к ней, – зачем мучить нашего неискорвимого романтика? Ему проще забраться к ней в комнату через окно, держа в руках букетик помятых жёлтых тюльпанов и кричать на всю округу о своей любви.

Не успел я начать смеяться, как заметил, что в меня со стороны Дани летит декоративная подушка.

Это рассмешило всех.

– Не давите на больное, – сказал Даня, снова перебирая пальцами струны гитары.

– Да брось, брат! – я закончил перебирать баллоны. – Рано или поздно ты должен ей сказать.

Друг серьёзно посмотрел на меня, и этот взгляд мне совсем не понравился.

– А ты бы сказал, будь на моём месте?

Молчание. Кажется, мои слова были лишними.

– Пойми, Дэн, даже, если я скажу ей о том, что чувствую, что это изменит? – в его голосе скользнули грустные нотки. – Она из богатой семьи, её родители очень влиятельные люди

в нашем городе и за его пределами. Сама она привыкла ко всему самому лучшему. А я что могу ей дать? Ничего.

Данька опустил глаза в пол. Воцарилось угнетающее молчание.

Я не хотел, чтобы друг поник. Я знал, как ему дорога Лилия Соловьёва, знал, сколько лет он мечтал об этой девушке, знал, насколько искренни его чувства к ней. Я завидовал другу белой завистью, потому что сам никогда не знал, какво это – по-настоящему влюбиться и не дать угаснуть этому чувству спустя много лет.

И тут Ксюша зашла за стул, на котором сидел Данька, и обняла его. Её длинные рыжие волосы спустились волнами по его плечам.

– Не переживай, дружище! – произнесла она. – После вашего выступления девчонки не дадут вам спокойно жить, потому что никогда не прекратят ходить за вами толпой, вымаливая автографы, вламываться в номера гостиниц во время гастролей и создавать фан-клубы в социальных сетях.

Данька улыбнулся, впрочем, как и все остальные.

– Лилька сама всё поймёт, – продолжила Ксюша. – Вот увидишь.

– Во всяком случае, – протянул я, перетаскивая ящик с пустыми баллонами к стене, – я навсегда останусь твоим фанатом. Буду преследовать тебя до конца твоих дней, донимать своими дикими воплями на концертах и пихать тебе под нос все возможные клочки бумаги, какие только найду,

чтобы ты запечатлел на них свои автографы. А потом, когда твоя популярность достигнет пика, я похищу тебя и увезу на какой-нибудь необитаемый остров, чтобы ты был мой и только мой, – я театрально приложил руку к сердцу и закрыл глаза, еле сдерживаясь от смеха.

А вот друзья сдерживаться не стали – согнулись пополам от хохота, убирая с глаз возникнувшие слёзы.

– Дэн, я, конечно, всё понимаю, мы – друзья, братья, – Данька раскраснелся от смеха, – но это уже слишком. Могут быть проблемы.

– Ну, – протянул я, – тогда я получу известность в нашей стране, как человек, похитивший мировую звезду, а кличка у меня будет «Надзиратель Светил».

Домой я вернулся около десяти вечера. Старался не шуметь, чтобы не разбудить брата и сестру, но, как оказалось, эти маленькие проныры ещё даже не ложились. Алиса и Тёма носились по коридорам в костюмах индейцев и разыгрывали между собой сценку противостояния вождей двух племён.

Эти двое даже не сразу заметили моего прихода, вернулись в реальный мир, когда Алиса случайно столкнулась со мной и чуть не повалилась на пол. Я успел ухватить сестру и взял её на руки. Искусственные перья на её одежде щеко-тали мне лицо.

– Так, ребятня, а почему мы ещё не спим, а? – я приобнял прибежавшего Тёмку.

– Мама разрешила нам ещё немного поиграть, – Алиса обняла меня за шею своими маленькими ручками.

– Да? Мама, наверное, потеряла счёт времени. Кому-то завтра рано вставать. Не забыли, что у вас выступление на носу?

– Да помним мы, – махнул рукой Тема. – Можно нам ещё немного поиграть?

Его щенячьи глазки пытливно смотрели на меня.

– Нет, нет, нет, – со мной этот номер никогда не проходил. – Вам нужно ложиться спать. Сами мне потом спасибо скажете.

Брат и сестра пытались меня умолять, говорили, как сильно они меня любят и что я – самый лучший старший брат на свете.

– Давайте так, – я взял брата за руку, и мы втроём направились в сторону их комнат, – я с вами обязательно завтра поиграю в индейцев, если вы сейчас же ляжете спать. Договорились?

Алиса и Тёма переглянулись и одновременно кивнули головами.

Мои семилетние брат и сестра всегда были дружны между собой: они вместе играли, придумывали что-то, иногда и меня впутывали в свои истории. Эти близнецы – самое светлое и прекрасное, что есть в моей жизни. Я их безумно любил, знал, что они так же любят и меня. Ради этих двоих я был готов на всё, и я очень переживал, что однажды, когда они

дорастут до моих лет, наделают таких же ошибок и доведут отношения с родителями до крайности, как и я когда-то.

Я помог Тёме и Алисе переодеться в пижамы, с большим трудом заставил их умыться и почистить зубы перед сном. Пока сестра, сидя в своей комнате, расплетала косы, я уложил Тёму, в очередной раз дав обещание, что завтра днём я обязательно поиграю с ними в индейцев. Потом я зашёл в комнату сестры. Она уже лежала в постели и ждала, пока её накроют одеялом – своеобразная детская привычка меня умиляла. Я выполнил её маленькую детскую прихоть и присел рядом с сестрой на край кровати.

– Где ты сегодня был? – спросила меня Алиса, натягивая одеяло чуть ли не до самых ушей.

Я ласково улыбнулся ей.

– Виделся с друзьями, – тихо произнёс я. – Помогал Дане с подготовкой к школьному концерту.

– А почему он больше не приходит к нам в гости?

Я не знал, что ответить ей на это. Раньше Данька был частым гостем в нашем доме, он играл с Алисой и Тёмой, возился с ними не реже меня. Всё это было до тех пор, пока отец не узнал, из какой Даня семьи. Он не хотел, чтобы его дети, в особенности старший сын, водились с теми, кто не имел определённого статуса в обществе. Мой лучший друг был обычным парнем, не знавший всех «прелестей» светского окружения, и моего родителя это сильно напрягало. Он переживал, что я совсем потеряю контроль над своими дей-

ствиями и свяжусь не с теми людьми. Самое интересное заключалось в том, что отца совершенно не смущало моё общение с человеком, который по-настоящему до сих пор толкает меня на неприемлемые поступки – Юрой Линовским. А Данька, напротив, всегда следил за тем, чтобы я не попадал в плохие приключения. Но разве отец это поймёт?

Я снова улыбнулся сестре.

– Понимаешь, Алиса, Даня пока не может приходить к нам в гости так же часто, как раньше. У него много дел, учёба, подготовка к выступлению.

– Раньше такого не было! – она надула губки.

– Знаю, но скоро всё будет, как раньше, – уверенно соврал я. – Обещаю.

Я поцеловал Алису в макушку и выключил свет на прикроватной тумбе.

– Давай, засыпай.

– Спокойной ночи, Денис, – донеслось до меня, когда я перешагивал порог комнаты.

Я обернулся.

– Спокойной ночи, моя хорошая.

Я прикрыл дверь её комнаты и направился в библиотеку.

Как я и ожидал, мама сидела в уютном кресле, держа в руках толстую книгу – Биография Вольфганга Амадея Моцарта – не удивительно.

– Привет, мам, – я поцеловал её в щёку.

– Денис? – она будто вернулась из параллельного мира

в реальность. – Я не слышала, как ты пришёл. А который час? – она положила книгу на стол.

– Почти десять.

– Так, – она вскочила с места, – пора укладывать детей.

– Мам, они уже спят. Я всё сделал.

Она расслабилась, казалось, спокойно выдохнула.

– Спасибо, милый. Завтра важный день, я... что-то переживаю.

Я недоумевающе посмотрел на неё.

– Подожди, почему важный?

Теперь она удивлённо посмотрела на меня.

– Отец тебе не сказал?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Я его вообще сегодня ещё не видел.

– Поднимись к нему в кабинет. Он всё подробно расскажет, – она сняла очки и потёрла уставшие глаза.

– Мам, иди отдыхать, – я снова поцеловал её в щёку. – Я поговорю с отцом и тоже лягу спать.

Она кивнула, ласково улыбнувшись.

Оставив маму в библиотеке, я поднялся на второй этаж дома и остановился перед дверью кабинета отца. Постучал для приличия.

– Входите! – послышалось с той стороны.

Я вошёл в комнату. Отец сидел за столом и что-то активно печатал в своём ноутбуке. Вид у него был уставший, он даже не переоделся в домашнюю одежду, так и остался сидеть в

деловом костюме.

– Привет, пап. Мама сказала, ты хотел поговорить.

– Да, Денис, проходи, садись.

Я расположился в кресле напротив отца. Родитель поднял на меня привычно серьёзные глаза.

– Как твои дела, сын?

Я немного удивился такому простому вопросу. В последнее время отец нечасто задавал мне его, да и я сам тоже. После того инцидента с угоном авто мы почти не разговаривали. А ведь уже полгода прошло! Больше!

– Э... нормально.

– Как день прошёл? – он не переставал пытливо смотреть на меня.

– Ну, в школе всё как обычно, а занятие с репетитором пришлось отменить. Григорию Валерьевичу пришлось срочно уехать из города по семейным обстоятельствам. Но с понедельника мы наверстаем упущенное.

На самом деле, никакого отъезда не было. Я сам отменил занятие по английскому языку, чтобы потратить время на продажу картин. Впрочем, я и так бы совершил задуманное – Даньке нужна была финансовая поддержка. Конечно же, отцу об этом знать не стоило.

– И что же ты делал остаток дня?

– Я? – тут я растерялся. – Ну, я встретился с друзьями – с Юркой и его знакомыми. Мы немного прогулялись в центре города, а потом разошлись по домам.

А лгал я превосходно...

– Хорошо, – отец вновь посмотрел на экран своего ноутбука, потеряв к моим делам всякий интерес. – Я забыл тебе сказать, завтра я, мама и ты идём на ужин. Нас пригласила семья, которая буквально на днях переехала в наш район. Очень деловые люди. Я познакомился с главой семейства сегодня, он показался мне очень надёжным человеком. Думаю, мы с ним сработаемся. Семья Линовских тоже будет.

Я задумался над словами отца. Семья, которая только что переехала?

– Пап, а что это за семья?

– Семья Озерцовых.

Я вытаращился на отца и смотрел на него, чуть ли не открыв рот. Лина. Завтра ему предстоит оказаться в её доме. И это после того, что он учудил днём в школе? Да ещё и Юрка с Аней там будут? Отец даже не подозревал, что собирается вести меня чуть ли не на казнь.

– А моё присутствие там обязательно? – я решил попытать счастье. Вдруг, повезёт!

– Денис, это даже не обсуждается, – он поднял на меня карие глаза. – Да, твоё присутствие обязательно. Тебя что-то смущает?

– Нет, – я отрицательно покачал головой. – Всё нормально.

– Вот и славно, – отец снова сосредоточил всё своё внимание на ноутбуке. – Иди, ложись-ка спать. Завтра будь го-

тов к 18:00.

– Хорошо, пап, – я поднялся со стула и направился к выходу.

– Денис, – окликнул меня отец, – у тебя точно всё нормально?

Я посмотрел ему в глаза и натянуто улыбнулся.

– Да, всё хорошо. Спокойной ночи.

– Доброй ночи, сын.

Я лежал в постели, мучаясь от бессонницы. Я никак не мог представить себе, что мне делать на завтрашнем вечере. С одной стороны, это – неплохая возможность поговорить с Линой и всё объяснить ей, с другой – я могу сделать только хуже. К тому же, присутствие Юры и Ани может всё только усугубить. Обрадовали меня, конечно, на ночь глядя! Знал бы мой отец, на какие жертвы я иду ради его желания...

Лина

Вот это новости! Не успели мы толком освоиться, разобратъ вещи, и прийти в себя после долгого переезда, как дядя сообщает мне о каком-то светском ужине, которыми я уже сыта по горло. Опять эти богатеи – напыщенные, верящие в то, что они короли этого мира. К моему большому сожалению, по большей части, дяде приходится общаться именно с такими людьми. Законы выживания в бизнесе – умей быть суровым, умей рвать конкурентов на куски, и тут не обойтись одной хитростью – нужна сила характера, которая, порою, не обходилась без уничтожения простых человеческих качеств.

Сам дядя Слава однажды чуть не стал жертвой бизнеса, когда его близкий товарищ – человек, который улыбался ему в лицо и притворялся другом, чуть не сделал его банкротом. Тогда дядя сумел выкрутиться из этой ситуации, и мне не хотелось бы, чтобы он вновь пережил предательство, как когда-то в начале своей карьеры.

– Нет, ты точно издеваешься надо мной! – прошептала я, глядя на вечернее платье, которое подобрала мне тётя.

– А что не так? – Ольга наводила марафет, вернее, поправляла дорогой макияж, пока ждала парикмахера.

– Как минимум цвет и фасон, – моё настроение оставляло

желать лучшего. – Платье в стиле «Бэби Долл» нежно-розового оттенка? Ты точно это не в «Детском мире» покупала?

Ольга недовольно посмотрела на меня. Это всегда было чревато.

– Аделина, ты – молодая девушка! Ты должна носить такие женственные и девичьи платья. Почему ты вечно мне перечешишь?

Я ничего ей не ответила, не было совершенно никакого смысла в дальнейшей перепалке. Я и так постоянно пыталась её слушаться, делать то, что хочет она, даже, если мне это совершенно не нравилось. Не нравилось мне и то, что никто не учёл моего мнения по поводу того, хочу ли я видеть всех этих людей грядущим вечером. Я понимала, что ступаю эгоистично, думая об этом, возражая любым словам в мою сторону, но этот переезд, негатив, через который мне пришлось пройти в первый день в новой школе, окончательно опустошил меня.

Я сжала это ужасное розовое платье в руках и поднялась в свою комнату. Мне не хотелось выходить к гостям, что-либо обсуждать с ними, вылепив фальшивую улыбочку на лице, смотреть им в глаза и делать вид, что я заинтересована в их персоне. Мерзко!

Но я взяла себя в руки, как делала это всегда: нанесла лёгкий макияж, накрутила локоны не без труда, нарядилась в это ужасное платье и достала из шкафа невысокие каблукки.

Взглянув на себя в зеркало, я произнесла только четыре

слова: «Просто переживи этот вечер».

Гости продолжали прибывать. Деловые мужчины со своими семьями не переставали восхищаться домом нашей семьи. Они осыпали мою тётю и меня приятными комплиментами, говорили дяде, что он сделал отличный выбор, купив этот дом. На самом деле, всё было не так плохо: да, чопорность этих людей давала о себе знать, но, в основном, гости были приятными и приветливыми. Я даже постыдилась того, что так плохо думала об элите этого города. Моя улыбка приобрела искренность, я даже немного поболтала с молоденькой женой владельца самого элитного ресторана этого города. Милая девушка произвела приятное впечатление, как оказалось, она сама никогда не была в восторге от всех этих светских приёмов.

Тётя снова позвала меня, когда прибыла очередная семья. Я держала улыбку, была в хорошем расположении духа, до тех пор, пока не столкнулась взглядом с Денисом Граниным. Он прибыл вместе с родителями, и от меня не укрылось то, что они с отцом были внешне очень похожи – цвет волос, глаза, черты лица. Денис не отводил от меня взгляда, да и я от него тоже. Должна признать, в костюме он выглядел шикарно, но это никак не меняло моего отношения к нему.

– Максим, добро пожаловать! – дядя Слава пожал отцу Дениса руку. – Мы очень рады, что вы пришли.

А уж я-то как рада...

– Спасибо, Вячеслав, – поблагодарил он. – Спасибо, что пригласили.

– Позвольте представить вам мою семью, – дядя посмотрел на жену. – Это моя супруга – Ольга.

Тётя мило улыбнулась, отвечая на рукопожатия Граниных. Она любила, когда ей уделяют внимание.

– А это – моя дочь Аделина.

Я подобно тёте улыбнусь, правда, натянутой улыбкой и поджала руку всем членам семьи. Когда пришла очередь Дениса, мы оба на секунду замерли. Но я не растерялась – сама проявила инициативу и коснулась руки парня. Я некрепко сжала его тёплую ладонь, сохраняя сдержанное выражение лица.

– Позвольте и мне представить мою семью. Моя супруга – Оксана и мой старший сын – Денис.

– Этот юный джентльмен не единственный ваш ребёнок? – уточнила тётя.

– Нет, – Максим Гранин широко улыбнулся, – у нас ещё двое спиногрызов.

Все рассмеялись.

– У нас ещё сын и дочь, – продолжила мама Дениса, – Алиса и Артём. Двойняшки. Им по семь лет.

Завязался разговор, и вот мои опекуны и семья Граниных чуть ли не лучшие друзья. На самом деле, родители Дениса произвели на меня приятное впечатление – приветливые, интеллигентные, милые люди. И почему их сын не такой, как

они?

Денис не переставал на меня смотреть, иногда опускал взгляд, когда я сама переводила глаза на него. Я всё вспоминала вечер на центральной набережной города – не понимала, как Даня Февралёв и этот мальчишка в принципе могли найти общий язык, не то, что дружить.

И тут я увидела, что появилась ещё одна семья – мужчина и женщина средних лет и двое подростков. Парня я не сразу узнала, хотя понимала, что его лицо мне очень знакомо, но, когда я увидела девушку, мне захотелось кричать от злости и гнева. С превосходством и нескрываемой надменностью на меня смотрела Аня Линовская, значит, рядом с ней стоял её брат – Юра.

Мне стоило невероятных усилий сохранять каменное лицо, а когда пришло время пожимать этой хамке руку, я чуть не скривилась от неприязни. Но её брат удивил меня ещё сильнее – он просто взял мою руку в свою и поцеловал её, после чего мягко улыбнулся. От такого жеста я раскраснелась. Не каждый день парни проявляют ко мне такие знаки внимания. Но это ничуть не подняло мне настроение, напротив, напряжение грозило сопровождать меня до конца этого мероприятия. Мне оставалось только держаться, хотя бы ради Ольги и Славы.

Я бродила по собственному дому с бокалом в руках. Как и всем несовершеннолетним в этом доме, мне приходилось

довольствоваться только соком. Ощущение потерянности не оставляло меня – хотелось скрыться, убежать ото всех, побыть наедине с собой. Та милая девушка, жена владельца ресторана, с которой мы болтали, уехала, потому что почувствовала себя не очень хорошо. Как оказалось, она была в положении, поэтому столь быстрый уход был вполне объясним.

Несколько раз я столкнулась на кухне с Юрой. Он подмигивал мне, улыбался, но нам никак не удавалось перекинуться даже парой слов. Не скажу, что мне так сильно хотелось с ним общаться, но мне было приятно, что этот парень проявлял знаки внимания. Высокий, среднего телосложения, синие глаза, русые аккуратно уложенные волосы... А за парнем, наверняка, ведётся целая охота среди представительниц прекрасного пола.

С его сестрой я почти не пересекалась. Судя по посторонним разговорам, она засела где-то в доме, уткнувшись в телефон. Мне же лучше, главное, чтобы эта девица не освоилась у меня в комнате. Дениса тоже не было видно. Наверняка с ней где-то отсиживается.

Мне начала надоедать эта суета. Я решила подняться к себе и немного отдохнуть от гула людских голосов. Но стоило мне завернуть за угол в один из коридоров дома, я чуть не столкнулась с Аней. Она отпрянула назад, чуть не пролив на себя содержимое бокала и, судя по консистенции напитка и запаха, который исходил от девчонки, в нём точно был не

сок.

– Смотри, куда прёшь! – прошипела она.

Аня тряхнула мокрыми пальцами, избавляясь от пролитых капель напитка.

Я не растерялась.

– Смотри, чтобы ты тебя родители не застали в таком виде. Это плохо может для тебя кончиться, – бросила я ей в лицо. Не хватало ещё, чтобы эта хамка унижала меня в моём же доме.

– Что ты сказала? – она начала сильно злиться.

– Ты слышала, что я сказала.

И тут Аня хитро улыбнулась. Я настолько сильно удивилась этому, что даже не сразу сообразила, что мне делать: бояться или спокойно уходить.

Девчонка отпила из полупустого бокала и уставилась на меня. Этого времени мне хватило, чтобы получше рассмотреть её. На самом деле, они с братом были очень похожи: тоже синие глаза, русые волосы, в её случае – длинные, спускающиеся волнами по плечам, хорошая фигура, ростом чуть выше меня. Наряд девушки был достойным: простое чёрное платье, дополненное различными украшениями и туфли на высоком каблуке.

И тут Аня хмыкнула.

– А ты...интересная, Лина, – произнесла она, пристально глядя мне в глаза. – Умеешь ответить. Мне это нравится. Вот только я не понимаю, – она сделал шаг навстречу ко мне, –

смелость это или глупость...

– Что ты хочешь этим сказать?

События приняли интересный поворот.

– Я это к тому, что ты понятия не имеешь, в какие проблемы можешь ввязаться.

– Это, что, угроза? – я начала злиться.

Линовская усмехнулась.

– Нет, ну что ты? – она опустошила бокал. – Я просто констатирую факты. Знаешь, в нашем мире есть люди, которые с рождения наделены властью и хорошими связями. Это дает преимущество. Не понаслышке об этом знаю.

– Хочешь сказать, что у тебя есть неплохие шансы на то, чтобы испортить мне жизнь? – это показалось забавным.

– Конечно, Лина. У меня для этого есть всё, что нужно, поверь, – она старательно показывала своё превосходство. – Однако мы могли бы с тобой встать на одну сторону и подружиться. Признаться, я вижу в тебе неплохой потенциал, ты можешь указывать людям на их место. И это хорошо.

Я была неприятно удивлена её словам. Неужели она считает, что связи её родителей, высокий социальный статус в обществе делают Аню особенной? На самом деле, мне было очень жалко эту девчонку. Придёт время, и она поймёт, что сама из себя, как личность, совершенно ничего не представляет. Но будет уже поздно.

Я грустно усмехнулась.

– Знаешь, Аня, не думаю, что нам с тобой по пути. У нас

немного разные взгляды на жизнь и на людей. У меня абсолютно другое мнение по этому поводу.

Аня грустно улыбнулась в ответ.

– Печально. Хотя, знаешь, я не удивлена, – в её взгляде снова читалось превосходство. – Насколько мне известно, ты неплохо вчера в школе пообщалась с Даней Февралёвым. Милый парень, но из таких же низов, что и большинство людей этого города. Смотри, сама скоро скатишься до его уровня.

– Какое тебе дело до Дани? – я сильно напряглась.

– Он далеко не из наших социальных слоёв. У мальчика довольно-таки непростая жизненная история, ему многое пришлось пережить. Но это ничего не меняет.

– Что ему пришлось пережить? – об этой части истории жизни одноклассника я даже не подозревала.

Оказывается, Даня не так прост, как кажется на первый взгляд. Хотя, словам девчонки я бы тоже несильно доверяла.

– Придёт время, ты всё узнаешь, – он ухмыльнулась. – Когда сама опустишься до его уровня.

– А тебя саму не смущает, что лучший друг Дани – это твой напыщенный приятель?

Аня непонимающе посмотрела на меня, вернее, она лишь старательно играла свою роль.

– Денис? Поверь, это временно, – уверяла она меня. – Скоро он образумится. В самое ближайшее время мы с Денисом будем вместе. После этого он забудет об этом мальчишке.

Мы, знаешь ли, давно питаем друг к другу нежные чувства, но не афишируем это.

– Господи, пожалуйста, избавь меня от этих подробностей! – я лишь надеялась, что меня не стошнит от её сладких слов.

Аня довольно улыбнулась.

– А, вот ты где? – послышалось позади меня.

Я обернулась и увидела Юру Линовского. Он подошёл к сестре и приобнял её.

– О, Анька, похоже, тебе уже хватит баловаться напитками, – он забрал у неё пустой бокал. – Не хватало ещё, чтобы ты перед гостями в таком виде расхаживала.

– А что не так? – буркнула она. – В нормальном я виде!

И тут Юра посмотрел на меня, улыбнувшись.

– Не сердись на неё, – произнёс он. – Она в таком состоянии всякую чушь нести может.

Он сказал сестре, чтобы та поднялась наверх и взяла пальто. Пора было увозить эту любительницу крепких напитков отсюда. На моё удивление, девчонка послушалась брата и побрела вверх по лестнице, опираясь на перила. Мы остались вдвоём.

– Да, нелегко иметь сестру, – протянул он.

– Возможно. Но смотрю, тебе не привыкать к такому.

Под «таким» я подразумевала нетрезвое состояние девицы.

Юра рассмеялся.

– Да, верно. Ты не обращай на неё внимания. Аня...она у меня такая – с характером.

– Я уже заметила, – я отпила из своего бокала, и впервые в жизни пожалела о том, что там был не алкоголь.

Мы с Юрой мило поболтали. Он показался мне неплохим парнем: весёлым, вежливым, с хорошим чувством юмора, но меня всё равно не покидало ощущение того, что не может быть всё так просто. Но мне не хотелось думать об этом – я просто наслаждалась общением – единственным приятным общением за сегодняшний вечер.

Через несколько минут неуверенным шагом к нам подошла Аня с накинутым на плечи пальто.

– Всё, сейчас поедem домой, – он снова приобнял сестру. – Кстати, Лина, – негромко продолжил он, – на следующей неделе я организую вечеринку у себя дома. Будет хорошая еда, музыка, много отличных ребят. Я тебя приглашаю.

Мне действительно было приятно получить такой знак внимания, но всё же некоторые моменты меня настораживали.

– Хорошо, я подумаю. Спасибо за приглашение, Юра.

– Лина, вот ты где! – я почувствовала, как чья-то рука коснулась моего плеча. Я повернула голову и увидела лицо Дениса. – Тебя твои родители ищут.

Я ничего ему не ответила, лишь перевела растерянный взгляд на Юру.

– Ещё увидимся, Лина.

– Да, – коротко ответила я.

Денис пожал Юре руку, приобнял еле стоящую на ногах Аню, после чего брат и сестра направились к выходу.

Денис осторожно взял меня за локоть и повёл в совершенно противоположную сторону от места нахождения моих опекунов.

– Что? Куда ты меня ведёшь? – я резко дёрнула рукой, высвобождаясь от него. – Меня никто никуда не звал, верно?

– Линовский, – тихо прошептал он, пристально глядя мне в глаза. – Что он от тебя хотел?

– А тебе какое дело? – недовольно бросила я.

Мало того, что этот наглец прервал нашу беседу, так ещё и допрос устроил.

– Лина, мой тебе совет, – его голос стал мягче, – держись подальше от этих двоих. Поверь, ничем хорошим это не кончится.

Я сильно удивилась этим словам. Насколько мне было известно, Денис и Юра были хорошими приятелями, а с Аней вообще приходились друг другу чуть ли не любовниками.

– С чего это я должна тебе верить? – я не переставала сверлить его взглядом. – Странная у тебя привычка, Гранин – плохо говорить о своём друге и своей пассии за их спинами.

Я осталась довольна своими словами, по крайней мере, потому что они заставили Дениса широко раскрыть глаза от удивления. Казалось, парень был готов вот-вот задохнуться от возмущения.

– Короче, – не выдержал он, повысив голос, – я тебя предупредил. Эти двое могут представлять для тебя реальную угрозу. Если ты умная, то не поведёшься на Юркины слова и отклонишь его приглашение на вечеринку.

Я грустно улыбнулась.

– Что ж, тогда следует огорчить дядю и тётю, – подвела я итог, поняв, что этот разговор приведёт только к очередной перепалке. – Передай им, что они вырастили глупую и нестерпимую особу, которая никогда не слушает чужих советов.

Я обошла Дениса и стала подниматься вверх по лестнице на второй этаж.

– Дядю и тётю? – не понял пареньь.

– Хорошего вечера! – бросила я ему в ответ и скрылась наверху.

Я закрылась в своей комнате и без сил рухнула прямо в платье на кровать. Я была опустошена и очень вымотана этим приёмом. Я закрыла глаза и попыталась подумать о чём-то хорошем, как вдруг зазвонил телефон.

Номер оказался незнакомым, но я всё же ответила:

– Слушаю?

– Надеюсь, я не сильно отвлекаю тебя от светских бесед?

Я улыбнулась и, рассмеявшись, плюхнулась обратно на кровать.

Это был голос Дани.

Даня

В ту ночь я практически не спал. Но эта бессонница не была той, к какой я уже давно привык. Не было жутких кошмаров, ночных приходов отца, мыслей о безысходном положении...

Нет. Это было другое. Во-первых: разговор с очень хорошей девушкой, длившийся почти до четырёх часов утра. Да, её номер телефона было непросто достать. Хорошо, что староста нашего класса имеет контакты всех учеников, в том числе и новеньких. Сам не знаю, почему мне так сильно захотелось с ней поговорить. Наша случайная встреча на набережной стала для меня приятным сюрпризом. Я был рад встретить Лину, думал, неплохо было бы познакомиться с девочкой вне школьных стен. Она – новенькая, а таким нелегко приходится в новом месте и незнакомом окружении.

Но, оказалось, Лина как-то невольно запала мне в душу. Мы прекрасно поговорили с ней в тот вечер, у нас оказалось достаточно-таки много общего: мы обладали схожим музыкальным вкусом, она, как и я, любила готовить – экспериментировать с разными продуктами, придумывая новые блюда, обожала даже маленькие путешествия и общение с творческими людьми.

Мне с ней было легко и спокойно, казалось, будто я разго-

варивал со своей родственной душой, и мне не хотелось прекращать наш с ней телефонный разговор, даже когда стрелки часов шагнули далеко за полночь.

Об этом светском приёме, который устраивала семья Линой, я узнал от Дениса. Он позвонил мне накануне поздно вечером и сказал, что понятия не имеет, как ему вести себя в доме Озерцовых. Основной проблемой было присутствие на этом мероприятии семьи Линовских – Дэн боялся, но боялся не столько резкого поведения Ани, сколько нахождения Юры рядом с Линой. Уж он-то знал – парень не так прост, как кажется, и, если девушка действительно поведётся на его уловки, манеры, знаки внимания, то всё это грозит закончиться не очень благоприятно.

Я расспросил её о вечере, узнал, как прошёл приём, из чего сделал вывод, что Дэн так и не объяснился с Линой. Как оказалось, случилось то, чего мы оба боялись – Линовский в её глазах оказался милым парнем, а Денис так и остался самовлюблённым эгоистом. Я не стал давить на девушку и узнавать подробности, поскольку знал, что для неё этот вечер был настоящей пыткой. Я удивился тому, что она терпеть не могла такие приёмы, удивился, как негативно она всё это воспринимала. Возможно, типичность этих мероприятий сыграла свою роль, и засела в сознании Линой, как нечто фальшивое и ненормальное.

Признаться, мне нравилась в ней эта простота. Она жила с богатыми опекунами, имела всё, что душе угодно, но не де-

лила людей на достойных и недостойных. Меня это притягивало, и я смог в очередной раз убедиться, что не просто так эта девчонка повстречалась на моём пути.

Никогда не думал, что к человеку может так тянуть. Такое я ощущал лишь однажды, когда понял, что Лиля Соловьёва целиком и полностью заняла все мои мысли. Но в Лилю я был уже давно влюблён, а с Линой было что-то другое. Мне казалось, будто я разговаривал с собственной душой – схожесть мыслей, мнений, вкусов и каких-то жизненных устоев давали мне уверенность в возможности без страхов открыть для человека свой внутренний мир. Но определённые преграды всё-таки были, и я пока не мог ни с кем ими поделиться, кроме Дениса.

Но мы недолго обсуждали прошедший вечер, мы больше болтали по душам: опять же, наша любимая тема – музыка; делились различными интересными историями из своего детства. Оказалось, будучи маленькой, Лина славилась настоящей шкодницей!

Однажды семилетняя Лина вместе с подругой решила в одной из комнат квартиры Озерцовых организовать настоящую полосу препятствий. Найдя нитки для шитья, девочки перевязали ими всё помещение: обвязали ручки двери и шкафов, обмотали ими всевозможные статуэтки и вазы, зацепились за ножки кресел и дивана, даже обмотали ими одну из штор. Для девочек это была своеобразная игра: нужно было проползти через натянутые нити, желательно, не задев

их. Конечно же, чтобы их шорохи не вызвали лишних подозрений у родителей, которые сидели в соседней комнате, они решили закрыть дверь. По классике жанра, конечно же, притихшие девочки вызвали много подозрений у взрослых, а когда дядя Лины открыл дверь комнаты, воздух сотряс грохот фарфоровых ваз, статуэток и декоративных светильников.

Сейчас Лина вспоминала это и смеялась, думая о том, как ей и её подруге вообще смогли простить подобное. Ведь одна из ваз, которая тогда стала жертвой детских игр, имела довольно-таки высокую стоимость.

– А казалась такой тихой, такой милой в школе, – я мечтательно глядел в потолок своей комнаты, лёжа на кровати и прижимая телефон к уху, – а оказывается, ты – тот ещё чертёнок!

– Ой, да брось, Дань! – она рассмеялась. – Зато, мне есть, что вспомнить. Сам-то, наверное, и не такое вытворял в детстве, да?

Я невольно повернул голову и взглянул на фото, которое, по-прежнему спрятанное в старенькую рамочку, стояло на моей прикроватной тумбе. С него на меня смотрели родные глаза, казалось, мои собственные.

– Да, – я грустно улыбнулся, – ты права.

Её голос действовал на меня как-то очень необычно: мне казалось, что, разговаривая с Линой, я чувствовал себя защищённым – защищённым в моральном плане. Я знал, что не услышу в свой адрес неприятных слов, знал, что она не

будет меня осуждать за то, что я не принадлежу к той же социальной категории, что и она, знал, что Лине совершенно не интересно, что думают обо мне другие люди – она предпочитала изучать личности самостоятельно, не обращая внимания на чужое мнение.

Я лыбился, как идиот, не переставая слушать её голос. Он был мне приятен, признаюсь, чертовски приятен! Наверное, именно так звучал и мой внутренний голос: он так же отзывался, так же успокаивающе действовал, позволяя мне хоть на мгновение забыть о привычных проблемах.

Я был полностью расслаблен, чувствовал себя очень спокойно ровно до тех пор, пока не услышал внизу скрип входной двери. Этот звук заставил меня резко перемениться в лице. Отец явился. Мне пришлось прервать разговор с Линой, неуверенно сославшись на то, что у меня завтра дела с утра пораньше. Но, кажется, она не заметила подвоха. Я положил телефон на тумбочку и, схватив футболку со спинки стула, вышел из комнаты.

Я спускался медленно, стараясь не создавать лишнего шума, несмотря на то, что посторонние звуки заполонили собой весь первый этаж. Кряхтение, непонятные бормотания, глухие звуки, будто что-то легко ударялось о стену. Нетрудно было догадаться, что творилось в коридоре, как и то, чем мой выход из комнаты может закончиться.

Я осторожно высунул голову, и в мой нос резко ударил запах сильного перегара. Даже поморщился от неприязни,

несмотря на то, что этот «аромат» давно стал практически неотъемлемой частью нашего дома. Казалось, стены давно пропитались им, пол и потолок тоже, а ежедневное проветривание стало тому доказательством – всё было тщетно, ничто не могло избавить когда-то чистый и приятный дом от этого ужаса.

Как я и думал, отец еле стоял на ногах, его шатало из стороны в сторону. Он стоял ко мне спиной, прикладывая огромные усердия, чтобы снять непослушную ветровку. Несколько раз чуть не упал, но смог удержаться. Для меня это была совершенно привычная картина – ничего нового.

Отец, бормоча что-то себе под нос, неуклюже повернулся, бросив верхнюю одежду на пол, и уставился на меня затуманенным взглядом.

– О, сын! – он расплылся в неприятной улыбке. – А ты чего не спишь? Тебе же завтра в школу рано вставать.

– Завтра воскресенье, – недовольно произнёс я. – Вернее, уже сегодня.

– Да? – он непонимающе уставился куда-то на стену.

Я вспомнил, что ещё вчера там висели часы, но утром они просто взяли и упали. Стекло разлетелось по всему коридору, пришлось тщательно пройтись веником и пылесосом по всем углам небольшого помещения.

Отец перевёл пьяный взгляд на меня и осмотрел сверху вниз.

– Я...разбудил тебя?

Я взглянул на себя, поняв, что футболка так и осталась зажатой у меня в руке. Да и чёрт с ней! Сейчас самым главным было уложить отца и ещё не получить за это.

– Есть хочу, – произнёс он, наигранно расправив плечи. – Приготовь мне что-нибудь!

Я уже давно перестал обращать внимание на его приказной тон. Что ж, состряпаю ему что-нибудь по-быстренькому и уложу спать.

Отец неуверенной поступью направился в сторону кухни и неуклюже опустился на стул. Я же встал у плиты и разбил в сковородку несколько яиц. Кухню заполонил аромат.

– Знаешь, Дань, – тихо произнёс он, – ты совершенно не имеешь никакого права меня осуждать. Никакого права!

И тут он резко ударил кулаком о стол. Я от неожиданности чуть не подскочил на месте, учитывая ещё тот факт, что стоял к отцу спиной.

– Ты..., – продолжил он, – ты понятия не имеешь, через что мне пришлось пройти!

Такое ощущение, что только ему одному...

– Твоя мать поступила, как последняя...

– Замолчи! – не выдержал я, хоть, от части, и понимал его обиду.

Отец замолк, но посмотрел на меня, как волк на загнанную в ловушку жертву. Я знал, чем всё это может закончиться, но мне давно было уже всё равно. Я стерплю, как обычно делал это. Переживу. Выдержу. Но не позволю ему распоя-

сываться.

– Что ты только что сказал?! – ярость в его глазах заставила меня задуматься о путях к отступлению.

Я молча выложил яичницу на тарелку и небрежно поставил перед отцом, даже вилки ему не подал. Но он даже не притронулся к ней, сверлил меня опасным пьяным взглядом, а я терпел.

– Повторяю, что ты только что сказал?! – он резко вскочил с места, но шатнулся и повалился на пол вместе со стулом, который задел ногой.

Каким же он мне казался мерзким! И это человек, который в детстве учил меня кататься на велосипеде, который играл со мной, помогал с уроками в первом классе, который всегда укладывал спать, желая каждый раз приятных снов? Нет. Не он. Это уже давно был не он. Из любящего отца и мужа, из образованного и приличного мужчины он превратился в настоящего алкоголика, для которого горячительные напитки стали дороже всего на свете, дороже собственного сына – единственного человека, который не бросил его после случившейся трагедии.

– Ешь и иди спать, – спокойно произнёс я.

Сейчас с ним было совершенно бесполезно разговаривать, не было никакого толку. Завтра он уже забудет о том, как пришёл домой, как сидел на кухне, прожигая меня ненавистным взглядом.

– Ах ты, мерзавец! – он попытался встать, но получилось

у него не сразу. – Как ты смеешь со мной так разговаривать, щенок?! Я – твой отец! Ты обязан чтить меня, слушаться и не задавать, – он икнул, – лишних вопросов.

Отец попытался замахнуться на меня, но я успел отскокить в сторону. Он снова упал, но встал резвее, чем до этого. Мне не хотелось даже находиться рядом с ним, настолько он был мне противен...

– Ты такой же, как твоя мамаша! – процедил он, пошатываясь. – Жалкий сопляк! И почему на ЕГО месте не оказался ТЫ?!

Эти слова отдались сильной болью где-то глубоко в душе, и только я мог понять их смысл. Я бы предпочёл оглохнуть, чем услышать эту фразу ещё раз. Казалось, будто кто-то безжалостно проткнул моё сердце и не собирался останавливаться на этом. Злиться на пьяного родителя было бесполезно, но осадок всё равно остался.

– Ешь и иди спать, – процедил я сквозь зубы.

Я не собирался дальше вести этот диалог, поэтому развернулся и направился в сторону лестницы.

– Ах ты, паршивец!

Я слегка обернулся на брошенную отцом фразу, и в этот момент скуловую кость пронзила резкая дикая боль. От неожиданности я отшатнулся, оперившись одной рукой на стену, а другой, касаясь лица. Я не сразу понял, что произошло, сообразил лишь, когда взглянул на ладонь – пальцы были в крови. Я выругался, а потом перевёл взгляд на пол, на

котором валялись осколки тарелки и яичницы. Отец запустил в меня своим ужином.

– Не смей мне дерзить! – донеслось до меня.

Я уже хотел было послать его куда подальше, но не стал этого делать. Я быстро преодолел лестницу и зашёл в ванную комнату, заперев за собой дверь. Струйка крови уже достигла моих губ и стремительно направлялась к подбородку. Самое главное, что глаз не был задет. Я коснулся скулы, и та болезненно заныла. Включив кран, я осторожно смыл кровь, чтобы не задеть рану. Разбил всё-таки, но хорошо, что тарелка не прилетела мне по голове, а то было бы хуже. Я обработал скулу, делал это уже «на автомате», заклеил пластырем, но это не скроет синяка, который совсем скоро «украсит» моё лицо.

Я смотрел на себя в зеркало и не понимал, как моя жизнь до такого докатилась. Казалось, что там – в далёком детстве – я существовал в теле другого человека. Я жил жизнью маленького мальчика, который внешне был очень похож на меня, но всё же являлся кем-то другим. Он жил, не зная горя, жил в хорошей семье с любящими родителями. У него были мечты, цели, было к чему стремиться и на кого ровняться. А что сейчас... Остались только отчаявшийся парень, закалённый страшными событиями, и отец-алкоголик, который ничего больше не видел в своей жизни, кроме бутылок.

Я отчаянно заставлял себя успокоиться, старался выровнять дыхание, но внутренняя боль, пытавшаяся вырваться

наружу уже ни один год, не давала прийти в себя. Я вцепился пальцами в раковину, борясь с диким желанием разбить кулаком зеркало, вцепился, не чувствуя пульсирующей в скуле боли.

Да пошло оно всё!

Я вышел из ванной комнаты и направился к себе. Натянул джинсы, свежую футболку, наспех набросал в рюкзак немного вещей, схватил фото с тумбы, телефон и направился в коридор. Всё, с меня хватит! Моё терпение кончилось. Ноги моей здесь больше не будет, пока отец находится в доме.

Наспех завязав шнурки на кроссовках, я всё же заглянул на кухню. Отец лежал на столе и храпел. Завтра он даже не вспомнит о том, что запустил в меня тарелку, осколки которой устилали собой весть пол под ногами. Не удивлюсь, если вообще не заметит моего отсутствия дома.

Я схватил ключи, накинул куртку и вышел из дома. На улице было прохладно, даже пар вырывался изо рта. Было темно, но фонари горели достаточно хорошо, чтобы я мог уверенным шагом идти в сторону нашего с ребятами гаража. Посплю сегодня там, а потом... посмотрим. Полнейшая тишина напрягала меня, я вообще не любил, когда наступало такое затишье. Я остановился, открыл рюкзак и достал из внутреннего кармашка наушники, вставил их в разъем телефона и включил первую попавшуюся песню.

Я не знал, что делать дальше, но почти в пять утра мозг категорически отказывался напрягаться и думать над этим

вопросом. Я ушёл, не знаю, навсегда ли, но ушёл. И, должен признаться, такого облегчения, как сейчас, я не испытывал уже очень давно.

Я не появлялся в школе до пятницы. Причин было несколько. Во-первых: инцидент с отцом, о котором мне напоминал большой синяк, украшающий моё лицо. С такой физиономией я не мог даже на улицу выйти, а уж тем более появиться в классе. Я прекрасно знал, чем мне грозила эта ситуации. Люди имели представление, что у меня за семья, знали, что отец – алкоголик, знали, что мы еле-еле сводим концы с концами, что я сам подрабатываю, как могу.

Мне семнадцать, до совершеннолетия оставался год, и за это время могло случиться всё, что угодно. На протяжении последних нескольких лет, я был на краю пропасти, и каждый раз боялся сорваться вниз. Моё падение могло перевернуть всю мою жизнь – я мог оказаться в интернате, мог навсегда попрощаться с тем, что мне дорого, мог больше никогда не увидеть друзей и отца, которого уже не раз грозились лишить родительских прав. Мне приходилось постоянно выкручиваться из ситуаций, придумывать что-то, лгать всем, кто заходил слишком далеко, копаясь в мой истории. И с каждым разом мне было всё тяжелее и сложнее бороться с этим.

Раньше у моей семьи был хороший достаток. Отец сам лично оплачивал мне обучение в школе, какое-то время да-

же занимался финансированием, пока позволяли средства. А после случившейся трагедии и из-за последующего отсутствия денег меня хотели исключить из учебного заведения. Но меня спасла Маргарита Артуровна – директор. Не знаю, каким именно образом, но она сумела перевести меня из статуса «платника» в статус «бюджетника». По сути, я учился как человек, прошедший огромный конкурс, а по факту остался на своём же месте и не платил за это ни копейки. Этой женщине я был очень многим обязан, ведь искренне хотел достойно окончить школу и не упустить возможность получить хорошее образование в будущем.

Вторая причина, по которой я не появлялся в школе почти неделю – сильная простуда. Гараж, в котором мы часто засиживались с ребятами, не отапливался. Видимо, всё ещё холодные ночи дали о себе знать, сыграв с моим здоровьем злую шутку. Сначала я почувствовал слабость, потом сильную головную боль и першение в горле. Чуть позже, когда в гараж пришли друзья, выяснилось, что всё тело ломало от высокой температуры. Ксюша позвонила своей маме (она работала фармацевтом в местной аптеке), спросила, какие лекарства могут помочь. Девушка составила список и вернулась с маленьким набитым пакетиком медикаментов. Стас смог раздобыть где-то электрический чайник, Ромка принёс продукты, которые не требовали особых условий хранения и приготовления, а Денис забрал из дома два обогревателя.

Он сильно злился, когда я рассказал обо всём. Не пони-

мал, почему я не позвонил, когда ушёл из дома, почему вместо того, чтобы прийти к нему, я остался в этом гараже. Денис долго уговаривал меня пожить какое-то время у него, но я даже слушать не стал. Я не хотел доставлять неудобства ему и его семье и, должен признаться, не хотел лишний раз пересекаться с его отцом.

Я видел, что он беспокоился и не понимал многих вещей, но это был мой выбор – осознанный, хоть в какой-то степени и глупый.

В среду мне стало лучше. Температура спала, но боль в горле всё ещё осталась. Вечером меня навестил Дэн, принёс воду и кое-что из еды. Мы поставили чайник и включили обогреватели на всю мощность, чтобы к вечеру помещение хорошо прогрелось, и я не задубел ближе к утру.

– Хочешь ты того или нет, – начал Дэн, отпив глоток горячего чая, – но, если ситуация не разрешиться до конца недели, я силком притащу тебя к себе домой. И плевать, что скажет отец, – в этих его словах послышалась лёгкая горечь.

Я прокашлялся.

– Нет, Дэн, – покачал я головой, – это исключено.

Друг посмотрел на меня таким взглядом, будто готовился придушить. Да, моё упрямство частенько выводило его из себя.

– Врезать бы тебе, конечно, чтобы вся дурь из башки вылетела, – недовольно процедил он. – Подумай о себе хоть раз!

Я лишь улыбнулся, но ничего не стал ему отвечать. А что

он должен был услышать? То, что я не собирался чувствовать себя обузой, что вполне мог справиться со своими проблемами самостоятельно? Но, глядя в глаза друга, я видел лишь отрицание – нет, я не мог с ними самостоятельно справиться...

– Кстати, ты так и не рассказал мне о приёме в доме Озерцовых, – произнёс я, после чего откусил кусок от бутерброда. – Могу предположить, что с Линой ты так и не объяснился, да?

Денис помолчал какое-то время, а потом, нервно пригладив ладонью тёмные волосы, посмотрел мне в глаза.

– Не смог, я этого не отрицаю. Но, не потому что испугался, а потому что рядом с ней тёрся Юрка.

Я поперхнулся, услышав эту фразу. Несколько капель чая упали на мою постель.

– Что? – спросил я в перерыве между кашлем. – Он всё-таки разговаривал с ней? Что он хотел от неё?

– Того, чего и всегда, – Дэн как-то странно посмотрел на меня, – он пользуется тем, что все девчонки от него тащатся, ни одной юбки не пропускает. Думаю, Лина его зацепила. Она разговаривала с ним, но как-то осторожно, отстраненно, что ли, – он снова сделал большой глоток и поставил чашку на маленькую тумбочку рядом с чайником. – Если девушка так поступает, значит, она цепляет сильнее. Не к добру это, Дань, понимаешь? – друг заметно нервничал. – Он пригласил Лину на свою вечеринку в выходные. Вот, что я тебе не

сказал.

Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Она не поведётся на это.

– Уверен? – он не переставал странно смотреть на меня. –

Она сказала ему, что подумает. А тут я ещё...

Я напрягся.

– Что, ты?

– Я начал её отговаривать, сказал, что, если она умная, то не примет это приглашение. Думаю, я тем самым её только раззадорил.

Это мне совсем не понравилось. Лина и Линовский? В голове не укладывается! Пускай этот подлец для развлечения ищет себе какую-нибудь дутую куклу, каких полно в его окружении, но не втягивает в свои похождения Лину! Она не была похожа на остальных, она была другой. В этой девчонке была загадка, настоящая тайна, которая вынуждала её разгадать. А уж о её открытости, доброте и непорочности я вообще молчу.

Я и сам удивлялся тому, что не переставал думать об этой девчонке. Она каким-то странным, непонятным для меня способом забралась в мои мысли и даже не собиралась оттуда уходить. Должен признаться, это меня слегка тревожило. Единственная, о ком я так непрерывно думал – Лиля Соловьёва, а теперь ещё и Лина, будто призрак, блуждает в моей голове. Но я не мог сказать ей: «Уходи!», не мог выкрикнуть «Прочь!», мог шептать лишь: «Останься...».

– Ладно, – выдохнул я, – я поговорю с ней о Линовском и его вечеринке. Надеюсь, она послушает.

Дэн не переставал на меня подозрительно пялиться, и тут я уже не выдержал:

– Денис, в чём дело? – я крайне редко обращался к нему по полному имени.

– Ты разговаривал с ней после того, как вы встретились на набережной?

Ситуация принимала интересный поворот.

Я виновато опустил глаза на секунду, сам не знаю, почему.

– Да. Мы разговаривали с ней по телефону в ночь, когда я ушёл из дома.

– Тогда всё понятно, – тихо произнёс он.

– Что именно?

Друг сложил руки в замок.

– Она спрашивала о тебе сегодня. Остановила меня в коридоре, хотела узнать, где ты, почему на звонки не отвечаешь.

Мой мобильник сел вчера утром. Собираясь в спешке, я оставил зарядное устройство дома, а своё запасное Дэн принёс мне только сейчас.

– Она...остановила тебя?

Он кивнул головой.

– Да, но толку от этого разговора не было. Она услышала от меня то, что и все остальные – версию про болезнь. Но про тот инцидент в школе и моё поведение в их доме она

даже слушать не стала.

Я помолчал немного.

– Мы разберёмся с этим, дружище.

Дэн покачал головой и улыбнулся мне уголком рта.

Я знал его достаточно много лет, чтобы понять одну простую вещь – его что-то беспокоило, что-то он старательно пытался от меня скрыть. Но я не стал давить на него. Это же Дэн – мой старый добрый приятель, лучший друг, названный брат. Придёт время, он сам всем поделится, но только, когда будет готов.

В пятницу я всё же появился на пороге школе, но пришёл не для посещения занятий, а для того, чтобы объяснить с Маргаритой Артуровной. Она сделала вид, что поверила липовой справке, которую качественно подделала Ксюша, как и истории о том, что я случайно оступился и полетел кубарем вниз со ступень собственного дома, что вполне могло оставить такое заметное повреждение на моём лице.

Директриса не требовала объяснений, не задавала лишних вопросов, лишь уведомила меня о том, что моя группа официально утверждена на участие в Весеннем школьном концерте. Эта новость стала лучшей за последние несколько месяцев. Я был счастлив и немного взволнован, ведь действительно задумывался о том, чтобы, стоя на сцене – перед всей школой – открыть свои чувства Лиле.

– Послушай, Даня, – Маргарита Артуровна сложила руки

на столе, подобно школьнице, – ты уже знаешь, что будешь делать после окончания школы?

Этот вопрос загнал меня в лёгкий ступор.

– Пора тебе определяться со своим будущим, со своей дальнейшей жизнью, – женщина сделала паузу. – Ты уже знаешь, куда хотел бы поступать?

В последнее время мне было не до этого. Несколько лет подряд я думал лишь о том, как бы мне заработать денег, чтобы не помереть с голоду, а тут поступление...

На самом деле, я прекрасно знал, что хочу связать свою жизнь с музыкой. Да, банально, ненадёжно, немного глупо, но это именно то, что требовала моя душа с самого детства. Мне постоянно говорили: иди в экономику, менеджмент, подумай о юриспруденции, об IT-технологиях, об армии, в конце концов, но всё это было не по мне... Не привлекало меня то, к чему стремились все мои сверстники.

– Тебе необходимо определиться хотя бы с перечнем экзаменов, которые будешь сдавать в следующем году, – она тяжело выдохнула. – Я понимаю, что тебе сейчас очень нелегко. То, что произошло в вашей семье... несёт определённые последствия. Но я знаю, что у тебя есть все шансы наладить свою жизнь, если ты этого действительно захочешь, – директриса поправила очки. – Ты совсем неглупый парень, Даня. Ты умный, решительный, очень старательный, показываешь неплохие результаты в учёбе, но я всё же переживаю о том, что будет с тобой дальше.

– А дальше будет вот что, – не выдержал я, – сразу же после получения аттестата, я соберу вещи и уеду из этого города. Пока не знаю, куда, но знаю, что навсегда.

Я не любил, когда посторонние люди вмешивались в мою жизнь. Да, какая им разница, что со мной будет, куда подамся, как буду жить дальше?

Я понимал беспокойство Маргариты Артуровны, ведь она прекрасно знала, что мне пришлось пережить, и что я пытаюсь скрыть ото всех в настоящее время. У неё был дар – она видела всё, что от неё так тщательно прятали, умела наблюдать, но могла так же дать и дельный совет.

Она опустила глаза в стол, а потом снова подняла их на меня уже более решительно.

– Даня, пойми же, я никак не хочу тебя задеть или обидеть, но я больше не могу спокойно смотреть на то, что происходит в твоей жизни. Думаешь, я не знаю, что у тебя большие проблемы с отцом? Не знаю, что ты тайком подрабатываешь в выходные и в будни по вечерам? – её решительности не было ни конца, ни края. – Да, – она посмотрела на мою липовую справку, – я не знаю, как тебе удалось достать это, но тому, что ты упал с лестницы, я не верю.

Я не знал, что ей ответить. Она и так всё прекрасно понимала. Но, если я выдам отца, начну подтверждать её мысли, то мне самому не избежать проблем.

– Даня, ты знаешь, что всегда сможешь ко мне обратиться, если появятся проблемы. Я не собираюсь как-то вредить

тебе, моя цель – помочь. Но, очень прошу тебя, подумай над тем, что я тебе сказала.

Я неуверенно покачал головой. Мне оставалось лишь убедить женщину, что со мной всё будет хорошо.

Как только я вышел из кабинета директрисы, я почувствовал, как провибрировал мобильник в кармане моей куртки. Я включил экран и увидел SMS от отца: «Уезжаю на объект в соседний город. Буду дома через неделю».

Не скрою, эта новость меня очень обрадовала. Мысль о том, что я могу поспать в своей кровати, а не на старом диване в гараже, грела душу. К тому же, стоило наконец-то заняться генеральной уборкой. Дом уже давно требовал чистоты и глотка свежего, непропитанного алкоголем, воздуха.

После разговора с Маргаритой Артуровной я направился в актальный зал школы. Подходил к концу шестой урок – скоро школьники разбегутся по домам, и меня никто не побеспокоит. Свою гитару я оставил дома, а возвращаться туда не очень хотелось, пока отец не уедет на работу. Именно поэтому мне пришлось воспользоваться имуществом школы.

Когда гул множества голосов стих за дверью зала, я взял свою семиструнную подругу в руки и, присев на край сцены, начал наигрывать красивую нежную мелодию, знакомую мне с самого детства.

Я таял в этих нотах. Они всегда трогали меня, касались самых глубин моей души, завладевали моим сердцем, и я

всецело становился пленником этой музыки. Казалось, меня уносило из реальности, когда я слышал эту мелодию. Я был где угодно, но только не здесь.

Мои пальцы нежно перебирали струны, рождали новые и новые аккорды, всё дальше унося меня в неизвестном направлении. Мне предстояло играть эту мелодию на концерте, надеюсь, она дойдёт до сердца той, кому я посвящаю эти нотные строки.

Но этого было недостаточно. Мелодия существовала, я знал её наизусть с довольно-таки ранних лет, но человек, который обучил меня ей, так и не успел написать к ней текст. Я знал, что должен закончить эту работу не только потому, что песня должна была прозвучать на концерте, а потому, что я считал это своим долгом – завершить то, что когда-то начал один дорогой мне человек.

– Очень красивая мелодия, – произнёс знакомый голос, когда я закончил играть.

Я дверях стояла Лина. Она ласково улыбалась, глядя мне в глаза, свободной рукой она придерживала сумку, которая висела у неё на плече.

– Привет, – я не смог скрыть ответной улыбки.

– Не помешаю?

– Конечно, нет, – я отложил гитару в сторону. – Заходи.

Девушка закрыла за собой дверь и направилась ко мне. Она оставила сумку с учебниками на рядом стоящий стул и присела на край сцены.

Около минуты она изучающе смотрела на меня, да и, должен признаться, сам не хотел отрывать от неё взгляд.

– Как самочувствие? – её голос прозвучал очень тихо.

– Ну-у, – протянул я, – почти здоров.

– Почти? – она хитро улыбнулась, глядя мне в глаза.

А потом её пальцы осторожно коснулись моего лица – того места, где виднелся большой синяк и скрытая под пластырем рана.

От этого прикосновения по моей коже пробежала приятная дрожь, будто лёгкий электрический разряд пронзил всё тело. Я не переставал смотреть ей в глаза – в её карие глубокие глаза.

– Мне не стоит спрашивать? – её взгляд был совершенно спокоен.

Я улыбнулся чуть шире и, покачав головой, произнёс:

– Не стоит, – я сам не заметил, как перешёл на шёпот.

Она кивнула и убрала руку.

– Ты очень классно играешь, Даня – играешь с душой, – сказала она, переведя взгляд на гитару. – Чья она, эта песня?

Мне были приятны её слова.

– Эту мелодию написал мой дедушка, когда был ненамного старше меня. Он очень любил музыку, буквально дышал ею. Был преподавателем в местной музыкальной школе, – я снова взял инструмент в руки. – Это он научил меня игре на гитаре, благодаря ему я могу с головой погружаться в этот... удивительный мир.

– Теперь понятно, в кого ты такой романтик, – заключила она.

Я улыбнулся. Не смог этого скрыть.

– Я хочу исполнить эту песню на Весеннем концерте, но дедушка не успел написать к мелодии слова.

Повисло недолгое молчание.

– Знаешь, я думаю, что, несмотря на отсутствие слов, ты прекрасно знаешь, в чём её содержание, – произнесла она. – Напиши слова сам. Уверена, у тебя получится. Кстати, – Лина задумчиво прищурилась, – а что поспособствовало созданию этой мелодии?

А поспособствовала этому любовь...

– Он написал эту мелодию, когда встречался с моей бабушкой, – я вспомнил, как незадолго до своей смерти он сам рассказывал мне об этом. – Она была из состоятельной семьи, вокруг неё столько парней вилось! А мой дедушка из работяг, который был безумно в неё влюблён. Несмотря на разные социальные статусы, это не помешало им быть вместе. И вот он решил сделать ей предложение на городском выступлении. Писал несколько дней, придумывал мелодию, смотрел, что в неё можно вложить. Хоть и не было слов, бабушка сама всё поняла, когда услышала мелодию. Он тогда сказал, что посвящает её той самой, той единственной любви, которая была у него в жизни. А потом, после финального аккорда, он пригласил бабушку на сцену и предложил стать его женой. Как говорить: «Happy end!»

– Прекрасная история, – я заметил её неподдельный интерес. – Но, почему именно эту мелодию ты хочешь исполнить на концерте? Мне казалось, что это, хм... такая интимная вещь.

Говорить ей или нет? Может, стоит посвятить её в детали? Я знал, что мог доверять Лине, хоть и был знаком с этой девчонкой, по сути, всего несколько дней. Но была какая-то граница, которую я не мог преодолеть, которую не мог просто так взять и сломить. Может, всё дело в том, что Лина играла в моей судьбе далеко не последнюю роль? Или мне это просто казалось?

– Иногда стоит делиться такими вещами, чтобы почувствовать освобождение, – тихо произнёс я, не в силах назвать истинную причину моего такого решения. – Слушай, на самом деле я хотел с тобой поговорить.

Она уставилась на меня во все глаза.

– О чём?

Чувство странного беспокойства накрыло с головой.

– Я тут узнал, что Юра Линовский звал тебя к себе на вечеринку.

Лина мигом переменилась в лице, казалось, в её глазах блеснули искорки злости.

– Это Гранин тебе рассказал?

– Лина, он переживает за тебя, – похоже, этими словами я ввёл её в ступор. – Поверь, Денис хорошо знает этого человека, знает, какой он и на что способен. Я сам лично тебя

очень прошу, – пауза, – не ходи туда. Это всё может очень плохо закончиться.

Она как-то странно посмотрела на меня.

– Даня, вот объясни мне одну вещь, – Лина сложила руки в замок, – что связывает тебя и Дениса? Ты такой замечательный парень, а он...

– Тот ещё засранец, я знаю, – улыбнувшись, произнёс я.

Девушка сначала вытаращила глаза, а потом рассмеялась вместе со мной.

– На самом деле, Дэн очень хороший человек. Да, характер непростой, но он мой лучший друг с детства, и за всё это время он ни разу не заставил меня усомниться в нём, – я перевёл дух. – Лина, та история с Аней и...

– Давай не будем об этом, – она пошла в протест. – Время само покажет, кто есть кто.

Я кивнул головой. Не хотел на неё давить лишний раз. Не хотел, чтобы она вспоминала то, что сильно её задело.

– Но, я всё же убедительно прошу тебя подумать о вечеринке Линовского. Очень прошу, – шёпотом добавил я.

– Хорошо, – девушка кивнула головой после недолгой паузы. – Я не пойду туда. Не могу сказать тебе ничего по поводу Дениса, его слова для меня не авторитетны, но тебе я доверяю.

Улыбка не заставила себя долго ждать. Я был рад, что моё слово имело для неё значение, хоть и было немного обидно за друга.

– У меня к тебе есть предложение, – на самом деле, я думал о нём уже почти неделю. – Как ты смотришь на то, что я приглашу тебя к себе в гости на просмотр фильма «Богемская рапсодия»? Просто, я не смогу спокойно жить, зная, что девчонка, которая любит группу «Queen» ни разу не смотрела этот шедевр!

Лина улыбнулась, старательно сделала вид, что находится в раздумьях, несмотря на то, что в её глазах уже давно было всё написано.

– Что ж, заманчиво, – тихо произнесла она. – Хорошо, я не против.

– Отлично! – я искренне был рад её ответу. – Тогда, позже я дам тебе знать, когда и во сколько.

Не знаю, что это было – сердце заколотилось, отстукивало странный ритм и совершенно не собиралось останавливаться. Что со мной происходит? Почему я чувствую себя так странно рядом с этой девушкой? Что двигает мной, когда нахожусь рядом с ней? Мне всё чаще кажется, что я начал постепенно открывать душу, не боясь показать себя настоящего.

Денис

Я не мог выбросить этот факт из головы. Вся эта ситуация казалась мне какой-то странной, непонятной, невысказанной, что ли. Признаться, Данька меня удивил. Я считал, что его встреча с Линой на набережной была всего лишь случайностью, стечением обстоятельств, не более, но, оказывается, невинная прогулка принесла свои плоды – теперь они хорошие друзья, а, может, и не только...

Для меня было странно, что друг не посвятил меня в эту часть своей жизни. Если бы не сама Лина, выдавшая их одной случайной фразой, то я, очевидно, так и не узнал бы об их телефонном разговоре. Конечно, это совершенно не моё дело, но что-то всё равно настойчиво не давало мне покоя.

Последние несколько дней я чувствовал себя очень странно: как только я начинал вспоминать эту девчонку, она, словно ураган, сметала с просторов моих мыслей все проблемы и прочие надоевшие думы. Стоило её образу только мелькнуть в моей голове, как она оставалась там чуть ли не на целый день. Я шёл по улице – видел её, я рисовал – её образ настойчиво атаковал мой разум, я ложился спать – видел её глаза... И так каждый день.

Лина. Почему? Почему она так бесцеремонно нарушала границы моего личного пространства? Почему каждый раз

заставляла меня сходить с ума при одной только мысли о ней? Почему я не могу заставить этот манящий образ убраться из моей головы? Почему она? Почему? Лина.

Что всё это значило? Что происходило со мной? Стоило мне увидеть её в школе рядом с Юркой, я тут же превращался в другого человека: мне хотелось разорвать Линовского, встать между ними и сделать всё возможное, чтобы он больше никогда не приближался к ней. Её же мне хотелось трянуть за плечи, выкрикнуть в лицо, что она – глупая девчонка, которая совершенно не чувствует никакого подвоха в общении с таким человеком. Но, вместе с этим, мне хотелось прижать девушку к себе, говорить этому хрупкому прекрасному созданию, что я никому на свете не позволю причинить ей боль, что буду рядом, что она ни одной слезинки не прольёт по моей вине.

Это какое-то безумие! Я отказывался мириться с очевидным. Я отказывался думать о том, что Линовский однажды получит то, чего он так добивается. Я отказывался принимать то, что девушка что-то испытывает к Даньке – моему лучшему другу. Я отказывался верить, что никогда в жизни не смогу наладить с ней отношения. Я до сих пор сопротивляюсь тому, что при мысли о Лине моё сердце предательски отстукивало незнакомый мне ритм...

В кой-то веки мы всей семьёй собрались за одним столом. Честно говоря, я уже и не помню, когда такое было в

последний раз. Наши типичные ужины всегда проходили поотдельности: сначала няня покормит Алису с Тёмой, мама чаще всего пользовалась доставкой из местных ресторанов (иногда ужинала и в самом общепите), отец вместе с коллегами в перерыве между работой, а я обычно перекусывал тем, что найду в холодильнике, если не собирался где-то с друзьями.

Такое для меня, конечно, было чуть ли не в новинку. Отец сам лично привёз еду из ресторана, помог маме накрыть шикарный стол и за разговорами совершенно не упоминал свою работу. Сначала я чувствовал напряжение. Не каждый день в нашем доме такая умиротворённая атмосфера, а потом расслабился, даже настроение поднялось.

Младшие рассказывали о своём прошедшем выступлении, их эмоции били через край. Они остались довольны своей, как они выразились: «профессиональной работой». Хоть отец и не смог побывать на их представлении, он загладил перед ними вину вкусным ужином и не менее божественным десертом. Как и свойственно детям, они полностью забыли об отсутствии родителя на важном для них мероприятии. Но я-то уже не маленький мальчик, поэтому понимал всю полноту его проступка.

Мама поделилась тем, что написала новую песню. Через несколько дней она планировала представить её аудитории. Оксана Гранина, известная всему городу, как выдающаяся пианистка, считалась настоящим дарованием. Они и с отцом

познакомились на её концерте. Не знаю, слухи это или нет, но говорят, что отец влюбился в неё, нет, не с первого взгляда, а с первой ноты. Серьёзный целеустремлённый мужчина и такая нежная и творческая женщина. Они хорошо дополняли друг друга, были совершенными противоположностями, но это только укрепляло их союз. Однако стоило признаться, их отношения переживали кризис: отец постоянно был на работе и отдавал этому всё своё свободное время, а маме не хватало его внимания, хоть и понимала, что его самоотверженный труд, вся его работа по выходным – всё это ради нас, ради семьи.

– Это прекрасная новость, дорогая, – отец ласково посмотрел на неё. – Уверен, заказчикам понравится твоё творение.

Она, будто девочка, смущённо опустила глаза в стол.

– Мама, – подала голос Алиса, размазывая остатки десерта по тарелке, – а ты сыграешь нам потом?

Она улыбнулась.

– Конечно, сыграю, дорогая.

– Я бы тоже хотел послушать, – я отпил сок из стакана. – Люблю, когда ты садишься за инструмент.

Мне нравилось, когда она становилась такой – неподдельно счастливой. Для неё музыка была очень важна. Единственного человека, которого я знал, кто бы так дышал нотами помимо моей мамы, был Даня. Не удивительно, что, когда друг ещё бывал у меня в гостях, они подолгу могли раз-

говаривать о вещах, которые толком не были мне понятны.

Нетрудно было догадаться, что моя любовь к искусству, к чему-то прекрасному и вечному была унаследована от неё. Мама сама поддерживала моё стремление ко всему этому ровно до тех пор, пока в это дело не вмещался отец. Вот уж кто не понимал всего этого, кто талдычил о чуждых мне вещах.

– Кстати, Денис, – негромко произнёс отец, – я тут посмотрел экономические факультеты в институтах столицы. Хочу тебе сказать, что возможностей достаточно для того, чтобы получить достойное образование. Однако чтобы войти в списки зачисленных, тебе необходимо очень хорошо постараться. Большая конкуренция, дети очень много усилий вкладывают в сдачу экзаменов. Поэтому тебе необходимо уже сейчас серьёзно задуматься об этом. Год пролетит незаметно, а там уже поздно будет.

Моё хорошее настроение улетучилось в тот же миг. Ну, вот зачем он заговорил об этом?! Я так надеялся хотя бы сегодня избежать этой темы, не выводить всё в привычный конфликт.

Я судорожно начал соображать, что ему ответить. Но никак не находил подходящих слов.

– Чего молчишь? – отец серьёзно посмотрел на меня. – Ответь что-нибудь.

Если я отвечу – быть огромному скандалу.

– Я... я не думаю, что это хорошая идея, – попытался ска-

зять я, не теряя уверенность в голосе.

– Что именно? Столица? Но там намного больше возможностей, если говорить о самой первой ступени. После окончания института, ты можешь отправиться за границу для получения дополнительного образования, без проблем. Я всё устрою.

– Я не об этом, – моё сердце ускорило темп. – Не думаю, что после окончания школы я буду стремиться попасть на экономический факультет.

Удивление в глазах отца стало для меня чем-то новым, ведь сейчас я впервые так прямо сказал ему о том, что не собираюсь его слушать.

– Что, прости?

– А то, – я попытался набраться смелости. – Я не хочу поступать на экономический факультет, связывать свою жизнь с тем, к чему у меня не лежит душа.

Я смотрел родителю в глаза, но не сильно удивился бы наличию в них сильного беспокойства. Мой отец всегда был очень строгим человеком, но его отношение ко мне стало ещё хуже, когда произошёл инцидент с угоном автомобиля. После этого он окончательно перестал мне доверять, и, как он сам сказал, отныне будет делать из меня «достойного члена общества, не позорившего громкую фамилию Граниных».

– Интересно, и чем же ты собираешься заниматься? – взгляд отца был полон скептицизма и нарастающей злобы.

Попахивало жареным. Я даже не сразу заметил, как от

напряжения сжал в руках столовые приборы.

– Я хочу стать архитектором.

Взрыв. Бомба замедленного действия в этот момент достигла финальной точки обратного отсчёта. Осколки шокированного взгляда отца с неистовой силой ранили меня в самые глубины моего сердца. Хоть и не физически, но ощущал я это очень остро.

– Ты пошутил, да? – он попытался натянуто улыбнуться.

Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Я говорю совершенно серьёзно.

Отец молчал, вцепившись в меня своим взглядом. В столовой царило сильное напряжение. Мама с опаской ждала дальнейшей реакции своего мужа, даже дети и то притихли. От меня не утаилось, что Тёма чуть сполз вниз со стула, испуганным взглядом поглядывая на отца, Алиса же просто ждала продолжения, выискивая эмоции на наших лицах.

– Ты, что, совсем из ума выжил?! – отец сказал это так громко, что все члены семьи, включая меня, подпрыгнули на месте. – Какой к чёрту архитектор?!

– Макс! – подала голос мама, сердито глядя на него.

Его злость и недовольство могли отразиться на каждом из нас, и это было бы несправедливо. Я взглянул на близнецов, и увидел, что оба чуть ли дрожат от ужаса. У Алисы даже слёзы на глазах застыли. Нет. Детей и мамы это не должно было касаться.

– Давай не здесь, – спокойным голосом произнёс я. – Под-

нимемся в твой кабинет и там поговорим.

– Я не понимаю, что происходит у тебя в голове, – отец расхаживал по кабинету и всё никак не мог успокоиться.

Я же сидел на стуле и выслушивал всё то, что родитель мне высказывал. Признаюсь, не все вещи оказались очень приятными.

– Скажи, после всех твоих гулянок, разбитых машин, угона авто в твоей черепной коробке вообще ничего не осталось?! Где твои мозги, Денис, где они?

Я молчал. Ждал, когда же он остынет и начнёт задавать нормальные вопросы.

– Какой архитектор? А как же наш семейный бизнес? Я был уверен, что ты собираешься идти по моим стопам, работать со мной, а в дальнейшем стать наследником и полноценным владельцем.

– Я...никогда не хотел этого, – осмелился я подать голос.

– А чего ты хотел? А? Я скажу тебе – ты хотел попрощаться с достойным будущим, хотел пустить свою жизнь под откос и пахать остаток своих лет за сущие копейки! – он никак не мог прийти в себя. – У тебя есть всё в этой жизни. Ты не бедствуешь, живёшь на широкую ногу, я всегда исполнял все твои прихоти, а что получаю взамен? Мой родной сын, мой наследник ведёт себя, как последняя сволочь!

И тут я не выдержал. Я вскочил с места и грозно уставился на отца. Да, я не идеальный сын, сам прекрасно понимал

это, но называть меня сволочью только потому, что я не соответствую его ожиданиям и не хочу делать того же, что и он, не даёт ему никакого права так унижать меня.

– Да! Да, я не хочу заниматься семейным бизнесом, я не хочу поступать на экономический факультет только по-твоему желанию! – я чуть не схватился за голову от бессилия. – Я хочу стать архитектором, всегда хотел, а ты никогда не желал даже слушать об этом. Почему ты считаешь, что это меня погубит? Напротив, это не только позволит мне зарабатывать, но и заниматься любимым делом. Пойми же, я – не ты, я никогда не стану таким, как ты, потому что я другой.

– Другой? – отец довольно-таки близко подошёл ко мне. – Да, Денис, ты другой, и в этом твоя слабость. Я хочу позаботиться о тебе, хочу достойного будущего для тебя, – его руки легли на мои плечи.

– Может, – тихо произнёс я. – Но ты делаешь это, не задумываясь о том, что я чувствую. Ты пытаешься уничтожить тот яркий огонь, который во мне есть, тот огонь, который делает меня мной, делает меня счастливым. И никакие деньги, никакое престижное образование никогда его не вернут обратно.

Я был на грани. Я с опаской каждый день ждал этого разговора, ждал реакции отца и его возможного понимания. Но его не последовало, и это буквально пожирало меня изнутри.

– Сын, как же ты не можешь понять, – казалось, отец успокаивался, – что я желаю тебе только всего самого хорошего?

Пойми, я прожил в этом мире гораздо дольше, чем ты, и я лучше знаю, как поступить, куда тебя направить и чем помочь. Я не против твоего хобби. Занимайся им, ради Бога! Но делать это своей профессией, своим будущим...

– Но это моё будущее, пап, – я не переставал смотреть ему в глаза, не теряя надежды. – Я знаю, что лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих, но я так не могу. Да, я набью шишек, но зато наберусь опыта, сам лично пойму, что для меня хорошо, а что – нет.

Отец не переставал серьёзно смотреть на меня, обдумывая услышанное. Я ждал. Мучительно долго. Но он же – мой отец, он не может так спокойно не считаться с моим мнением, тем более, когда речь идёт о моей жизни, о моём будущем.

И тут он покачал головой, убрав тяжёлые руки с моих плеч.

– Нет, Денис, я не могу принять того, что ты собираешься делать дальше. Ты поступишь на экономический факультет в столичный институт. Сам мне ещё спасибо скажешь.

Последняя крупница надежды ускользнула от меня. Нет. Он так не поступит. Он не может так распоряжаться моей жизнью, будто она его собственность.

– Нет! – я не переставал настаивать.

– Даже слушать не хочу! – отец сел за свой рабочий стол. – Считай, что решение относительно твоего будущего принято. Окончательно.

Я понимал, что злость всё сильнее накатывала на меня. Я уже не мог сдерживаться, не мог просто молчать. Всё. Хватит!

Я подошёл к отцовскому столу и, ударив кулаками по гладкой поверхности, словно хищный зверь, уставился на родителя.

– Я лучше завалю эти чёртовы экзамены, лучше пожертвую всем, что у меня есть, но ни за что не откажусь от мечты. Ты меня не заставишь!

– Заставлю, если это станет необходимым, – отец был совершенно спокоен. – Я знаю, на какие точки надавить, сын. Не сопротивляйся, если хочешь, чтобы в дальнейшем всё было хорошо.

Казалось, будто внутри меня всё оборвалось. Что-то просто взяло и исчезло навсегда из моей души. Но, что именно? Умение доверять? Возможность чувствовать поддержку? Знание того, что что-то в этом мире может сделать меня по-настоящему счастливым? Боль. Нестерпимая боль насквозь пронзила меня, словно раскалённый кинжал. Не было здравого смысла, разума, понимания ситуации. Я чувствовал лишь, как что-то, что было когда-то очень ярким и ослепляющим, догорало где-то в глубинах моей души, оставляя на память о себе только горсть пепла.

От нестерпимого отчаяния я вспылел, почувствовал, как лицо налилось кровью, а кожа горела от нарастающего жара.

Я бросил ещё один гневный взгляд на отца, после чего

вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью его кабинета.

Я не мог больше сдерживаться, не мог утихомирить то злое, что сидело внутри меня. Я не понимал, что мне теперь делать, как поступить, к каким Высшим Силам обратиться, чтобы весь этот кошмар наконец-то закончился. Я не помню, как добрался до входной двери, более-менее пришёл в себя, когда услышал телефонный звонок. На экране высветилось имя Юры.

– Да? – сказал я достаточно громко, хоть и не хотел этого.

– Оу, приятель, давай там полегче, – раздалось из динамика. – Я тебе ещё ничего не сказал, а ты уже орёшь на меня.

– Да, прости, – протараторил я.

– Ты выезжаешь или нет? – спросил меня Юра сквозь какие-то посторонние голоса.

– Выезжаю? Куда? – я всё ещё не мог прийти в себя.

– Друг, ты чего там, уже накатил что ли? Забыл про мою вечеринку? Я вообще-то жду тебя. Да и Анька весь день только ради тебя малевалась у зеркала. Давай, пригоняй к нам.

Вечеринка? Только этого мне ещё не хватало! Но остаться дома я тоже не мог. Нужно было уйти и, если подвернулась такая возможность не проводить ночь дома, то не стоит от неё отказываться. Развеюсь, забудусь хоть на пару часов, приду в себя перед тем, как принимать сложные решения.

Я схватил куртку и достал из её кармана ключи от мото-

цикла. Да, прав на вождение автомобиля у меня не было, потому что ещё не достиг совершеннолетия, а вот права на категорию «А» у меня имелись. Я зашёл в гараж, вывел из него когда-то подаренный отцом Harley-Davidson Ultra Limited, надел шлем, завёл мотор и помчался к дому Линовских.

Пошло оно всё к чертям! Хватит с меня этого. Сил не осталось терпеть то, что отец руководит моей жизнью, как своей. Больше я такого не хочу, не хочу, чтобы кто-то указывал мне, как лучше. Лучше для кого? Для кого угодно, но только не для меня.

Воздух вечернего города постепенно остужал мой пыл, я приходил в себя, начинал соображать. Но этого мало. Мне нужно ещё – ещё немного безумств, чтобы позже понять, как мне поступать дальше.

Лина

Я была в прекрасном расположении духа! Кажется, жизнь начала налаживаться. В этом не было никаких сомнений, особенно, учитывая прошедшую неделю. Моя новая школа оказалась не такой уж и ужасной: я окончательно перезнакомилась со всем классом, даже успела подружиться с несколькими ребятами. Особую симпатию у меня вызвала Лиля Соловьёва – милая, открытая девчонка, которая, хоть и является дочерью влиятельных людей этого города, никогда не выставляет своё положения напоказ. Это я особенно ценила в тех людях, с которыми мне приходилось общаться в течение жизни. Нечасто я встречала персон, которые при всех возможных свидетелях самоутверждались за счёт суммы на родительской банковской карте.

Вместе с ней ещё одной моей одноклассницей – Мариной Роговой – мы в пятницу после окончания уроков пошли гулять в центр города. Погода была чудесная! Мы прогуливались по набережной, не скрою, я надеялась увидеть там Данию, но, увы, парня на месте не оказалось. Зато, я не упустила возможность ещё раз полакомиться знаменитым мороженым Бориса, заодно и девчонок поближе познакомила с этим позитивным человеком. Как ни странно, он сразу же узнал меня, даже вспомнил вкус мороженого, которым меня угощал

Даня в прошлый раз. Потом до самого вечера новые подружки показывали мне город. Я наконец-то увидела достопримечательности, как общеизвестные, так и те, которые были доступны только определённому кругу лиц.

Например, Лиля обожала место, где по вечерам собиралась вся местная молодёжь и проводила танцевальные батлы. Признаться, захватывающее зрелище – не просто молодые люди, а настоящие талантища! От их движений захватывало дух, уж настолько они казались необычными, профессиональными и...настоящими. Я видела на лицах этих людей эмоции и неподдельное счастье в глазах каждого из них. Как же мне не хватало этого! Вот таких вот простых человеческих эмоций.

Однако этот вечер преподнёс мне ещё кое-что – Юра Линовский не переставал отправлять мне сообщения в социальных сетях, спрашивая, приду ли я на его вечеринку в грядущую субботу.

Я отлично помнила слова Дани, да и Дениса тоже. Оба предупреждали меня воздержаться от приглашения, мол, не стоило оно того. Я бы могла понять реакцию Дани, ведь он недолюбливает Линовского и его сестрицу, а вот Денис... Странно, что он так не уверен в Юре, говорит, чтобы я держалась от него подальше, а ведь эти двое, как не крути, друзья. Да и Аня, насколько я поняла, является пассией Гранина.

Странностей во всей этой истории было много, но самым

резким моментом стало для меня то, что я не переставала думать об этом самодовольном засранце Денисе! Я до сих пор никак не могу понять, как так получилась, что он и Даня – лучшие друзья. Ведь такого не может быть! А, что, если я поспешила с выводами на счёт Гранина? Ведь я толком не знаю этого мальчишку, не знаю причин, по которым он так настойчиво уговаривал меня не связываться с Юрой.

А что не так, собственно, было с самим Линовским? С его сестрой всё предельно просто – девочка в силу возраста ещё не обзавелась мозгами, не говоря уже о манерах, а вот её брат, честно говоря, по-прежнему оставался для меня «тёмной лошадкой». Любой человек способен понять, что он пользуется своей популярностью: считает себя неотразимым, баловнем судьбы, собирателем женских сердец и привилегированной личностью. Меня как девушку это всё мало интересовало, ведь таким поведением молодых людей я была сыта по горло. В моём окружении не хватало простых и открытых людей, а таких, как Юра я знала достаточно много, чтобы всё ещё восхищаться этим. Но что-то в этом парне всё-таки было, и это что-то мне казалось опасным. Сама не знаю, почему меня посетили такие мысли, но это же всё неспроста?

И вот на следующее утро у меня не переставал разрываться телефон от его сообщений. Он писал, что очень ждёт меня вечером, что хочет представить меня своим знакомым и друзьям, что хотел бы сам познакомиться поближе. Меня тер-

зали сомнения, ведь я, кажется, начала уже всерьёз подумывать о том, чтобы пойти в дом Линовских.

Нет! Даня предупреждал, что лучше делать этого не стоит. Даже Гранин подтверждал его слова! Мальчишке, который каким-то магическим образом перебирает пальцами гитарные струны, я беспрекословно верила, казалось, я бы смогла доверить ему собственную жизнь, что уж говорить о словах... но, если даже Денис пытался предостеречь меня от всего этого, то, может, я действительно поторопилась, делая об этом парне какие-то выводы?

Ближе к вечеру я приняла решение никуда не идти. Зачем мне эта тусовка с незнакомыми пьяными людьми? Думаю, Юра всё поймёт.

Я спускалась со второго этажа дома, держа в руках телефон. Хотела позвонить Линовскому во дворе, чтобы никто не слышал нашего разговора. Лишние вопросы тёти мне были ни к чему. Внизу разговаривали Ольга и Слава – тихо, но как-то напряжённо.

– Знаешь, что сейчас произошло? – послышался недовольный голос тёти.

– Что? – дядя сделал паузу перед тем, как спросить. Наверное, пытался вспомнить, где успел провиниться за сегодняшний день.

– Мне сейчас позвонила она. Дария!

Я резко остановилась, услышав это имя. Дария. Это имя моей мамы. Я чуть не выронила телефон из рук от нежиз-

данности.

– Как, Дария? – голос дяди Славы прозвучал очень удивлённо.

Вот именно! Как, Дария?

Я присела на ступеньках и стала прислушиваться к разговору. Моё сердце колотилось, как бешенное. Мама. Само это слово было для меня странным, каким-то чужим, неизвестным, ведь своей матерью я всё время считала Ольгу – мою родную тётю. А это всё равно немного другое.

Свою настоящую маму я практически не помню, ведь видела её в последний раз, когда мне было три. Что я там могла запомнить? Помню лишь то, что она была очень красивой, сильно похожей на Ольгу. По семейным слухам, Дария стала матерью достаточно рано – в семнадцать лет, поэтому толком и воспитывать она меня не могла – сама была ещё ребёнком, как и её молодой человек – мой настоящий отец. Дарии и её ненаглядному принцу Андрею (моему отцу) поставили условие – моим воспитанием займутся её старшая сестра Ольга и её муж Вячеслав до тех пор, пока молодые родители не встанут на ноги.

До сих пор встают, как видите! Своего отца я никогда не видела, а вот мама не появлялась в моей жизни уже четырнадцать лет. Мне так и не объяснили, почему так вышло. Почему родная мама не звонила, не навещала, не поздравляла с праздниками, даже с днём рождения? Было время, когда мне не нужны были подарки – мне нужна была мама...

Но эта женщина была мне по-настоящему чужой, я поняла это далеко не сразу. Она никогда не присутствовала в моей жизни, да и она сама уже давно не была мне нужна. У меня есть родители, которые активно продолжали свой разговор.

Я услышала, как дядя Слава тяжело выдохнул.

– Что она хотела? Опять денег?

Опять? Денег? Значит, это уже не в первый раз?

– Нет. Она начала спрашивать про Лину. Четырнадцать лет от неё не было никаких вестей, а тут объявилась, чертовка!

– Тише, Оля, не кричи, – остановил её дядя. – Нам не нужно, чтобы она об этом услышала.

Она – это я.

– Я не могу не кричать, понимаешь?! Моя сестрица в конец обнаглела! Ничего не говорит: ни где она, ни чем занимается, ни как с ней связаться... А она ещё вдруг вспомнила о дочери.

– Она только про Лину спрашивала?

Я напряглась.

– Нет. Она хотела поговорить с ней.

И тут моё сердце рухнуло в пятки. Она хотела услышать меня?

– Но я сказала Дарии, что Лины нет дома.

– Ольга...

– Да, я знаю, что не вправе решать это за Лину, но я не хочу, чтобы её мать потом думала, что ей всё прощено, что

она теперь, как ни в чём не бывало, может общаться с дочкой, о которой столько лет даже не вспоминала.

Я не знала, как найти в себе силы подняться на ноги. Моё сердце не переставало нещадно колотиться в груди, тело обдало волной жара.

Она позвонила. Позвонила! Дария хотела услышать мой голос. Мама хотела поговорить со мной! Да, её практически никогда не было в моей жизни. Она ушла и много лет даже не давала о себе знать, но сейчас... у меня был реальный шанс узнать, почему она так поступила. Но Ольга решила поступить по-своему, как всегда. Я понимала обиды тёти на сестру, понимала, почему она так резка с ней, но я никак не могла найти объяснение тому, что я не имею права услышать голос собственной матери.

– Ладно, разберёмся с этим позже, – в голосе Ольги снова послышалась привычная строгость. – Не стоит лишний раз напрягать свои нервы из-за этой неблагодарной.

И тут я не выдержала – резко вскочила с места и быстро побежала вниз.

Как только я появилась в поле зрения тёти и дяди, их разговоры резко прекратились. Они оба смотрели на меня удивлёнными глазами, в то время как в моём собственном взгляде не потухали огоньки злобы.

– Лина? – Ольга попыталась придать своему лицу невинное выражение. – Что ты...

– Почему ты не дала мне с ней поговорить?

Молчание и растерянность на лицах опекунов.

– Почему ты не дала мне с ней поговорить?! – я надвигалась, словно хищный зверь.

Ольга растерянно посмотрела на своего супруга, но и тот не знал, что ответить.

– Милая, – начала тётя непривычным для меня невинным голосом, – послушай...

– Нет! – выкрикнула я. – Нет, не хочу ничего слушать! Я четырнадцать лет не слышала её голос, и теперь, когда у меня появилась возможность поговорить с ней, ты просто лишила меня этого!

Я понимала, что у тёти были на это свои причины, но я имела полное право поговорить с той, кто бросила меня. Я имела полное право узнать причины её поступка.

– Почему? – отчаянно спросила я. – Почему ты не позвала меня?

– Аделина, в том-то и дело, что ты не слышала его голоса четырнадцать лет! – теперь Ольга начала освобождать своих внутренних демонов. – Её никогда не было рядом, а когда тебе было три, она просто взяла и исчезла! – тётя перевела дух. – Дария тебе совершенно чужой человек.

– Но она моя мать! – выкрикнула я. – Я имею полное право знать, почему она так поступила, почему бросила меня, почему исчезла на столько лет...

– Видимо, у неё закончились деньги, вот и решила вновь дать о себе знать!

– Ольга! – востропнулся дядя, пытаясь остановить пыл жены.

– Какие деньги? – ошарашено спросила я.

Молчание.

– Когда мы удочерили тебя, – спокойно начал дядя, – твоя мама попросила у нас определённую сумму денег на время, чтобы встать на ноги. Она хотела забрать тебя, после того, как устроиться, по крайней мере, мы так думали, но она просто взяла и уехала. По нашим данным, четырнадцать лет назад она покинула страну. Больше мы о ней ничего не слышали. Поэтому Ольга не хотела, чтобы вы общались, Лина. Это токсичные отношения, пойми. Тебе будет лучше, если ты ничего лишнего не узнаешь.

Ничего лишнего? Да я уже узнала столько, что хочется любыми способами поскорее стереть себе память! Моя мать буквально продала меня собственной сестре и её мужу! Я долго думала, что же мешает Дарии приехать ко мне, да хотя бы просто позвонить, а оказывается, я никогда не была ей нужна.

Горло сжало от нарастающей боли, подступившие слёзы жгли глаза, а злость на обстоятельства и ложь опекунов достигла своего предела.

Я, сжав в руке телефон, рванула с места и побежала в сторону выхода, прихватив с собой куртку.

– Лина! – послышалось мне вдогонку.

Но я никого не хотела видеть и слышать. Резко хлопнув

дверью на прощание, я вышла из дома и направилась в известном мне направлении. Слезы ручьями стекали по моим щекам, хотелось кричать от ужаса настигшей меня правды. Я чувствовала себя отвратительно. Так больно мне ещё никогда не было. А я-то, дура, каждый раз пыталась найти поведению родной матери хоть какое-нибудь оправдание. Но его не было.

На улице было уже темно и безлюдно, лишь яркие фонари элитного квартала освещали дорогу. Мне нужно было выпустить пар, нужно было просто взять и совершить что-то безумное и опасное. Я шла навстречу этому.

Я включила экран телефона, зашла в социальную сеть и написала только два слова: «Я приду».

Вечеринка Юры Линовского казалась мне единственным выходом, чтобы забыться на время. Да, я помнила слова Дани о том, что идти туда не стоит, даже Денис Гранин предупредил меня о возможной угрозе. Но мне хотелось послать куда подальше все эти слова, ведь опасность и непредсказуемость – единственное, что могло усмирить мой пыл в этот момент.

К моему приходу вечеринка была уже в самом разгаре. Первое, что меня поразило – количество машин. Казалось, что сюда съехался весь город, вернее, лишь его элитная часть. Во дворе было немало народу: парни и девчонки навеселе смеялись и попивали из стеклянных банок пьянящие

напитки. Одна девица в коротком розовом платье и на высоченных шпильках чуть не рухнула в кусты. Спасибо её подружкам, которые успели поймать её под локти.

И тут я взглянула на себя. Я ведь выбежала из дома в самых простых джинсах, белой футболке с незамысловатой надписью «Life is music» и белых кроссовках, не считая куртки, которую я схватила в последний момент. Да, мой внешний вид оставлял желать лучшего, особенно учитывая то, что все девчонки здесь были «при параде». Конечно, ведь вечеринка проходит у звезды школы – у самого Юрия Линовского... А на мне даже и грамма косметики не было. Ну и чёрт с этим!

Я уверенным шагом двинулась в сторону дома. Стоило мне только толкнуть дверь, как в нос сразу же ударил резкий запах дурмящих напитков и сигаретного дыма, а сопровождало всё это слишком громкая клубная музыка. Возможно, я сделал неправильный выбор, придя сюда, но и домой возвращаться тоже не хотелось. Дядя и тётя уже успели оборвать мне телефон, пока я шла к Линовским, но, написав SMS о том, что я в гостях у друга, сразу же выключила мобильник.

Признаться, дом Юры впечатлял своим богатым и стильным убранством. Всё было по последнему слову моды и техники, достаточно современно, но и стиль в интерьере не мог не впечатлить. Оно и понятно, мама Юры – известный дизайнер интерьерных проектов, поэтому здесь нечему было

удивляться. Вот только всю эту красоту искажала вечеринка: мусор в углах, пустые бутылки, большое количество коробок из-под пицц.

Проталкиваясь среди незнакомых людей, я добралась до кухни. Мои нервы были на пределе. Я чуть не пролила на себя газировку, когда пыталась налить её себе в стакан. Признаться, мне очень хотелось выпить чего покрепче, но не в этом месте, где и без того воздух был пропитан высокими градусами.

Музыка, люди – всё действовало на меня, как гипноз. Мне казалось, будто я нахожусь где-то в параллельной реальности, которая неутолимо заманивала меня в свои сети. Я ни на кого не обращала внимания, ждала, пока появится Юра. Честно говоря, мне хотелось его увидеть.

Я отправилась в большое путешествие по дому семьи Линовских. Хотела начать с первых этажей, но большое количество народу заставило меня резко передумать. Я нашла лестницу и поднялась наверх. Там тоже обитали нетрезвые люди, но их было не так много. Какая-то парочка обжималась в тёмном углу; неизвестные мне парни засели своей компанией в одной из комнат и неуёмно хохотали; несколько девочек старательно поправляли свой боевой раскрас перед огромным зеркалом чуть ли не во всю стену (по-другому это буйство ярких красок на из лицах назвать никак нельзя было); ещё одна небольшая компания активно обсуждала этих же девушек.

Но народу становилось всё меньше и меньше. Я поняла, что забрела в самую потаённую часть дома Линовских. Здесь было тихо, лишь слабый гул голосов нарушал царящее спокойствие. Я огляделась и в полумраке стала рассматривать семейные фото, красующиеся на стене коридора. Меня позабавили снимки маленьких Юры и Ани – такие забавные, но во взгляде уже чувствовался непоколебимый нрав. Их родители, казалось, вообще не изменились, как будто время остановилось для них и даже не думало двигаться дальше. Были отдельные снимки детей: Аня за занятием верховой езды, Юра, мастерски позирующий на фоне лондонского Биг Бена и ещё множество прочих фото. Казалось, я смотрел на совершенно других людей – не верилось мне, что эти дети, эти ангелочки с виду, могли довести до истерики кого угодно.

– Ты же понимаешь, что это очень глупо? – послышалось за углом коридора.

Кажется, я оказалась в запретной части дома. Пора уходить.

– Что глупо, Ань?

Услышав этот голос, я резко остановилась. Но...этого не может быть.

Я сделала несколько шагов назад и осторожно глянула за угол.

Аня, уже в довольно-таки готовом состоянии, стояла перед Денисом Граниным, гордо задрала голову. Сам парень стоял, облокотившись на стену, скрестив руки на груди. А

сам ещё что-то говорил мне об этой вечеринке! Сам-то тогда зачем припёрся сюда, раз тут так «опасно»? Наглый лжец! Что-то я на всех сегодня сильно злюсь.

– Глупо то, что ты, – она ткнула острым ноготком ему в грудь, – отрицаешь очевидное.

– Может, это очевидно для тебя, но не для меня.

Я заметила, как парень с трудом пытается отвести взгляд от её декольте. Конечно, даже я смутилась, когда увидела на ней эту синюю тряпку, еле прикрывающую всё то, что вот-вот грозило выскочить наружу. Девчонка заметила это и сделала маленький шагок к нему. Её пальцы быстро пробежались по его телу, остановившись на плечах. У Дениса лицо по-прежнему оставалось каменным.

– Нет, – протянула Аня, – для тебя это также ясно, как день. Хватит, Дэн, хватит сопротивляться. Ты же знаешь, что нам суждено быть вместе.

– Почему ты так решила?

И тут девушка взяла его руки и положила их себе на бёдра. Тут-то его стойкости и пришёл конец. Он сильно удивился, но и рук убирать не стал, а я почувствовала, как к моему горлу подступает тошнота при виде этой картины.

– Ань...

– Просто расслабься, – она хитро улыбнулась, прижимаясь к нему всем телом. – Тебе же это нравится!

Молчание. Всё, теперь точно пора уходить.

И тут я заметила, как Денис резко убрал руки с бёдер де-

вушки и попытался отстраниться от неё.

– Нет. Хватит! Я не хочу...

Но договорить она ему не дала – Аня просто взяла ситуацию в свои руки и впилась своими накрашенными губами в губы парня.

Я резко отвернулась, почувствовав, как в сердце что-то кольнуло. Нет! Дурацкая была идея приходить сюда. Зачем я только дала волю эмоциям? А ещё эти двое... Бесит!

Я стремительным шагом пошла в сторону лестницы, расталкивая всех, кто попадался мне на пути. Теперь мне безумно хотелось как можно быстрее покинуть этот дом. Что это вообще было? Почему вид этой целующейся парочки вызвал во мне такую бурю эмоций? Да какое мне вообще должно быть до них дело?! Наглые, высокомерные, беспардонные личности, которые только одним своим видом выведут кого угодно! Какой-то осколок, какая-то частичка боли не давала мне спокойно дышать – мне хотелось кричать, разбить что-нибудь, выплеснуть эмоции, чтобы они больше не истязали мою душу. Я собиралась уходить, но стоило мне только оказаться в коридоре, как кто-то провёл своей рукой по моей талии.

Я обернулась, чтобы сурово посмотреть наглецу в глаза, но увидела перед собой Юру.

– А я ищу тебя по всему дому! – он расплылся в улыбке. – Гости сказали, что видели прекрасное создание, а я почему-то об этом ничего не знаю.

Его улыбка, казалось, смогла немного усмирить меня, но даже комплементы в этот самый момент ничего не могли со мной сделать.

– Юра, прости, но я уйду, – я сделала шаг в сторону двери, но парень схватил меня за руку.

– Как, пойдёшь? – спросил он, поставив наполненный стакан на тумбу. – Лина, я весь вечер тебя ждал.

Парень не отпускал моей руки.

– Прости, я не могу остаться.

Он не переставал непонимающе смотреть на меня. Его синие глаза, казалось, грозились вот-вот пробраться напрямик к моей душе.

– Так, – резко произнёс он, мотнув головой, – пойдём со мной.

– Куда? – удивилась я его настырности.

– Поговорим. Найдём местечко, где поменьше народу.

Юра повёл меня обратно на второй этаж, куда мне совершенно не хотелось возвращаться. Не хватало ещё наткнуться на его сестрицу и её друга. Но у меня даже не было сил отпираться, я просто доверилась ситуации. По крайней мере, хуже, чем сейчас уже точно не будет.

Парень повёл меня многочисленными коридорами и в итоге привёл в какую-то комнату: тёмно-синие стены, новенькая мебель, просторная кровать и большое окно, с которого открывался вид на сад. Казалось, комната была идеальной, чистой, нарушала лишь эту идеальную атмосферу толь-

ко наспех брошенная футболка на спинке кресла.

Я сделала несколько осторожных шагов вперёд, с любопытством осматривая помещение.

– Твоя комната? – спросила я Юру, который всё ещё стоял в дверях, наблюдая за мной.

– Да, – коротко бросил он, после чего переступил порог и прикрыл дверь, оставляя небольшую щель. – Мама и до моей холостяцкой берлоги добралась, – улыбнулся он, – год назад поменяла здесь всё, что только можно.

Парень плюхнулся на кровать и жестом пригласил меня сесть с ним рядом. Я поколебалась несколько секунд, но всё же присела на край кровати.

Юра, без лишнего стеснения, придвинулся ко мне ближе.

– Лина, в чём дело? – тихо спросил он. – У тебя что-то случилось?

Я не знала, рассказывать ли ему правду. Юра мне нравился, но всё же я не была готова так открыто ему доверять.

– Да, так, – попыталась отмахнуться я, – дома произошёл небольшой скандал.

Парень понимающе качнул головой.

– Непонимание со стороны предков? Знакомо. У меня частенько споры с родителями бывают. Но я не парюсь по этому поводу. Зачем? Само всё решиться.

Если бы... Такое само собой не решается. Может, именно для Юры всё так просто и безобидно, но не для меня.

Я посмотрела на него. Конечно, я не сразу обратила вни-

мание, что Юра был под градусом, потому что речь его была чёткая и внятная. Видимо, хозяин вечеринки толком ещё не успел расслабиться и позволить себе отдохнуть.

И тут парень, не переставая смотреть мне в глаза, накрыл мою ладонь своей. Я чуть не вздрогнула от неожиданности, но, должна признаться, этот жест был мне приятен.

– Не забивай голову, хорошо? – тихо произнёс он. – Позволь себе сегодня не думать о проблемах, попробуй расслабиться.

Юра глянул на дверь своей комнаты, а потом снова посмотрел на меня.

– Предлагаю спуститься вниз и как следует повеселиться.

Улыбка Юры действовала на меня каким-то магическим образом. Буквально несколько минут назад я хотела сбежать из этого дома, а сейчас хочу веселиться до самого упада, лишь бы не думать о том, что произошло дома. Просто хотелось забыться...

Парень не стал ждать моего ответа – просто взял за руку и повёл в самый центр событий. Спустя полчаса атмосфера вечеринки полностью опьянила меня.

Я веселилась в компании Юры и его друзей. На самом деле, ребята оказались не такими уж плохими, по крайней мере, будучи навеселе, они вели себя прилично, не доставляли лишних хлопот хозяину дома и другим гостям. Мы веселились, смеялись, танцевали, я выпила целую бутылку газировки (к алкоголю я всё-таки не решилась притронуться)

и, казалось, она действовала на меня не хуже того, что пил сам Юра. Мне не хотелось думать о проблемах, я желала побыть обычным подростком – беззаботной, глупой, в каком-то смысле ненасытной. Но разговор с тётёй и дядей никак не мог покинуть моей головы. Я впервые почувствовала себя настолько безнадёжно и ужасно. Безудержное веселье помогало, но не отпускало до конца, не давало полностью ощутить такой внезапно возникший вкус к жизни.

Да, я улыбалась, смеялась, но не могу сказать, что на все сто это было по-настоящему. Честно говоря, меня радовало, что Юра своим присутствием, своим вниманием ко мне разбавлял обстановку. Несмотря на то, что его взгляд становился всё пьянее, меня это перестало смущать. Мне казалось, будто я сама была пьяна, но не от веселья, а от обстоятельств, которые меня привели к этому дому, к этим людям.

Во время зажигательных танцев, мы с Юрой разошлись окончательно – словно полоумные мы в пляске перемещались из одной комнаты в другую, расплёскивая содержимое пластмассовых стаканчиков на одежду и пол. Но мне было всё равно, даже на то, как на нас смотрели люди. Мне было хорошо. Но так ли это на самом деле? Не знаю, но я бы хотела продлить этот момент, эти странные и по-своему опасные мгновения.

Во время нашего перемещения из кухни в главный зал, атакованные смехом, у меня возникло ощущение, будто мы оба находились где-то очень далеко от реального мира. В ка-

кой-то момент, взяв меня смеющуюся за руку, Юра осторожно притянул меня к себе и приобнял за талию. Мне казалось, что я была в совершенно неадекватном состоянии, учитывая то, что во мне не было ни капли пьянящего напитка. Я позволила первому красавчику школы приобнять себя и совсем не по-дружески. Но от лёгкого смущения я всё же перевела глаза в сторону и неожиданно для себя столкнулась взглядом с Денисом Граниным.

Эти глаза невозможно было не запомнить. Такого удивления я не видела уже очень давно на человеческих лицах. Он смотрел на обнимающихся нас с Юрой, казалось, совершенно не моргая. От меня не утаилось, что пластиковый стаканчик, находящийся в его руке, в одно мгновение стал лишь комочком пластмассы – он со всей силы сжал его. Странная реакция.

Но и я не поняла, что произошло со мной за эти секунды. Настигшая меня боль во время их поцелуя с Аней, вернулась вновь, ударив в самое сердце с двойной силой. Да что это со мной?! Какое мне вообще дело до Гранина и его присутствия здесь?

Сама не знаю, почему, но я сильнее прижалась к Юре, не переставая наблюдать за Денисом. Чего я добивалась? Его реакции? Но, зачем мне это?

Но тут Юра сам осторожно отстранился от меня и, взяв за руку, потянул куда-то за собой. Я не знала, куда именно он меня вёл, но знала, что глаза Дениса следовали за нами.

Коридоры, переходы и вот мы с парнем зашли за угол, оказавшись наедине в каком-то маленьком закоулке дома. Было мрачно, но свет, исходящий от окна, мог позволить мне рассмотреть Юрино лицо.

Его пьяный взгляд, но такая очаровательная улыбка лишили меня возможности прийти в чувство. Я стояла, облокотившись на стену, он же был напротив. Парень долго вглядывался в меня, будто изучал, да и я пыталась понять, что написано на лице молодого человека. Но толком никак не могла разгадать.

Неожиданно для меня, Юрина рука потянулась к моему лицу. Парень прикоснулся к моей щеке, и, признаться, от этого прикосновения по моей коже пробежали мурашки. Что он задумал?

– Ты такая красивая, Лина, – прошептал он, не переставая смело смотреть мне в глаза. – Словно Ангел.

Я не знала, что ему ответить на такое, поэтому просто стояла и молчала, ожидая интригующего продолжения.

– Ты очень отличаешься от остальных девчонок.

– И чем же? – быстро спросила я.

Его рука скользнула к моей шее, а вторая легла на мою талию.

И тут я поняла, что ничего хорошего от этого ждать не следует.

Юра попытался поцеловать меня, но я успела отвернуться, подставив под его губы свою щеку. Нет, к такому я не

была готова.

– Ты мне очень нравишься, Лина, – прошептал он, притягивая меня к себе. – Очень.

Я попыталась отстраниться от парня, но он крепко держал меня.

– Юра, отпусти, – попросила я, строго глянув на него.

Но он удостоил меня лишь ухмылочкой.

– А я? – спросил он. – Я тебе нравлюсь?

Я ничего не ответила, промолчала, надеясь как можно скорее выбраться из этих цепких объятий.

– Юра, ты пьян. Отпусти меня.

Снова ухмылка.

– А, может, я не хочу тебя отпускать, – ему явно всё это доставляло удовольствие. – Может, я хочу продолжить начатое.

Продолжить? В каком это смысле?

И тут его руки забегали по моему телу, стали неуголимо изучать его.

Всё, шутки кончились. Ведь только в эту секунду я поняла, о чём говорили Даня и Денис, вот, о чём предупреждали, вот чего опасались... А я, глупая, не послушала их.

– Юра, я буду кричать, – я всё ещё пыталась высвободиться из его цепких рук.

– Брось, Лина, не нужно бояться, – прошептал он на ухо. – Я не сделаю тебе больно. Просто расслабься.

В ход пошли мои кулаки. Я отбивалась от обнаглевшего

парня, пыталась высвободиться, но его моя неприступность только забавляла.

– Отпусти меня! – выкрикнула я, что было сил.

Но Юра лишь рассмеялся.

Я не знала, что мне делать – продолжать драться или дать волю эмоциям. Всё смешалось воедино. Я потеряла контроль над ситуацией, впервые не смогла собраться и предпринять хоть что-то. Я почувствовала, что слёзы начали подступать к глазам, а чувство унижения подкатывало комом к самому горлу.

– Отпусти! – снова выкрикнула я.

И тут я почувствовала, как что-то буквально оторвало от меня парня. Вжавшись в стену, я увидела на полу двух дерущихся парней, одним из которых, однозначно, был сам Юра, да и, судя по грязной ругани, можно было определить его голос. А вот второй...

Оба вдруг резко вскочили с места, но и тогда темнота не дала рассмотреть мне лицо второго парня.

– Ещё раз тронешь её, голову снесу, понял?!

Что? Я не поверила услышанному. Голос второго парня принадлежал Денису Гранину.

– Шагай-ка ты отсюда, Дэн! – грозно произнёс Юра. – Сделаем вид, что ничего сейчас не произошло, иначе, были бы последствия.

– Я уйду отсюда только вместе с ней, – Денис качнул головой в мою сторону.

Юра посмотрел на меня с надменной улыбкой, а потом снова перевёл пьяные глаза на друга.

– С ней? Нет, приятель. Эта девочка моя, понял?

– Она не вещь, чтобы так распоряжаться ей, – парень грозно двинулся в сторону друга.

– Хм, тоже хочешь повеселиться с ней? Как-то это не честно, друг. Тебе мало моей сестры? Твои проблемы. Но эта крошка моя. Только моя...

И тут Денис замахнулся и ударил Юру кулаком в челюсть.

Я вскрикнула от неожиданного действия парня, но моя реакция несравнима с тем, что последовало после этого.

Денис и Юра набросились друг на друга, как два хищных зверя. Последовали резкие удары, толкания друг друга в стены, оглушительные грохоты о пол и ругательства. Свидетели всего этого пытались их разнять, но всё было тщетно – парни снова и снова набрасывались друг на друга и, казалось, уже не могли остановиться. Все гости были в ужасе от увиденного, никто не ожидал такого исхода – драка двух друзей. Такими темпами ребята добрались до лестницы, и, после очередного удара, один из парней потерял равновесие и полетел вниз, утащив второго за собой. Только, достигнув первого этажа, парням удалось остановиться – всё-таки их смогли разнять.

– Ты в конец обнаглел?! – выкрикнул Юра Денису чуть ли не в лицо, пытаясь вырваться из рук незнакомых мне ребят. – Наброситься на друга из-за какой-то девчонки!

– Мы уже давно не друзья! – выкрикнул Денис, вытирая тыльной стороной ладони струйку крови, которая сочилась из рассечённой брови. – Если ещё раз я увижу тебя рядом с Линой, убью!

Я не знала, что мне делать: так и стоять на лестнице или бежать прочь отсюда. Но и здесь мне не предоставили право выбора. Пока я переводила наполненный слезами взгляд от Гранина и Линовского на ошарашенных гостей, Денис стремительно поднялся ко мне и, крепко схватив за руку, повёл в сторону выхода.

Я успела встретиться взглядами с озлобленным Юрой, лицо которого украшал уже проявившийся синяк, и его сестрой, глаза которой пылали гневом и страшной обидой.

– Возьми куртку! – строго произнёс Денис.

Я схватила с вешалки свою верхнюю одежду и последовала за парнем на улицу, вытирая слёзы.

Денис, словно маленького ребёнка, схватил меня за запястье и повёл в сторону машин, но ни к одной из них парень даже не приблизился, а вот к одному единственному мотоциклу на всей этой «парковке» – да.

Пока я приходила в себя, он протянул мне шлем.

– Надевай, – строго сказала парень. В его глазах читалась злоба. – Я отвезу тебя домой.

– Нет! – выкрикнула я, не в силах подавить подступающую истерику. – Только не домой.

Денис как-то странно посмотрел на меня, задумчиво, что

ли.

– А куда мне прикажешь тебя девать?! – взбесился он, подойдя ближе.

Я не выдержала и бросила в него его же шлем. Он еле успел среагировать и поймать его.

– Я тебе не вещь, чтобы меня куда-то девать, понял?! – эмоции дали сбой. – Можешь никуда не отвозить, прогуляюсь.

Я развернулась и направилась в сторону дороги, обхватив себя за плечи. Хватит с меня всего этого! Сил больше не осталось.

– Ладно, прости! – донеслось до меня. – Лина!

Но я остановилась лишь тогда, когда Денис догнал меня и взял за запястье.

– Хорошо, домой я тебя не повезу, но и здесь оставлять тоже не собираюсь, – его глаза пристально смотрели на меня, но даже в этот тяжёлый момент я не могла не признаться себе, что они были прекрасны. – Куда тогда тебя отвезти?

– Мне всё равно, – отчаянно произнесла я, опустив взгляд вниз. Настолько мне было плохо.

Молчание.

– Хорошо, – сдался парень. – Надевай шлем и поехали.

– Куда? – спросила я, но ответа не последовало.

Пока во дворе дома Линовских собирался народ и наблюдал за нами, Денис завёл мотор, сам надел шлем, проверил мой и, как только я уселась сзади и обхватила парня руками,

резко тронулся с места. Мы поехали в неизвестном мне направлении.

Этот вечер оставлял желать лучшего. Скандал дома, иллюзия прекрасного времяпрепровождения, приставания со стороны человека, которому мне хотелось верить, драка между друзьями, а теперь и незапланированная поездка с человеком, который предупреждал меня о возможной опасности – с человеком, который вступил в драку со своим приятелем, чтобы защитить меня...

Денис

Каждый преодолённый километр пути был для меня настоящим испытанием – я боялся, что на эмоциях не замечу, как скорость, с которой я мчался, достигнет своего предела. И пускай на дорогах в час ночи никого не было, не считая нескольких встретившихся нам машин, я не хотел потерять такие дорогие мне водительские права.

Злость с головой накрыла меня. Я еле сдерживался, чтобы не закричать, чтобы не проклясть всё то, на чём Свет стоит! Возможно, будь я сейчас один, разогнался бы до предела, пока адреналин не забурлит в крови, но здесь и сейчас я был ответственен не только за себя, но и за жизнь другого человека.

Лина так крепко обхватила меня, будто я был для неё настоящим спасательным кругом. Возможно, так оно и было, ведь, спасая эту девчонку, я сам влип по уши. Ведь говорил ей, что не надо идти на эту вечеринку, не надо связываться с Линовским, но она не то, что меня, даже Даньку не послушала!

Я всё думал о том, что могло произойти, не увидь я её случайно в зале дома. Не думал, что меня одолеет такая злость... Юрка так обнимал Лину, будто та являлась его девушкой, да и она сама, заметив меня, с какого-то перепуга,

прилипла к нему, как банный лист. Эта была противная картина, самое омерзительное, что я когда-либо видел, не считая, конечно, того момента, когда Линовский лапал её, как какую-то распутную девку.

Я сам не понял, что это было. Но мне по-настоящему захотелось придушить Юрку за то, что он собирался сделать. Всё! На этом наша дружба действительно подошла концу, и дело было не только в Лине, но и в его отношении ко всему вокруг. Он предавал, подстрекал меня, втягивал в такие передраги, что и подумать страшно! А эта девчонка... стала моей последней каплей. Ну, что за день сегодня такой?!

Наша езда по пустынным дорогам продолжалась уже больше часа. В ночной обстановке была какая-то своя романтика: тёмное небо, усыпанное яркими звёздами, какие бывают только на юге, тёплый мартовский ветерок – непривычно тёплый даже для этих краёв и руки девушки, крепко обхватившие моё тело. Это прикосновение, казалось, пробудило во мне какие-то странные инстинкты – я не желал отдавать эту девчонку никому на свете, хотел защитить её, прикрыть собой, уберечь от всех возможных недоброжелателей, да и просто находиться рядом... Что со мной происходит?!

Все эти мысли лишали меня всяческого контроля, пришёл в себя лишь тогда, когда почувствовал, как руки Лины синее сжали меня. И действительно – я набрал скорость. Эта сумасшедшая гонка мыслей и чувств грозила закончиться не очень хорошо, поэтому я облегчённо вздохнул, когда место,

к которому я так рвался, появилось в моём поле зрения.

Дикий пляж – моё любимое место, куда я часто приезжал, когда было плохо на душе, несколько раз я бывал здесь с Юркой, когда ночные приключения нам надоедали. Но вдруг я понял, что ни разу я не был здесь с человеком, которого всегда воспринимал, как брата – с Данькой. Эта мысль отдалась неприятной болью в самом сердце. Каким же я был идиотом, когда предпочитал Линовского этому беспечному ангелу! Мне не вернуть упущенного времени, но мне очень хотелось нагнать его в будущем.

Я свернул с дороги на обочину и, остановившись, заглушил мотор. Лина так и не расцепила руки – всё ещё крепко держалась за меня. Но стоило мне коснуться её холодных пальцев, как девчонка дёрнулась, словно моё прикосновение обожгло её.

Я снял шлем и слез с мотоцикла, помог то же самое сделать и Лине. Помогая ей избавиться от шлема, я уже знал, что увижу дальше – покрасневшее лицо, помеченное дорожками от слёз – так и было. Лина сразу же опустила в землю свои невероятные карие глаза, а потом, пересилив себя, посмотрела на дикий пляж и бушующие морские волны.

– Где это мы? – спросила она, после чего ступила на холодный песок.

Я не спеша последовал за ней. С моря дул ветер, но холодно не было, что меня очень радовало.

– Это один из самых красивых местных диких пляжей, –

я поравнялся с девушкой, но держал дистанцию, боясь нарушить неплохо начавшийся разговор. – Удивительно, но людей здесь практически никогда не бывает.

– Почему? – тихо спросила она, наспех вытерев слезу со щеки.

Я осторожно перевёл на неё взгляд. Вид у Лины был очень подавленный. Я уж подумал, не из простой ли вежливости она всё это спрашивает. Было видно – в голове у неё были совершенно другие вопросы.

– Все хотят понежиться на благоустроенных территориях – с зонтиками, шезлонгами, барами, в конце концов. Но никто даже не думает насладиться истинной красотой, всем подавай комфорт, хоть и поддельный. А такие нетронутые места ценят только местные жители, которых хотят побыть подальше от городской суеты, особенно в летний сезон. Но и местных здесь немного, слишком далеко от жилой части города.

Лина качнула головой и прошла дальше. Я молчал, не знал, как заговорить с ней о том, что произошло на вечеринке. Как кстати я вспомнил про свои боевые раны – синяки не сразу дадут о себе знать, а вот надбровная дуга уже отдавала пульсирующей болью. Хорошо, что хоть кровь перестала течь.

Я шагал за девушкой, чувствуя, как кроссовки наполняет песок, но это не имело абсолютно никакого значения. Я наблюдал за Линой, её движениями, реакцией, но она дер-

жалась стойко – стойко до тех пор, пока не ускорила шаг, а потом и вовсе не побежала к берегу. Я встrepенулcя, но девушка резко остановилась у самой кромки воды. Сам не понимаю, почему я решил остановиться, наверное, побоялся непредсказуемости её действий.

Лина долго смотрела на бушующие волны, крепко сжав кулаки, но потом, она резко повернула голову в сторону и опустила глаза вниз – на песке лежал небольшой камень. Секунды буравя его взглядом, девушка протянула к камню руку, подняла его с песка и под собственный оглушительный крик со всей силы бросила его в море.

Я вздрогнул, услышав этот вопль, однако успел среагировать и бросился к кричащей Лине. Не знаю, руководствовался я умом или так сработали инстинкты, но я сгрёб девчонку в охапку и оттащил её подальше от берега. Так я прошёл всего несколько метров, а потом просто поставил Лину на песок и притянул к себе.

Может, это и прозвучит немного не к месту, но я, казалось, мечтал об этом моменте. Она была в этот момент таким хрупким, таким маленьким созданием, которое хотелось оберегать, которое хотелось просто держать в объятиях и никогда не отпускать. Чёрт, да что со мной происходит, в конце концов?!

И только спустя некоторое время я понял, что Лина даже не сопротивлялась, не пыталась вырваться и даже отстраниться от меня. Она плакала, не могла остановиться, а я об-

нимал её за плечи и чувствовал, как её потрясывало.

Я не умею успокаивать людей, просто не умею этого делать, а уж, если речь идёт о девчонке, то тем более. Всё, что я мог – выражать своё беспокойство крепкими объятиями.

– Лиана, – я решил попробовать хоть что-то сказать, – ну, всё, успокаивайся. Всё уже позади. Обещаю, этот гад больше и пальцем тебя не тронет, даже близко не подойдёт.

И тут её перестало трясти, девушка отстранилась от меня, но стояла всё так же близко, не в силах поднять на меня заплаканные глаза.

– Дело не в Линовском, – прошептала она. – Вернее, не только в нём, а...просто...

Она тяжело вздохнула, утирая пальцами слёзы.

Как же сильно мне хотелось обхватить её лицо руками и убрать мокрые дорожки с её раскрасневшихся щёк. Но я сдержался, не хотел её пугать.

– Пойдём, прогуляемся, – мой голос прозвучал непривычно тихо.

Девушка кивнула головой и мы, не спеша, зашагали вдоль береговой линии. Сначала шли молча, наслаждались непривычно тёплой мартовской ночью и запахом моря. Неожиданно, я поймал себя на мысли, что перестал думать о конфликте с отцом – для меня было важнее, что творилось в душе у Лианы. Я должен был понять, что так сильно расстроило девушку, если дело было не только в Юре. Но она молчала, ничего не говорила. Я снова решил сделать первый ход:

– Ты извини, что так грубо увёл тебя из дома, – я посмотрел себе под ноги. – Но тебе не стоило там оставаться.

– Да, я знаю, – её голос был тихим, в нём чувствовалась осторожность. – Спасибо, что заступился за меня.

Вот этого я никак не ожидал услышать, даже на пару секунд поднял на Лину удивлённые глаза.

– Даня был прав, да и ты тоже – не стоило мне идти туда. Да я и не собиралась сначала, на самом деле.

– Тогда, почему всё-таки пошла?

Она снова замолчала. Я понимал, что к этой девчонке нужен особый подход, она не станет рассказывать всё человеку, который изначально не завоевал её доверия, но, подняв на меня свои большие глаза, я понял, что между нами не такая уж и большая пропасть.

Лина мне всё рассказала, несколько раз плакала, но довела тему до конца. Я был очень удивлён тому, что услышал, никак не ожидал, что Ольга и Вячеслав Озерцовы – её тётя и дядя, а не родители. Вот почему тогда – на вечере в их доме – я не услышал от неё «родители». По словам девушки, на неё просто резко всё навалилось: переезд, сложности в отношении с опекунами, да ещё и Юрка, придурок, доставил проблем.

На самом деле, я тоже чувствовал вину перед Линой. Ведь, если бы я тогда не забыл про её учебники, то, возможно, наше общение началось бы с чего-нибудь хорошего, а не с ненависти и непонимания. А ещё Аня...

– Я... честно говоря, даже представить не могу, каково тебе, – честно признался я. – Но мне знакомы конфликты с родителями. Я с отцом постоянно воюю.

Мы с Линой присели на песок и стали смотреть на море, хотя мне очень хотелось смотреть только на неё.

– С отцом? – спросила она.

И я рассказал ей о том, что произошло накануне вечером. Поделился с девушкой своей мечтой о том, что хочу стать архитектором, а отец не понимает этого, хочет, чтобы я продолжал семейный бизнес. Видите ли, мои желания для него полная ерунда, юношеские замашки всего лишь, не более.

Самое удивительное то, что кроме Даньки я никому не рассказывал о том, что твориться у меня дома. Никто кроме него не знал, через что мне приходится каждый раз проходить, затрагивая эту тему в разговоре с родителем. Но теперь знает и она, и я ничуть не жалею о том, что открылся Лине. Казалось, будто какой-то внутренний барьер просто взял и рухнул где-то внутри меня.

– Значит, ты мажор с творческой натурой? – произнесла она, натянуто улыбнувшись. – А я думала, что твой наряд, в котором ты был на набережной, лишь развлекаловка, не больше.

И тут я задумался.

– Почему ты решила, что я мажор? – я перевёл взгляд с бушующих волн на девушку.

Она в ответ строго посмотрела на меня.

– Ты ведёшь себя так, словно являешься королём этого мира, хотя, как мне кажется, всё это лишь притворство, – в её карих глазах появились огоньки злобы. – Ты находишься в куру таких же личностей, не считая Даню, к тому же, – она сделала паузу, – ты – друг Линовского, парень его сестры...

– Так, стоп! – а вот тут я окончательно опешил. – Парень его сестры?

Я не знаю, насколько удивлённым был мой взгляд, но, уверен, такого выражения на моём лице не было уже очень давно.

– А, что? Разве не так? – Лина скрестила руки.

Признаться, меня такое развитие сюжета не очень радовало.

– Нет! – громко сказал я, вскочив на ноги. – Нет, я не встречаюсь с Аней! Да, не скрою, когда-то к тому всё и вело, но мы так и не стали... парой.

Это даже звучит противно!

– Пожалуйста, избавь меня от этих подробностей, – она тоже поднялась на ноги, буравя меня злым взглядом. – Получается, что ты ещё и ложные надежды девушкам даёшь?

Я не понимал, что с ней творилось. Всё же было нормально: мы разговаривали, делились, по сути, самым сокровенным, а потом началось вот это... выяснение отношений.

– Чёрт! Да о чём ты, Лина? – я сам начинал злиться. – Какие ещё ложные надежды?

– Да самые обыкновенные! – Лина сделала несколько уве-

ренных шагов по направлению к воде. – Скажи мне, только честно, зачем ты так мучаешь Линовскую, если ничего не чувствуешь к ней? Неужели ты не видишь, что она... без ума от тебя?

Я совсем перестал что-либо понимать, но попытался не терять самообладания. Я просто подошёл к Лине практически вплотную и посмотрел ей в глаза. Станный вопрос: зачем я «мучаю» Аню? Он был совершенно пустым, ведь она прекрасно знала, что между нами ничего никогда не будет, даже простой интрижки. А она всё продолжала лезть ко мне, намекая разными способами на свою привязанность ко мне. Но мне хотелось задать встречный вопрос: зачем Лина сейчас мучала *меня*?

– Лина, да что происходит? – тихо спросил я, надеясь хоть как-то разрулить этот странный разговор. – Я никого не мучаю, тем более Аню.

– Да? А как ты объяснишь то, что буквально несколько часов назад вы обжимались в её доме? – она почему-то всматривалась в мои губы. – Еле заметные следы от помады так и остались на твоём лице.

Что? Обжимались? Но... о, нет! Она всё видела! Но видела не то, что ей казалось. Да, я был с Аней, разговаривал с ней в коридоре на втором этаже, пока она, еле стоя на ногах, пыталась навязать себя мне любыми доступными ей способами. А этот поцелуй... у меня язык не поворачивается даже назвать эту мёртвую хватку таким нежным словом. Девушка

была пьяна, что уж тут говорить! Для меня самого это стало неожиданностью, но я не хотел продолжать то, что она задумала, поэтому отстранился сразу же, желая навсегда покончить со всем этим.

– Это было полное недоразумение, – развёл я руками. – Это всё ничего не значит.

Она смотрела меня и не верила моим словам. Я это видел. Но и у меня уже не было сил что-то ей доказывать. Сегодня наши напряжённые отношения не станут по-настоящему доверительными, но, несмотря на исход нашей прогулки, я рад, что что-то между нами всё-таки прояснилось. Однако мне хотелось поставить девушку на своё место, ведь меня всё же терзало кое-что очень важное.

– Хорошо, – сдался я, – не веришь мне – дело твоё, но и меня одна вещь тоже очень интересует.

Девушка непонимающе уставилась на меня, не теряя стойкости во взгляде.

– Это касается Дани, – продолжил я, понимая, что теряю самообладание. – Что... что между вами?

В следующее мгновение я понял, что запомню её крайне удивлённое выражение лица навсегда. Она уставилась на меня, будто на какого-то сумасшедшего, и от этого мне только сильнее стало не по себе.

– Что? – спросила она, сдерживая усмешку. – Мы... дружим. У нас классное общение, полно общих тем для...

Её щёки покрылись румянцем. От меня это не укрылось

даже в темноте. Да, резкий и нетактичный вопрос, но я должен был знать. Несколько дней я терзал себя мыслями о том, что мой лучший друг заинтересовался девушкой, которая, казалось, уже навсегда поселилась в моих мыслях, фантазиях, думах... Меня это мучило, хоть до этого самого момента я не хотел признаваться в очевидном даже самому себе.

Её странная реакция со стремительной скоростью рождала в моей голове тысячи вариантов. Врёт? Не врёт? Хочет что-то утаить? Или ей совершенно нечего скрывать?

Но всё же я надеялся, что вся эта мука – всего лишь плод моего больного воображения. Моё желание опровержения этих догадок было нечто большим, чем просто надеждой – это была неутолимая жажда.

И тут её глаза наполнились ясностью. Она всё поняла – поняла, в чём заключалась суть моего вопроса. Взгляд Лины наполнился чем-то странным, непонятным для меня, поэтому мне оставалось лишь ждать, наблюдая за тем, как ветер небрежно играет с её светлыми волосами.

– Денис, ты серьёзно? – возмутилась она. – Ты подумал, что я и Даня... Ты вообще в курсе, что ему нравится Лиля Соловьёва?

Я оторопел. И почувствовал невероятное облегчение. Странные чувства смешались воедино и совершенно лишили меня возможности хоть как-то соображать. Но я был рад, что ошибся, чертовски рад. И удивлён...

– Он... всё рассказал тебе? – осторожно уточнил я.

Но в ответ на мой вопрос Лина лишь рассмеялась, и выглядело это больше издевательски, чем мило.

– Вы, парни, порою, совершенно не замечаете очевидных вещей, – она повернулась ко мне спиной и пошла дальше вдоль берега. Я последовал за ней. – Только не говори мне, что никто не замечает, какими глазами он смотрит на неё на уроках, как мило смущается, когда она сама поглядывает на него, – Лина перевела взгляд на меня, – как он реагирует, когда слышит её имя. Всё это не просто же так, верно?

Казалось, Лина видела людей насквозь, но меня это не пугало, а восхищало. Мне, привыкшему вариться в обществе «показушников», нелегко давалось подобное.

И тут я впервые за весь вечер улыбнулся – улыбнулся не потому, что сегодняшний день поразил меня всем, чем только можно, а потому что мне стало очень легко. Связано ли это с тем, что не подтвердились мои догадки о Лине с Даней – не думаю, но я точно знал, что без какой-то магии, исходящей от девушки, тут точно не обошлось. Мне хотелось взять её за руку, у меня всё замирало внутри, когда я вспоминал, как мои руки обвилились вокруг этого хрупкого тела. Но приходилось держать себя в руках, не давать волю эмоциям, и эта странная сдержанность, казалась, наполняла меня какими-то незнакомыми чувствами.

– Что? – спросила Лина, глядя на меня.

Я поднял на неё глаза и увидел, что девушка тоже улыбается. Мы около минуты пялились друг на друга, как два ино-

планетянина, а потом...одновременно рассмеялись.

Истерика. Это точно была она, но именно в этот момент мне показалось, что в мире ничего сладостнее этого чувства не существует. Мне было плохо – я поссорился с отцом; чуть не оказался в цепких пальчиках Ани, едва не потеряв контроль над ситуацией; подрался с бывшим другом, а теперь, стараясь не думать о боли надбровной дуги, гуляю по своему самому любимому месту с девушкой, которая, кажется, каким-то невероятным образом закралась в самые глубины моей души. Ну, почему сентиментальность сегодня из меня так и прёт?

– Да уж, паршивый сегодня выдался денёк, – произнёс я, когда смех немного отступил. – Кажется, проживи мы ещё один такой вечер, нас сразу же можно будет в психушку отправлять.

– Ага, – подтвердила Лина, – на принудительное лечение.

– Нам нужно подготовиться к тому, что нас будут плохо кормить, – заверил я.

Девушка перевела на меня удивлённый взгляд.

– Сам не знаю, это только слухи, – я поднял руки, тем самым утверждая, что никогда не был пациентом столь необычного заведения.

Лина снова рассмеялась. И на этот раз смех был искренним. Я любовался ею – ею настоящей, какой мне ещё не доводилось видеть эту девушку. Я мысленно сравнил её с Аней и другими девчонками, которые когда-то были в моей жиз-

ни – ничего общего. Рядом со мной было какое-то светлое, доброе, невинное создание, которое превращало меня из высокомерного Дэна Гранина в простого парня, мечтающего, однажды, открыто для всех, стать самим собой, не прибегая к притворству и нелепым маскам, которые приходилось постоянно менять. Не спорю, день принёс мне много плохого, но здесь и сейчас я могу смело заявить, что чувствую прилив нечто такого, что напоминает счастье.

Порыв ветра растрепал мои волосы, и я, по привычке, пригладил их пятернёй, случайно задев рассечённую бровь, про которую уже и забыл. Я негромко втянул воздух сквозь зубы, а потом взглянул на свои пальцы – кровь. Чёрт! Всё-таки зацепил.

– Нужно обработать, – голос Лины заглушал ветер, – иначе потом сильнее воспалится.

– Нет, не нужно, – я подошёл к воде и опустил в неё свои окровавленные пальцы. Море было ещё очень холодным.

– Нужно! – настойчиво произнесла девушка, появившись рядом. – У тебя есть что-нибудь под сидением мотоцикла?

Я судорожно начал вспоминать, что же там можно было найти: всякий мусор в виде обёрток и смятых железных банок из-под Pepsi, возможно, толстовка, оставленная мной пару недель назад, какие-то бумажки и прочее барахло.

– Нет, ничего нет, – помотал я головой. – Да, брось, ничего серьёзного.

– Я видела недалеко отсюда аптеку, кажется, она кругло-

суточная, – девчонка как будто не слышала меня вовсе. – Нужно зайти туда.

– Зачем? – я был готов закатить глаза от её настырности.

– Хотя бы для того, чтобы потом тебя родня не навещала в каком-нибудь инфекционном отделении местной больницы, – Лина уверенным шагом двинулась в обратную сторону. – К тому же, это из-за меня тебе так досталось, должна же я хоть как-то искупить вину.

– Это не из-за тебя, а для тебя, – произнёс я на автомате, а потом сам же опешил от собственных слов.

Я взглянул на Лину чуть обескураженным взглядом, она смотрела на меня точно также, а потом опустила глаза вниз, после недолгого молчания.

Мы вышли на дорогу. Я ещё раз бросил взгляд на бушующие волны, как делал это всегда, когда покидал этот пляж, а потом завёл мотор, и мы с Линой поехали в обратную сторону. И действительно – по пути нам попалась круглосуточная аптека. Девушка забарабанила пальцами по моему животу, мол: «Давай, останавливайся», а пререкаться с ней мне точно не хотелось. Я остановился на своеобразной маленькой парковке и заглушил мотор.

– Я быстро, будь здесь, – произнесла Лина, отдав мне свой шлем.

Я и опомниться не успел, как девушка порхнула внутрь небольшого помещения. Даже не дала мне шанса на то, чтобы самому заплатить за своё «лечение».

Пока Лина в аптеке выбирала всё то, что, по факту, должно находиться в моей аптечке, я осторожно снял свой шлем, стараясь не задеть травмированную часть моего лица.

Волна тёплого воздуха окутала меня. Я закрыл глаза и глухо вздохнул, стараясь переварить всё то, что произошло со мной за прошедший вечер. Но мозг отказывался работать, ему просто хотелось отключиться в этот момент. И всё же, я понял, что сегодня получил гораздо больше, чем потерял – я вновь почувствовал себя тем самым парнем, которому уже давно требовалось хотя бы несколько часов побыть самим собой. И с кем это я ощутил – с той, кто вызывал у меня такую бурю эмоций. Может, в нашей жизни и правда всё происходит не просто так? Вселенная или что-то из этой же серии каждый раз даёт нам знаки, которые мы не всегда можем распознать? Не скажу, что я так сильно верю в приметы или судьбы, но здесь и сейчас я убежден, что жизнь не просто так столкнула меня с этой девчонкой.

Дверца аптеки хлопнула. Лина стремительно направлялась в мою сторону, еле удерживая в руках всё то, что она раздобыла.

– Ты ограбила аптеку? – изумился я, увидев содержимое. – Нам уже следует гнать отсюда или фармацевт дала нам пять минут форы?

Она улыбнулась.

– Очень смешно. Здесь всё самое необходимое.

– Необходимое? – я уставился на неё. – Признай, ты про-

сто решила подарить мне аптечку без кейса. Вот, зачем мне это? – я взял в руки какой-то пузырёк, даже не взглянув на его название.

– А ты предлагаешь мне твою рану морской водой промывать? – она отобрала у меня пузырёк. – Поверь, этичнее использовать перекись водорода.

Лина взяла ещё какую-то маленькую бутылочку и содер-жимым обработала свои руки – продезинфицировала. Далее в ход пошёл кусок ваты, смоченный этой самой перекисью водорода.

– Так, постарайся не дёргаться, – тихо произнесла она, приступив к работе.

От меня не укрылось, с какой тщательностью и осторож-ностью она обрабатывала мою рану, но, что не менее важно, я почувствовал, как участилось моё сердцебиение, когда её лицо оказалось так близко к моему. Эти глаза, эти губы, ко-торые так и манили к ним прикоснуться, её дыхание, щеко-тавшее кожу – всё это снова заставило какую-то неистовую волну жара накрыть моё тело с макушки до самых кончиков пальцев ног. Я даже не сразу сообразил, как участилось моё дыхание.

– Рана неглубокая, это хорошо, – заключила она как на-стоящий эксперт. – Но, лучше потом обратиться к специа-листу.

Я ничего не ответил, потому что пялился на её лицо, как последний идиот.

– Что? – поздно спохватился я.

– Ничего, – она по-доброму закатила глаза. – Сиди ровно.

Лина взяла в руки ещё один пузырёк и осторожно открыла его.

– Зелёнка? Серьёзно? – изумился я.

– Просто обработаю края раны, – девушка макнула ватную палочку в пузырёк, а потом поднесла к моему лицу.

Я ожидал ощутить жгучую боль, но Лина сделала всё очень аккуратно и быстро. После этого она заклеила мою рану бактерицидным пластырем и оценочно глянула на свою работу.

– Ну, как-то так, – подвела итоги девушка.

Только я потянулся пальцами к ране, как Лина резко перехватила мою руку.

– Не трогай! Завтра, вернее, уже сегодня вечером сменишь пластырь.

Но я просто смотрел ей в глаза, поняв, что она не отпускает моей руки. Это продолжалось долго, невыносимо долго, ведь мне стоило невероятных усилий сдерживать себя, чтобы не завладеть её губами.

– Спасибо, – только и прошептал я.

– И тебе тоже, – произнесла она после недолгого молчания. – За то, что заступился.

Я не смог не улыбнуться. Нет, не из-за похвалы, а потому что между нами пал барьер. Или мне так только кажется?

– Так, – спохватилась Лина, опустив мою руку. Кажется,

она засмушалась, – а который час?

Я достал мобильник и включил экран.

– Начало пятого, – произнёс я, посмотрев на горизонт. – Скоро начнёт светать.

– Что ж, – она последовала моему примеру, повернув голову. – Думаю, нам пора возвращаться. Дядя и тётя, наверное, с ума там сходят.

Я кивнул головой в знак согласия, хоть и хотел растянуть этот момент как можно дольше.

Уже через несколько минут мы ехали по пустой дороге в сторону дома. Вдалеке показалось солнце. Я уже и забыл, когда в последний раз видел рассвет, тем более в такой прекрасной компании. Должен признаться – именно в эту ночь, сильно поссорившись с отцом, потеряв друга и приобретя отличительный знак на лице в виде рассечённой брови, я впервые за долгое время почувствовал себя по-настоящему счастливым. Я мчался вперёд, меня обнимали руки прекрасной девушки, и неожиданно для себя я понял, что моя жизнь может быть совершенно другой – она может быть настоящей, без притворства, пафоса и мнимой эгоистичности. Я жаждал её, жаждал начать всё сначала, хотел забыть обо всём, что терзало меня изнутри и не давало свободно дышать. И я гнал. Буквально летел к тому, что меня ждало впереди, и не важно, чего мне это будет стоить. Главное – я больше никогда не позволю обстоятельствам обламывать мне крылья, я буду бороться – бороться за свой внутренний яркий огонь.

Даня

Я был в бешенстве, когда узнал о случае на вечеринке в доме Линовских! И что самое неприятное – если бы не школьные слухи, я бы никогда и не узнал об этом. И Лина, и Дэн молчали несколько дней, как партизаны, ни один из них и словом не обмолвился о том, о чём судачила вся школа. Честно говоря, я был готов прибить обоих, одну – за то, что не послушала, другого – за то, что пытался скрыть от меня правду. Но больше всего я жаждал кары для Линовского. Этот самодовольный засранец перешёл уже все границы – так нагло и мерзко повести себя с девушкой – это было слишком даже для него.

После этого случая я осознал, что Лина тот ещё незащищённый ребёнок, который не понимает, какие люди её окружают. Именно поэтому я так стремился защищать её, как-то по-своему оберегать, направлять что ли... Я долго думал, что же происходит между нами, почему я постоянно думаю о ней и без конца переживаю. Ответ оказался чертовски прост – я полюбил эту девчонку, полюбил как-то странно, как-то знакомо, как любил когда-то очень давно.

Давно. Именно это слово и расставило всё по своим местам. Меня тянуло к человеку, приятно радовало её присутствие и почему-то всё это не перемешивалось с неловкостью

и смущением, а сопровождалось внутренней свободой, которая, казалась, уже давно забыла о моём существовании. Да, я полюбил её, но эта не та любовь, о которой снимают фильмы, пишут песни и книги – здесь была любовь к человеку, к другу, к тому, кто принимает меня таким, какой я есть. Это чувство можно сравнить с любовью брата и сестры, но не когда вы ещё дети и ссоритесь из-за каждой мелочи, а когда вы оба уже понимаете, что являетесь самыми близкими друг другу людьми, готовые быть рядом до самого конца. Я чувствовал эту любовь именно так и понял, что Лина для меня так же дорога, как и Дэн – парень, которого я с детства считал братом. Делаю вывод – я испытывал к Лине те же чувства, как если бы она была мне сестрой.

Да уж... Не думал я, что в семнадцать лет сам буду решать, кого из людей буду относить к совей настоящей семье. А другого мне и не оставалось, ведь те, кого я с рождения считал самыми дорогими мне людьми, просто взяли и исчезли. Нет, не всех касается прямой смысл этих слов. Они живы, но находятся уже не рядом со мной...

Но не так уж всё было и плохо, потому что я никогда не был обделён вниманием настоящих друзей. Я был по-настоящему счастлив, что они есть у меня, всегда поддерживают и никогда не заставляют ощущать одиночество. Я считаю, что именно такие люди – самое настоящее сокровище, которое когда-либо может иметь человек. Уверен, кто-то бы, несомненно, вступил со мной в спор по этому поводу, но это моё

мнение, моё понимание настоящего и бесценного, сложившееся за последние годы.

Мои друзья всегда были для меня настоящей опорой, и я понимаю, что именно таких людей не хватает Лине. Да, мы дружим, общаемся, но я знал, что этого всё равно недостаточно, несмотря на то, что и с Дэном, кажется, у них наладились отношения после случая на вечеринке в доме Линовских. Меня уже радовало то, что они хотя бы не конфликтовали и не смотрели друг на друга, как на врагов. Мне показалось, что сам Дэн как-то изменился после произошедшего – я всё чаще стал замечать на его лице улыбку, к тому же, он поделился со мной новыми идеями, которые касались создания декораций к нашему выступлению на школьном вечере, учитывая, что несколько дней назад он вообще хотел оставить эту затею.

Единственное, что меня всё же смущало – Юра Линовский. Их общение с Дэном сошло на «нет», они даже перестали здороваться, проходя мимо в школьных коридорах, а вот с Линой он всё же пытался объясниться, но девушка даже слушать не хотела. Лишь, когда его настойчивость стала переходить за рамки дозволенного, мы с Дэном решили, что не помешает лишний раз проводить её до кабинета или столовой, лишь бы этот гад прекратил её преследовать.

Я и сам не заметил, как за несколько прошедших дней я, Лина и Дэн сумели по-настоящему сблизиться. Казалось, будто эта девчонка всегда была неотъемлемой частью нашей

жизни, мы понимали друг друга с полуслова, и это не могло утаиться от меня. И в один из таких дней я принял решение – я познакомлю Лину со своими друзьями – своей настоящей семьёй.

Мы договорились встретиться во вторник вечером. К счастью, нашим планам ничто не угрожало, если не считать того, что Дэна приговорили к домашнему аресту на две недели. Причин оказалось несколько: сильна ссора с сыном исчерпала последнее терпение Максима Гранина. Теперь он был намерен всерьёз взяться за будущее отпрыска и, в дополнение к такому приговору, ещё и проучить его как следует. Весь этот конфликт подогрело и то, что Дэн начистил физиономию своему бывшему другу на вечеринке, а, вернее, поставил под угрозу многолетнее сотрудничество их семей.

Сам Денис лишь махал рукой и утверждал, что всё это ерунда по сравнению с тем, если бы отец обчистил его кладовку и забрал холсты, краски, кисти и баллоны. На удивление, он смотрел на свой арест позитивно, мол, поработает над декорациями к концерту и проведёт время с мамой с близнецами. Он лишь добавил, чтобы мы как следует повеселились и позаботились о том, чтобы Лина чувствовала себя комфортно. Это странное беспокойство с его стороны заставило меня задуматься над одним вопросом: «А всё ли мне известно о том, что произошло в день вечеринки?» Дэн как-то переменялся после этого. Несильно. Но заметно для тех,

кто его очень хорошо знает. Я не стал вдаваться в подробности, расспрашивать что-то, знал лишь то, что рано или поздно друг сам всё расскажет. Хотя, чего тут думать? Кажется, я и сам уже всё понял.

Я ждал Лину у её дома. Пришёл немного раньше назначенного времени, но так и не решился зайти на территорию дома. Для меня этот район оставался чужим, я понимал, что такому простому парню как я не место среди шикарных домов и богатых убранств территорий. Сам воздух, казалось, здесь пропитан деньгами и роскошью, а вот от меня несло простотой и незаурядностью. Удивительно, что за столько лет общения с Дэном я так и не привык к тому, что даже разные по статусу люди могут по жизни идти рядом.

Я смотрел на дом Озерцовых, и в моей голове продолжали рушиться стереотипы. Богатый, вызывающий и роскошный он никак не сочетался у меня с его юной владелицей – доброй, милой и, казалось бы, самой обычной девчонкой. Я даже не сразу заметил, как на моём лице появилась улыбка. Кажется, она появилась именно в тот момент, когда я посмотрел в то самое единственное окно, в котором горел свет.

– Молодой человек, вы что-то хотели?

Я обернулся на голос и увидел направляющуюся ко мне пару средних лет. Голос, несомненно, принадлежал мужчине. Он чем-то походил на отца Дениса, но не внешностью, а исходящей от него некой «статусностью». Я бы не сильно удивился, узнав, что они из одних кругов, но в отличие от

отца моего близкого друга, этот человек не смотрел на меня как на отброса общества, напротив, взгляд был мягким и по-своему приятным.

– А... я, – почему вопрос мужчины заставил меня замяться, – я жду подругу.

– Подругу? – выгнув бровь, спросила женщина.

Вот как раз-таки она и вернула меня с Небес на землю. Незнакомка смотрела на меня так, как это обычно делали люди её статуса – смотрела с плохо скрываемой неприязнью, оценивая меня свысока. Но я уже давно привык к этому и старался лишний раз не обращать внимания на подобные взгляды.

Я непонимающе смотрел на этих двоих, пока мужчина не достал телефон и не набрал чей-то номер.

– Лина? – он посмотрел в сторону дома. – Тебя тут ждут внизу. Да... хорошо, – он сбросил звонок и посмотрел на меня, улыбнувшись. – Она сейчас спуститься.

И только в этот момент до меня дошло, кем были эти люди.

– Получается, вы...

– Родители Аделины, – перебила меня женщина.

Я понимал, что никому из их семьи не хотелось распространяться о том, что уже давно было мне известно. То, что Озерцовы на самом деле были лишь опекунами Лины, ни в коем случае не означало то, что они не имеют права называть себя её родителями. Они ведь и были ими, на самом де-

ле, хоть и не биологическими.

– А...очень приятно познакомиться, – я несмело протянул мужчине руку. – Меня зовут Даниил, я – одноклассник Лины.

Её дядя ответил на рукопожатие и приятно улыбнулся. А вот его спутнице руку я на всякий случай протягивать не стал, ограничился кивком головы, и это показалось мне единственным верным решением. Судя по её взгляду, ей я не очень понравился.

Я боялся, что затянется неловкая пауза, и я совсем потеряю контроль над ситуацией. Но, на моё счастье, я увидел, что входная дверь дома резко распахнулась и оттуда, как пуля, вылетела Лина, застёгивая куртку на ходу. Спасла!

Она еле успела затормозить рядом со мной. Растеряно посмотрела на меня, потом на своих опекунов, мило улыбнувшись.

– Я так понимаю, вы уже познакомились? – спросила она.

– Почти, – её тётя не переставала сверлить меня странным взглядом.

– Тогда, – не растерялась девушка, – начнём сначала. Позвольте представить, – обратилась она к ним так, будто эта фраза ей совсем не была в новинку, – мой одноклассник и друг – Даниил Февралёв. Даня, – она перевела взгляд на меня, – а это мои родители – Вячеслав и Ольга Озерцовы.

Мы втроём одновременно кивнули в знак ещё одного приветствия.

– Ну, что ж, – с лица Лины не исчезала напряжённая улыбка, – мы, пожалуй, пойдём. А то ребята нас там уже, наверное, заждались.

Девушка взяла меня за рукав ветровки и потянула куда-то в сторону.

– Мы ненадолго, – Лина махнула вслед своим опекунам на прощание. – Если что, звоните.

– До свидания! – вслед за ней попрощался я.

Когда мы довольно-таки стремительно стали отдаляться от дома Лины, я заметил, что девушка еле сдерживала смех.

– Дань, прости, – улыбнулась она. – Я не думала, что они так скоро вернуться.

– Ничего страшного, – я улыбнулся в ответ. – Зато, познакомился с твоей семьёй. Они...они у тебя хорошие.

– Да, – протянула девушка. – Просто, не думала, что ваше знакомство произойдёт именно так. Почему ты мне не позвонил, когда подошёл к дому?

– Честно? – я посмотрел ей в глаза. – Я оставил свой мобильник дома.

От части, это было правдой. Я не хотел ей говорить, что телефон пропал при возвращении домой из гаража. Казалось, меня не было чуть меньше недели, но при кавардаке, который устроил дома отец за время моего отсутствия, найти нельзя было даже самых элементарных вещей! Пока я устранял последствия погрома, про существование телефона я забыл напрочь, а потом и вовсе не смог его найти. Оставалось

надеяться, что он просто завалился где-то в одной из комнат или всё ещё лежит где-то на полке в гараже.

– Знаешь, такими темпами я скоро приобрету для нас специальные рации, – она поднесла руку к лицу, в котором как будто держала несуществующий предмет связи. – Даня, приём! Я уже в пути. Нахожусь между лестницей на второй этаж и кухней. Скоро появлюсь в твоём поле зрения. Приём! – пауза. – Лина, приём! Стою на первой позиции. Нет возможности замаскироваться. В мою сторону направляются две неизвестные фигуры. По всей видимости – твои тётя и дядя. Нет путей к отступлению. Красный код. Повторяю, у нас красный код!

Я засмеялся. Её чувство юмора мне очень нравилось.

Но я всё никак не мог перестать думать, почему же моя случайная встреча с её семьёй заставила девушку так быстро удалиться от дома? Неужели она меня стыдилась?

– Даня, ты извини, что мы так быстро удрали.

И тут я всерьёз задумался о том, что эта девчонка умеет читать мысли. Я уставился на неё.

– Просто... после случая на вечеринке тётя и дядя тщательно следят за тем, с кем я общаюсь. Если Слава относится к этому более-менее спокойно, то Ольга каждого в штыки воспринимает. Не принимай это на свой счёт.

– Они всё знают?

Девушка покачала головой.

– Почти всё. Я не сказала им, почему Денис и Юра сцепи-

лись. Не стоит им лишний раз переживать.

– Но, – не унимался я, – они же об этом всё равно узнают рано или поздно.

Лина пожала плечами.

– Возможно. Но сейчас пускай живут спокойно.

После её объяснений я окончательно расслабился. Ничего страшного, на самом деле, не произошло, и это не могло меня не радовать. Если Лина настолько сильно запала мне в душу, то и ребятам она точно понравится.

– А рации я всё-таки куплю на всякий случай, – произнесла она.

И снова эта девчонка заставила меня рассмеяться...

– Ребята, знакомьтесь, это – Лина Озерцова, – я осторожно подтолкнул девушку вперёд, представляя её своим друзьям.

Несмотря на то, что я всю дорогу убеждал девушку в отсутствии причин для беспокойства, она всё равно не смогла скрыть стеснения и подавить в себе лёгкое волнение. Это было вполне объяснимо, но я знал, что это всего лишь временное чувство.

– Привет, – тихо поздоровалась она.

Я перевёл взгляд на друзей. Всё трое тщательно изучали Лину, как-то странно и непривычно присматривались к ней. Я бы понял такой ход, если бы это исходило только от Ксюши – ведь наша горячо любимая девочка-пацанка больше не бы-

ла одной единственной представительницей прекрасной половины человечества в нашей маленькой банде. Зная свое нравственный характер подружки, та могла выкинуть всё что угодно. Как бы это не навредило нашим взаимоотношениям...

И тут Стас встал со старенького диванчика и подошёл к нам с Линой, вернее, подошёл почти вплотную к ней, поправив очки на носу. Удивительно, но девушка смело посмотрела ему в глаза, не удивлюсь, если именно этот жест заставил друга приветливо улыбнуться.

– Значит, – начал он со свойственной ему хрипотцой в голосе, – ты та самая девушка, про которую наш приятель вот уже несколько дней говорит без умолка?

Стас перевёл взгляд на меня, а я в свою очередь почувствовал, как моё лицо наливается краской.

– Без умолка, значит? – уточнила Лина. – Что ж, возможно.

– Ну, если это действительно ты, тогда я рад знакомству, Лина Озерцова, – друг протянул ей руку. – Меня зовут Стас.

– И мне приятно познакомиться, – уже более уверенно произнесла она, отвечая на рукопожатие.

– Наслышан о твоих приключениях в доме мажора, – голос Ромки. Парень поравнялся рядом со Стасом. – Наконец-то хоть кто-то заставил нашего Дэна начистить физиономию этому козлу. Давно уже напрашивался.

Я заметил, как глаза Лины широко распахнулись, а её губы расплылись в улыбке.

– Только не говорите мне, что об этом уже весь город слышан? – уточнила она.

– Ну, – Рома пригладил пятернёй волосы, – не все, но...

– Подожди ещё недельку, а там хоть репортаж снимать можно будет, – подхватил Стас. – Новость дня! «Юрий Линовский – сын известного бизнесмена вступил в драку со своим лучшим другом – Денисом Граниным. В центре конфликта оказалась юная девушка, из-за которой и началась потасовка. Имя этой самой роковой красавицы до сих пор остаётся неизвестным».

– Так, не запугивайте девчонку раньше времени, – теперь в разговор вступила Ксюша, до этого тихо сидящая на стареньком кресле. Она смело протиснулась между парнями и с любопытством уставилась на Лину. – Знаешь, те, кто заставил нашего Дэна оборвать все связи с Линовским, да ещё и разукрасить его наглую рожу, автоматически становится частью нашей банды, – подруга протянула руку. – Я – Ксюша, а этот красавчик – Ромка, – она качнула головой в сторону друга.

Лина ответила на рукопожатие девушки, и я смог спокойно выдохнуть. Кажется, контакт налажен.

Лина довольно-таки быстро освоилась. Казалось, будто она всегда была частью нашей компании, лично я уже не представлял наши посиделки без неё. Мы разговаривали обо всём на свете, смеялись над шуточками Стаса, обсуждали будущий школьный концерт.

По правде говоря, я всё чаще задумывался о том, стоит ли мне вообще выходить на сцену. Дело было не в страхах, ведь я уже на протяжении нескольких лет выступаю на улице перед большим количеством людей, а в том, хватит ли мне духу признаться девушке моей мечты в своих чувствах. Я не переживал, что могу быть отвергнутым, от части я морально настраивал себя на это, потому что понимал всю значимость реальности. Я – не принц, не парень из обеспеченной семьи, который может дать ей всё, что угодно. И мы живём не в сказке – прекрасная девушка из знатного рода не обратит внимания на простого смертного парня. А, может...

– Даня! – выдернул меня из мыслей настойчивый голос Ксюши. – Хватит витать в облаках, ангел ты наш!

Я растерянным взглядом обвёл ребят. Все пытливо пялились на меня.

– Что? – я мотнул головой. – Простите, задумался.

– О будущем концерте, надеюсь? – Ромка отпил сок из старенькой кружки. – Мы даже репетировать не начинали, не говоря уже о том, что ты до сих пор не отдал нам ноты.

– Обрадую тебя ещё одной новостью – я даже слова к мелодии ещё не дописал.

Я заметил на себе заинтересованный взгляд Лины.

– Ты о мелодии, которую написал твой дедушка?

Я слегка улыбнулся, вспомнив день, когда рассказал девушке эту историю. Вот с моим дедушкой как раз-таки и случилась настоящая сказка – он завоевал сердце той, кого лю-

бил, несмотря на различия их социальных статусов. А вот я в своих силах сомневался.

– Ты рассказал ей? – изумился Стас, чуть не рухнув с кресла.

– Только про песню, – тихо произнёс я.

– А про то, что он хочет посвятить её Лиле Соловьёвой, я сама догадалась, – донёсся до меня голос подруги.

И тут я обомлел. Представить не могу, насколько в этот момент расширились мои глаза, но я был уверен, что они готовы были выпасть.

Как? Неужели Дэн проболтался? Нет. Он бы не стал распространяться об этом, ведь знает, что для меня это очень важно.

– Откуда ты...

– Знаю? – закончила она за меня. – Ой, да, брось, Дань! Влюблённого мальчишку всегда за километр видно.

– Подтверждаю! – перебила её Ксюша, натянув на себя маску знатока.

– То, что ты хочешь закончить песню своего дедушки для той, кто тебе дорого, заслуживает уважения. Это по-настоящему смело.

Я смотрел на Лину и никак не мог понять, как эта девушка может так легко читать людей. Она смотрела в глаза, но на самом деле заглядывала в самые глубины души. И не было страшно, напротив, казалось, что кто-то старательно пытается уберечь твой внутренний мир от внешних агрессив-

ных факторов.

Я даже сам не сразу понял, что улыбаюсь.

– И как это у тебя получается? – тихо спросил я.

Подруга лишь пожала плечами.

– Для меня это тоже остаётся загадкой.

«Да ты сама, как настоящая загадка», – пронеслось у меня в голове.

– Что ж, – Ромка вскочил с дивана и громко хлопнул в ладоши, – раз уж в детали выступления посвящены все без исключения, предлагаю начать работу, – друг начал рыться в каких-то бумагах. – Поскольку наш будущий архитектор отбывает срок на домашних нарах, оформлением займёмся потом, а вот, что касается самого выступления, – Ромка протянул мне старенькую нотную тетрадь, в которой оставались ещё чистые листы, – то над этим придётся хорошо потрудиться. С тебя ноты и слова, романтик, – это было адресовано мне, – после сразу же приступим к репетициям.

– Мы с Ксюшей можем подумать над историей, – произнесла Лина.

– Над историей? – пришла моя очередь задаваться вопросами.

– Подумайте сами, если вы просто выйдете на сцену и споёте, пусть даже такую смысловую песню, вы не выделитесь среди других участников. Однако, – она сделала паузу, – если мы с самого начала дадим зрителям понять, что ваше выступление нечто намного большее, чем просто красивая му-

зыка, то слава и почёт вам обеспечены.

– А ведь, действительно! – встрепенулась Ксюша. – Мы же как раз недавно говорили об этом. Красивая история – секрет успеха. Это может сработать.

Мы с парнями переглянулись, но тут и думать было нечего.

– Если вы считаете, что это сыграет нам на руку, то лично я только «за».

– Да и я не против, – согласился Ромка.

– Согласен, если ваша идея уравнивается с настоящим беспределом, – заключил Стас.

Девчонки по-доброму усмехнулись.

– А что? – чуть хриловатый голос друга прозвучал по-своему интересно. – Я люблю безобидно хулиганить. Особенно в присутствии публики.

Казалось, что до вечера среды я просто не доживу. Я весь день сравнивал себя с трудолюбивой пчёлкой, которая пытается успеть сделать все дела сразу: вытереть пыль и вымыть полы, разобрать гору скопившейся в раковине посуды и постирать вещи, случайно не закинув в машинку белую одежду вперемешку с чёрной, навести порядок в собственной комнате и постараться избавиться от противного запаха, въевшегося в стены первого этажа. Вот, что бывает, когда ждёшь в гости девушку из привилегированной семьи!

На выходных мы с Линой договорились, что на неделе

организуем киновечер. Признаться, нам чертовски повезло, что два дня подряд в школе орудует проверка, которую невозможно провести, если по коридорам ходит огромная толпа детей всевозможного возраста. В связи с таким положением дел, директор объявила двухдневный выходной для учеников и педагогического состава. Мы ликовали!

Лично я не стал упускать такой шанс, но одного всё же с радости не учёл – всё это будет происходить у меня дома... После того, как отец уехал, я вернулся обратно, но не был уверен, что надолго. Тот бардак, что он оставил после себя ввёл меня больше в ступор, чем в шок. В голове постоянно крутился один и тот же вопрос: «Как прикажете всё это убирать?!» Но я быстро взял себя в руки, поняв, что возмущения совершенно не облегчат мою жизнь. И вот я принялся вычищать дом.

Забавно, но от работы, которую никто никогда не любил, мне стало намного легче. Казалось, что разгребая оставленный отцом мусор, наводя серьёзный порядок в комнатах, я расчищал пространство и в своих мыслях. Я всё думал о том, что будь этот дом моим, я бы вычистил его полностью, не оставив ни одной вещички, которая напоминала бы мне о прошлом. Я бы начал всё сначала, с чистого листа, оставив последние несколько лет где-то далеко позади. У меня не было бы желания оглядываться назад, ведь я действительно хочу начать шагать в достойное будущее.

Но до этого было ещё далеко, и всё, что мне оставалось –

создавать видимую картину «идеального» мира.

На уборку я потратил около восьми часов с учётом перерыва на обед. Зато, наконец, нашёл свой мобильник! Такая работёнка меня изрядно вымотала, но мою душу грела мысль о будущем просмотре фильма в приятной компании. Тем более, нельзя сказать, что первая половина дня прошла зря, ведь пока я намывал полы, у меня в голове родились первые строчки для дедушкиной песни. Я не стал мудрить и придумывать сложные сочетания, я просто решил рассказать, вернее, спеть всё как есть. Так будет легче, а, главное – правильное.

После того, как я убедился, что не пропустил ни одного угла дома, быстро привёл себя в порядок и направился к дому Лины. Хорошо, что она жила недалеко, даже ближе, чем Дэн, но на всякий случай я отправил девушке сообщение о том, что уже направляюсь к ней. Как ни крути, мне бы не хотелось снова встретить её тётю, которая при нашей прошлой встрече чуть не испепелила меня недовольным взглядом...

– Проходи, – произнёс я, пропуская подругу внутрь.

Лина осторожно сделал шаг в темноту, я шагнул за ней. После того, как я включил в коридоре свет, первое, что я сделал – проследил за взглядом девушки. Она, как я и думал, с любопытством рассматривала дом, в котором когда-то кипела жизнь и жила любовь. А сейчас... даже чистый пол не способен скрыть всю ту многолетнюю семейную грязь, кото-

рая так и сочилась из всех щелей.

На самом деле, наш дом был добротным, не дворец, конечно, но для среднестатистической семьи в самый раз. Не скрою, косметический ремонт не помешал бы, но на какие деньги его делать, если их едва хватает на оплату счетов?

– У вас так просторно, – произнесла Лина, медленно проходя в сторону кухни. – Снаружи дом кажется немного меньше.

– Да, все так говорят, – подтвердил я то, что обычно слышал от многих людей. – Это из-за светлых стен. Здесь родители приняли правильное решение в отличие от моей комнаты, – сам не понял, почему я сказал «родители». Как-то интуитивно получилось.

– Ты...никогда не рассказывал о своей семье, – Лина взглянула на меня. – Кто твои родители?

Вот этого вопроса я и боялся, а самое главное – я не был к нему готов. А что бы я сказал? Напел бы печальную историю о том, что из когда-то любящей и счастливой семьи остались только отец-алкоголик и сын, пытающийся хоть как-то прожить на гроши, которые получает за ночные подработки?

У меня совершенно не было страха пасть в глазах Лины, ведь я уже не раз убеждался, что для неё главное то, какой ты человек, а ни сколько купюр у тебя в кармане. Но, признаться, я немного стыдился своего положения и не мог об этом спокойно говорить. Боль, вот уже много лет сидевшая где-то в глубинах моей души, до сих пор не давала мне спокойно

жить. Но как бы тяжело не было, раскрывать правду мне не хотелось, по крайней мере, сейчас.

Я почесал затылок, искренне веря в то, что это мне чем-то поможет, но никаких достойных мыслей не было. Всё, что мне оставалось – умолчать определённые моменты из истории моей семьи.

– Ну... Мой отец – строитель. Он часто уезжает в другие города, там возводит новые объекты. График работ у него, конечно, странный, поэтому дома его нечасто застанешь.

«Ага! В особенности из-за того, что всё своё свободное время он проводит в местных барах».

Лина подошла к лестнице и с плохо скрываемым любопытством посмотрела наверх. И она была права – нечего было делать на первом этаже. Я обошёл девушку и побрёл вверх по лестнице, зовя подругу за собой.

– А твоя мама? – вдруг спросила она. – Чем она занимается?

Мама. В груди больно кольнуло. Неприятное ощущение.

– Мама? Она... журналист. Я её почти не вижу из-за частых командировок. Она работает в сфере политологии и постоянно летает за границу.

– Ух ты! – удивилась Лина. – Это очень классно! Есть возможность увидеть мир, познакомиться с новыми людьми... Наверное, ты очень гордишься своими родителями?

Знала бы она, как тяжело мне давался этот разговор! Как можно гордиться тем, чего в твоей жизни на самом деле нет?

– Да..., – неуверенно произнёс я, когда мы поднялись наверх.

Я быстрым шагом направился в сторону своей комнаты и, преодолев расстояние в несколько шагов, вцепился в ручку двери как в спасательный круг.

– Заходи, – сказал я Лине, открыв дверь.

Моя комната не отличалась особым изыском, но это было единственное место в доме, которое не смогло пропитаться ложью и многолетней болью. Обстановка была простенькая, ничего особенного, не считая, конечно, многочисленных постеров и плакатов на одной из стен, которые сразу же заинтересовали Лину.

– «Ария», «Beatles», «Queen»..., – перечисляла она названия групп. – А ты, действительно, буквально живёшь музыкой!

Я улыбнулся. Не каждый мог понять такую мою тягу к нечто прекрасному.

– Да, – подтвердил я. – Единственное, аккордами не наешься. Всё же что-то от приземлённого человека у меня всё-таки есть. Без еды я тоже не проживу.

Лина рассмеялась, и мне от этого стало легче. Казалось, спал какой-то барьер, который не давал мне до этого расслабиться окончательно.

– Ого! – девушка взглянула на рисунок, который висел в правом углу. – Твоя работа?

Такой восторг у неё вызвал портрет поющего Фредди

Меркьюри. Рисунок был сделан простым карандашом, но выполнен настолько идеально, что издали работу можно было перепутать с большим фото.

– Нет, – я тоже уставился на портрет легендарного вокалиста. – Я – музыкант, а не художник. Это Дэн нарисовал. Небольшая часть его подарка на пятнадцатый день рождения.

– Денис? – Лина не смогла скрыть в голосе сильного удивления. – Он, конечно, говорил, что рисует, но... я не думала, что настолько хорошо. Он где-то учился этому?

– Он – самоучка, как и я.

– Вы оба невероятно талантливы! Ни ты, ни Дэн никогда не забывают этого, – тихо произнесла она после недолгой паузы.

Я немного засмутился. Не каждый день приходится слышать такие приятные слова.

– Спасибо, Лина.

Я смотрел на неё и не мог отвести глаз. Уже не впервые я убеждаюсь в том, что эта девушка не просто так появилась в моей жизни. Может, она сможет что-то изменить в моей судьбе, если только одно её появление уже смогло повлиять на очень многие вещи?

– Кстати о Меркьюри, – встрепенулся я, после чего включил компьютер. – Мы же хотели посмотреть фильм «Богемская Рапсодия»!

– Надеюсь, фильм действительно хорош, – Лина присела

на край кровати.

– Очень хорош, – заключил я с видом эксперта, повернувшись к ней.

Но Лина смотрела не на меня, а на фото в старенькой рамочке, которое стояло на прикроватной тумбе. И тут моё сердце предательски ускорило темп.

– Кто это? – тихо спросила она.

Большие голубые глаза, копна светлых волос и озорная улыбка, которая по сей день помогала мне лишней раз не падать духом.

– Это ты?

Я интуитивно отрицательно покачал головой, но, на моё счастье, Лина этого не заметила.

– Да. Это – я, – мне пришлось вернуться к компьютеру, лишь бы не смотреть в глаза девушки.

– Сколько тебе здесь?

– Э-э-э... Кажется, три.

– Хорошенький.

Да, самый хорошенький...

– Ты, кстати, как относишься к пицце? – я решил на корню прервать этот разговор.

– К пицце? Весьма положительно. А что?

Я снова повернулся к ней, после того, как включил фильм и улыбнулся.

– Ты же не думаешь, что мы просто будем пялиться в экран? Хорошее кино обязательно должно сопровождаться

чем-то вкусным и сытным, – я взял две коробки, которые лежали у меня на столе, и присел рядом с девушкой. – Итак, с какой начнём? С «Четыре сыра» или «Пепперони»?

Лина закрыла глаза и интуитивно ударила пальцем по коробке, сделав тем самым свой выбор.

Киновечер однозначно удался! Этот нашумевший фильм я смотрел уже не один раз, знал наизусть почти каждую сцену, каждую шутку и моменты, в которые творилась история. Но больше мне нравилось в этой обстановке кое-что другое – наблюдать за реакцией Лины.

Кино действительно ей очень понравилось, это было видно невооружённым взглядом. В некоторые моменты, она смотрела на экран с широко раскрытыми глазами и затаив дыхание. Такая реакция была мне очень приятна. Не зря я пообещал подруге, что фильм ей понравится.

Пустые коробки из-под пиццы я положил у подножья кровати. Признаться, я не ожидал, что в нас разыграется такой зверский аппетит, но мой желудок был этим полностью удовлетворён. И тут я поймал себя на мысли, что мне давно не было так хорошо в собственном доме. Присутствие рядом кого-то близкого, кого-то, кто тебя не тронет, дарит чувство... защищённости. Впервые за много лет я чувствовал такое расслабление и комфорт, что не мог не признаться себе – для меня это было по-настоящему ценно.

После того, как пошли титры, Лина поделилась со мной

своими впечатлениями о фильме. Делаю вывод: девушка была в восторге!

– Предлагаю посмотреть ещё что-нибудь, – я глядел на монитор. – Есть предложения?

– Хм, может, что-то из этой же серии?

Я задумался.

– Что-то автобиографичное?

– Нет, – протянула Лина. – Что-то такое, где можно услышать много забавных шуточек.

– Комедию, значит?

– Возможно.

Я поставил какой-то комедийный фильм, и мы снова принялись за просмотр. Признаться, он с самого начала меня не впечатлил. Шуточки были плоскими и банальными, герои какими-то странными и неестественными. Где-то на середине фильма я понял, что такое кино не для меня. Я хотел предложить Лине посмотреть что-то другое, но когда повернул голову, то увидел, что девушка безмятежно спит.

Я взглянул на часы – маленькая стрелка только перешагнула за цифру «9». Как бы многие сказали: «Детское время». Но меня эта картина умиляла. Создалось ощущение, будто я вернулся на много лет назад, в то время, где я был по-настоящему счастлив. Лина напомнила мне *его* в этот момент.

Я не смог сдержать улыбку, но она резко исчезла с моего лица, когда я услышал какие-то странные звуки, доносившиеся с первого этажа. Что это? Я же точно помню, что запер

дверь.

Но подозрительные шорохи и шаги не стихали. Я взглянул на Лину, та сладко спала, да и будить её мне совершенно не хотелось. Оставалось только одно – проверить, что твориться внизу.

Я вышел из комнаты, предварительно закрыв за собой дверь и, взяв из кладовки швабру, стал осторожно спускаться вниз по лестнице. Сомнений не осталось – в доме точно кто-то был и, судя по каким-то странным кряхтениям и бормочущему низкому голосу, это был мужчина. Силуэт практически невозможно было разглядеть, поэтому я решил не тянуть, готовясь нанести удар.

Но тут резко включился свет.

В коридоре, пошатываясь, стоял отец.

Я обомлел, опустив швабру. Что он тут делает? Сегодня же среда! Он должен был быть на работе до конца недели! Отец, стоя ко мне спиной, пытался снять с себя куртку, периодически врезаясь в стену. Сомнений не было – родитель был сильно пьян. Я ещё очень удивился, как он вообще держится на ногах. От него исходил неприятный запах, который всегда вызывал у меня приступ тошноты, да и внешний вид оставлял желать лучшего – одежда была перепачкана какой-то засохшей грязью.

Я интуитивно поднял глаза вверх. Лина. Нужно было срочно уводить её отсюда. Уже нечего было терять, она всё равно рано или поздно узнала бы всю правду о моей семье.

Сейчас самое главное – её безопасность. А с родителем я как-нибудь разберусь. Не впервой...

– Ты здесь? – развязный голос отца выдернул меня из мыслей.

Он каким-то чудом всё ещё не свалился на пол. Казалось, будто ноги ему совершенно не принадлежали, были частью чего угодно, но только не его собственного тела. Бросив надоевшую куртку на пол, он побрёл в мою сторону.

– Помнится мне, ты дома вообще неделю не появлялся. Шлялся не пойми где!

Я молчал, думал, как бы вывести подругу из дома.

– Напомнить, из-за кого я ушёл? – я пытался говорить тише.

Отец ничего не ответил, лишь странно покосился на меня.

– Почему ты здесь? – спросил я. – Почему не на работе?

Его выражение лица мне не понравилось. Обычно, когда он так смотрит на меня, всё заканчивается не очень хорошо.

– Меня уволили, – недовольно пробормотал он.

И тут у меня всё рухнуло внутри. Эта работа – наша единственная возможность хоть как-то держаться «наплаву». Одно дело, если не будет денег, благо, у меня имелись накопления, хоть и небольшие, но, если опека узнает, что отец лишился работы... Я пропал.

– Как, уволили? – изумился я. – Почему?!

Хотя, чему я удивляюсь? Понятно из-за чего!

– Почему? – я видел, что отец заводится. – Почему?! Да

потому что мои нервы уже не выдержали! – раскричался он. – Работаю сутками напролёт, а тут решил чуть-чуть расслабиться... а меня взяли и вышвырнули!

– Расслабиться? – мои нервы начали сдавать в ответ. – Ты пил на работе?! С ума сошёл?! Ведь прекрасно знаешь, что это строго запрещено!

Отец подошёл ко мне практически вплотную, и мне чертовки захотелось разучиться дышать.

– Не смей мне дерзить! – он ткнул меня пальцем в грудь. – Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить!

– Не представляю? – у меня внутри всё содрогнулось. – Поверь, я прекрасно знаю, что нашей семье пришлось пережить, – я перешёл на шёпот. – Так почему ты всё усложняешь? Ты хоть понимаешь, что мы оба может лишиться всего, что у нас ещё осталось. Если опека узнает, что ты лишился работы, нам обоим несдобровать! – в моё лицо резко ударила краска. – Тебе мало мамы, мало Егорки? Хочешь, чтобы и я исчез из твоей жизни? – мои нервы сдали окончательно. – Поздравляю, отец, ты на правильном пути!

И тут я почувствовал, как кулак отца коснулся моей скулы. Сам не понял, почему я не издал и звука от резко пронзившей моё лицо боли, но от неожиданности потерял равновесие и сильно ударился головой о стену. В глазах резко потемнело...

Лина

Я вздрогнула от какого-то мощного глухого звука. Мне показалось, что на секунду дрогнули сами стены дома, но нет. Что случилось? Почудилось что ли? А, может, это остатки внезапно накатившего сна дали о себе знать? Сама не поняла, как так получилось, что я задремала. Почему-то я была уверена, что это из-за раннего утреннего подъёма.

Я неуклюже села на кровати и повернула голову к компьютерному монитору – фильм, как ни в чём не бывало, продолжал идти. Кажется, парочка, которая активно вела странный диалог, должна была вот-вот попасться на глаза главному злодею этой кинокартины.

Так, стоп! А где Даня?

– Закрой рот, щенок!

От этой фразы я подскочила на месте. Грубый мужской голос доносился откуда-то с первого этажа. От страха у меня всё сжалось внутри, да так, что я невольно сделала несколько шагов назад. Да что происходит?!

Но на этом странности не закончились – последовал ещё один глухой удар, а следом за ним звук разбившегося стекла.

– Успокойся! – уже другой хрипловатый голос, сопровождающийся надрывным кашлем.

Даня?

Точно! Это был он. Неужели грабители в дом залезли? А Данька...

От осознания того, что происходило буквально под моими ногами, я встала в ступор и не знала что делать. Там внизу мой друг отбивается от каких-то непонятных людей, а стою и ничего не могу сделать!

Я судорожно оглядела комнату: гитара, стул, компьютерный монитор... Нет, всё не то! Неудивительно, что в мальчишеской комнате не было ничего лишнего – классический минимализм. Но мне от этого совсем не легче! Не пойду же я на предполагаемых грабителей с голыми руками!

И тут мой взгляд остановился на каком-то странном металлическом предмете, который стоял на высоком шкафу у самой стенки. Недолго думая, я схватила стул, встала на него и достала то, что пылилось под самым потолком – какая-то музыкальная награда, но не было времени её рассматривать.

Внизу не прекращался страшный шум: ругань, звуки ударов, непонятные скрипы. Я решительно распахнула дверь комнаты и, переступая через собственный страх, стала с опаской спускаться вниз, стиснув в руке награду. Бойня внизу не прекращалась, и от этого становилось ещё страшнее.

– Моли о прощении, гадёныш! – голос доносился из коридора. – Иначе последние твои мозги силой на место поставлю!

Еле-еле уняв сильную дрожь в руках, я вышла из тени, готовясь нанести удар. Казалось, мне хватило доли секунды,

чтобы понять, в чём дело. Какой-то изрядно пьяный мужчина средних лет буквально выбивал душу из распластавшегося на полу Дани. Парень пытался заблокировать нескончаемый поток сильных ударов, и это очень мешало ему отвечать обидчику.

Уровень адреналина в крови зашкаливал, а сковавший всё нутро страх резко заставил меня похолодеть от ужаса. Но потом... всё резко сменилось необъяснимым хладнокровием. Я ворвалась в комнату и, вскрикнув для храбрости, огрела незнакомого мужчину массивной наградой по голове. Тот сразу же повалился на пол.

От испытанного шока меня сильно затрясло. Музыкальная награда, которая, по сути, стала Данькиным спасением, выпала из моих рук и с грохотом рухнула рядом на паркет. Я не переставала тяжело дышать, пыталась подавить нарастающую внутри меня панику, но увиденное не давало мне этого сделать.

Незнакомец неподвижно лежал на полу, и я боялась, что отныне он больше не жилец.

– Господи! – я закрыла рот руками, с ужасом осознав, что натворила. – Я убила его!

Я не знала, куда себя деть. Казалось, будто меня сковали цепями – сковали как снаружи, так и изнутри. Никогда в жизни я не попадала в такие ситуации, и как действовать в них не знала тоже.

– Нет, – прохрипел Даня где-то рядом со мной, – проверь.

Проверить? Да он издевается?! Мне страшно даже подойти к этому человеку. Но я всё равно понимала, что другого выхода у меня нет: либо я – спасительница друга, либо – убийца.

Стараясь унять бьющую дрожь, я осторожно приблизилась к распластавшемуся на полу телу и опустилась на колени, стараясь не смотреть на небольшую лужу крови рядом с головой незнакомца. Преодолевая страх и панику, я потянулась рукой к шее мужчины в надежде нащупать пульс.

– Жив! – облегчённо выдавила я из себя. – Он без сознания.

Никогда в жизни я ещё так облегчённо не выдыхала. А так хорошо всё начиналось...

Взяв себя в руки, я старалась сообразить, что же делать дальше. Я подбежала к Дане, упала рядом с ним на колени и ужаснулась от того, что увидела – разбитая губа, кровоточащая рана на скуле в том месте, где только-только начала заживать старая и наливающийся синяк под самым глазом. Я никогда не боялась вида крови, но от этой картины у меня всё похолодело внутри.

– Боже мой, – только и прошептала я, убирая пряди светлых волос с его лица.

Я перевела взгляд на мужчину, который распластался на полу, а потом на лестницу, где остался мой телефон.

– Нужно в полицию позвонить.

Только я собралась подняться на ноги, как вдруг Даня

схватил меня за руку.

– Нет! – громко сказал он, после чего закашлялся. – Нельзя этого делать.

Я изумлённо уставилась на него.

– Как, нельзя? Даня, этот тип из тебя чуть душу не выбил! Ты просто не видишь того, что вижу я, а вид у тебя, знаешь ли...

– Лина, – меня немного напрягло то, как отчаянно он произнёс моё имя, – прошу, оставь это, – друг перевёл взгляд на мужчину. – Он – не грабитель. Это – мой отец.

Я до последнего надеялась, что мне это только послышалось. Отец? Вот этот вот пьяный тиран? Я с минуту смотрела на друга, как на умалишённого, но его глаза сказали мне намного больше, чем могли бы слова.

Теперь я окончательно перестала что-либо понимать, но ответ, на самом деле, оказался намного прост – вот, какую часть жизни Даня так тщательно пытался от меня скрыть. И теперь я понимала, почему.

– Пожалуйста, – совсем тихо произнёс он.

Я знаю, что здесь и сейчас в моей власти наказать это существо, которое я огрела наградой по голове, но, глядя на Даню, я видела, что у него были какие-то свои непонятные мне причины не вмешивать в эту историю правоохранительные органы.

– Хорошо, – сдалась я. – Но здесь я тебя не оставлю.

Я помогла другу подняться на ноги, обхватив его одной

рукой. Но после моего прикосновения друг резко вскрикнул.

– Что такое? – испугалась я, усаживая его на табурет, который стоял практически у самой входной двери.

Он ничего не ответил, лишь осторожно приложил руку к рёбрам. Его дыхание стало поверхностным, на лице отражалась боль.

Не сразу, но я поняла, в чём причина.

– Где лежит аптечка? – спросила я, сохраняя серьёзность в лице.

– В ванной. За зеркалом.

Я пулей метнулась наверх, набросилась на зеркало, как зверь на добычу, схватила аптечку и стала искать среди лекарств анальгетики. Мне повезло – осталась последняя таблетка. Перед тем, как спуститься обратно к Дане, я забежала в его комнату и забрала наши телефоны.

Эта ситуация полностью вывела меня из-под контроля. Худо-бедно я сообразила, как можно поступить дальше, но ни в одном своём предполагаемом шаге совершенно не была уверена. Увиденное не укладывалось у меня в голове. Неужели в наше время такое вообще возможно? И что же тогда с мамой Дани, если даже с собственным сыном, так называемый «отец», обращается настолько жестоко? Страшные догадки пугали меня всё сильнее, но на эти домыслы совершенно не было времени.

Я зашла на кухню, налила в стакан воды и отнесла его другу, параллельно вручив ему таблетку обезболивающего. От

меня не укрылось, как тяжело дались ему эти глотки. Смоченным кухонным полотенцем я осторожно убрала с его лица кровь.

– Я вызываю скорую. Тебе срочно нужно на рентген, – произнесла я, набирая номер.

– Лина, нет! – Даня сильно дёрнулся в мою сторону, хотел выхватить мобильник, но всё, что он успел сделать – вскрикнуть от боли, чуть не упав с табурета.

Я схватила его за плечи, поняв, что удержала друга только чудом. Я обхватила его лицо руками и пристально посмотрела в глаза.

– Даня, я не знаю, что именно ты так сильно хочешь скрыть, но это не стоит того, чтобы рисковать собственной жизнью, – я перевела взгляд на его отца. Мужчина всё ещё бездвижно лежал на полу. – Тебе срочно нужно в больницу, понимаешь?

– Понимаю, – прошептал он, тяжело дыша, – но этого нельзя делать. Пойми, будут серьёзные последствия.

– Какие ещё последствия? – я начинала злиться. – А как нам тогда теперь быть?

– Позвони Денису. Он знает, что делать.

Услышанное меня сильно удивило. Я аж выпрямилась во весь рост.

– Денису?

Даня кивнул головой.

Я не совсем понимала, чем нам мог помочь Гранин, но,

если друг считал, что это – единственный выход из ситуации, тогда я не стану с ним спорить.

Я взяла Данин мобильник и нашла нужный контакт.

Гудки...

– О, брат, как ты вовремя! – раздался знакомый весёлый голос. – А я уж подумал, что сегодня точно помру со скуки в этом заточении.

– Денис? Это Лина, – тихо ответила я.

– Л-Лина? – задорность в голосе сменилась удивлением. –

Что ты...

– Денис, срочно приезжай к Дане. У нас тут серьёзные проблемы.

– Какие проблемы? Что случилось?

– Тут...его отец. Даньке срочно нужна помощь. Он сказал, ты знаешь, что делать.

Не успела я закончить говорить, как Денис выругался, а потом добавил:

– Ждите меня на крыльце дома. Буду через пару минут.

Звонок оборвался.

И он не соврал.

Без лишних слов я помогла Дане подняться с табурета, накинуть на его плечи ветровку и осторожно вывести на улицу. Я ведь даже не оглянулась, не посмотрела, что с его отцом, но и уделять свои драгоценные секунды такому мерзавцу, как он мне не очень-то хотелось. Однако, это следовало всё же

сделать хотя бы в целях безопасности. Кто знает, что пьяному неадекватному человеку придёт в голову на этот раз.

Но тут послышался странный звук где-то вдалеке, похожий на рёв автомобильного двигателя. На горизонте замелькали огни – фары машины, которая мчалась нам навстречу. Затем, когда авто оказалось совсем близко, засвистели тормоза, да так, что только каким-то чудом у меня кровь из ушей не пошла.

Из новенькой чёрной иномарки вышел Денис.

– Какого чёрта?! – громко спросил он, но почему-то посмотрел именно на Даню, а не на меня.

Друг ему ничего не ответил.

– Тебя как будто в мясорубке прокрутили! – злился парень. – Твой папаша совсем уже все границы перешёл!

– Дэн...

– Лиана, доведи его до машины. Я сейчас вернусь.

Ничего не объяснив, парень прошёл мимо нас и зашёл в дом.

Я помогла Дане добраться до авто и осторожно усадила его в машину, надеясь, что друг не почувствует сильной боли. Он не переставал подносить руку к рёбрам, но каждый раз отдёргивал её, когда испытывал первые потоки страшного дискомфорта.

– И что теперь? – спросила я, вытирая пальцами кровь с его лица.

– Не знаю, – парень покачал головой. – Теперь точно не

знаю.

– Садись с ним на заднее сиденье, и поехали, – раздалось сзади.

Денис быстрым шагом обогнул машину и сел на водительское место. Я же села назад, помогла Дане осторожно лечь на сидения и положила его голову ко мне на колени.

Автомобиль тронулся с места.

Денис ехал на довольно-таки приличной скорости, но так и не сказал, куда именно направляется. Я наблюдала за ним через боковое зеркало – вид у него был озлобленный.

Я боялась произнести даже слова, сосредоточилась на том, чтобы удерживать Даню на поворотах, но и это не могло. Глаза сами постоянно возвращались к отражению Дениса, пытались найти хоть какое-то объяснение тому, что происходит. В какой-то момент я поняла, что мои глаза наполнились слезами, но я не могла позволить себе дать слабину, особенно сейчас.

– Куда мы едем? – тихо спросил Даня, с трудом повернув голову в сторону водителя.

Денис молчал.

– Дэн?

– Мы едем в больницу, – сдался парень. – В больницу, понял?

– Нет, Дэн. Ты знаешь, что...

– Да, знаю! – не столько злость, сколько отчаяние послышалось в его голосе. – Я знаю, чем это грозит. Но сейчас те-

бе действительно нужна госпитализация, – он резко свернул вправо.

– Ты обещал...

– Знаю! – рявкнул Денис, да так, что я чуть не подпрыгнула на месте. – Но твоя жизнь мне дороже всяких там обещаний, – он перевёл дух. – Хочешь ты того или нет, я отдам тебя врачам, а там ненависть меня хоть до скончания века.

Этот странный диалог вызвал у меня только кучу вопросов. Но рано или поздно я всё равно узнаю, что скрывают эти двое. Сейчас для меня важно только одно – Даня.

Когда мы подъехали к корпусу больницы, нас чуть ли не у самого входа встретила целая бригада врачей. Создалось ощущение, что там заранее знали о нашем приезде. Вопросы отпали сами собой, когда один из специалистов при встрече пожал Денису руку. Наверное, парень связался с ними ещё до того, как выехать из дома. Делаю вывод: он знал, что с Даней действительно могло случиться что-то по-настоящему ужасное.

Я даже не сразу заметила, как люди в белых халатах увели друга куда-то вглубь больничных коридоров. Я осталась в холле – ждала, пока Денис припаркует авто.

Сумасшедший день! И это ещё мягко сказано... Я держалась до последнего, чтобы не выпустить эмоции наружу, но не сдержалась.

Даня...

Как же много ты от меня скрывал! Я не могла поверить

в то, с каким домашним тираном ему приходится жить. Поступить так с собственным сыном...большей жестокости я в жизни не встречала. Такой добрый, светлый и замечательный парень никак не заслуживает такого отношения к себе. Никто не заслуживает.

Денис вернулся очень вовремя, потому что я больше не могла скрывать того, что так терзало мне изнутри. Я просто развернулась и уткнулась парню лицом в грудь, пытаясь заглушить звуки рыдания. Я почувствовала, как его руки обвились вокруг моего тела, и я не смогла не признаться себе, что с последней нашей встречи очень соскучилась по этим объятиям.

– С ним всё будет хорошо, – тихо произнёс Денис. – Я обещаю.

Я понимала, что сегодняшней день перевернёт всё моё представление об этой жизни с ног на голову. Ведь только в этот момент я поняла, что живя в золотой клетке, общаясь только с людьми из высшего общества, я совершенно не представляю, что же там – в жестоких реалиях. И от этого было страшно – страшно, что за все свои семнадцать лет я так и не узнала самой жизни, её резких поворотов, острых углов, опасных ловушек... Каким образом я начну самостоятельную жизнь, если меня всегда отгораживали от неё?

А Даня? Что же теперь будет с ним? Одно я понимала точно – он чего-то очень сильно боялся, но никак не мог признаться в этом. Интересно, как долго он терпит такое звер-

ское отношение к себе?

И тут меня осенило – я резко перестала рыдать и подняла свои мокрые глаза на Дениса.

– Ты точно знаешь, что происходит, – шёпотом произнесла я. – Расскажи мне!

Парень молча смотрел на меня, и эта растерянность в его глазах позволила взять ситуацию в свои руки.

– Денис, – я неосознанно сжала пальцами его футболку, – расскажи мне, что скрывает Даня. Почему он так боится того, что о его отце могут узнать?

Я уставилась на него настолько пытливо, насколько позволял мне сделать это собственный взгляд. Я должна была узнать правду, должна была хоть как-то разобраться с тем, что увидела буквально час назад.

Денис тяжело вздохнул и помотал головой.

– Лина, я не могу, прости.

– Но ты должен! – надежда начала таять. – Я имею право знать правду. Он... всё-таки мой друг, – совсем тихо добавила я.

Денис не переставал смотреть мне в глаза.

– Пойми, это не тот случай, когда даже я имею право раскрывать подробности, – его взгляд заметался. – Я обещал ему, обещал, что буду молчать обо всём, ведь...

– Ведь, что?

Желание разобраться во всём заставило меня на время отречься от реальности. Я прекрасно понимала, что в здании

больницы мы не одни, что на нас странно поглядывают медицинский персонал и такие же люди как мы, которые томились в ожидании хоть каких-то новостей о тех, о ком так сильно переживали. Но ведь я переживала тоже – переживала за друга, за дорогого мне человеке, который подвергся такому жестокому отношению со стороны родного отца.

– Денис? – мне показалось, что я была готова взмолиться.

Молчание. И резкое падение стойкости.

– Чёрт! – сдался парень. – Данька мне этого не простит.

Денис

Мы просидели в ожидании несколько часов. Врачи занимались другом, а нам с Линой оставалось только надеяться, что полученные травмы не такие серьёзные и не несут никакой угрозы для жизни Дани.

Я был очень зол. Прокручивая в голове произошедшие события, я всё сильнее убеждался в том, что в случившемся есть и моя доля вины. Я должен был что-то предпринять ещё тогда – много лет назад, но решил, что Даньке виднее, ведь речь шла именно о его жизни, о жизни его семьи. И я послушал. Удивительно, но даже мама говорит, что я и послушание зародились в совершенно разных вселенных. Я никогда не был идеальным ребёнком, порю, делал всё назло, решал проблемы по-своему, игнорируя слова даже самых близких людей. И почему-то именно Дане я как раз-таки решил не перечить – сделал свою главную ошибку.

Я не переставал думать о том, что было бы, не окажись рядом Лины. Данькин папаша вообще мог его убить! Я хотел отвезти девушку домой, но та упрямо решила ждать врача. Как выяснилось, дома её всё равно никто не потеряет: её тётя и дядя ухали на два дня на одно из очередных светских собраний. Признаться, в этом ей повезло.

Моё исчезновение из дома не смогло остаться незамечен-

ным. Стоило мне оказаться в коридоре, отец тут же пулей вылетел из столовой в надежде ещё успеть остановить меня. Честно говоря, фраза: «Куда собрался?» стала первым его ко мне обращением со дня вечеринки у Линовского. Все эти дни отец со мной даже словом не обмолвился. Вот только я не стал ему ничего отвечать, и дело совершенно не в непонимании и конфликтах, а в элементарном отсутствии возможности – была дорога каждая секунда.

Чтобы прибавить себе немного времени, я схватил ключи и запер входную дверь, чтобы никто не успел меня остановить. Не стал суетиться, знал, что в кармане куртки, которая была на мне, лежали ключи от недавно купленной отцом иномарки. Я знал, что этот прокат может для меня очень плохо закончиться, ведь, хоть и умел управляться с авто, водительских прав из-за возраста ещё не имел, да и прошлые приводы в участок и грозящий срок всё ещё периодически заставляют меня вздрагивать.

Но мне было всё равно. Речь шла о жизни и здоровье моего близкого человека, а остальное... ерунда.

Пока мы ждали прихода врача, я решился на то, из-за чего моя дружба с Даней может навсегда исчезнуть – рассказать Лине определённую часть правды.

– Ты не злился на него за то, что он не рассказывал. Пойми, то, что произошло с ним, сильно терзает его до сих пор, – я тяжело вздохнул. – Как ты думаешь, почему у Даньки всё время такой заспанный вид, почему вечерами выступает с

песнями на набережной, почему временами пропускает занятия? Плохая кампания? Лень? Синдром заблудшей души? Нет. Где-то на протяжении шести лет он самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, – от меня не укрылось то, с каким удивлением на меня уставилась Лина. – И это совершенно нетипичные подработки для ребят нашего возраста. Здесь всё гораздо серьёзнее. Его отец не всегда был таким. В своё время он был очень влиятельным человеком, примерным семьянином и по-настоящему любящим отцом. Он действительно очень любит Даню, по крайней мере, любил раньше, – я старался не допустить дрожь в голосе. – Много лет назад в их семье произошла трагедия. Его отец не смог пережить случившееся и начал пить. Он лишился работы, скатился до самого дна, стал пропивать все заработанные деньги, да так, что даже за дом нечем было заплатить. Я уже молчу о том, что он периодически стал поколачивать собственного сына. Вот Данька и пытается держать всё под контролем, берётся за любую возможную работу, не спит ночами, сам из себя выжитый лимон делает, – я даже не сразу заметил, как ком подкатил к горлу. – Я предлагал ему свою помощь, предлагал деньги, предлагал жить ему в своём доме, несмотря на то, что отец был бы против. Но он постоянно отказывался. Данька – тот ещё упёртый баран, не принимал ничего, что бы с ребятами ему не предлагали, – я откинулся на спинку стула. – Вот и результат!

Я повернул голову в сторону девушки и увидел, что она

плачет, всё так же изумлённо глядя на меня. Признаться, я сам еле сдерживался, почувствовал, как слёзы предательски пробивались наружу.

Но мы молчали. Смотрели друг на друга и молчали. И я понял, что в этот момент чувствую себя, как Лина – будто сам впервые услышал эту историю. Мне захотелось закричать от невыносимой боли, разнести коридоры этой больницы, лишь бы подавить эмоции.

– Что... что произошло в их семье? – спросила она, вытирая тыльной стороной ладони слёзы.

Я покачал головой.

– Он сам должен тебе рассказать, – прошептал я, виновато глядя на неё. – Я не вправе раскрывать такие личные вещи.

Девушка немного помолчала, а потом понимающе закивала головой.

Я смотрел на Лину и понимал, что если бы не её смелость, не её решимость, то Даньки на самом деле могло бы уже и не быть на этом свете. От этой мысли мне стало дурно, не хотелось бы потерять лучшего друга, да ещё и в столь раннем возрасте. Думаю и сам мир наверняка не хотел бы лишиться такого светлого и талантливого человека, как Даня Февралёв.

– Можно тебя спросить? – Лина нервно заёрзала на месте. – Зачем ты вернулся в дом, когда мы с Даней пошли к машине?

– Я забрал его документы. Мой знакомый помог офор-

мить поступление в больницу, – я тяжело вздохнул, как-то неосознанно получилось.

Я прекрасно знал, почему друг так не хотел обращаться за медицинской помощью, почему так боялся, что семейные тайны рано или поздно вылезут наружу и о них станет известно людям, которые не должны были даже ни о чём подозревать. Мне пришлось пойти на риск, пришлось в каком-то смысле подставить лучшего друга, чтобы врачи смогли ему помочь.

Так больше не могло продолжаться, и это понимал не только сам Даня, но и всё, кто знал, что скрывается за стенами дома Февралёвых. Но мы молчали, и причины на это было веские. Мы должны были ждать – ждать минимум ещё полтора года, чтобы хоть как-то помочь другу разрулить всю эту сложную ситуацию.

Я ужасно корил себя за то, что так и не смог ему помочь, надеялся, что ситуация сама каким-то образом наладится, что всё на самом деле не так страшно, как кажется. Да кого я обманываю?! В моих силах было помочь лучшему другу, я мог бы что-то придумать, даже, если бы мне это стоило сильной ссоры с отцом. Но мне не привыкать к разладам с ним, а вот Даньке привыкнуть к тому, что происходит у него дома в течение нескольких лет, было невозможно.

Я сидел как на иголках, думал, что же будет дальше. Голова разрывалась от всевозможных надуманных вариантов, но ничего путного так и не пришло в голову. Мне хотелось

уже начать биться головой о стену от отчаяния, но меня спасло внезапное появление врача. Мужчина средних лет как-то странно посмотрел на нас с Линой.

– Так, это вы привезли к нам Даниила Февралёва? – спросил он, листая какие-то бумаги.

– Да, – произнесла Лина, резко подскочив с места.

Я сделал то же самое.

Врач продолжал изучать содержимое бумажных листов, томя нас своим ожиданием.

– Что я могу вам сказать, – наконец-то произнёс он, – рентген показал перелом пятого и шестого рёбер. Внутренние органы, к счастью, не повреждены, но мы всё же оставим его у себя под наблюдением. Ему необходимы физиотерапевтические процедуры.

От меня не укрылось, с каким ужасом Лина посмотрела на врача. По её собственным словам, она догадывалась, что причиной такой острой боли мог быть перелом нескольких рёбер, но девушка до последнего надеялась, что всё может обойтись. Меня же этот факт совершенно не удивил.

– Множественные гематомы в данном случае – не самая серьёзная проблема, но они могли привести к очень серьёзным последствиям. Вашему другу очень повезло, что он не получил травму головы, несмотря на то, что, вполне, мог, – наконец-то врач поднял на нас свои уставшие глаза. – Молодые люди, у меня к вам есть несколько вопросов. Прошу вас пройти в мой кабинет.

И тут я понял – всё кончено.

Мы с Линой сидели напротив врача в ожидании серьёзного разговора. Признаться, так жутко мне не было с тех самых пор, как меня чуть не приговорили к тюремному заключению.

Я уже было готовился включать фантазию, врать врачу, что было сил, но понял – это бесполезно. Он всё равно сегодня узнает всю правду, а вслед за ним и те, кто в силах навсегда изменить жизнь Дани. Но где-то в самой глубине души ещё теплилась надежда на лучшее, и я верил, что чудо всё ещё может произойти.

– Итак, – начал мужчина, – меня очень смущает данная ситуация. Поздним вечером к нам поступает несовершеннолетний пациент с довольно-таки серьёзными травмами, и привозят его не родители, а вы, – он указал на нас письменным карандашом, который держал в руке. – Я обязан потребовать с вас объяснений. Не расскажете, что случилось?

– Драка, – тут же сказала Лина, вжавшись в кресло. – Его...его отец...

– Да он вообще попал в эту драку случайно! – я каким-то невероятным образом успел перебить девушку, ведь она чуть не сказала «отец». Я почувствовал, как мелкая дрожь окутала всё моё тело с ног до головы. – Мы договорились о встрече с друзьями на городской набережной. Собирались сначала послушать выступление местной группы, а потом пойти в

кино. Мы с моей девушкой должны были подъехать к назначенному времени, – я ласково посмотрел на удивлённую Лину – играл свою роль до конца, – но по дороге в центр пробили колесо. Пришлось менять. А когда мы приехали, драка была уже в самом разгаре. Мы...сами толком не поняли, что произошло. Просто забрали друга и привезли сюда.

Я мастерски сочинял красивые истории, но сам реагировал на них очень странно. Мне обычно не хватало уверенности, но сейчас я произнёс эту речь так легко, будто всё это на самом деле было правдой.

Врач недоверчиво поглядывал на меня, но я пытался смотреть на него серьёзно, не пасть под пристальным взглядом. Лица Лины я не видел, но очень надеялся, что она не выдаст нас. Она умная девочка, должна всё понять.

– Что ж, – врач развёл руками, – так или иначе, я должен буду вызвать родителей мальчика.

– Скажите, мы можем его навестить? – тихо спросила Лина, подавшись немного вперёд.

Я понимал её желание поскорее увидеть Даню, сам хотел встретиться с другом.

– Время посещения, конечно, давно закончилось, но... для вас сделаю исключение. Палата № 217. Это прямо по коридору и направо.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Как только мы вышли из кабинета врача, я схватил Лину за локоть и увёл её подальше от прохода.

– Ты что творишь?! – тихо, но не без злобы спросил я. – Ты серьёзно хотела рассказать ему всю правду?

Я был зол на неё, хоть и понимал, что девушка не хотела сделать ничего плохого. Но ведь она ничего не знает! И как ей объяснить, что на самом деле всё намного сложнее, чем ей кажется?

– Во-первых: отпусти меня! – девушка вырвалась и зло посмотрела на меня. – Во-вторых: это ты, скорее, умом тронулся, а не я. Как ты мог напести врачу такую чушь, зная, что произошло?!

– ТЫ. НИЧЕГО. НЕ. ЗНАЕШЬ, – отчеканил я каждое слово, подойдя к Лине практически вплотную.

– Так ты мне ничего и не рассказываешь! – ответила она. – Но одно я знаю точно: такого человека не должно быть в жизни Дани. Судя по тому, что мне пришлось увидеть несколько часов назад, этот так называемый «отец» должен быть уже давно лишён родительских прав.

– Нет, Лина, нам нельзя ничего рассказывать об этом, – я снова машинально схватил её за локоть, испугался, будто её голос станет решающим во всей этой сложной истории.

– Почему? – не сдавалась она. – В чём причины? Неужели тебе всё равно на то, что происходит в жизни твоего лучшего друга?

– Не смей так говорить! – я сильно разозлился.

Глупая девчонка! Ничего не понимает!

– Подумай сам: если отец так жесток, зачем Дане это тер-

петь, ведь можно решить проблему.

– Её не решить.

– Да с чего ты это взял?! – она чуть ли не перешла на крик. – О Дане есть, кому позаботиться, и этот кто-то тоже наверняка находится в опасности. Если родной отец так жесток с собственным сыном, то, как же он обращается с его матерью? Надеюсь, её тело не лежит где-нибудь в канаве.

– У Дани нет матери! – выкрикнул я.

И тут резко наступила звенящая тишина. Этот взгляд я запомню на всю жизнь. Думаю, он ещё не раз будет преследовать меня, но именно в этот момент я понял, что стою перед Линой, словно раскрытая книга. Всё. Я сдался. Теперь мне не отвертеться.

– К-как нет? – запнувшись, спросила она, с ужасом глядя на меня.

Я тяжело выдохнул, почувствовал сильную усталость – не физическую, а эмоциональную. Мне приходилось слишком долго скрывать секрет друга, и вот нашёлся человек, который практически добрался до истины совершенно случайным образом. Но, должен признаться, я чертовски рад, что этим человеком оказалась именно Лина. Я знал, что Данька ей очень дорог, возможно, ровно точно так же, как и мне, поэтому я был уверен, что наш беспечный ангел может полностью ей довериться. Я принял это решение за него – она имеет право всё знать.

– Пойдём к нему, – тихо произнёс я. – Думаю, он тебе сам

всё расскажет.

Когда мы зашли в палату, то застали друга спящим на больничной койке. Выглядел он, конечно, паршиво, с этим поспорить никто не мог, но я был безмерно рад, что прошедший вечер не закончился катастрофой. Данька был жив, и это самое главное.

Я не знал, что будет дальше, понимал лишь то, что отсиживаться в стороне и просто наблюдать за происходящим больше не стану. Теперь я должен был помочь лучшему другу всё наладить, вот только одному мне не справиться.

Я посмотрел на Лину. Девушка с ужасом и болью глядела на Даню, безуспешно стараясь подавить рвущиеся наружу эмоции. Я и понял – она та самая, кто может помочь. Ребята, безусловно, подключатся к разрешению этой непростой ситуации, но Лина может продумать первые шаги – сделать то, что не в силах сделать я. Я был готов проклясть себя за то, что сам не мог во всём разобраться. Я не смог сделать этого раньше, не смогу и сейчас – в одиночку не смогу.

– Всё началось шесть лет назад, – тихо начал я.

Если уж Даня не сможет рассказать эту историю, то это сделаю я. Надеюсь, он всё же поймёт, почему я так поступил.

– Трудно поверить, но раньше всё было совершенно по-другому. У Дани была прекрасная семья, очень обеспеченная, а самое главное – по-настоящему любящая, – я слегка улыбнулся, вспоминая это хорошее для друга время. –

Признаться, я такое только в кино видел. Они всегда всё делали вместе: путешествовали, каждую субботу уезжали куда-то загород, в любые трудные моменты всегда поддерживали друг друга, просто были счастливы. У Даниного отца была хорошая работа, мама была журналистом, в общем, жили очень хорошо, – и тут мои положительные эмоции резко сменились негативными. – На самом деле, последние несколько лет их семья жила в сильном напряжении. Не думаю, что Даня тебе рассказывал об этом, но у него был младший брат – Егорка.

– Брат? – удивилась Лина, после чего покосилась на спящего друга.

– В его комнате есть фотография. Она стоит на прикроватной тумбе.

Я заметил, как глаза девушки округлились. Кажется, она поняла, о каком именно снимке идёт речь.

– Да, я видела фото, но Даня сказал, что это он сам в детстве.

– Не злись на него за то, что он соврал, – я решил сразу же предупредить девушку. – Для него это крайне большая тема.

Лина понимающе кивнула.

– Что случилось с его братом? – тихо спросила она, будто нас кто-то мог услышать за закрытой наглухо дверью.

Признаться, мне самому было нелегко рассказывать об этом. Страшная трагедия сильно изменила жизнь моего близкого друга, и она в один момент докатилась до самого

дна. Но причин молчать больше не было, мы и так дотянули до последнего.

– Егорка появился, когда Дане было восемь лет. К сожалению, малыш родился больным – порок сердца. Я не разбираюсь в медицине, знаю лишь, что случай был очень тяжёлый, – мне оставалось только развести руками. – Их семье было очень тяжело – морально тяжело всё это вынести. Но они не опускали руки, старались жить полной жизнью, – я грустно улыбнулся, – особенно сильно старался Данька. Он просто обожал Егорку, любую свободную минуту проводил вместе с ним. Мне кажется, любой мечтает о таком старшем брате, как он.

Чем дальше заходил мой рассказ, тем тяжелее мне было говорить. Но именно в этот момент я понял, что поступил правильно, взяв на себя такую ответственность. Даньке было бы в несколько раз сложнее, чем мне, ведь он сам лично видел этот страшный момент своими глазами, а я знаю обо всём лишь с его личных слов и слов других людей.

– Однажды Даньку оставили дома одного с Егоркой. Его отца срочно вызвали на работу, а мама не могла вылететь из другого города – она была в командировке, в аэропорту задержали рейс. Я не знаю, почему родители не попросили кого-нибудь из взрослых присмотреть за ними, но в итоге это обернулось катастрофой. Они были одни всего несколько часов! – не сдержался я. – Данька во что-то с ним играл, я уже не помню, во что именно, может, что-то связанное с рисо-

ванием. Всё было хорошо, а потом Егорка резко потерял сознание. Данька запаниковал, из взрослых же никого не было. Не сразу, но он сообразил, что нужно бежать к соседям. Какая-то семейная пара отвезла мальчишек в больницу, но...

Я не мог произнести этих слов. У меня у самого были младшие брат и сестра, и я даже представить себе не могу, что однажды могу их потерять. Я бы просто этого не перенёс.

– Егорку...не спасли? – осторожно спросила Лина.

Я покачал головой – это всё, на что у меня хватило сил.

– После этого всё пошло наперекосяк. Данька во всём до сих пор винит себя, но ему было всего лишь одиннадцать лет. Что он мог сделать? В чём его вина? Весь следующий год после случившегося он долго восстанавливался, не без помощи специалистов, конечно же. Со временем он пришёл в себя, взял себя в руки, а вот его родители... Мать не выдержала случившегося, она не могла находиться в доме, но хуже всего то, что она не могла смотреть на Даньку – он сильно напоминал ей Егора. В какой-то момент она не выдержала, собрала вещи и просто ушла. Сколько прошло лет, а она за всё это время даже не позвонила Дане, не узнала, как он. Сам он пытался наладить отношения, но ответного желания не последовало. После её ухода из семьи, Данькин отец начал пить, и докатился до самого дна. Ну, ты сама всё видела... Именно поэтому никому нельзя было рассказывать о том, что твориться у них дома. Если люди узнают об этом, опека быстро всё пронюхает. Он хотел подождать ещё пол-

тора года, пока ему не исполнится восемнадцать, а там...

– Он хотел уйти, верно? – спросила она, вытирая ладонью слёзы.

– Да, – я тяжело вдохнул. – Но, похоже, теперь этому не бывать, – я опустил голову на руки. – Теперь об этом точно сообщат в опеку, когда поймут, что я всё наплёл про драку.

Я не представлял, что делать дальше. Мысль о том, что я собственными действиями подставил планы лучшего друга под угрозу, казалось, пожирала меня изнутри. Но я больше не мог смотреть на Данькины страдания, не мог допустить гибели дорогого мне человека. Где-то в глубине души я верил, что поступил правильно, но итог мог быть непредсказуемым.

И тут я почувствовал, как что-то осторожно коснулось моего плеча – Лина неслышно подошла ко мне и накрыла меня своей ладонью. Не знаю, как это объяснить, но после её прикосновения я немного успокоился. Всего лишь прикосновение, а сколько невидимой энергии!

В последнее время всё навалилось, как снежный ком: проблемы с отцом, неуверенность в собственном будущем, неприятности лучшего друга... Обычно, когда случалось что-то подобное, я не рвался решать вопросы, а просто выбирал самый лёгкий и доступный путь – надевал свою маску безразличия и поворачивался спиной к уже такому надоевшему и жестокому миру. Я заполнял пустоту, катаясь в элитном авто по ночному городу в компании Юрки и его друзей.

Я думал, что это могло меня излечить, могло помочь забыть о проблемах и всяких неприятностях, которые, по сути, я чинил себе сам. И, вот, сидя здесь – в больничной палате рядом с покалеченным другом и девчонкой, о которой никак не мог перестать думать, я почувствовал, как внутри меня стало что-то ломаться.

Не знаю, во взрослении дело или в царящей вокруг обстановке, но моя внутренняя маска, за которой столько лет я прятал собственное нутро даже от самого себя, наконец-то спала. Жизнь – штука очень непредсказуемая. Она полна прекрасных событий и грустных моментов, она приносит радость и разочарование. Неопределённость. Выбор. Первый шаг. Принятое решение. Мы можем столкнуться с чем угодно, можем добиваться успехов и делать ошибки, но суть в том, что это и есть – нормальная человеческая жизнь. А жизнь слишком коротка, чтобы тратить хоть один её миг на притворство, избегание реальности и самообман. Я осознал – с меня хватит! Я устал бояться...

– Денис? – выбил меня из дум голос Лины.

Я поднял голову и совершенно опустошённым взглядом посмотрел на девушку. Даже с заплаканными глазами она была прекрасна. Удивительно, как за такое короткое время человек может стать для тебя нечто большим, чем ты мог даже просто подумать. Мне очень захотелось обнять её. И я это сделал. Просто вскочил с места и прижал её к себе. Я ожидал, что она будет сопротивляться, но когда её руки об-

вились вокруг моего тела, от удивления я, кажется, перестал дышать.

Мне стало легко. Ощущение странное, будто кто-то взял и снял с тебя многовековые оковы. Теперь, я знаю, всё будет по-другому, я хотел, чтобы всё было по-другому...

Я даже не сразу почувствовал, как в кармане ветровки завибрировал телефон. Я нехотя отстранился от Лины и достал мобильник. От высветившегося номера на экране, мне стало не по себе. Но я всё же снял трубку.

– Да?

– Денис, я надеюсь, ты ещё в больнице?

– Д-да, – коротко ответил я. – С Данькой.

– Какая палата?

– Двести семнадцатая.

– Жди меня там. Я сейчас подойду.

Вместо ответа я машинально кивнул головой и сбросил звонок. Внутри меня всё резко похолодело.

– Кто это? – тихо спросила Лина, подозрительно поглядывая на меня.

Я тяжело выдохнул.

– Человек, который либо решит наши проблемы, либо ещё сильнее усложнит наше положение.

Я перевёл взгляд на Даньку.

«Прости меня, брат», – пронеслось у меня в голове.

Он появился буквально через несколько минут – опера-

тивно – как и положено участковому. Признаться, рабочая униформа этих людей до сих пор заставляла меня периодически содрогаться. Дрогнул я и сейчас, но не из-за внезапно нахлынувших неприятных воспоминаний, а потому что опасался новых проблем. Я успокаивал себя лишь одной мыслью – я хорошо знаю вошедшего человека, как и он меня, а, значит, ничего плохого мне не грозит.

Участковый прикрыл за собой дверь, обернулся и удивлённо уставился на нас с Линой, потом перевёл взгляд на спящего Даньку.

– Здравствуйте, дядя Кирилл, – тихо, но уверенно произнёс я.

Крупный мужчина средних лет, с добрым лицом, но таким недобрым взглядом... Хотя, именно в этой ситуации я не смел его судить. Он привычным для него жестом поправил свои густые тёмные усы и строго посмотрел на меня.

– Здесь и сейчас я для тебя Кирилл Павлович или товарищ участковый, – мужчина снова подозрительно покосился на Лину. – Так, девушка, а вы кто такая?

– Это – Лина, – ответил я за неё. – Она...

– Лина? – перебил меня участковый. – Та самая ваша новая подруга?

Я утвердительно покачал головой.

– Ксюша вам рассказала уже?

– Ксюша? – вступила в разговор девушка. – Получается, вы...

– Отец Ксюши Юркевич, – он подошёл к Лине и протянул ей руку. – Очень приятно.

– Мне тоже, – она несмело ответила на рукопожатие.

Дядя Кирилл слабо улыбнулся, а потом снова перевёл взгляд на меня.

– Я так понимаю, девушка всё знает? – спросил он меня.

– Она была там, когда это случилось.

Участковый понимающе кивнул и бросил взгляд на Даню.

– Нам нужно поговорить. Давайте выйдем в коридор.

Я не совсем понял, почему мы не могли поговорить в палате, подальше от лишних ушей. Может, дядя Кирилл боялся, что друг может внезапно проснуться и услышать то, о чём ему пока не следует знать?

Он пропустил нас вперёд, вышел сам и прикрыл за собой дверь. Выражение его лица мне совершенно не понравилось.

– Так, я не буду вдаваться в подробности произошедшего, сами всё прекрасно знаете, не раз проходили, но теперь, кажется, проблемы у нас серьёзные.

– В каком смысле?

Да всё я прекрасно понимал! Просто надеялся не услышать того, о чём сразу же подумал.

– Пойми, если раньше после таких случаев я ещё мог что-то придумать, то теперь уже нет. Несовершеннолетний поступил в больницу с серьёзными побоями, привезли его какие-то подростки, а до родителей дозвониться никто не может, – он серьёзно посмотрел на меня. – Не знаю, что вы там

наплели врачу, но он вам не поверил. Боюсь, скоро за это дело возьмётся опека, и я уже не смогу покрывать вас?

– Покрывать? – спросила Лина.

Мужчина кивнул головой.

– Я знал о ситуации в их семье, но по личной просьбе Дани не стал сообщать, куда следует. И теперь очень жалею об этом.

– И что теперь? – признаться, я очень испугался за судьбу друга. – Что?!

– Успокойся, – спокойно произнёс мужчина. – Я не обещаю, что решу вопрос с опекой, но постараюсь сделать всё возможное, чтобы Даня не попал в приют.

Внутри меня разрасталась паника вперемешку с усталостью. Я не знал, как быть дальше: просто ждать или начать что-то делать.

– Денис, Лина, единственное, что вам сейчас необходимо сделать – поехать домой и отдохнуть. Я буду контролировать ситуацию со стороны. Когда Даню выпишут, сделайте так, чтобы он чувствовал себя комфортно: общайтесь с ним, но только не жалеите, помогайте ему с подготовкой к выступлению, ведите привычную жизнь. И ждите. Просто ждите.

Я кивнул, но ничего не мог сказать. Ситуация слишком усложнилась за эти несколько часов.

– Вы на чём приехали? – спросил участковый.

Я опустил глаза в пол. Хороший ответ без слов?

– Гранин, ты опять за своё?! – выкрикнул мужчина.

- Я должен был, – спокойно ответил я.
- Так, где машина?
- Почти у самого входа.
- Ладно. Я сам отвезу вас по домам.

Когда участковый Юркевич, сидя за рулём моего авто, остановился у дома Лины, она попросила дать нам с ней несколько минут – переговорить о чём-то. Мы вышли из машины, и я непонимающе уставился на девушку.

– В чём дело? – мой голос прозвучал очень устало.

На улице было прохладно. Или это из-за того, что мы вышли из тёплой машины? Так или иначе, я закутался в свою ветровку посильнее.

– Есть предложение. Оно касается Дани.

– Почему-то я не сомневался.

– Хватит язвить! – по её голосу я понял, что она тоже устала. Мы оба были на взводе.

– Извини.

Она потёрла уставшие глаза, а я взглянул на наручные часы – полтретьего ночи.

– Я предлагаю собраться завтра с ребятами и обсудить подготовку к концерту. Даньку нужно отвлечь от всего этого, постараться сделать так, чтобы его голова была занята чем-то другим.

– Зато наши головы будут заняты исключительно тем, что мы сегодня увидели и слышали, – протянул я.

– Сейчас совершенно не важно, что чувствуем мы, – а эти слова прозвучали настырно. – Главное для нас сейчас – Дания и его безопасность, как физическая, так и моральная.

– Да, ты права.

Я заметил, как сильно её удивила моя фраза. Наверняка думала, что я начну спорить.

– И ещё, – добавила она с ноткой смущения, – предлагаю заключить пакт о ненападении.

– Чего? – я непонимающе уставился на девушку, пригладив пятернёй свои растрёпанные ветром волосы.

– Признай, мы с тобой можем сцепиться по любому поводу.

Я вытаращился на неё, но согласился с высказанными словами. Как бы сильно мне не нравилась эта девчонка, она всё ещё удивляла меня своим умением ставить всех на место, в том числе и меня. А я мог вспылить.

– Э-э-э, допустим...

– С этого дня и до тех пор, пока не решатся проблемы Дани, мы с тобой не конфликтуем, не спорим, не ругаемся, по крайней мере, в его присутствии, – она протянула мне руку. – Идёт?

Я посмотрел на девушку каким-то странным для себя самого ласковым взглядом. Признаться, мне и так не хотелось с ней ругаться или спорить. Кажется, мы уже давно переступили эту черту, хоть до конца ещё и не понимали этого. Но, исключительно для её спокойствия, я был готов пойти на «за-

ключение договора».

Идёт, – я ответил на рукопожатие.

Но, честно говоря, я отдал бы всё на свете, чтобы хоть ещё немного вот так вот просто подержать её за руку.

Даня

Меня продержали в больнице чуть больше трёх недель. За всё это время, я смог привыкнуть к больничным стенам, различным ежедневным процедурам, но никак не к тишине, которая сконцентрировалась вокруг меня – тишина, обусловленная молчанием. Ни главный врач, ни Дэн, ни Лина, ни ребята – никто из тех, кто навещал меня последнее время, не рассказывал мне об итогах случившейся перепалки с отцом.

Я не знал, чего мне теперь ожидать. От каждого постороннего звука меня бросало в холодный пот – постоянно боялся, что вот-вот откроется дверь, и в палату войдут представители опеки. Часто меня мучали ночные кошмары, несколько ночей я вообще не спал, терзая себя мыслями о неизвестном будущем. Несмотря на то, что общая картина ситуации так и оставалось для меня сокрытой, всё же какие-то детали я смог вытащить из людей.

Дэн признался мне, что рассказал обо всём Лине. Честно говоря, я ни секунды не злился на друга, понимал, почему он так поступил. Мне самому следовало признаться девушке, а не морочить ей голову недосказанностью и ложью. Я знал, что мог доверять Лине ровно точно так же, как доверяю Дену или себе, но сами обстоятельства, внутренние барьеры и нерешённые вопросы до сих пор отталкивали меня

назад, не давая сделать последний шаг. Пускай и не из моих уст, но я рад, что подруга узнала правду. Я был готов к тому, что после этого она может отвернуться, в принципе перестать доверять мне, но когда она пришла навестить меня, когда крепко обняла, то на все мои вопросы автоматически нашлись нужные ответы – Лина всё ещё оставалась со мной.

Но она молчала, совсем ничего не говорила о том, что меня так сильно волновало. Все её наказания заключались только в том, чтобы я больше отдыхал, восстанавливал силы и не переживал о возникших проблемах, мол, всё под контролем. Но что-то мне подсказывало, что от контроля там были только слова, особенно я в этом убедился, когда мне позвонил Ксюшин отец – местный участковый. Опять же, он сказал, чтобы я ни о чём не волновался, лишь спросил, есть ли у меня какие-нибудь родственники, кроме мамы, которую я не видел больше пяти лет. Здесь я не стал ему врать, признался, что больше никого нет, а если и есть, то им до меня нет никакого дела. Дядя Кирилл успокоил меня тем, что это был просто вопрос и не более, пожелал скорейшего выздоровления и положил трубку.

Что касается самого отца, то за всё время, что я провёл в больнице, он мне даже не позвонил, не говоря уже о том, чтобы навестить. Я долго думал о том, чтобы позвонить самому, постоянно откладывал, хотел и в то же время боялся услышать его голос. В один из дней я всё-таки собрался с силами и набрал знакомый номер, но мне никто не ответил.

Жалеть себя и сетовать на несправедливость я не стал, потому что этот самый звонок был для меня первым шагом в ту самую реальность, которую столько лет я пытался не замечать. Теперь только я. Пока ещё не один, но, возможно, даже это скоро станет лишь воспоминанием.

Я морально готовил себя ко всем тем испытаниям, которые мне ещё только предстоит преодолеть, готовился к тому, что всё самое страшное, что я только надумывал себе вот уже несколько лет, на полтора года станет моей реальностью. Страх. Жуткий страх сковывал всё моё нутро, как бы я не старался себя успокоить. Я думал, без конца думал часами напролёт, но ничего более рационального, чем побег, я придумать не мог.

Оставалось только одно – продолжать жить привычной жизнью до тех пор, пока в один роковой день всё не решится – в мою пользу или же против меня. Я больше не являюсь обладателем собственной судьбы, теперь всё зависело от хода вещей, непредсказуемых поворотов и чистой удачи. Я решил, что просто проживу оставшееся время с самыми дорогими для меня людьми – моими друзьями, а там...

Врачи говорили, что моё восстановление проходит очень быстро – в силу молодого возраста и крепкого здоровья. Переломы рёбер срослись, но меня предупредили, что полная трудоспособность мне будет доступна только через пару недель. Самое главное, что мне необходимо было делать – соблюдать осторожность, не перенапрягаться и как следу-

ет беречь себя. Я дал клятвенное обещание главному врачу, что буду выполнять все его наказания без каких-либо нареканий.

Я ждал выписки. Обещали отпустить меня через день-два, но, честно говоря, я уже не знал, куда мне идти. Вернулся бы домой, но кто знает, что меня там может поджидать. Пьяный отец? Опека? Или одиночество? Возможно, как такового дома у меня больше и нет, а это строение – лишь фундамент и кирпичи, наша павшая семейная крепость, за стенами которой я когда-то был счастлив. Но теперь этого нет, и отныне я должен сам строить своё счастье и свою жизнь.

Накануне мне позвонил Дэн и сказал, что они с ребятами обустроили наш гараж специально под место, где я могу полноценно жить, пока не решится ситуация. Я был рад такому раскладу, осталось только позаботиться о том, чтобы в помещении обязательно были обогреватели – не хочется снова заболеть, как в прошлый раз. Друг обещал меня забрать после выписки и помочь обустроиться.

Пока я долёживал оставшиеся дни в палате, всё никак не мог выкинуть из головы мысли о предстоящем концерте. Несмотря на то, что меня это должно было волновать меньше всего, я был уверен, что будущее выступление – это именно то, что было мне по-настоящему нужно. Я смотрел на испи-санную мною тетрадь для текстов песен, которую Дэн принёс мне несколько дней назад, и думал: а о чём на самом деле я хочу спеть перед всей школой?

История мелодии, которую сочинил мой дедушка, была мне доподлинно известна. Суть написанных нот заключалась в том, чтобы открыть своё сердце той, кто завладела им и, похоже, навсегда. Мой дедушка писал о любви, о таком светлом и прекрасном чувстве, которое ему посчастливилось испытать. Он был настоящим романтиком, я помнил это, хоть и был совсем ребёнком. Однажды он сказал мне такую фразу: «Когда тебя любят, внутри ты остаёшься прежним, но когда ты любишь, у тебя за спиной распускаются крылья». И понимаю, о чём он.

Но о той ли любви я сейчас думаю? Я знал, что испытывал к Лиле. Я любил эту девушку, был готов ради неё на многие вещи, хотел защищать, оберегать, делать каждый её прожитый день счастливым. Тогда почему все мои мысли в этот момент были заняты совершенно другими людьми?

Я думал о Лине, о той самой девушке, которую я считал своей родственной душой. Мне было хорошо рядом с ней, приятно разговаривать обо всём на свете, проводить время, да просто знать, что такой чудесный человек есть в моей жизни. Станным и совершенно непонятным для меня способом, она смогла завладеть моим сердцем, завладеть моими мыслями, достучаться до самых глубин моей души...

А Дэн? Этот ненормальный, временами чокнутый парень с детства был моим лучшим другом, а после смерти Егорки, стал единственным, кто не смотрел на меня, как на побитого судьбой жалкого человечка. Его я смело могу назвать бра-

том, который никогда не бросит в трудную минуту и всегда поддержит в любых начинаниях, если это, конечно, по его мнению, не переходило границы дозволенного, то есть, не нарушало мой сон и не вредило своевременному отдыху. Он делал для меня многое. Делал всегда.

Моя группа – мои друзья – Стас, Ромка и Ксюша. Я был безумно благодарен им за то, что они делали для меня, особенно в последнее время, и их поступки были настоящим доказательством того, что я для них не пустое место.

Вот, с кем у меня в первую очередь ассоциировалось слово «любовь». Я долго думал об этом, прикидывал, что для меня оно значило, и в один момент понял, что у меня нет точного ответа. Мы можем любить по-разному: можем любить девушку, друга или родных, и всё это разные интерпретации этого слова. Я люблю Лину, как сестру, Дэна, как брата, Лилу, как девушку, а ребят за то, что они у меня просто есть.

Я хотел посвятить слова песни Лиле Соловьёвой, у меня с самого начала была такая цель. Но в моей жизни есть люди, которые не меньше неё имеют право знать о том, что для меня они тоже немало значат.

Я и сам не понял, как рука стала выводить буквы на тетрадном листе. Слова лились, как вода – мощным стремительным потоком. У меня не было никаких сомнений, что я поступаю правильно. Рука просто писала, а я просто вспоминал всё самое хорошее, что было в моей жизни. Улыбка не спол-

зала с моего лица, уверен, что и искра в глазах могла ослепить кого угодно. Я сделал выбор – свой первый правильный выбор за многие годы.

Я и сам не смог понять, как за несколько часов написал текст к песне, который не мог придумать на протяжении нескольких недель. Вывод сделан – я всё это время думал неправильно, не о тех вещах, о которых должен был. Прости, дедушка, что так и не передам тот смысл, который ты хотел вложить в свою мелодию, но я всё равно написал о любви, пускай немного и о другой. Я смотрел на текст, прочитал его раз десять, что-то заменил, но не стал мудрить над смыслом, а смысл был в том, чтобы люди, которые услышат эту песню, узнали, что они – самое дорогое, что есть в моей жизни. А Лиля... думаю, после всего пережитого, я найду в себе силы, признаться ей в своих чувствах. Лично. Хотя и не так красиво. Хотя...

Текст был у меня в руках, осталось только наложить его на музыку и сделать это незаметно для остальных. У меня возникла странная идея – на репетициях использовать изначальные слова, которые я хотел посвятить Лиле, а уже на самом выступлении раскрыть правду. Я не знаю, что будет дальше с моей жизнью, поэтому, если мне выпал шанс таким необычным способом сказать дорогим людям как я их люблю, упускать его ни за что не стану.

Ещё несколько недель назад я думал о том, что не в моих это принципах – однажды ярко вспыхнуть, чтобы потом

быстро погаснуть, но теперь я думаю немного иначе. Кто знал, что за это время изменится очень многое? Никто. Уж никак я не думал, что в самое ближайшее время окажусь в такой ситуации. И, ориентируясь на обстоятельства, я могу смело заявить, что готов к той самой яркой вспышке, даже ценой последующего резкого угасания. Мне хотелось запомнить то, что я испытаю, стоя на сцене перед большим количеством слушателей, хотелось запомнить глаза тех, кому я посвящу эту песню, хотелось, чтобы дорогие мне люди просто знали – они лучшее, что было в моей жизни за последние несколько лет. Моё первое и, возможно, финальное слово.

Я не хотел грузить себя не самыми приятными мыслями и назревшим страхом за своё будущее. Мне хотелось просто продолжать жить или же делать вид, что всё ещё живу. По крайней мере, до тех пор, пока не решится вопрос с отцом и опекой, а он неминуем, я просто буду делать то, что умею лучше всего на свете – творить и наслаждаться каждым моментом, проведённым в кругу моих друзей.

Дэн, как и обещал, забрал меня из больницы после выписки. Он приехал на такси, и я был очень рад, что ему не пришла в голову идея взять машину у отца и рассекать по дорогам города без прав категории «В». Я всё ещё удивляюсь, как ему не влетело за то, что он привёз меня сюда на авто.

Друг осторожно обнял меня – не забыл про рёбра – забрал у меня сумку с вещами и проследил за тем, чтобы я

осторожно сел в машину. Езда по знакомым улицам немного взбодрила меня, да ещё и яркое весенне солнце добавляло оптимизма. Я любил свет, как и всё, что было с ним связано. Мне казалось, что, видя солнце и ясное небо, я как будто оживал, наполнялся энергией, словно батарея. Лишь бы такое настроение продлилось как можно дольше, мне оно было просто необходимо в данной ситуации.

Я не стал обсуждать случившуюся со мной ситуацию с Дэном при таксисте. Честно говоря, я вообще не хотел даже думать об этом. Несмотря на то, что у меня были вопросы, и их было немало, я принял решение немного повременить. Если ребята сами захотят рассказать мне что-то, о чём я до сих пор не знаю, останавливать их не стану. Но сам заводить разговор не буду. Просто не хочу.

Когда мы подъехали к нашему гаражу, Дэн расплатился с таксистом и помог мне выйти из машины. Друг взял сумку с вещами и подозрительно посмотрел на неё.

– Она почти ничего не весит, – произнёс он. – Я зайду к тебе домой и принесу кое-какие вещи. Если возникнут проблемы, отдам тебе что-то из своего.

Я благодарно кивнул ему, открывая дверь гаража, но не успел я даже переступить его порог, как в мои объятия бросились две девчонки – Лина и Ксюша. Подруги так крепко меня обняли, что я невольно стиснул зубы от внезапно подступившей боли в рёбрах. Но я молчал, терпел, потому что хотел как можно дольше ощущать тепло дорогих мне людей.

Но парни быстро подсуетились, напомнили девчонкам, что я только что встал с больничной койки, и те, одновременно сказав: «Ой, извини», отпустили меня. Стас и Ромка тоже не скупилась на объятия, но излишним эмоциям не поддались.

– Так, а почему меня тоже не встречают, как героя? – шутя, произнёс Дэн, ставя мою сумку на пол рядом с диваном. А потом он выпрямился и расправил плечи. – Девочки, можете прыгать в мои объятия, у меня как раз сросшихся переломов нет.

– Размечтался! – с улыбкой произнесла Лина.

– Я могу прыгнуть на тебя, если ты так сильно хочешь, – Стас принял позу, как перед линией старта на забеге.

– А, знаете, я передумал, – тут же осёкся Дэн. – Сегодня мишень для объятий – Данька. Я согласен.

Ребята рассмеялись, и я окончательно расслабился. Я был рад слышать их голоса, наблюдать за тем, как они смеются, шутят и по-доброму подкалывают друг друга.

– Кстати, – добавила Лина, взяв меня за руку и проведя в центр комнаты, – мы для тебя здесь всё обустроили, чтобы можно было пожить какое-то время. Как тебе?

А ведь и правда... Я даже не обратил на обстановку в гараже никакого внимания. Но, когда я всё же это сделал, то чуть не раскрыл рот от удивления.

Я знал, что эти ребята способны на многое, но чтобы на такое... Они полностью переставили всю мебель – расчистили пространство и теперь гараж визуально стал больше. В

дальнем правом углу помещения я увидел письменный стол, которого не было раньше. Кажется, когда-то точно такой же был у Стаса. Не удивлюсь, если обнаружу, что все его ножи облеплены наклейками из-под жвачек 90-х годов, которые так любил собирать старший брат Стаса, когда был ребёнком. Все наши музыкальные инструменты теперь лежали в отдельном месте, а не как раньше – кто где оставил. Рядом с входом ребята поставили изотермический контейнер, и, почему-то я был уверен, что еды в нём было более чем достаточно.

– Мы принесли матрас, чтобы было удобнее спать на диване, – произнесла Ксюша. – Постельное бельё в шкафу. А ещё, чтобы тебе не было скучно, – она взяла свой рюкзак и достала оттуда...ноутбук, – будешь смотреть кино по вечерам.

Вот эта вещь для меня действительно была роскошью.

– Откуда...

– Даже не думай, откуда, – оборвал меня Ромка. – Тебя это не должно волновать. Сейчас единственная вещь, о которой ты должен беспокоиться – восстановление своего здоровья.

Я принял из рук Ксюши ноутбук, но сделал это с опаской, боясь не сдержать эмоции.

– Ребят...это...

Я не смог продолжить, потому что меня снова стиснули в объятиях. Начала Лина, она первая сделала шаг навстречу, а потом подтянулись и ребята.

Мы поняли друг друга без слов, они просто оказались бесполезными. Именно в этот момент я понял, что не один. Рядом со мной есть они – мои друзья, моя семья. Эти люди меня никогда не бросят, не обманут и не забудут. Как никогда я был в этом уверен.

– Спасибо, – прошептал я.

– Для этого и нужны друзья, правда же? – дыхание Лины приятно щекотало мне щёку.

– Брат, мы всегда с тобой, в любой ситуации, – слышался где-то позади голос Дэна.

Теперь я успокоился. Окончательно.

После того, как ребята провели мне мини-экскурсию по нашему обновлённому гаражу, мы устроили перерыв на обед. Спасибо девчонкам, они выделили время и приготовили еду сами, обойдясь без доставки из ресторана. Обстановка была расслабляющая: мы смеялись, болтали, обсуждали наше будущее выступление, просто приятно проводили время вместе. Признаюсь, на какое-то время я даже забыл о существовании реального мира, я забыл о проблемах, вопросах, о том, что меня ждёт впереди. Я просто наслаждался моментом – моментом, который я запомню навсегда.

Когда ребята разошлись по домам, а дело уже шло ближе к ночи, я сел за инструмент. Да, это была не моя гитара, а Ромкина, но звучало тоже неплохо. Я пытался наложить написанные мною слова на музыку, вот только получалось не сра-

зу, пришлось уделить этому немного больше времени, чем планировалось. И результат не заставил себя долго ждать – он получился идеальным. Я был готов блеснуть на сцене, был готов заявить о себе этому городу, был готов столкнуться лицом к лицу с самим собой. Я больше ничего не боялся.

Я кардинально решил поменять смысл песни, но и от прежней затеи отказаться всё равно не мог. Я вырвал из своей тетради листок, взял ручку и начал писать. Мозг совершенно отказывался думать, он уступил место сердцу. Слова сами складывались в красивые предложения, а они перетекали в признание. Голосом это было бы сделать намного страшнее, особенно, когда смотришь в глаза человеку, к которому испытываешь очень светлые и непорочные чувства. Но я решил пойти дальше – пойти ва банк.

Когда я поставил точку на листе, то понял, что чего-то не хватает. В самом низу страницы я поставил две буквы: «P.S.», а после них добавил фразу, которая долго сопровождала меня по жизни: «Когда *тебя* любят, внутри ты остаёшься прежним, но когда *ты* любишь, у тебя за спиной распускаются крылья»...

Я не стал тратить время – накинул на плечи куртку, положил листок в найденный в ящике стола какой-то конверт и вышел на улицу. Идти пришлось далеко – минут сорок пешком, но оно того стоило. Когда я оказался на месте, то без каких-либо промедлений бросил письмо в почтовый ящик – письмо без обратного адреса и подписи отправителя. Но я не

удержался и посмотрел в одно единственное окно богатого дома, в котором горел свет. Я мысленно послал ей приятных снов, мысленно поцеловал и, улыбнувшись, пошёл в обратном направлении.

Денис

Я не спал почти всю ночь – мысли не хотели отпускать, дёргали за ниточки мои нервы и не давали никакой надежды на отдых. В третьем часу ночи я уже не выдержал – сходил на кухню, налил чаю и, вернувшись обратно в свою комнату, сел за рисование.

Кажется, мои переживания и нескончаемый поток мыслей отразились на моей картине. Я выводил пастелью плавные линии на бумаге, но никак не мог понять, что за образ вырисовывается – линии, фигуры, очертания, и никакого конкретного смысла или сюжета... Что происходит? Вдохновение пропало? Произошедшие события так сильно сказались на мне? Или... От жуткой мысли я чуть не выронил пастельный мелок из рук, но вовремя взял себя в руки – мотнул несколько раз головой, отгоняя дурные догадки.

Мой яркий огонь. Я сам долго не мог признаться себе, что уже давно не чувствую той силы, той энергии, которая вдохновляла меня на создание различных шедевров. Последнее время мои произведения казались тусклыми, лишёнными жизни и какой-либо истории. Они показывали пустоту, которая, кажется, отражала состояние моего внутреннего мира. А я ведь так сильно хотел это скрыть!

Я всё чаще стал задумываться о том, что пустота всегда

была частью моей жизни. Я ощущал её ещё с детства, когда впервые увидел в глазах отца то, что боится увидеть каждый ребёнок – понимание того, что ты совсем не тот ребёнок, которого хотели твои родители. Сам не знаю, почему я вспомнил этот момент – тогда мне было четыре. Удивительно, прошло столько лет, а я до сих пор не могу думать о том разговоре отца с мамой без кома в горле. Вот и сейчас ничего не изменилось.

В детском саду мы готовили выступление к какому-то празднику. Признаться, уже и не помню, по какому поводу это было, но помню декорации. Они были сделаны на заказ, поспособствовал мой отец, ведь уже тогда он владел неплохим состоянием. Как-то раз во время дневной прогулки я вместе с группой мальчишек тайком сбежал из-под внимания воспитательницы, чтобы посмотреть на только что привезённые предметы оформления. Слухи не обманули – они действительно были великолепны, но мне показалось, что самой главной из них – миниатюре роскошного дворца – немного не хватает яркого акцента. Мы с мальчишками достали акварельные краски, которыми обычно рисовали на занятиях, и «преобразили» дорогие декорации.

Правда, конечно же, скоро вскрылась. Мы получили своё и от воспитателей, и от родителей. То, что отец был зол, я понимал, ведь он приобрёл для детского сада конструкции, которые стоили на то время чуть ли не целое состояние. Я извинился, думал, что папа простил, но в тот же вечер перед

сном, я забежал на кухню, чтобы утащить что-нибудь вкусненькое, и застал там родителей, которые активно что-то обсуждали.

Они не заметили меня, я надеялся незаметно проскользнуть мимо них, но остановился, услышав из уст отца своё имя. Нет, меня не засекли – просто они говорили обо мне. Папа был зол, но зол не из-за испорченных декораций, а из-за меня в целом. Он назвал меня избалованным мальчишкой, трудным ребёнком, да ещё и настоятельно предлагал маме показать меня хорошему специалисту. Но я был просто ребёнком – обычным ребёнком, который мог хулиганить, не слушаться, делать что-то наперекор... как все.

Ощущение той самой внутренней боли я помню до сих пор, скорее, даже не столько боли, сколько страха. Я наивно боялся, что папа меня разлюбил, что больше никогда не поверит мне и не простит. С того самого дня и до двенадцати лет я превратился в пай-мальчика: слушался, помогал, с фальшивой радостью делал то, чего не хотел, пока в один день не сдался.

Переходный возраст – вещь не самая приятная. Однажды, на очередную просьбу отца я сказал: «Нет!». Я не хотел заслуживать любовь, хотел, чтобы меня любили за то, что я просто есть, а, самое главное, такого, какой я есть. Мне надоело быть удобным для всех, надоело подавлять себя, чтобы угодить другим, пускай даже и самым близким людям. Приблизительно через несколько месяцев после этого, отец по-

знакомил меня с семьёй Линовских. Юрка на год меня старше, и наши проблемы были в чём-то схожи. Он тоже доставлял хлопот родителям, но делал это от скуки, от ощущения вечной безнаказанности, а я пошёл по этому пути, потому что хотел заявить о себе настоящим – показать, что я не чистый лист, с которым можно делать всё, что угодно, а уже сформированный человек, которого уже нет смысла ломать. Слишком поздно я понял, что совершил ошибку, доверившись Юрке. Я натворил много нехороших дел, и всё это для того, чтобы нарочно позлить отца. Я совсем не хотел довести свои отношения с папой до такого краха, и даже не знаю, восстановятся ли они вообще когда-нибудь.

А теперь это, ситуация с Данькой, разрыв дружбы с Юрой, кажется, опустошили меня окончательно. Всё, что мне осталось – набраться сил и всё исправить, но как именно, я не знаю.

– Денис? – раздался позади меня тихий детский голосок.

На пороге комнаты стояла сонная Алиса, прижимая к себе игрушечного белого медведя. Она непонимающе глядела на меня, а я на неё в ответ. Странно, сидел, кажется, тихо, не шумел.

– Алиса, ты почему не спишь? – я поднял голову и посмотрел на настенные часы – почти пять утра.

Она ничего не ответила – сестра просто закрыла за собой дверь и улеглась в мою кровать. Я еле заметно улыбнулся, глядя на неё. Давно она не приходила ко мне посреди ночи.

Я оставил пастель с бумагой на столе, а сам, выключив настольную лампу, вернулся в кровать и улёгся рядом с Алисой, бережно накрыв её одеялом.

– Почему не спишь? – снова тихо спросил я.

Она подняла на меня свои большие глаза, смотрела как-то испуганно и не по-детски серьёзно.

– Мне приснился кошмар.

– Кошмар? – я ничуть не удивился этому. Алиса часто прибегала ко мне по ночам, когда её мучали плохие сны.

– Да, – прошептала она. – Про тебя.

– И что же там было? – не скрою, мне стало любопытно.

Сестра поёжилась, а потом несмело начала свой рассказ:

– Мне приснилось, что вы сильно поругались с папой. Вы кричали очень громко. А потом...

Она замолчала.

– Что потом?

– Ты ушёл из дома, и больше не вернулся.

Всего лишь детский кошмарный сон, но для меня он кое-что разъяснил: мои конфликты с отцом не должны были случаться в присутствии мамы, и уж тем более Алисы и Тёмы. Дети же, как губки – впитывают всё, что видят и слышат. И я совсем не хотел, чтобы мои брат и сестра имели какие-то психологические травмы из-за меня и моих проблем. Всё это необходимо прекращать, пока кошмары Алисы не переросли в нервные срывы или панические атаки.

– Можно я с тобой посплю? – спросила сестра.

Я ласково улыбнулся ей.

– Конечно.

Малышка устроилась поудобнее, натянула одеяло чуть ли не до самого носа и тут же провалилась в сон. Я ей завидовал. Хотел бы я также быстро засыпать, забыв о проблемах. Мне оставалось только последовать её примеру – лечь рядом и закрыть глаза. Я приобнял Алису, и, как не странно, почувствовал, что меня постепенно затягивает в глубокий крепкий сон.

Я собирался в школу чуть ли не со скоростью света. Из дома вылетел, даже не позавтракав, да и одевался чуть ли не на ходу. Для пущей убедительности только ручки рюкзака в зубах не хватало, но, признаться, я был на грани свершения этого поступка.

Я, конечно же, прекрасно понимал, что после бессонной ночи шансы на то, что мне хватит сил хотя бы открыть глаза, стремительно падали к нулю. Я не забыл поставить будильник на семь утра, был готов к тяжёлому трудовому дню, но не ожидал, что этого самого будильника я даже не услышу. Такого никогда не было, а тут – на тебе! Маме еле-еле удалось растолкать меня – примерно за двадцать минут до выхода. Первое, о чём я подумал, открыв глаза: «Почему будильник не услышала Алиса?» Как оказалось, незадолго до подъёма малышка проснулась и вернулась в свою комнату. Она часто так делала, когда ночевала с кем-то – тихо и незаметно ухо-

дила к себе, когда считала нужным.

Близнецов отец увёз пораньше, потому что боялся опоздать на очередную деловую встречу, а о том, чтобы меня доставили в школу, позаботился друг нашей семьи и по совместительству личный водитель – Виктор Александрович.

– Ты сегодня припозднился, парень, – заключил он, когда я неуклюже плюхнулся на пассажирское сидение авто. – На тебя не похоже.

– Проспал, – я пытался отдышаться. – Не услышал будильник.

Пока мы добирались до школы, я пытался окончательно заставить себя проснуться. За окном была замечательная погода – солнце светило ярко, чувствовалась по-настоящему весенняя погода в наших тёплых краях. Я уже подумывал о том, не стоит ли мне оставить пиджак в машине, но решил забрать с собой на случай перемены погоды.

После напряжённой ночи, бесконечных дум и гонения мыслей, я чётко решил для себя, что, начиная с этого дня, всё в моей жизни будет по-другому. После того, что случилось с Данькой, я чётко осознал одну вещь – жизнь у нас одна, другой не будет, поэтому глупо тратить такое ограниченное время на скандалы и «примыкания» перед другими, оставляя на втором плане свои мечты, цели и желания.

Я даже не сразу понял, что на лице появилась улыбка – такая странная для меня, давно забытая скандалами и бессмысленным бунтарством, такая настоящая, живая... Внут-

ри меня будто что-то расцвело – новое незнакомое мне чувство, которое дарило эмоции – позитивные эмоции. В дороге у меня родились интересные планы на этот день. Почему бы мне, Даньке, Лине и ребятам после школы не сходить на недавно открывшуюся ледовую арену в центре города? А что? Проверим лёд, да и вообще вспомним, каково это – стоять на коньках. Может, для Лины коньки не станут чем-то необычным, учитывая, что она жила в северном городе, а вот для остальных... Вот, что значит – ребята-южане!

Я так замечтался, что даже не заметил, как машина подъехала к школе.

– Что это? – спросил Виктор Александрович, глядя куда-то перед собой.

– Что? – переспросил я, очнувшись.

Я вытянул голову вперёд и увидел огромную толпу учеников и учителей, которые собрались на территории школы. Не было похоже на какое-то внеплановое собрание – что-то явно было не так.

– Можете проехать немного вперёд? – спросил я водителя. Машина медленно заезжала на территорию.

Я смотрел во все глаза, пытался понять, что там происходит, но, увидев валивший из окна на первом этаже столб дыма, чуть не раскрыл рот. Не сразу, но я увидел пожарный и полицейский автомобили. Сотрудники двух служб окружили директрису – Маргариту Артуровну – задавали ей какие-то вопросы, что можно было понять по её активной жестикуля-

ции. Что случилось? Пожар в одном из кабинетов?

– Виктор Александрович, я выйду здесь, – произнёс я, хватая рюкзак с заднего сидения. – Там вам не проехать.

– Хорошо, Денис, – кивнул он. – Пожалуйста, поосторожнее там.

Я кивнул водителю – то ли на прощание, то ли в ответ на предупреждение – и побежал к зданию школы искать Лину с Даней.

Я не знал, что случилось, но, судя по перешёптываниям других учащихся, дело было серьёзно. Со всех сторон я слышал одно и то же – поджог. Но кому это нужно, особенно в нашем-то благополучном районе, где все друг знают?

Пробираясь через толпу семиклассников, я не без труда нашёл своих. Сначала увидел Даньку, который искал кого-то в толпе школьников. Махнув кому-то рукой, он замотал головой и заметил меня.

– Дэн! – он пожал мне руку. – Думал, что ты уже не придёшь.

– Я проспал. Что происходит? – я попытался перекричать гул школьников.

– Ребята, что случилось? – Лина так резко возникла передо мной, что я от неожиданности сделал шаг назад. С девушкой была Лиля Соловьёва.

– Говорят, поджог, – ответил Данька. – На первом этаже в кабинете химии. Думают, это сделал кто-то из учеников. Не знаю, по глупости или специально, но всё сводится к этому.

– Я, конечно, понимаю, что школа – не самое приятно место для детей, но чтобы так... – Лиля вглядывалась в лица ребят, будто ища того, кто мог бы это сделать.

– Они должны проверить всё по камерам видеонаблюдения, – мой голос прозвучал как-то хрипло. – Не думаю, что кто-то панировал целую спецоперацию по уничтожению нашей «обители». Наверняка, какие-нибудь восьмиклашки просто побаловались со скляночками, пока никто не видел. Вот и результат, – я указал рукой на столб дыма.

– Идёт разбирательство, – произнесла Лина. – Кажется, они как раз и занимаются записями с камер.

Эта новость стала первым неприятным событием сегодняшнего дня. Да, конечно, я был рад тому, что всё идёт к отмене уроков, но не такой же ценой! Я даже подумать не мог, что кто-то мог сделать это специально.

Пока шли разбирательства, школьники расположились на газоне, собравшись классами под присмотром своих руководителей. Шла активная дискуссия, каждый выдвигал свои версии и догадки. У меня создалось странное ощущение, будто я попал в клуб юного сыщика: в каждом классе были свои Шерлоки Холмсы и доктора Ватсоны, свои подозреваемые и возможные свидетели.

Я всё ещё придерживался своей версии – заигравшиеся школьники, которым родители не говорили, что баловаться с неизвестными веществами нельзя. Не зная всех фактов дела, нельзя озвучивать выводы. Мы просто сидели и ждали,

когда же всё это закончится и нас отпустят по домам. Кто бы ни поджёг школу, его всё равно найдут рано или поздно, особенно, если это произошло ненамеренно.

И тут гул голосов сменился странными перешёптываниями. Я повернул голову в сторону здания, и увидел, как к нашим классам подходят сотрудники полиции в сопровождении директрисы. Шли они уверенно, всё ближе подходили к нам, пока в какой-то момент не остановились передо мной.

– Гранин Денис Максимович? – серьёзно глядя на меня спросил один из сотрудников.

Я, напрягшись, поднялся с газона.

– Д-да, – я почувствовал, как мой голос резко сел в этот момент.

Сотрудник достал удостоверение и показал мне.

– Следователь Громов, – представился мужчина. – Вы подозреваетесь в совершении преступления. Статья 167 УК РФ «Поджог». Прошу вас пройти с нами в отделение до выяснения обстоятельств.

Я так и застыл на месте. Меня подозревают в поджоге школы? Меня?!

– Что? – засуетился я. – Подождите! Вы не можете просто так взять и задержать меня, – всё моё нутро просто сковало от жуткого страха.

Следователь Громов показал мне небольшой сейф-пакет, в котором лежали... швейцарские часы фирмы «Atlantic» – мои часы.

Я потерял дар речи, когда увидел их. Это был подарок отца на моё шестнадцатилетие. Он вручил мне их, как наследнику его бизнес-империи. Отец и по сегодняшний день считает, что главное достоинство любого успешного человека – умение правильно распределять своё время, а эти часы были символом того, что когда-то и мне придётся познать истину той деловой жизни, к которой меня никогда не тянуло.

Я с ужасом смотрел на этот кварцевый механизм и не мог подобрать никаких слов.

– Эти часы были найдены на месте преступления и, судя по результатам опроса преподавательского состава и некоторых учащихся, они принадлежат вам.

– Да, это мои часы, я не отрицаю, но я не знаю, как они оказались в кабинете.

Это было похоже на страшный сон. Все учителя и школьники, которые собрались вокруг нашей компании, с интересом и плохо скрываемым призранием смотрели на меня. Кажется, за эти несколько секунд мои испуганные глаза сумели оглядеть каждого присутствующего.

Но мне не было до них никакого дела. Я перевёл взгляд на Даньку и Лину. Оба стояли и смотрели на меня с таким ужасом, что мне захотелось просто взять и моментально исчезнуть из этой реальности. Растерянность в их взгляде с примесью недоверия и разочарования чуть ли не заставили меня взвыть!

– Я этого не делал, – тихо произнёс я, поочерёдно загля-

дывая им в глаза. – Не делал, клянусь!

Но они молчали, будто боялись произнести даже звука.

– Данька, Лина, я не...не знаю, как это...

Но договорить мне не дали – сотрудники увели меня под перешёптывания и гул толпы.

– Твоих родителей мы уже оповестили, – произнёс один из мужчин.

Спасибо, успокоил!

Мысли превратились в кашу – я окончательно перестал что-либо соображать. Меня совсем не волновало, что обо мне будут говорить в городе, что скажет отец, не удивлюсь, если после такого инцидента он от меня вообще откажется. Но мне искренне было жалко маму, ведь она и так намучалась, когда мне в первый раз угрожали решёткой, а тут ещё и подозрения в поджоге!

Меня усадили в машину и у всех на глазах повезли в участок.

Я не знал, что произошло, да и происходит ли всё это на самом деле. На полпути я понял, что оставил свой рюкзак на газоне вместе с телефоном. Опять всё повторяется, опять меня подставили... Но кому это было нужно? Как мои часы, которые ещё вчера лежали в моей комнате на положенном им месте, оказались в сгоревшем школьном кабинете?

Мне стало по-настоящему страшно. Если в прошлый раз моё сердце было на грани остановки, то на этот раз оно, видимо, уже не выдержит. Не так я хотел начать новую жизнь,

не так хотел провести этот день, не такой хотел видеть свою судьбу!

Когда мы подъехали к месту назначения, я уже продумывал ход своих действий: вспомнил все возможные фильмы и сцены, где проводилось задержание, вспомнил, что должен упомянуть о положенном мне адвокате и одном телефонном звонке, но, стоило мне переступить порог отдела полиции, как страх перекрыл все потоки разума.

С момента моего прибытия в участок прошло три часа. За это время произошло многое – то, чего я надеялся избежать.

По правде говоря, я до последнего верил, что произошла чудовищная ошибка. На расспросы о том, как мои наручные часы оказались в сгоревшем кабинете школы, я отвечал: «Не знаю». Мысли не переставали крутиться, словно карусель на предельной скорости, я понятия не имел, что теперь со мной будет. Меня подставили. Просто взяли и подставили! Но кому это было нужно? Однако самое страшное заключалось даже не в этом, а в том, что может всплыть моё старое дело – то, в котором меня обвиняли в «угоне» автомобиля. Тогда всё закончилось благополучно, учитывая тот факт, что авто угнал вовсе не я, а Юрка, но кто теперь будет смотреть на то, что бывшее дело давным-давно закрыто? Второй раз привлекаешься к ответственности – значит, ты не так прост, как кажется на первый взгляд. Поблажек не будет, и я с ужасом это понимал.

Меня допрашивали в присутствии предоставленных мне адвоката, педагога, а ещё мамы. Около двух часов я отвечал на вопросы, описывал досконально, что делал вчерашним вечером и сегодняшним утром. Но от меня не отставали – просто не верили, как мне показалось. Когда приехал отец, всё стало только хуже – мама не выдержала и заплакала, а у отца был такой взгляд, будто он собирается меня прибить. Их личный разговор с представителями полициями проходил уже без меня. Мне нет восемнадцати, а это значит, что часть ответственности ляжет на плечи родителей.

Я был разбит. С этого дня так хотелось начать всё сначала, а теперь... моя жизнь, по сути, могла рухнуть в любой момент. Мне казалось, что я просто ещё не проснулся, что я всё ещё нежусь в своей постели, обняв сестру и видя неприятные сны. Руки тряслись, сердце колотилось, как бешенное, не говоря уже о том, сколько нервных клеток я убил за время, проведённое в участке.

Однако в одном мне всё же повезло – меня не стали держать в отделе до полного выяснения обстоятельств, а отпустили домой, вернее, под домашний арест. Всю дорогу мы молчали. Мама пыталась успокоиться, без конца пила воду, а вот отец был спокоен, как удав. Это меня и пугало.

– Клянусь, я не делал этого, – тихо произнёс я, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

– Дома поговорим! – рявкнул отец, нервно ведя автомобиль.

– Алиса ночевала со мной в комнате, она может...

– Не смей впутывать сюда детей! – отец явно не хотел со мной это обсуждать.

Но здесь я был с ним солидарен – брат и сестра слишком часто были свидетелями наших руганей с отцом, и им не следовало вообще знать о том, что случилось прошедшим утром.

Когда мы заехали на территорию дома, а потом и вовсе зашли внутрь, меня очень напрягло, что близнецы не выбежали нас встречать. В доме была странная непривычная тишина, и это напрягало.

– А где...

– Дети остались у друзей, – коротко ответила мама, направляясь в сторону кухни.

Она даже смотреть на меня не стала, всё время отводила глаза и прятала слёзы.

– Быстро за мной! – скомандовал отец, взбегая вверх по лестнице.

Уж лучше бы я остался в участке... Я прекрасно понимал, что грядёт страшная буря в виде скандала, да такого, что весь дом будет стоять на ушах. Но другого выхода не было. Может, мне всё же удастся убедить отца, что я здесь совершенно не при чём? А поверит ли он мне?

Я с опаской последовал за родителем и несложно догадаться куда именно – в его кабинет. Я терпеть не мог это место в доме, ведь оно было для меня специализированной

обителѐй для предъявления мне претензий. Мне пришлось мысленно настроиться на то, чтобы получить по полной программе, пускай даже за то, чего я не делал.

Уже более уверенным шагом я переступил порог кабинета и встал напротив отца, вернее, напротив его рабочего стола, за которым он сидел.

– Значит так, – начал он подозрительно спокойно, – в очередной раз я попытаюсь прикрыть твою задницу, но теперь ты так просто не отделаешься. Я устал – устал постоянно учить тебя, казалось бы, самым элементарным вещам, – отец тяжело вздохнул. – Зачем ты это сделал? Зачем поджѐг школу?

Не верит. Да он никогда и не верил мне! Что в случаи с угоном авто Юркой, что сейчас. Скандалить не было сил, не было сил кричать и драть глотку, доказывая свою невиновность. Всѐ, чего мне хотелось – поскорее выслушать от отца все возможные упрѐки и ругательства, а потом все остатки энергии бросить на то, чтобы понять, кто и каким образом смог меня так жестоко подставить.

– Я не делал этого, – спокойно произнёс я, смело глядя в пылающие злостью глаза отца. – Я вечером пришѐл домой и не выходил из своей комнаты до самого утра. Алиса может подтвердить, она ночевала со мной.

Отец промолчал. Может, задумался над моими словами.

– Тогда, каким образом в сгоревшем кабинете оказались твои часы – мой тебе подарок?

– Я не знаю, – честно ответил я.

Отец не переставал злобно смотреть на меня. Спустя несколько мучительно долгих минут такого страшного взгляда, он тяжело вздохнул, встал из-за стола и, повернувшись ко мне спиной, устался в окно.

– Я с тобой больше возиться не стану. Пока не известно, чем закончится всё это дело, но решение я уже принял. В эту школу ты больше не вернёшься, будешь доучиваться дома, если тебя всё-таки не посадят, а я планирую договориться с нужными людьми. Поскольку выезд за границу для тебя временно закрыт, в начале июня я отправлю тебя в специализированную школу-интернат, пока твоё поведение окончательно не вышло из-под контроля. Школа принадлежит одному моему хорошему знакомому, он присмотрит за тобой.

У меня чуть не подкосились ноги. Какая ещё школа-интернат? За что?!

– Ты...ты не..., – я не смог произнести даже слова. Кажется, я растерялся настолько, что даже говорить разучился.

– Я хочу, чтобы ты усвоил одну единственную вещь: нам не всё в этом мире дозволено, у всего есть предел, и у моего терпения тоже, – он сделал паузу. – Знаешь, я уже подумывал о том, чтобы уступить тебе с поступлением на архитектурное отделение, но теперь забудь об этом. Навсегда. Чтобы у тебя даже мысли об этом больше не возникло, я попросил персонал очистить твою комнату от всего, что напоминало тебе о живописи.

– Что?! – взбесился я. – Что значит, приказал очистить комнату?

– А то и значит, – отец повернулся ко мне лицом. – Больше никаких художеств, никакого рисования, никакого творчества. Пусть это послужит тебе уроком.

Я был на грани нервного срыва. Меня начало потряхивать, пальцы больно вцепились в край стола, а дыхание периодически перехватывало от возмущений.

– Какого чёрта! – выкрикнул я. – Ты не мог сделать этого, не спросив меня!

– Нет, мог! – отец вступил со мной в словестный поединок. – Все твои холсты, краски и, как оказалось, несколько баллонов для так называемого «спрей-арта», которые были спрятаны в кладовке, куплены на мои деньги!

– Нет! Половина из всего этого была приобретена на МОИ деньги!

Я понял, что на эмоциях болтнул лишнего, но мне уже нечего терять.

Отец как-то странно посмотрел на меня.

– На твои деньги?

– Да! На заработанные мной деньги. Ты не имеешь никакого права лишать меня моих же вещей!

– Стесняюсь спросить, и чем же ты зарабатывал?

– Ты знаешь, чем.

Я уже давно подозревал, что отец догадывается, почему я так много времени уделял рисованию, почему приобретал

всё новые и новые материалы и делал это скрытно. Да, пускай не так и много, но я зарабатывал на том, что я любил – продавал картины, после чего закупал новые материалы, а остаток оставлял на свои хотелки или, по возможности, помогал Даньке, когда дела у него были совсем плохи.

Я знал, что это только сильнее взбесит отца, но я не мог ломать себя только потому, что я – Гранин.

Отец долго молчал, о чём-то думал или, напротив, ему уже надоела наша перепалка.

– Я больше не хочу с тобой разговаривать, Денис. И видеть тебя ближайшие несколько дней я тоже не желаю. Будешь сидеть в своей комнате, пока дело не закроют.

– Но ты...

– Нет! Всё, хватит! Ты меня очень разочаровал. Честно, – у отца был непривычно отчаянный вид, – мне даже не верить, что у меня может быть такой сын.

Я привык к тому, что отец вечно мной недоволен, что он ругается, злится, но чтобы всё доходило до такого... никогда.

Я понял, что это – конец. Наши отношения уже не восстановить, да и был ли уже в этом хоть какой-нибудь смысл? Внутри меня как будто растекалась лава – тело стало горячим, а желание выплеснуть всю свою злость хоть на чём-то нарастала всё сильнее.

Я окончательно перестал соображать, не знал, как поступить дальше.

– Убирайся, – негромко, но с твёрдостью в голосе произ-

нёс отец.

Мне не нужно было повторять несколько раз – я вылетел из кабинета, как ошпаренный, пронёсся по коридору и закрылся в своей комнате. Я огляделся – ни одной картины, ни одного карандаша или мелка, ничего, что напоминало бы мне о вчерашней жизни. Я облокотился на дверь и просто от бессилия сполз вниз.

Жизнь окончательно пошла под откос, я не представлял, что ждёт меня впереди, да ничего хорошего там и не было, на самом деле. Я был готов опустить руки, готов был заорать от бессилия, что я и сделал спустя несколько минут страшного напряжения.

Не удивлюсь, если мой отчаянный вопль слышали во всём доме. Честно говоря, мне вообще показалось, что я кричал не своим голосом, он мог принадлежать кому угодно, но только не мне. Боль. Дикая боль мучала меня изнутри, не давая даже вздохнуть. Я был готов провалиться сквозь землю от безысходности, и был уверен, что даже желанное падение приведёт меня, непосредственно, к воротам ада.

Лина

– Нет, я не верю – не верю, что Денис мог это сделать! – я мерила шагами пол гаража, не в силах заставить себя остановиться.

– Конечно же, он этого не делал, – у Ромки был максимально сосредоточенный взгляд. – Вот только вопрос в другом – кто и зачем подставил Дэна?

– Думаешь, кто-то специально это сделал? – встрепенулась Ксюша.

Ромка пожал плечами.

– Почему-то я в этом уверен.

Честно говоря, я была солидарна с Ромой. Уж не знаю, каким образом наручные часы Дениса оказались в сгоревшем кабинете, но я была готова поручиться за то, что друг к этому не причастен.

Денис, конечно, далеко не ангел. Он – дерзкий, временами наглый, а за его умение выводить меня из себя можно Нобелевскую премию давать, но никогда в жизни я никому, в том числе и себе, не позволю назвать этого человека плохим. Я поняла, что ошибалась на его счёт с самого начала, а узнав парня поближе, сделала совершенно другие выводы. Человек, который так переживает за судьбу своего лучшего друга, который заступился за меня на злосчастной вечерин-

ке, навсегда разорвав все связи с одним из приятелей, показал, что первое впечатление может быть обманчивым.

Когда я в очередной раз сделала круг, мой взгляд остановился на Дане. Парень сидел, как в воду опущенный: не разговаривал, просто опустил задумчивый взгляд в пол и молчал. Никто из нас не стал его дёргать, потому что прекрасно понимали – ему и так сполна доставалось в последнее время, а тут ещё и арест друга...

– Как нам вообще узнать, что с ним сейчас? – Стас не выдержал напряжения и пошёл ставить чайник. – Телефон-то Дэна у нас, как и рюкзак.

– Папа сказал, что его отпустили под домашний арест до окончания следствия, – понуро сказала Ксюша. – Ему действительно грозит срок, особенно, если они вспомнят случай с угоном.

Я даже остановилась, подумала, что ослышалась.

– С угоном? – осторожно уточнила я.

– Я тебе потом расскажу, – тихо произнёс Даня. Это были его первые слова за весь день после ареста Дениса. – Нам нужно что-то придумать, – парень протёр уставшие глаза. – Нельзя допустить, чтобы Дэна посадили – посадили за то, чего он не делал.

Я смотрела на Даньку и понимала, что он настроен очень решительно. Никто из нас не готов был потерять друга, особенно он. Я знала, что Даня просто так этого не оставит.

– Но, что мы можем сделать? – спросил Стас, наливая ки-

пяток в кружки. – По камерам ничего не понятно – какой-то пацан в худи с капюшоном на голове выбил окно в кабинете, а потом разгромил его. Вот и все доказательства.

– Это да, – подтвердил Ромка, – но худи тоже принадлежит Дэну. Его нашли на заднем дворе школы, где нет камер. «GUCCI» – не каждый второй у нас ходит в брендовых заграничных вещах. А такую, я лично, видел только у Дэна.

– Не нагнетай, Ром, – простионала Ксюша. – И так тошно.

– Я просто говорю по факту, – развёл парень руками. – Несмотря на то, что все улики указывают на Дэна, я ни за что не поверю, что поджог устроил именно он.

– Кто-то его серьёзно подставил, – я села на диван рядом с Даней, – и нам нужно узнать, кто.

– Это Линовский, – тихо произнёс Даня.

В гараже воцарилось молчание. Все, в том числе и я, уставились на друга. Такое прямое обвинение звучит слишком серьёзно, тем более, если на то нет прямых доказательств. Линовский хоть и оказался гадом, но даже на него просто так нельзя сваливать случившееся.

– Дань, это...

– Я знаю, – перебил меня друг, а потом посмотрел в глаза. – Сама подумай, ну кто ещё может так сильно насолить Дэну? Линовский та ещё сволочь по натуре, а после того, что произошло у него на вечеринке, не удивлюсь, если именно он приложил к этому руку.

Я задумалась над словами друга. Да, у Юры были причи-

ны отомстить Денису за разрыв дружбы и, по сути, за публичное унижение в виде драки в его же собственном доме. Но драка произошла из-за меня. Тогда почему Линовский не отомстил мне?

– Ты уверен в этом? – спросила Ксюша, после чего отпила большой глоток чая, который приготовил Стас.

– Конечно же, я не уверен, но Линовский – единственный человек, на которого я подумал бы в первую очередь.

– Хорошо, даже, если и так, – Стас поправил на носу очки, – как нам проверить это? Если Дэна действительно подставил Линовский, то где доказательства?

– Нам нужно узнать, каким образом часы Дениса оказались в школе, и о толстовке забывать не стоит, – я взглянула на настенные часы – почти семь вечера. – Нельзя допустить, чтобы его посадили.

После того, как я произнесла эти слова, я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло. Странное чувство, которые испытываешь в момент сильного страха. Но лично мне нечего было бояться, а вот Денису... я переживала за него.

Странно. Мы хоть и наладили отношения, не ругались и не спорили, но всё равно какая-то недосказанность между нами всё же осталась. Если бы эта ситуация случилась раньше, то, возможно, я бы помогала этому человеку исключительно ради Дани, ведь ему он приходится лучшим другом, а Даня много значит для меня. Но сейчас всё изменилось. Да, Гранин обладал безграничным талантом выбешивать ме-

ня, доводить своими фразами и выходками, но я поняла, что действительно переживаю за него. Всё-таки наше общение не прошло даром – оно оставило определённый след в моей душе.

Никогда не думала, что этот мальчишка вообще сможет вызвать у меня что-то кроме раздражения, но оказалось... А что оказалось? Нет. Я же не... Нет! Этого не может быть. Придёт же в голову?!

– Как нам разболтать Линовского? – спросил Ромка. – Не думаю, что он станет с нами вести хоть какой-то диалог.

– Может, у нас это и не выйдет, но я знаю, у кого это может получиться, – Ксюша хитро посмотрела на меня.

– Что? Я? Ты с ума сошла? – возмутилась я.

От одной мысли об этом человеке в моей голове всплыла неприятная картинка с вечеринки, когда он, будучи не совсем в адекватном состоянии, начал распускать руки.

– Да, Лина, именно ты, – подруга уставилась на меня. – Линовский по тебе сохнет, это же очевидно!

– После того, что случилось на вечеринке, не думаю.

– Ой, ты как будто вчера родилась! – махнула Ксюша рукой. – Когда на чью-то даму сердца положил глаз соперник – желание парня становится только сильнее. Я ведь права, мальчишки?

Даня, Стас и Ромка удивлённо переглянулись между собой. Признаться, мне показалось это забавным, я даже позволила себе осторожно улыбнуться.

– Нет, это очень плохая идея, – Данька вскочил с места, развернулся и посмотрел мне в глаза. – Я не отпущу тебя к этому гаду, даже если от этого зависит свобода Дэна. Я готов пойти на многое, чтобы помочь ему, но не ценой твоей безопасности.

– Но, Дань...

– Нет! – резко оборвал он. – Закрыли тему.

Я понимала, что он беспокоился, и мне стало даже приятно от этого. Но речь шла о Денисе, и я больше не могла оставаться в стороне.

– Хорошо.

Я не стала спорить с ним, знала ведь, что всё равно поступлю по-своему. В моей голове уже выстраивался план – ход действий, о котором я предпочла умолчать. Ксюша подала мне прекрасную идею – всё-таки мне придётся встретиться с Юрой, поговорить с ним, вернее, выведать, что он знает о случившемся. Возможно, парень действительно совершенно не при чём, но всё указывало именно на его причастность.

Я посмотрела на Даню, который, переговариваясь со Стасом, встал ко мне спиной, и мысленно попросила у него прощение за то, что собираюсь сделать. Он будет зол, когда правда вскрыется, но сейчас судьба Дениса дороже. Данька поймёт меня, отругает, но поймёт. Осталось только дожидаться завтрашнего дня, а там всё решиться.

На следующий день сразу после завтрака тётя и дядя уехали по делам в город. Их отсутствие стало для меня настоящей удачей, потому что я боялась, что они не позволят мне прогулять дистанционные занятия, которые ввели для нашей школы на ближайшую неделю, пока идёт следствие и ремонт кабинета. Ведь на этот день у меня были грандиозные планы по спасению Дениса. Всё-таки мне придётся на день лишиться себя статуса «прилежной девочки» и злостно прогулять учёбу.

Как только машина моих опекунов выехала за пределы территории дома, я метнулась в свою комнату и стала собираться. В свой рюкзак я положила всё самое необходимое, в том числе и мобильник Дениса, который вчера мне незаметно удалось стащить, пока мы сидели в гараже. Следом за телефоном в рюкзак отправились несколько моих тетрадей, одна из которых содержала кое-что интересное.

Это был очень специфический план, но с чего-то нужно было начать. Свобода друга висела на волоске, да и в принципе его жизнь грозилась полностью измениться и, как не печально, далеко не в лучшую сторону.

Для того чтобы меня не заметили, мне пришлось одеться «по-простецки»: джинсы, кроссовки и худи с капюшоном, за которым можно было спрятать лицо. Всё это было частью плана, пускай и далеко неидеального.

Я вышла из дома и уверенным шагом направилась в нужную мне сторону. Я не спала полночи, обдумывая каждый

свой шаг. Самой главной моей целью была встреча с Денисом. Я хотела узнать хоть какую-то информацию, которая могла бы мне хоть немного помочь. Я прекрасно понимала, что иду на огромный риск, решившись лишний раз поболтать с «подозреваемым», но иного выхода я не знала.

Я ни разу не была в доме Граниных, и, честно говоря, вообще понятия не имела, где он находится. Мне помогла Лилия Соловьёва – я прямо объяснила ей, что хочу поговорить с другом. Она, конечно, пыталась отговорить меня от этой затеи, потому что боялась, что меня могут привлечь к следствию, но я была непреклонна. Девушка, несмотря на, как ей показалось, не самую удачную затею, всё же дала мне адрес Дениса и клятвенно обещала молчать. Она оказалась первой, кого я не побоялась посвятить в свой план, но я безумно переживала, что рано или поздно затея раскроется, и вся правда ляжет перед Даней. Вся надежда оставалась только на меня саму, ведь, если у меня есть хоть малейший шанс доказать невиновность Дениса, то я пойду на что угодно.

Дом Граниных трудно было не заметить: шикарная современная постройка с большим участком и богатым убранством. Я не сильно удивилась бы, узнав, что внутри «кричала» дорогая отделка, а полы устилал дорогой мрамор. Эта семья была и остаётся самой богатой в нашем городе, но деньги и статус в обществе, как мне казалось, не прибавляли счастья этой чете. Данные обстоятельства это наглядно демонстрировали.

Когда я подошла к забору, в моей голове возникла мысль о том, что меня вообще могут не пустить на территорию дома. Не уверена, что родители Дениса вообще меня узнают. Они видели меня красивой девочкой в дурацком розовом платье, которое подобрала мне тётя, а сейчас я – среднестатистический подросток, одетый в то, что первое попало под руку.

На калитке оказался домофон. Я, собравшись с духом, нажала на кнопку и стала ждать ответа. Никто долго не подходил, и я уже вообще решила, что опоздала. Если родителей Дениса не могло быть дома по различным причинам, то сам парень, которого временно посадили под домашний арест, пока идёт следствие, наверняка, ответил бы на вызов.

И всё же мне повезло.

– Кто там?

Это был... детский голос. Я так и не поняла, мальчик это или девочка, но услышанное на время выбило меня из колеи.

– Э-э-э, здравствуйте! – неуверенно начала я. – Я – одноклассница Дениса. Наша классная руководительница просила передать ему домашнее задание.

Ответа не последовало, но калитка открылась. Я облегчённо выдохнула – самое сложное позади, осталось только увидеться с Денисом и узнать у него все подробности. Я смотрела на входную дверь, как хищник на преследуемую добычу, и за всё это время даже не взглянула на саму территорию дома. Что-то мне подсказывало, что я ещё не раз окажусь здесь, так что время на это ещё будет.

Как только я ступила на первую ступеньку, дверь медленно отворилась, и меня на пороге встретили мальчик и девочка лет семи-восьми. Они были так похожи между собой, что у меня не оставалось никаких сомнений – они близнецы. Наверное, это были брат и сестра Дениса, о которых его родители говори на первой встрече. Как они там их называли? Спиногрызы, кажется.

Эти двое уставились на меня, как на музейный экспонат – смотрели с интересом и нескрываемым любопытством, как и я на них.

– Привет! – я улыбнулась этим двоим. – А Денис дома?

Они странно переглянулись между собой.

– А зачем тебе наш брат? – спросил парнишка.

– Мне...нужно передать ему задание, – я бросила свой взгляд на свой рюкзак за спиной.

– Дети, кто там? – раздалось где-то из глубины дома.

Я выпрямилась, а дети обернулись. С лестницы из полумрака спускалась Оксана Гранина. Признаться, выглядела она не очень хорошо: лицо бледное, тёмные круги под глазами, осунувшееся лицо, помятая домашняя одежда... Сильно же её эта ситуация истязала.

– Оксана Владиславовна? – подала я голос, что не вызывать у женщины лишних вопросов. – Вы помните меня? Я – Аделина Озерцова, дочь Ольги и Вячеслава Озерцовых.

Женщина подошла к входной двери и приветливо улыбнулась мне.

– Аделина, здравствуй! – она отошла в сторону. – Пройди, дорогая.

Оксана Гранина пропустила меня вперёд.

На первый взгляд, дом Граниных мог вызвать восторг – всё дорого, богато, но какой-то жизни я не почувствовала, хоть здесь и обитало пять человек.

– А у вас уютно, – слукавила я.

– Спасибо.

Я закусила губу и посмотрела в сторону лестница.

– Скажите, а могу я поговорить с Денисом? – я сняла с плеч рюкзак. – Учительница просила передать ему домашнее задание.

Оксана Владиславовна вслед за мной подняла глаза на лестницу и тяжело вздохнула.

– Боюсь, что это невозможно, – она обняла себя руками, будто резко замёрзла. – Супруг запретил кому-либо подходить к сыну без его ведома.

Вот это порядки! Теперь я понимаю, почему у друга с отцом такие сложные отношения, да и с женой, видимо, не лучше.

– Он запрещает подходить к сыну... даже вам? – осторожно спросила я.

Я с улыбкой помотала головой.

– Нет. Я могу.

Я даже не сразу заметила, что близнецы наблюдают за нами. Они хоть и были детьми, но в их глазах я увидела ка-

кую-то осознанность всего происходящего.

Мой план рушился чуть ли не со стремительной скоростью! Мне нужно было увидеть Дениса, чтобы разобраться во всём, а тут... Аж зла не хватает!

– Может, тогда вы передадите ему задание? – я достала из рюкзака тетради и протянула женщине.

Она посмотрела на них, а потом обратилась к детям.

– Тёма, Алиса, отнесите это, пожалуйста, своему брату.

Близнецы, как по щелчку пальцев, забрали у меня тетради и понесли наверх. Не знаю, сработает ли это, догадается ли парень, что на одной из страниц находится кое-что важное, но, если мне не удастся поговорить с другом лично, то пускай мне помогут его брат и сестра.

– Может, хочешь чай? – осторожно спросила хозяйка дома. – Мне подруга из заграницы привезла. Очень долго нахваливала.

– Ой, ну что вы? Мне как-то неудобно...

Оксана Гранина мило улыбнулась и, приобняв меня, повела на кухню. Чаепитие совершенно не входило в мои планы, но мне показалось, что женщине очень не хватало общения. Ей нужно было с кем-то поговорить о том, что произошло накануне, а я, скажем, как подруга её сына, могла бы разделить с ней её печаль.

Она быстро организовала чай: сам напиток и различные вкусы к нему. Аромат, который доносился из кружки, просто пленил меня – такой яркий и насыщенный... сказка!

Я отпила глоток и не смогла скрыть наслаждения.

– Нравится? – спросила женщина.

– Очень вкусно.

– Этот чай помогает восстановить нервную систему, – она отпила большой глоток. – Сейчас это как раз не помешает.

– Вы... как вы себя чувствуете? – тихо спросила я, мысленно настраиваясь на разговор.

– Не очень хорошо, – она опустила глаза в стол. – Всё это так ужасно. Никогда не думала, что мой сын способен на такое.

Значит, и она не верит.

– Вы правда считаете, что школу поджог именно Денис? Если его часы нашли в сгоревшем кабинете, это ещё ничего не значит.

– Ой, Лина, я бы и хотела поверить сыну, но всё говорит не в его пользу, – голос женщины дрогнул, но она держала себя в руках. – Его отец тоже сильно раздавлен этой историей, тем более, нечто похожее уже происходило в нашей жизни.

Я задумалась.

– Вы говорите об угоне?

Оксана Гранина подняла на меня изумлённые глаза. Она точно не ожидала того, что я наслышана об этом случае.

– Откуда ты...

– На самом деле, я ничего не знаю. Мне просто сказали, что когда-то Денис был замешан в деле об угоне автомобиля.

– Вместе с Юрой Линовским. Они угнали автомобиль у

одноклассника Юры. Парень не стал писать заявление, вернее, мы заплатили ему, чтобы он этого не делал, а так...не знаю, чем бы это всё закончилось.

Вот этого я никак не ожидала. И опять Линовский. Что-то слишком часто этот человек мелькает на горизонте, когда у Дениса возникают проблемы.

– Тогда я ему поверила, но теперь...

– Теперь вы не верите?

Я внимательно следила за её реакцией – хотела хоть что-то открыть для себя, понять, чем Оксана Гранина может мне помочь, но, кажется, даже она настроена против Дениса – против собственного сына!

Я была на грани отчаяния, последняя надежда утекала сквозь пальцы, как вода. И что теперь делать? Неужели придётся смириться с тем, что Дениса скоро отправят в места лишения свободы? Это ужасно, особенно, когда незаслуженно.

– Переживаешь за него? – неожиданно спросила Оксана Владиславовна.

– Что?

– Ты переживаешь за Дениса?

Я замялась. Женщина смотрела на меня очень серьёзно, как будто пыталась что-то заприметить в моём взгляде.

– Ну, конечно. Мы же...друзья, – последнее слово я произнесла с каким-то особенным внутренним трепетом. Это даже мне показалось весьма странным.

– Это хорошо, что, несмотря на обстоятельства, его всё равно навещают друзья. Раньше у нас часто были гости, но со временем Денис стал видеться с ребятами вне дома. Хотя, к нему недавно заходила Аня, но сына не было дома.

Что? Аня? Мне же не послышалось?

– Аня Линовская? – осторожно уточнила я.

– Ну, да, – она ответила так, будто это было само собой разумеющимся. – За день до того, как началась вся эта заваруха. Она, кажется, давала ему на время какой-то учебник, а Денис забыл вернуть.

Картинка начала складываться. Аня была в этом доме за день до поджога, но с парнем так и не увиделась. И что это за ерунда с учебником? Насколько мне известно, после того случая на вечеринке эти двое даже словом не обмолвились, не говоря уже о том, чтобы обмениваться какими-то личными вещами.

– Она забрала учебник? – я была готова докопаться до правды.

– Я разрешила ей зайти в его комнату, не вижу в этом ничего криминального.

– И долго она здесь была?

Я понимала, что веду себя, как следователь на допросе, ходила по краю пропасти, если можно так выразиться, но, если у меня действительно появилась зацепка, доказывающая невиновность Дениса, то я не стану её упускать из виду.

Оксана Гранина как-то странно улыбнулась, и эта улыбка

ка окончательно поставила меня в тупик. Интересно, что же твориться в голове у этой женщины, когда она смотрит на меня и анализирует весь этот наш странный разговор?

– Нет, недолго, – продолжила она. – Аня сразу же ушла.

Теперь всё стало понятно. Если девушка была здесь накануне совершения преступления, то, скорее всего, она придумала всю эту чушь с учебником, чтобы забрать из комнаты Дениса те самые часы, которые нашли в кабинете. Девчонке понадобилась хоть какая-то вещь, которая будет указывать на парня, но меня смущал ещё один факт – фирменное дорогое худи – уже его-то девчонка точно не смогла бы незаметно вынести из дома. Так или иначе, мне всё же придётся навестить Линовских, особенно после того, как появился возможный свидетель, который, попивая заграничный чай из красивой чашки, даже не подозревает о том, насколько он важен.

Я ещё немного поболтала с мамой Дениса, а потом пошла в сторону дома, в надежде, что тётя с дядей ещё не вернулись. В моей голове уже созрел план, но для его свершения мне нужна была помощь одного человека. Я набрала нужный мне номер и стала ждать ответа.

– Алло, Рома? У меня к тебе есть разговор. Мы можем встретиться сегодня после трех часов?.. Где?.. Да, я знаю, где это. Только, Ром, никто из наших не должен знать об этой встрече... Кажется, я знаю, как доказать невиновность Дениса.

Я даже не стала заходить домой, а отправилась сразу на набережную, чтобы хоть немного проветрить голову. Ситуация прояснялась, но от этого она стала только запутаннее.

В невинности Дениса я была уверена, как и в причастности Ани к поджогу школы. Но, почему девчонка это сделала? Неужели из-за случая на вечеринке? Обиделась, что парень из-за меня сцепился с её братом, а потом со скандалом ушёл, не сказав ничего ей на прощание? Но, тогда по логике Аня должна была насолить мне, а не Денису. Тогда, в чём на самом деле смысл всего этого кошмара?

С Ромкой мы встретились в одном из местных кафе – местечко тихое и уютное. Интересно, а какое оно в разгар курортного сезона? Наверняка здесь постоянная суета и нескончаемый поток туристов. Но это сейчас не имело значения.

В помещение кроме нас сидела ещё пожилая пара. Мужчина и женщина попивали из чашек кофе и о чём-то мило беседовали, но сидели они в другом конце помещения. Нам никто не мешал.

Почему я выбрала именно Ромку? Да потому что из всех ребят нашей компании он был самым, не побоюсь этого слова, здравомыслящим. Он никогда не выбирал чью-либо сторону, а взвешивал все «за» и «против». Если он и станет отговаривать меня от затеи, то, по крайней мере, насильно не удержит.

Он внимательно выслушал меня, немного подумал над тем, что я сказала и...согласился. Я видела, что его что-то мучало, что-то не нравилось, но отговаривать он меня не стал. Единственное, что он потребовал от меня, так это его личного присутствия неподалёку, если всё вдруг пойдёт не по плану. Ему было важно, чтобы моей безопасности ничто не угрожало даже в этом львином логове, куда я, на удивление, так сильно рвусь.

Мы обсудили детали, обговорили каждую мелочь, каждый будущий шаг и возможные пути к отступлению. Всё должно было пройти идеально, ведь речь шла о судьбе нашего друга.

Когда план был окончательно составлен, Ромка расплатился за наш кофе и проводил меня до дома. Завтра мы встретимся – завтра всё решится. Мы попрощались.

Когда я зашла в дом, то сразу поняла, что тётя и дядя вернулись. Я посмотрела на время – шесть вечера. Да уж, задержались мы, конечно. Не успела я закрыть за собой дверь, как в коридор выбежала тётя и посмотрела на меня таким взглядом, как будто собиралась испепелить.

– И как это понимать? – спокойно спросила она, крестив руки.

Говорит тихо, но в глазах ярость – это не к добру.

– Что именно? – осторожно спросила я, снимая обувь.

– Где ты была? – Ольга продолжала давить.

– Гуляла с друзьями, – я всё ещё надеялась, что не покраснела от вранья.

– И кем это, позволь спросить?

– Да в чём дело?! – не выдержала я. – Что за допрос? Да, задержалась немного, но ничего же страшного не случилось.

– Не случилось? – Ольга подошла ещё ближе. – Значит, ты прогуливаешь занятия, пишешь от моего имени классной руководительнице письмо, что сломался ноутбук, а сама ходишь не понятно с кем и где?!

Чёрт! А вот это был провал. Да, каюсь, я действительно писала учительнице, но только для того, чтобы у меня было хоть какое-то алиби. А тут... Сейчас будет взбучка.

– Прости. Я должна была, – я больше не нашла, что сказать.

– Аделина, мне это не нравится, – её нелепая строгость в голосе выводила меня из себя. – Что с тобой происходит? Ты стала очень закрытой, выходишь из-под контроля, прогуливаешь школу... Да что с тобой в последнее время творится, скажи?

Она ещё долго говорила, какая я плохая и недалёкая дочь. Обвиняла меня в том, что я связалась с дурной кампанией, как она сказала: «...с уголовником и хулиганом». Первым, как я поняла, был Денис, вторым – Данька. Она, совершенно не зная этих людей, обвиняла их в каких-то страшных и нелепых вещах. Если из-за сложившихся обстоятельств Дениса она ещё могла так обозвать, то Даню – нет.

Я стояла и слушала, но уже не слышала. Проживите с этой королевой драмы семнадцать лет – не такому научитесь. Я

поняла, что она была без настроения, просто так она бы не стала нападать. Ей нужно было выплеснуть свою злость на ком-то, а поскольку дяди Славы по каким-то причинам рядом не оказалось, мишенью стала я.

– От тебя требуется только две вещи – хорошо учиться и достойно себя вести...

– Требуется? – я не выдержала.

Ольга часто твердила мне, что я должна быть прилежной девочкой, чтобы радовала их с дядей и, невзначай, аккуратно добавляла – не расстраивала их. В переводе на человеческий язык: «Не доставляла проблем».

Не знаю, из каких сил я усмирила нарастающий пыл и не ответила на её слова. Вместо этого, я просто пожелала ей приятного вечера и пошла в свою комнату. Тётя нагнала меня и, схватив за локоть, развернула к себе.

– Это ещё что за выделывания? – она была готова прожечь во мне дыру. – Это – серьёзный разговор, Аделина. Прекрати вести себя, как ребёнок.

А я, добитая её последней фразой, грустно улыбнулась и спокойно добавила:

– Я никому ничего не должна. Я не должна быть приличной девочкой, не должна учиться хорошо, только потому, что ты этого хочешь, не должна ломать себя, чтобы угодить тебе. Я – та, кто я есть. И ты никак не сможешь этого изменить.

Ещё никогда я не видела Ольгу такой растерянной. Конеч-

но, ведь раньше я никогда не давала ей отпор – лишь внимательно слушала, подавляя желание ответить и, побеждённая, уходила в тень.

Воспользовавшись моментом, я вырвалась из её крепкой хватки и забежала в комнату, заперев дверь на замок.

Ольга стучалась, требовала, чтобы я открыла ей, но я даже не двинулась с места. Я очень устала – устала от того, что происходило в нашем доме в последнее время. После того самого дня, как звонила мама, наши отношения с Ольгой окончательно утратили доверие. Я ей больше не доверяла, потому что та скрывала от меня слишком многое, что касалось Дарии, а она мне – из-за моего побега на вечеринку и возвращения домой почти в шесть утра. Удивительно, но в то утро мне никто не закатил скандал, но напряжение не отпускает по сей день.

С того самого дня Ольга стала жёстко контролировать каждый мой шаг. Чего она боялась? Я не знаю. Возможно, когда «удобный» для тебя человек выходит из-под контроля, то приносит свои определённые проблемы. Нет, я не была зла на тётю, я просто никак не могла её понять. Почему ко мне такое отношение? Из меня будто хотят сделать куклу – красивую марионетку, которая будет постоянно молчать и следовать негласным приказам кукловода. Но для чего ей это? Какой во всём этом смысл?

Я даже не сразу услышала сквозь Ольгин ор голос дяди. Он пытался успокоить супругу, твердил ей, чтобы она оста-

вила меня (не говоря уже про бедную дверь), а потом, и правда, голоса куда-то удалились. Наконец-то тишина! Я не стала даже переодеваться – упала на кровать и закрыла глаза.

Да, денёк выдался напряжённым, да ещё и тётя подлила масло в огонь. Масло в огонь... как символично. У меня совершенно не осталось сил, чтобы обдумывать всё то, что мне наговорила Ольга. В данном случае, её слова были для меня последним делом, особенно, если они были сказаны в непристойном тоне.

Мне оставалось только настроиться на завтрашний день. Немного страшно, боязно, но Ромка будет рядом, а этот парень не способен кого-либо подвести. Нам нужно просто ждать, значит – будем ждать...

Моё сердце колотилось, как бешеное, стало как-то жарковато, несмотря на заметное понижение температуры на улице. Я стояла перед калиткой дома Линовских и поймала себя на мысли, что боюсь нажать на кнопку вызова. Хотя, бояться мне следовало только одного – что хозяин не будет в настроении со мной разговаривать, несмотря на то, что мой утренний звонок его крайне порадовал.

Я всё-таки собралась с мыслями и нажала на кнопку вызова. Мне открыли сразу. Я несмело зашагала по уже знакомому участку. При свете дня он выглядел даже мило, но в тёмное время суток он бы пробудил во мне неприятные воспоминания.

Меня встретила Аня. Признаться, я не ожидала увидеть девушку здесь в это время, хоть это, по факту, и её дом тоже. По словам её брата, она вечно пропадает где-то до позднего вечера и никогда не перед кем не оправдывается за это. Она с открытой неприязнью глядела на меня, но я не подавала этому никакого значения, такой взгляд – типичное явление для этой девчонки.

Я остановилась на ступеньках перед ней.

– Где Юра? – я даже не поздоровалась. – Он должен был встретиться со мной.

Аня недовольно хмыкнула.

– По-моему, о встрече просила ТЫ, а не он, – она театрально отбросила назад свои забранные в хвост волосы. – Что, уже наигралась с нашим поджигателем? Рановато он тебе поднадоел.

Я держалась из последних сил, чтобы не врезать этой набитой кукле по носу. Уж больно она разговорчивая сегодня.

– Не надейся переключиться на моего брата, Озерцова! Только, если ты не хочешь мимолётных развлечений, – она ехидно улыбнулась.

Меня утешало только две мысли, слушая всё это – во-первых: я всё это делаю ради друга, во-вторых: когда-нибудь жизнь накажет эту девчонку за её острый язык.

– Где Юра? – с напором повторила я свой вопрос.

Аня сразу же переменялась в лице – ей явно не понравилась моя реакция. Она смирила меня недовольным взглядом,

а потом распахнула дверь и пропустила меня вперёд.

– Шагай в гостиную, – бросила она мне, после чего побежала вверх по лестнице.

Я прошла по коридору, и завернула в нужную мне комнату.

Юра стоял у окна. Вид у него был, лично для меня, весьма непривычный: простая толстовка, чёрные джинсы, волосы не были идеально уложены, а лежали естественно. Честно говоря, таким этот парень меня привлекал бы больше, не зная я, что за человек скрывается за всем этим образом.

Он смотрел мне в глаза и мило улыбался. Казалось, будто и не было той вечеринки, не было его приставаний ко мне, не было драки с другом...

– Наконец-то мы увиделись, Лина, – негромко произнёс он, медленно подходя ко мне. – Честно говоря, я боялся, что мы с тобой больше словом не обмолвимся.

Юра остановился где-то в полутора метрах от меня, не подходил ближе, но не переставал с нескрываемой смелостью смотреть в глаза. Мне бы подобное чувство тоже не помешало. Признаться, колени у меня немного тряслись.

– Ну, вот, – я соорудила равнодушную мину, – я как раз пришла, чтобы поговорить.

Парень понимающе кивнул головой и предложил присесть на софу. Я опустилась на самый край, Юра расположился рядом.

– Я догадываюсь, о чём ты хочешь поговорить, – в голосе

парня чувствовалось превосходство. – Дело касается Гранина, я прав?

Он знал, что это так. Причина моего добровольного прихода в этот дом очевидна – я хотела спасти Дениса, доказать его невиновность, путём выведения на чистую воду Ани. Но с самой девчонкой не было смысла договариваться – эта истеричка может только всё испортить, а Юра мог помочь выйти всем из этой ситуации с меньшими потерями. Я надеялась, что парень проявит не столько понимание, сколько желание помочь собственной сестре. Если девушка не признается, то её положение только усугубится.

– Пришла заступиться за преступника? – съехидничал парень.

– Преступник он или нет – решать не нам с тобой, – я села поудобнее, показывая, что настроена на предстоящий разговор крайне серьёзно. И Юра это точно заметил. – Я была вчера в доме Граниных, мне посчастливилось поговорить с мамой Дениса. Она сказала, что за день до поджога к ним приходила твоя сестра, якобы за учебником, который взял у неё Денис. Насколько мне помнится, после той вечеринки эти двое и словом не обмолвились между собой, а тут они делятся какими-то личными вещами. Самого Дениса, как оказалось, дома не было, и Оксана Гранина разрешила Ане подняться в его комнату, – я наклонилась вперёд к Юре. – Внимание, вопрос: не кажется ли тебе, что часы Дениса, которые нашли на месте преступления, были вынесены из его дома

твоей сестрой?

И тут...Юра улыбнулся. Улыбнулся как-то странно, как-то одобрительно, что ли. Мне это не понравилось.

– А ты не промах, Лина, – одобрительно произнёс он, в ответ, наклоняясь вперёд. – Именно это в тебе и нравится.

– Сейчас речь не обо мне, – строго ответила я. – Скажи, ты допускаешь вероятность того, что школу подожгла именно твоя сестра?

Парень рассмеялся, и меня это сильно сбило. Неужели ему весело от того, что Аня может быть напрямую причастна к преступлению.

– И зачем это моей сестре, скажи, пожалуйста? – он убрал с лица несуществующую слезу. – Она только и мечтает о том, чтобы быть девушкой Гранина. Какой смысл в том, чтобы поставлять его, да ещё и таким странным способом?

Но я знала, на что надавить. Было только одно событие – воспоминание о котором может развязать парню язык.

– Смысл в вечеринке, – тихо произнесла я. – Ты помнишь?

Юрино лицо резко переменялось – оно стало напряжённым, серьёзным. Шутки кончились. Пора переходить в наступление!

– Ты прекрасно помнишь, что там произошло, – мой голос стал тихим. – Твой бывший друг, человек, с которым ты был бок о бок несколько лет, начистил тебе физиономию, потому что заступился за *меня*, – я внимательно наблюдала за его реакцией. – Твоей сестре, конечно же, это не понравилось, она

приревновала, разозлилась... и решила отомстить, – я резко откинулась назад, театрально задумавшись. – Вот только это странно. Мы – девушки – создания довольно-таки эмоциональные, и, по логике вещей, Аня должна была отомстить мне, а не Денису, – я посмотрела Юре в глаза. – Тогда, в чём же подвох?

Юра не переставал смотреть на меня, и этот взгляд был мне совершенно непонятен. То ли страх разоблачения я видела, то ли насмешку, то ли полное равнодушие ко всему. А потом парень снова улыбнулся.

– Какая же ты всё-таки уникальная девушка, Лина, – он наклонился ближе. – Bravo, мисс Холмс! – и театрально хлопал в ладоши. – Не думал, что кто-то сможет докопаться до правды, но ты...

Да! Я практически вывела его на чистую воду.

– То есть, ты хочешь сказать, что в этом действительно замешана твоя сестра? И ты об этом прекрасно знал?

Его хитрый взгляд заставил меня напрячься. Что-то здесь не так.

– Аня здесь совершенно не при чём, – протянул он. – Она лишь выполнила невинную часть огромной работы.

Он не переставал улыбаться, а я... чуть не раскрыла рот от догадок.

– Ты? – с ужасом прошептала я. – Это сделал ты?

Я была уверена, что правильно вычислила преступника, но всё оказалось гораздо запутаннее, чем казалось на пер-

вый взгляд. У меня не было никаких сомнений, что виновник поджога – Аня Линовская, однако, я ошиблась. А вот Даня знал. Он сразу сказал, что в этом замешан именно Юра!

– Но... почему? – я больше не могла скрывать удивление.

Юра поднялся с софы и подошёл к окну.

– Видишь ли, Лина, Денис всегда был человеком достаточно мягким и податливым, с ним никогда не было никаких проблем, он прислушивался ко мне, как к старшему брату, как к человеку, который может наполнить его жизнь интересными событиями, – Юра сделал паузу. – Но мальчик вырос, и наружу стал выплывать его непростой характер. Брыкаться всем свойственно, поэтому я сильно не обращал на это внимание, – и тут он повернулся ко мне. Его глаза недобро сверкнули, – ровно до тех пор, пока не появилась ты.

Я? А при чём тут вообще я?

– Та роковая вечеринка, – протянул он, – после которой я и принял решение. Так получилось, что именно в тот день Дэн и перешёл все границы. Мало того, что он возомнил себя героем, набросившись на меня, так ещё этот придурок отказал моей сестре в отношениях.

– Меня не интересует, что там происходит у них с Аней, но, если ты помнишь, Денис начистил тебе физиономию, потому что ты распускал руки, – не знаю, почему, но я резко захотела поставить этой фразой парня на место.

Юра на долю секунды опустил глаза в пол, а потом снова посмотрел на меня.

– Согласен, я перегнул палку в тот вечер, – негромко произнёс он. – Но ты знаешь, почему я это сделал.

– С чего бы это? – удивилась я.

Парень подошёл и снова присел рядом со мной.

– Потому что ты мне нравишься, Лина, – прошептал он, глядя мне в глаза. – Но это не взаимно, верно?

Уже не первый раз я слышала от Юры эти слова: «Ты мне нравишься». До последнего я думала, что на вечеринке он сказал мне их, потому что находился под действием пьянящих напитков, но сейчас... Почему он повторяет их?

Я промолчала – не знала, что ответить. Мне оставалось только надеяться, что мои растерянные глаза не выдадут меня.

– Неужели ты подставил Дениса, только потому, что он заступился за меня? – я задала этот вопрос очень осторожно.

– В том числе. Ты – одна из главных причин. Следом идёт моё публичное унижение в моём же доме, при большом количестве свидетелей, а также его отказ моей сестре. Она долго убивалась по нему, а он всё это время никак не мог принять ПРАВИЛЬНОГО решения.

– Нельзя заставить человека насильно кого-то полюбить, – мои слова прозвучали твёрдо. – Это – глупо!

– Глупо переходить дорогу не тем людям! – парень сказал это настолько громко, что я аж подпрыгнула на месте. – Хочешь знать, как я всё это провернул?

А всего лишь и следовало вывести человека на эмоции.

– Было бы интересно послушать.

Юра странно взглянул на меня, но молчать не стал.

– Идея возникла у меня не сразу, я долго продумывал каждую деталь, каждую мелочь, чтобы всё прошло идеально. Я делал ставку на то, что у нас с Дэном уже были приводы в полицию, и ещё одного раза закон ему не простит, особенно такой случай, как намеренный поджог, – Юра явно был доволен своей работой, это было видно по его «светящейся» физиономии. – Я поделился этой мыслью с Аней, вбил своей глупенькой сестрѐнке в голову, что Дэна необходимо наказать. В конце концов, женская месть – то ещё оружие.

– Ты хоть понимаешь, что подставил её? – я ужаснулась этой мысли. – Её могут заподозрить в преступлении, которое совершил ты!

– Да, брось, Лина, мысли шире! Дэн уже практически за решѐткой. Чего ей бояться? – он прокашлялся. – Следующую часть ты знаешь: я отправил Аню к Граниным, зная, что Дэна не будет дома, и под невинным предлогом в виде одолженного учебника, она вынесла из его комнаты наручные часы – хорошая вещь, которая укажет на конкретного человека. Ранним утром, я сделал своё дело, подбросив часы в сгоревший кабинет.

– Какой же ты...

– Я знаю, дорогая, знаю, – наигранно произнёс он.

Меня всё это время не оставляло ощущение, что мы играем в дешѐвый театр.

– Мне на руку сыграл ещё один факт – когда-то Дэн оставил у меня своё худи – фирменную вещицу от «GUCCI», которой я не мог не воспользоваться. Так камеры не смогли меня засечь. Потом я просто бросил эту тряпку на самом видном месте, чтобы нужные люди её нашли. Часы, худи – Дэн угодит за решётку. Там ему самое место.

Я смотрела на Юру и не верила, что передо мной находится человек, способный на такие страшные вещи. Он не просто подставил бывшего друга – он был намерен полностью уничтожить его жизнь. А всё из-за чего? Из-за драки и отказа его сестре в отношениях? Парень мог просто порвать со всем этим, тихо ненавидеть Дениса, но он выбрал опасный путь... И его рассказ стал для его же судьбы роковым.

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – в ужасе спросила я, медленно поднимаясь с софы. – Ты можешь сломать ему жизнь.

– Мир немного потеряет, поверь. Он – конченный эгоист. Таким как он место за стальными прутьями.

– Ты просто чокнутый! – выкрикнула я. – Не боишься, что я могу всё рассказать? – спросила я уже тише.

Юра стал медленно подходить ко мне, как дикий зверь. Но я не двигалась с места. Незачем показывать этому парню лишние эмоции?

И тут он резко схватил мой подбородок своими пальцами и притянул к своему лицу. Ещё никогда я не видела его глаза так близко: холодные, беспощадные, полные решимости.

Я попыталась отпрыгнуть назад, но парень был настойчив.

– Рассказывай об этом кому хочешь и сколько хочешь, Лина. Без прямых доказательств тебе всё равно никто не поверит, так уж устроена система, – я чувствовала его дыхание на своей коже. – Дэн обречён. Тебе его не спасти.

– Это мы ещё посмотрим, – прошипела я.

Юра замолк, он смотрел на меня изучающим взглядом.

– Я понимаю, что после такого ты не захочешь меня больше видеть, – прошептал он. – Я бы очень хотел, чтобы ты чувствовала то же самое, что и я к тебе. Но, увы, я знаю, это не взаимно, и после того, что я сделал, ты никогда не простишь меня.

Его слова немного пошатнули мою самоуверенность. Это не похоже на него – такие слова и признания. Он чётко показал, что выше всего этого.

И вдруг Юра нагнулся ко мне и...поцеловал. Это было осторожно, недолго, очень странно с его стороны, потому что невинно – как первый поцелуй. Я не стала сопротивляться, потому что даже не успела сообразить, что к чему. Всё произошло настолько неожиданно и быстро, что мозг не успел подать нужный сигнал к действию.

После, Юра долго смотрел мне в глаза, не отпуская моего подбородка. Что он хотел увидеть в них – не знаю.

– Прощай, Аделина Озерцова, – шёпотом произнёс он.

– Прощай, Юра Линовский, – ответила я.

Я знала, что несколько раз мы с этим парнем ещё уви-

димся: случайно встретимся на улице, может, пересечёмся в школьных коридорах, но это лишь вопрос времени. Я прекрасно понимала, что Юра Линовский, перешедший черту дозволенного и наплевавший на закон, давно сделал свой роковой выбор. Очень скоро и, возможно, навсегда, этот парень исчезнет с моего горизонта, и наши с ним пути больше никогда не пересекутся.

Из дома Линовских я вышла со смешанными чувствами. С одной стороны, я получила то, за чем пришла, с другой – странно было осознавать, что у человека, который за относительно короткое время смог оставить определённый след в моей жизни, скоро всё в корне изменится.

Я шла в сторону ворот, но остановилась и обернулась. Сама не знаю, почему я это сделала, но поняла, что это было настоящей необходимостью. Я видела силуэт Юры. Парень стоял перед окном и наблюдал за мной – наблюдал за тем, как ухожу. Мы просто смотрели друг на друга какими-то странными непонятными взглядами, а потом он, помахав мне рукой, как это обычно делают на прощание, развернулся и скрылся в комнате.

Когда я вышла за территорию дома Линовских, у меня появилась настоящая возможность спокойно выдохнуть. Я подняла глаза к голубому небу и не могла не удивиться тому, что всё получилось. Я смогла! Теперь у меня есть шанс снять обвинения с Дениса.

Я прошла мимо соседнего элитного дома и завернула за угол. Там меня ждал Ромка. Парень был взбудоражен, сразу же подбежал ко мне, как только увидел.

– Ну, что, получилось?

Я, не произнося лишних слов, кратко улыбнулась и достала из кармана джинсовки профессиональный карманный диктофон.

Суть всей этой затеи, этого сомнительного визита была предельно проста – если никто из отпрысков Линовских напрямую не признался бы в совершённом преступлении, то стоило сделать это тайно – так, чтобы их признания, по их мнению, стали случайно брошенными словами для человека, который ничем не может подкрепить их подлинность.

Юра сказал правильные вещи – мне бы никто не поверил на слова, полицейские всё свалили бы на моё желание вытащить друга из сложной ситуации. Но диктофонная запись, слова Юры, сказанные его же голосом, были путём освобождения для Дениса и кандалами для самого парня.

Я улыбнулась, предъявляя Ромке бесценную запись, а сам друг, тоже не скупившись на улыбку, достал свой мобильник.

– Теперь этот звонок можно завершить, – он нажал на кнопку сброса вызова звонка.

Всё это время Рома слышал наш с Юрой разговор. Во время обсуждения плана, парень настаивал на том, чтобы тот пошёл со мной к Линовскому. Зная о ситуации, которая произошла на вечеринке, друг боялся отпустить меня в это льви-

ное логово одну. Мы подумали и приняли решение, которое устроило нас обоих – телефонный звонок. Рома всё время оставался на связи, был, если так можно выразиться, на стороже, чтобы в случае непредвиденной ситуации прибегать на помощь. Непредвиденная ситуация – очередное наглое приставание Юры.

– Ты – умничка! – Ромка крепко обнял меня. – Считай, ты спасла Дэна.

– Нет! – ответила я. – МЫ спасли Дэна.

Доказательства невинности парня были у меня в руке, и именно в этот момент я поняла, что уже давно не испытывала такого счастья. Поборов страхи, я вырвала свободу друга из цепких лап Юры Линовского. Я осознавала, что какие бы красивые слова не говорил мне этот парень, как бы не внушал то, что я ему нравлюсь, кроме себя этот парень никого по-настоящему не любит. Он – один из тех эгоистов, богатеньких избалованных мальчиков, которых мне, к сожалению, частенько приходилось встречать в жизни. Такие люди могли свысока смотреть на других, преподносить себя в свете роскоши и дороговизны, но никогда они не могли познать того, в чём на самом деле заключается цена человека. Дело было в нескольких вещах: доброте, отсутствии эгоизма и наличии совести.

– Ну, тогда я побежал в участок, отнесу им запись, чтобы задержали Линовского. На этот раз этот гад так легко не отделается, – Ромка смотрел на диктофон, как на нечто пре-

красное и бесценное. По сути, так оно и было.

– А я тогда к Денису. Попробую поговорить с его родителями, надеюсь, что и с ним самим тоже получится.

Ромка опустил глаза.

– От него вообще никаких вестей не было в последнее время. У него и так недопонимания с отцом, а эта ситуация может...окончательно испортить их отношения.

Я мило улыбнулась Ромке, понимала его переживания за друга, но всё же старалась верить в лучшее.

– Ром, всё будет хорошо. Мы прекрасно знаем, что Денис не виноват, и обвинения с него скоро снимут.

Друг посмотрел мне в глаза.

– Знаешь, ещё никто в жизни не набирался столько смелости, чтобы упечь кого-то из Линовских за решётку.

– Ну, – протянула я, – кто-то же должен вершить справедливость...

Денис

Когда ты по-настоящему сходишь с ума, начинает теряться связь с реальностью. Ты дышишь, можешь говорить, пытаешься есть, пускай даже через силу, но загвоздка в том, что ты больше не живёшь, а просто существуешь.

Дни, которые я провёл, не выходя из своей комнаты, тянись с болезненной вечностью. Спасибо отцу – он запер меня в четырёх стенах, а ключ от двери был только у него или мамы, когда тот уезжал на работу. Если бы я мог сравнить это время с пыткой, то, скорее всего, это походило на заточение в темнице. Да, у меня был солнечный свет, была еда, но боль, которую я ощущал каждый раз, когда открывал утром глаза, казалась невыносимой.

Первую ночь после очередного конфликта с родителем я провёл в тревоге – не сомкнул глаз за всё время, потому что думал о ближайшем ужасном будущем. Мне грозила решётка, а, даже если не она, то та же самая тюрьма в виде закрытого учреждения для проблемных подростков. Вот только хуже всего было понимание того, что я не виноват, меня подставили, и я даже не мог предположить, кто именно это сделал. К утру я всё же смог уснуть, но часа на два, не более. Я надеялся, что весь этот ужас с поджогом школы и моим арестом – всего лишь ночной кошмар, очередная страшилка,

которую послало мне тёмное время суток. Но, когда я обнаружил запертую дверь, то понял – это кошмар наяву.

За весь день ко мне зашли только три раза: утром, днём и вечером – няня близнецов Мария Витальевна – приносила еду и уходила обратно. Мама и дети так и не появились, как и сам отец. Всё это время проходило для меня в настоящих мучениях. Ну, вот чем я это заслужил? Я перечитал несколько книг в жанре фантастики, которые пылились у меня на стеллажах, побродил по комнате, чтобы была хоть какая-то активность, а не только лежания на кровати, даже уроками занялся, которые я не особо-то и жаловал по жизни, и этого всего было катастрофически мало. Но день я как-то смог продержаться.

Ночью я всё же смог заснуть, но это тоже оказалось мучением: мне снились кошмары о моём официальном аресте, при чём, это было публично. Люди смотрели на меня с неприязнью, высказывали какие-то гадости чуть ли не в самое лицо, но это было пустяком по сравнению с тем, что произошло дальше. Передо мной возникли силуэты друзей, моих ребят, моих дорогих людей, но глядели они на меня, как на чужого, будто мы видели друг друга впервые в жизни. Я посмотрел на Даньку, но его взгляд был совершенно пустым.

– Плохо тебе жилось? – произносит он будто не своим голосом. – Решил показать свою крутость, свою мнимую вседозволенность? – его презрение проявлялось всё отчётливее. – Даже не верится, что мы были лучшими друзьями!

Были? Что значит, были?

– Дань...

– А ещё говорил мне что-то про Юру Линовского, – заговорила Лина. – Да ты ещё хуже, чем он! Юра хотя бы не притворяется гадом, а ты боишься показать своё нутро.

Было больно слышать от девушки такие слова – от девушки, которая мне нравится, по-настоящему нравится.

– Лина...

И тут они разворачиваются и уходят, уходят все: Лина с Даней, Ромка, Стас и Ксюша, оставляя меня наедине с представителями полиции и разъярённой толпой.

Я был готов взвыть от боли, несправедливости и безысходности. Все эти чувства вызывали внутри меня что-то непонятное – что-то опасное и дикое. Я не выдержал и закричал. Но не слышал своего голоса, будто я был немым. Проснулся я с ожидаемым криком в холодном поту. Признаться, я даже не сразу понял, что нахожусь в собственной постели – всё казалось настолько реальным. Придя в себя, я всё-таки посмотрел на настенные часы. Было пять утра, но спать уже совсем не хотелось. Я открыл окно нараспашку и с жадностью вдохнул прохладный апрельский воздух. Он приводил в себя, расставлял всё по полочкам, особенно мысли, которые в последнее время приходилось собирать чуть ли не по кусочкам. Я думал о том, как было бы хорошо оказаться на море – на том берегу, куда несколько недель назад я привёз Лину после вечеринки Юры.

Ближе к полудню я понял, что долго так не вынесу – запертый в четырёх стенах, как животное в загоне. Моя тяга к рисованию обострилась практически сразу, но ещё никогда я не ощущал в этом такой неистовой потребности. Краски, холсты, карандаши – всё это было моим способом самовыражения, но, прежде всего, в этом я находил решение своих проблем. Да, всего лишь несколько ярких изображений и немного фантазии, сразу становилось легче, когда вырисовывался результат. Я был рад, что своё утешение я находил именно в этом, а не в алкоголе или других подобных веществах. И даже столь безобидную отдушину у меня всё равно отобрали. Рисование походило на, своего рода, странную зависимость, от которой я не мог избавиться, да и не хотел.

Когда я уже понял, что нахожусь на грани срыва, в мою комнату зашли Тёма и Алиса. Я безумно любил своих брата и сестру, но ещё никогда я не был так сильно рад их видеть, как в этот момент. Я ничего не стал спрашивать у близнецов, потому что просто крепко сжал их в объятиях. Они хоть и были всего лишь семилетними детьми, но понимали уже достаточно много, живя в доме, где никто никого не слышит. Я почувствовал, как глаза начало жечь от поступивших слёз, но я сдержался, ведь должен всегда оставаться для них сильным и смелым старшим братом.

Я не сразу отстранился от них, просто не мог этого сделать. Первым это сделал Тёма – брат протянул мне какую-то стопку тетрадей.

– Там какая-то девочка пришла, – негромко произнёс он. – Сказала, что твоя одноклассница. Мама её откуда-то знает.

Я даже помотал головой, подумал, что уже крыша поехала. Какая одноклассница? Откуда мама её знает?

– Они сидят на кухне, разговаривают, – сказала Алиса, с интересом поглядывая на тетради.

Тетради, конечно! Я взглянул на обложку – Аделина Озерцова, 9 «А» класс, геометрия. Что? Почему 9 «А»? Мы же учимся в 10 классе без каких-либо букв.

Я взглянул на другую обложку – там было написано просто «Лина». Третья вообще именовалась как «Бунтарка и Мороженка». Всё. Я точно спятил!

Я посмотрел на открытую дверь. Она была здесь, она совсем рядом – там внизу, разговаривает с мамой. Мне захотелось выбежать из комнаты, преодолеть ступени в несколько толчков и ворваться на кухню. А потом... я бы просто обнял её, прижал к себе и не отпускал – просто наслаждался бы тем, что ощущаю её тепло. Но я не стал этого делать. Если бы я увидел Лину, то стало бы только хуже – процесс потери контроля над собой был бы ускорен в несколько раз.

Но, зачем она пришла? И зачем принесла эти странные тетради?

Когда близнецы ушли, благополучно закрыв за собой дверь, я сел на кровать и начал перелистывать страницы. Начал с тетради по геометрии. Фигуры непрерывно мелькали

одна за другой, написаны формулировки, представлены решения задач, выставлены оценки красным пастиком – в основном, пятёрки и четвёрки, изредка мелькали тройки. Ничего примечательного, последняя страница тоже не дала никаких результатов.

Взял вторую тетрадь под наименованием «Лина». Мелкие рисунки простым карандашом, какие-то надписи, похожие на слоганы из фильмов, одну из которых я узнал: «Страх делает тебя пленником. Надежда дает тебе свободу», – фильм «Побег из Шоушенка». Всё это идёт параллельно с какими-то записями, похожими на задания по литературе – сочинения, мысли, высказывания. Но, по сути, тоже ничего необычного.

Странно всё это. Лина приходит ко мне домой и отдаёт близнецам какие-то непонятные тетради. Осталась ещё одна, но я не был уверен, что найду там что-то стоящее. Яркая розовая обложка с надписью «Бунтарка и Мороженка», украшенная наклейками в виде каких-то элементов еды, особенно было очень много авокадо. И что твориться в голове у этой девчонки? Почерк оказался детским, впрочем, как и содержание. Все эти каракули были похожи на вопросы для девчачьей анкеты, которые меня сегодня частенько просит заполнить сестра. Там спрашивались все возможные данные: имя, возраст, любимый цвет, книга, фильм и прочее. Однако, что не было типичным для таких самодельных анкет, как мне казалось, так это последний вопрос: «Что тебя вдохнов-

ляет?». Мне было интересно прочитать ответы, хоть я совершенно и не знал этих людей. Вариантов было много: феи, животные, мама, старшая сестра, сказки, Ханна Монтана... Да уж, чего только не повстречаешь в таких тетрадочках.

Я пролистал страницы, но даже не сразу увидел торчащий наверху в левом углу пластиковый синий стикер. Я открыл нужную страницу и увидел фразу, выведенную большими буквами: «Я знаю, ты не виноват, ребята считают так же. Мы верим тебе, и сделаем всё возможное, чтобы снять с тебя обвинения. Я подозревала, что не смогу тебя увидеть, поэтому решила подстраховаться – объяснить всё так. Очень прошу тебя держаться и не падать духом, потому что ещё ничего не кончено. Мы на твоей стороне. И будем на ней всегда. Лина».

Я перечитал это несколько раз, вглядывался в каждую линию, каждую завитушку её красивого почерка, не в силах сдержать улыбки. Друзья переживают. *Она* переживает. А, самое главное, они верят мне. Хоть и ненадолго, но я почувствовал облегчение, почувствовал поддержку, почувствовал, что хоть кто-то думает обо мне. А эта тетрадь? Да я был готов расцеловать девушку за то, что хотя бы так она смогла передать мне такие важные и нужные слова!

И именно в этот момент я открыто признался самому себе, что влюбился – я влюбился в Аделину Озерцову. Мне хотелось кричать об этом, кричать так, чтобы стены этого дома затряслись! Я не знал, ушла она или ещё сидит с моей мамой на кухне, но знал – если ситуация разрешится, то я боль-

ше не стану скрывать того, что чувствую. Я впервые в своей жизни так сильно полюбил девушку. Да, мне нравились разные девчонки, но думал, что мой предел любви – Аня Линовская, которая привлекала меня внешностью и дерзостью характера, но отталкивала внутренней пустотой. А в Лине сочеталось буквально всё: красота, ум, характер, внутренний мир и настырность в хорошем смысле этого слова.

Я смотрел на этот листок и не переставал улыбаться, как идиот, а потом просто повалился на кровать и прижал страницу к губам, зная, что теперь всё точно будет хорошо.

Но хорошо не получилось...

Ранним утром следующего дня, ко мне в комнату зашёл отец. Я уже не спал, решил перебрать свой «бумажный комбинат» из тетрадей и рисунков, которые я складировал, начиная, наверное, с класса седьмого. Хотя каким-то делом займусь, пока сижу в заточении.

Он был уже готов ехать на работу – одет с иголки. Отец как-то странно просканировал своим взглядом мою комнату, а потом присел на край кровати.

– Как ты? – спросил он низким голосом.

Само присутствие родителя в моей комнате уже вызывало некие прозрения, и я вообще молчу о том, что на часах было чуть больше семи утра. Я даже немного растерялся, услышав этот вопрос, но, выйдя из кладовки, всё же заговорил с ним:

– Не очень, как видишь. Но держусь.

Он понимающе покачал головой.

– Я... я хотел тебе кое-что сказать. Остальные уже в курсе, думаю, ты тоже должен знать.

Признаться, я сильно напрягся. Что может быть хуже ареста сына и всей той ситуации, в которой оказалась наша семья? Так и хотелось сказать: «Давай, пап, добей меня окончательно!».

Я осторожно присел рядом с ним на кровать.

– Что-то ещё случилось? – осторожно спросил я.

Отец смотрел в пол, долго молчал, казалось, вовсе растерялся, но быстро взял себя в руки, а его лицо снова стало невозмутимым.

– Не зависимо от того, как закончится всё это дело с поджогом, при первой же возможности мы уедем из города. Навсегда.

Я до последнего надеялся, что ослышался.

– Что? – прошептал я, прибывая в лёгком шоке.

– Многие компании отказываются сотрудничать с нами из-за... ну, ты сам понимаешь. Они не хотят связывать своё дело с криминалом и прочим. Нет смысла нам тратить время, зная, что скоро всё сведётся к банкротству. Мне уже давно предложили работу в другом месте, но мы ждали, пока ты окончишь школу, чтобы сообщить.

– Сообщить что именно? – продолжал напирать я, предчувствуя что-то совсем нехорошее.

Отец тяжело вздохнул.

– Мне предложили работу в Швеции. Через неделю я свя-

зываюсь с представителями фирмы, и сообщаю им о своём согласии на работу. Мы переезжаем туда.

У меня всё рухнуло внутри. Какой ещё переезд? Какая ещё, к чёрту, Швеция?!

– Я просто хотел, чтобы ты был готов к этому. С твоими делами, вроде, всё пока идёт нормально – высока вероятность, что тебя минует участь оказаться за решёткой, – странный взгляд отца заставил меня усомниться в верности его же собственных слов. – Сразу после окончательного решения следствия, если всё пойдёт по плану, мы немедленно уедем из страны.

Я смотрел на отца широко раскрытыми глазами, не желая даже слушать продолжения. Я к такому не готов! Я не готов потерять всё, что у меня здесь есть только из-за того, что меня просто подставили!

– Нет, – помотал я головой, нервно улыбнувшись – ненормальная реакция. – Нет! Я... я не хочу! – я вскочил с кровати и растерянно уставился на родителя. – Почему мы должны чуть ли не бежать из города из-за того, что меня в чём-то обвинили?

Я не знал, как себя вести. Внутри меня всё смешалось: боль, недоумение, злость и растерянность. Пожалуйста, скажите мне, что я сплю!

Отец поднял на меня свои недобрые глаза.

– В чём-то обвинили? – тихо спросил он, а потом встал передо мной. – В чём-то обвинили?! – громко сказал он мне

в самое лицо, что мне пришлось сделать один шаг назад. – Поджог – это не мелкое хулиганство, а уголовная ответственность. Для тебя это всё шуточки что ли?!

– Боже, пап, да какие шутки?! – я обхватил голову руками, вслед за ним нервы начали сдавать и у меня самого. – Я тебе уже миллион раз говорил, что меня ПОДСТАВИЛИ. Не поджигал я школу! Зачем, по-твоему, мне это нужно?

– Вот я тебя и спрашиваю – зачем? – он безжалостно напирал на меня.

Повисло напряжённое молчание. Я почувствовал, как к моему лицу прихлынула кровь – щёки горели, да и сам внутри я закипал.

– Я. Этого. Не. Делал, – твёрдым голосом отчеканил я каждое слово, смело глядя в карие глаза отца.

Он и я – в этот момент мы ходили на диких собак, которых слишком долго держали на привязи и которых вот-вот должны были выпустить. Нет, мы не набросимся друг на друга, не перегрызём глотки, но добьём друг друга словами, а иногда это намного больнее, да и раны после такого глубже.

– Знаешь, что, Денис, мне всё это надоело, – спокойным, но твёрдым голосом произнёс он. – Я пришёл, чтобы сообщить тебе об этом, и я это сделал.

– А мама? – настойчиво спросил я. – У неё же только-только карьера пошла в рост. Люди ходят на её концерты, из других городов приезжают, чтобы послушать её музыку. И ты просто так хочешь у неё всё это отнять? А Тёма с Алисой? –

не отступал я. – Ты же понимаешь, как это их травмирует? Такой скорый переезд, да ещё и в другую страну. Детей нельзя так просто сравить перед фактом.

– Ты – уже не ребёнок, Денис!

– А я и не про себя сейчас говорю, – было видно, что отец начинает уставать от моих нападений. – Но, если тебе, конечно, интересно, я тоже могу всё потерять, что у меня есть в этом городе. У меня здесь друзья, здесь мой лучший друг – Данька, здесь Лина...

– Лина? – отец странно покосился на меня.

– Не важно, – я мотнул головой, понимая, что сказал лишнее. – Суть не в этом, а в том, что каждый из нас потеряет что-то очень дорогое, потому что ТЫ, – я указал на него пальцем, распыляясь от злости, – боишься испортить свою репутацию! Дело совершенно не в отказе сотрудничать, а в страхе показаться не таким хорошим, каким тебя хотят видеть другие.

Я выпалил эти слова, но даже не сразу понял, что проецировал их не только на отца, но и на себя самого. Я много лет боялся показать своё истинное лицо, боялся сделать что-то не так, что-то, что могло бы расстроить дорогих мне людей. Я пытался, честно пытался подавить желание совершить какую-то глупость, которая обескуражила бы моих родных, но лично мне принесла бы немислимое наслаждение. Я боялся разочаровать их, боялся стать плохим сыном, каким в итоге и вышел для отца. Всё это читалось в его глазах: разочаро-

вание и стыд.

Но я больше не мог подавлять себя в угоду другим. Я – человек, и имею право на совершение ошибок, имею право набивать шишки, имею право оступаться и поступать так, как велит мне моё же сердце. Даже, если на этом всё и закончится, то я больше никогда и ни при каких обстоятельствах не стану подстраиваться под других людей, особенно, если с меня это нагло требуют.

От меня не утаился растерянный взгляд отца. Он был удивлён, я заметил это, хоть прошла всего лишь доля секунды. Я попал точно в самую цель! Его волновало не то, что кто-то будет отказываться от сделок или контрактов, мы же не в шоу-бизнесе, где вся грязь выливается наружу, а из неё потом вытекают последствия, он боялся испорченной репутации – боялся потерять статус и вид уважаемого в обществе человека.

Отец не переставал гневно смотреть мне в глаза, но было уже всё равно.

– Ты всё сказал? – его тон пугал меня.

Я промолчал, не было смысла продолжать эту дилемму, ведь я добился того, чего хотел – понимания, что карьера и мнение общества для него важнее собственной семьи.

– Хочешь узнать, почему до этого дошло? – спросил отец тихим голосом.

– Потому что я – негодный и дрянной сын? – я удивился тому, насколько спокойно произнёс эти слова.

– Потому что я не смог воспитать из тебя хорошего человека, – совсем тихо добавил он.

Я замолчал. Ожидаемые слова, но отдались они неприятной болью где-то в груди. Неужели он и правда считает меня таким? Неужели я действительно такой в его глазах?

Отец ещё долго пожирал меня злым и, в то же время, огорчённым взглядом. Мы молчали, но я предпочёл бы отключиться на месте, чтобы не испытывать всего этого буйства негативных эмоций. Он, без лишних слов, развернулся и вышел, заперев за собой дверь.

Не знаю, как долго я стоял, унимая дрожь во всём теле. Мне было плохо, паршивое чувство накрыло с головой и не собиралось даже ослабевать хватку. Зря я понадеялся, что всё может сложиться хорошо, старания ребят, поступок Лины... всё в один миг стало напрасным.

Я почувствовал, как начал задыхаться – задыхаться от образовавшегося кома в горле и пронизывающей внутренней боли. И тут я понял – у меня сорвало крышу. Я хотел кричать, хотел крушить всё вокруг, хотел разбить окно и выкинуть наружу все возможные вещи, которые попадутся мне под руку, хотел разорвать всю дорогую брендовую одежду, сотворить из своей комнаты место для потерянных душ.

Но я не шевельнулся ровно до тех пор, пока мой взгляд не упал на дверь кладовки. Я стремительным шагом направился туда и упал на колени. Там – под шкафом за коробками с какими-то вещами был потайной отсек, который мы когда-то

сами сделали с Данькой – просто проломили деревянную перегородку, а потом сделали подобие дверцы, чтобы маленькая «перестройка» дома не была уж совсем очевидной.

Я наклонился, убрал коробки и протянул руку. Я нащупал то, что искал – палочки угля для рисования. «Такую вещь лучше не хранить в доме, потому что можно было испачкать стены и мебель», – так говорила мама. Но я не послушал, просто спрятал их подальше от человеческих глаз и шаловливых ручек близнецов.

Мои нервы сдали окончательно, и был лишь один способ хоть ненадолго приглушить эту невыносимую боль. Вот только способ «анестезии» грозил закончиться очередной взбучкой и новой грудой проблем. Но, взглянув на уголь, уже довольно-таки сильно испачкавший мою руку, я понял: «Оно того стоит...».

В голове картины: настолько яркие и пёстрые, что в реальности они стали бы резать глаза. Краткие сполохи, странные пятна – всё мелькало у меня перед глазами. Это была агония – агония, которая сводила с ума.

Я стоял на своей кровати у самого изголовья, опираясь одной рукой на стену. Казалось, что любое неосторожное движение – я упаду. Но я держался, вцепился пальцами в холодный бетон, насколько это было возможным, а второй рукой выводил безумные очертания. Как ни странно, но я практически ничего не видел перед собой: всё как будто двоилось, в

висках пульсировало, мышцы всего тела сильно напряглись, а лоб покрылся испариной.

Мои чёрные руки сильно испачкали стену, но я всё равно крепко держу грифель, продолжая рисовать. Я не понимал, что изображено на стенах: не было ни сюжета, ни смысла, ни подготовленного заранее эскиза – я изображал то, что чувствовал в данный момент. Моё тяжёлое дыхание мешало сконцентрироваться, но я не оставил себе никаких попыток остановиться и осознать реальность происходящего.

Вся моя комната, всё стены были испорчены углём для рисования. Казалось, я не оставил ни единого свободного места, глуша внутреннюю боль тем, что у меня не смогли конфисковать. Мне было всё равно на последствия, было всё равно на реакцию родителей, было наплевать на то, что будет с моей жизнью дальше. Я всё потерял – потерял просто потому, что так кому-то захотелось! Обвинят меня или нет, уже даже это ничто не решит. Отец был непреклонен – уезжаем и всё. Никогда не думал, что Максим Гранин – человек с большой буквы, умный, решительный, в каком-то смысле властный, испугался общественного мнения. Не верю! Не хочу верить во всё, что меня сейчас окружает!

Чем сильнее я думал об этом, тем невыносимее становилось странное состояние, в котором я находился. Было ощущение, что я вижу сон – очень реалистичный сон, который не отпускает меня, не даёт проснуться. Я рисовал, казалось, уже совершенно бездумно. Я понимал, что балансирую на грани,

если уже чувствую подступ тихой истерики. Уголь кончился в моей руке, но я продолжал пачкать стену, вернее, последний чистый участок, который остался. Казалось, ещё немного и я вотру в эту стену свои собственные пальцы. Вот только совсем не замечу этого...

Я рисую. Рисую. Рисую! РИСУЮ!!!

Не могу остановиться.

Состояние критическое.

Хочется кричать! Хочется выть!

НО Я НЕ МОГУ СДЕЛАТЬ ЭТОГО!

– Стой! Остановись! – слышу я отдающийся эхом голос, когда кто-то резко перехватывает мою руку.

Я поворачиваю голову и вижу перед собой слегка расплывавшееся лицо Лины.

Я часто моргаю, не понимаю, что происходит. Она стоит рядом со мной на кровати и серьёзно смотрит мне в глаза, не отпуская моей руки, в пальцах которой трясутся остатки угля.

Странное состояние стало медленно освобождать меня, но ощущение нереальности происходящего не ослабляло хватку, всё ещё держа под своим контролем моё подсознание. Но Лина никуда не исчезла, она всё так же стояла рядом со мной, хоть и молчала. Но это длилось совсем недолго: девушка медленно стала опускать мою руку вниз, всё ещё продолжая держать меня за запястье, затем осторожно развернула к себе, взяла за вторую руку, и мы осторожно спусти-

лись с кровати на пол.

Я был в каком-то странном трансе, молчал, как и сама девушка, делал всё по её воле. Я боялся, что произнеси я хотя бы звук, она исчезнет.

– Денис, ты слышишь меня? – осторожно спросила она, ведя меня в сторону письменного стола.

Интересно, её совсем не смутило, что мои руки были испачканы углём?

Я ничего не ответил. Всё, на что меня хватило – кивок головы.

– Хорошо.

Она довела меня до компьютерного кресла – сказала, что-бы я сел туда – а сама расположилась на краю кровати. Моих рук она не отпустила.

– Что... что ты здесь делаешь? – я сказал это настолько тихо, что не был уверен, что девушка вообще расслышала мои слова.

– Я пришла сообщить тебе одну новость.

– Как ты прошла ко мне? – я не мог остановиться, не мог поверить, что эта Лина, которая сидит передо мной, реальна.

– Твоя мама меня пустила. Она осталась внизу вместе с близнецами.

– Близнецами? – не знаю, зачем я это повторил.

Она кивнула.

– Денис, мы разобрались с тем, что случилось в день поджога, – её голос оживлял меня. – Это сделал Юра. Юра устро-

ил пожар, он намеренно подставил тебя.

Казалось, эта новость окончательно привела меня в чувство. Что? Юрка? Неужели из-за драки на вечеринке? Да, произошёл конфликт. Но разрешать его таким способом... Вот же сволочь!

– Я сегодня виделась с Юрой, была у него дома, разговаривала с ним.

– Ты, что? – я не верил, что она так просто добровольно вернулась в дом Линовских после того, что там чуть не произошло.

– Всё нормально. Он меня не тронул. Зато открыто признался в преступлении, признался, что подставил тебя намеренно.

Лина рассказала мне обо всём в самых мельчайших подробностях. Рассказала о плане, о том, зачем приходила сюда, когда близнецы принесли мне её тетради, рассказала, как выбила из Линовского признания, рассказала, почему он это сделал.

– В общем, я смогла записать его слова на диктофон. Ромка отнёс запись сегодня в участок, – она чуть наклонилась ко мне. – Денис, с тебя снимут обвинения, теперь все улики указывают на Юру. Тебя не посадят. Дело скоро закроют, а Линовский получит по заслугам.

Я не мог поверить в это. Не мог поверить, что друзья пошли ради меня на такой риск, что *она* пошла на такой риск, чтобы доказать мою невиновность. Я не один – всё, что было

в этот момент в моей голове.

– Как...как ты всё это продумала? – я всё ещё отходил от шока.

– Времени на раздумья не было особо, – она улыбнулась. – Пришлось сочинять на ходу.

Девушка отпустила мои руки и потянулась к карману своей толстовки. Её совершенно не смутило, что её руки были покрыты угольной пылью. Она достала...мой телефон и протянула его.

– Сумка осталась в гараже у Даньки, – тихо произнесла она. – Я смогла стащить только это.

Я забрал гаджет и положил его на стол.

Не в моих силах было оторвать взгляд от её карих глаз. То, на что она пошла ради меня – настоящее доказательство тому, что я занимаю далеко не последнее место в её жизни. Она спасла меня – спасла не только от решётки, но и от потери рассудка. Теперь я взял её руки в свои – взял осторожно, сжал их с такой нежностью, что у меня невольно сжалось сердце от собственных действий. Я наблюдал за её реакцией, подумал, что такой жест может быть ей не особо приятен, но она не шевельнулась, лишь с лёгким удивлением посмотрела мне в глаза.

Я больше не могу, не могу вот так вот просто смотреть на неё и не иметь возможности сказать о том, что чувствую. Я дал себе обещание, что больше не стану ничего от неё скрывать.

– Лина, – только и смог произнести я.

Блок. Я не смог больше ничего сказать. Не знаю, почему, хоть мне и хотелось. Вместо этого я просто смотрел на неё, а она на меня. И я не выдержал – осторожно нагнулся вперёд и поцеловал её.

То, что я ощутил, было похоже на яркую вспышку – тебя ослепили, лишили возможности думать и контролировать свои действия, и всё, что ты можешь сделать – повиноваться ситуации, отдать себя ей в руки. Я жаждал этого уже давно, желал коснуться этих губ хотя бы один раз. Наконец-то, я нашёл в себе смелость сделать это.

Я осторожно отстранился от Лины, ожидая любой реакции на мои действия. И она последовала. Не сразу, но девушка ответила на поцелуй. Из лёгкого и изучающего, он превратился в более уверенный, более смелый и чувственный. Я пересел на край кровати, придвинулся к ней, прижал к себе и понял, что больше никогда не хочу отпускать. Она обхватила моё лицо руками, и от одного только её прикосновения по моему телу пробежали мурашки.

Не знаю, сколько мы так целовались. Минут пять? Десять? Так или иначе, мне не хотелось прекращать это. Но Лина сама отстранилась от меня. Я даже не сразу понял, как тяжело дышу, но эта тяжесть была приятной и... желанной. Девушка всё ещё держала моё лицо в своих ладонях, не удивлюсь, если мои горящие щёки окрасились в чёрный. Но мне было всё равно. Она смотрела на меня – смотрела таким взглядом,

какой я всегда мечтал увидеть с её стороны. Интересно, она видела что-то подобное в моих глазах?

– Это – благодарность за спасение от решётки? – с улыбкой спросила она.

Я улыбнулся в ответ, но помотал головой.

– Это – благодарность за то, что ты спасла мою жизнь, – прошептал я.

Я погладил её по щеке своим большим пальцем, испачкав её кожу угольной пылью. Но она лишь шире улыбнулась, запустив тем самым новую волну такого, теперь уже, приятно-го безумия.

Я снова прижался к её губам. Мы целовались, окружённые странными настенными рисунками. Светлые стены, испачканные углём для рисования – символ грани, которую я чуть не перешёл, рискуя лишиться рассудка. Но *она* пришла, появилась как раз вовремя, спасла меня от саморазрушения. И в этот момент, полностью находясь во власти этой девчонки, я снова почувствовал себя живым человеком.

Даня

Никогда не думал, что Лина в очередной раз меня так сильно поразит. На следующий день, после того, как мы сидели в гараже и обсуждали каким образом нам вытащить Дэна, мне звонит Ромка и говорит, что отнёс запись диктофона с признанием Линовского о поджоге. Я даже вскочил с матраса, был в полном недоумении от его слов. И он мне всё рассказал.

Лина. Опять эта девчонка поступила по-своему! Да, я не спорю, план сработал, но не стоило ради этого рисковать собственной безопасностью. Её отчаянное желание помочь Дэну, навело меня на несколько мыслей – во-первых: безрассудство было неотъемлемой частью этой девчонки, во-вторых: кажется, бывшая неприязнь к Дэну со стороны девушки переросла в нечто интересное. Зная подругу, она на многое готова пойти ради тех, кто ей дорог. Она уже не раз доказывала это.

Скажу честно, я был зол – зол за то, что Лина и Ромка сделали всё в тихую, не сообщив обо всём остальным. Нет, мне не нужны геройские лавры – мне нужны были гарантии их безопасности. Хорошо, что всё благополучно закончилось, но всё же...

На следующий день мы собрались в гараже. Не было толь-

ко Дэна – друг находился в участке, шли заключительные разбирательства по его делу. Ромка и Лина убедили нас, что теперь всё будет хорошо. Признание Линовского стало его роковым шагом. Так или иначе, я не смог не покритиковать этих двоих любителей самодеятельности за их поступок. Ну, вот кто так делает?! А если бы всё пошло не по плану? Я просто переживал за них, не хотел, чтобы они пострадали. Мои друзья были для меня всем – семьёй, опорой, дорогими и любимыми людьми. Дэн и Лина мне вообще как брат и сестра, и я просто не мог их потерять.

Я успокоился довольно-таки быстро, не стал сильно распыляться, когда уже не было в этом никакого смысла. Дэну больше ничто не угрожает, Лина в безопасности – это главное.

Не успели мы толком обсудить последние новости, как разговор зашёл про меня. Прошло достаточно времени, но опека так и не появлялась на горизонте. Вот только один мой знакомый недавно сказал, что у моего дома он видел каких-то подозрительных личностей: двух деловых женщин и крепкого мужчину под два метра ростом в полицейской униформе. Хотя я и не замечал предпосылок опасности, но понимал – она где-то совсем рядом. Одну из ночей я совсем не мог уснуть, думал о том, что в какой-то определённый момент меня всё-таки поймают, и самым уязвимым местом была именно школа. Я как запуганный зверёк постоянно озирался по сторонам, переживал, что даже во время урока кто-

то постучится в дверь кабинета, и незнакомые люди, во главе с директором Маргаритой Артуровной, уведут меня в неизвестном направлении.

Мне следовало просто быть осторожным, осмотрительным, лишний раз не привлекать к себе внимание. Вот только один раз мне всё-таки придётся это сделать – во время концерта, который должен состояться через две недели. Морально я готовился к тому, что школьный концерт может стать для меня роковым – всеобщее внимание мне было гарантировано, а там и ненужные свидетели могут пронюхать о моём месте нахождения, если они ещё до сих пор этого не сделали. Но я не стану прятаться, не во время концерта, когда у меня будет возможность осуществить задуманное.

В одну из очередных ночей мне не спалось. На часах было пять, и я решил прогуляться, по крайней мере, вероятность того, чтобы попасться кому-то на глаза, была лишком мала, так что я сильно не переживал об этом. Несмотря на раннее утро, на улице было тепло. Я бродил по пустым уже светлым улицам, слушая музыку в наушниках. В последнее время такие ранние прогулки меня успокаивали, давали мыслям отдых и заставляли верить, что всё будет хорошо. Я подолгу думал о своей жизни, о том, что мне делать дальше, когда стукнет восемнадцать. Самым реалистичным было бы поступить в местный колледж после окончания школы, параллельно работая где-нибудь в центре. А где жить? Так же в гараже, пока не заработаю на съёмную квартиру? Не знаю,

будет ли у меня возможность вернуться в свой дом после того, что произошло. Да и хочу ли я этого?

Я понимал, что первое время будет очень тяжело, но, если дорогие мне люди будут рядом, то никакие трудности не станут для меня помехой. Нужна только поддержка, нет, не материальная, а моральная. Но об этом я подумаю чуть позже – сейчас необходимо сосредоточиться на концерте.

Через день мы снова собрались в гараже, но уже полным составом. На наших глазах свершилась справедливость – Юру Линовского задержали прямо в школе, предъявив ему обвинения в поджоге и подставе невинного человека. Он пытался отпираться, пытался говорить что-то о своих правах, но перед взором большой толпы учеников и учителей, бывшую «звезду» школы вывели из здания прямо в наручниках. Я, Дэн и Лина случайным образом оказались в «первых рядах», как будто так было задумано самой судьбой. От меня не укрылось, как Линовский взглянул на нас: на меня и Дэна злобно, я бы даже сказал, с нескрываемой лютой ненавистью, а вот на Лину... разочарованно. Я знал, почему так случилось. Кажется, этот гад не врал – девушка запала ему в душу, оставила неизгладимый след, который, возможно, в будущем что-то изменит в этом человеке. Когда Линовского увели, я невольно посмотрел на недалеко стоящую Аню, которая тихо плакала, наблюдая за арестом брата. Она не стала дожидаться, пока Юра и представители полиции скроются за дверями школы – девушка убежала в неизвестном направлении.

И тут же с места сорвался Дэн. Он отправился вслед за девчонкой, прогулял даже один урок. Только потом он объяснил нам, что не мог просто так бросить её одну наедине с увиденным. Друг поступил очень благородно, несмотря на то, что Аня лично причастна ко всему тому, что ему пришлось недавно пережить. Они просто поговорили, прояснили ситуацию. Дэн нам рассказал, что посоветовал Ане перевестись в другую школу ради её же блага, забыть о том, что произошло и просто жить дальше. Юра – не маленький мальчик, он должен уметь отвечать за свои поступки.

Лично я хотел верить, что решётка исправит Линовского, хоть немного откорректирует его эгоизм и чувство безнаказанности. Аня не появлялась в школе несколько дней, а потом нам сообщили, что девушка перевелась – последовала совету Дэна.

Эта история наконец-то закончилась: другу больше ничто не угрожало, а человек, который всё время подстрекал его, а потом жестоко подставил, получил по заслугам. Мы не стали капать дальше, больше не хотели ничего слышать о Юре. Он исчез из нашей жизни, а там уже судьба сама всё расставит по своим местам.

Мы не могли не отметить нашу победу: в один из выходных дней мы заказали пиццу, наделали бутербродов и всей кампанией отправились на дикий пляж – место, которое так любит Дэн. Этот день был незабываемым! Так хорошо, как тогда, мне не было уже очень давно. Мы смеялись, Стас и

Ромка даже открыли купальный сезон, хоть море и было ещё достаточно холодным. Мы вели себя, как обычные дети, как будто и не было всего того, что нам пришлось пережить. От меня не укрылось, что отношения Лины и Дэна уже не походили на прежние перепалки. Они не злились друг на друга из-за ерунды, не смотрели друг другу в глаза с пренебрежением и не бросались колкими фразочками. Напротив: они мило разговаривали, Дэн периодически мог приобнять Лину, а та не сбрасывала его рук, в один момент он вообще подхватил девушку на руки и грозился выбросить её в холодное море – в шутку, конечно же. Не сложно было догадаться, что происходит между ними, но, всё же, нам с Дэном предстоит серьёзный разговор по душам.

Он случился в это же день, когда все разошлись по домам. Мне даже не пришлось задавать вопросов, Дэн сам всё понял:

– Ну, да, – заулыбался он. – Да, я втюрился в эту девчонку. Сильно!

Сомневался ли я в его чувствах к Лине? Нет. Я знал Дэна, знал, что для него это не развлечение, не игра. Как он смотрит на неё, как обращается с ней в последнее время – о многом говорит. Интересно, я тоже смотрю на Лилию такими влюблёнными глазами? Со стороны это казалось мне слишком заметным. Во всяком случае, я был очень рад, что их отношения в принципе наладились, пусть для меня и стало неожиданностью такое открытое признание друга. Два доро-

гих мне человека больше не спорили, не ругались, и новость о том, что теперь Лина и Дэн испытывают друг к другу такие прекрасные чувства, стала лучшей за последнее время.

Люди, которые при первой встрече возненавидели друг друга, нашли в себе силы и смелость наладить отношения, а потом и вовсе влюбиться, по крайней мере, Дэн точно. А я всё ждал – ждал очень много лет, но так и не смог признаться в чувствах девушке, которую любил. Предстоящий концерт – возможно, мой последний шанс на то, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Да, я хотел исполнить песню не для Лили, а для моих друзей, но и для девушки я тоже кое-что приготовил. Мне оставалось только выйти на сцену и расправить крылья...

Я стоял за кулисами, сжимая вспотевшими ладонями гитару. Какое-то очень странное ощущение: я привык выступать на улицах, перед толпами людей разных возрастов, а сейчас... волнуюсь, будто впервые мне предстоит спеть перед публикой.

Я наблюдал за группой танцевального коллектива, которая лихо отплясывала на сцене. Ребята казались мне настоящими талантами, их «дабстеп» был идеально отточен до самых мелочей – все движения чёткие и, что немало важно, уверенные. Вот мне бы такая уверенность не помешала...

У меня ещё оставалось время, чтобы совладать со своим волнением, ведь наше выступление было не просто каким-то

очередным школьным исполнением, а целой историей, над которой долгое время работала вся наша кампания. Некоторое время придётся потратить на подготовку сцены: декорации, музыкальное сопровождение, сама атмосфера. Если бы они только знали, что весь смысл того, что я собираюсь сделать, будет полностью направлен именно на них. Всё это я делаю в благодарность *им* за поддержку, дружбу и любовь, которую они мне дают.

Танцевальный коллектив закончил своё выступление, сопровождающееся аплодисментами зала, и Маргарита Артуровна, которая была по совместительству ведущей этого мероприятия, объявила антракт.

Я с содроганием сердца наблюдал за тем, как опускается занавес. Несмотря на то, что теперь я могу спокойно выйти на сцену и помочь ребятам с инструментами, я стою и не могу сделать даже шаг. Да, что со мной такое?!

– Даня?

Это была Лина. Она так тихо подошла ко мне сзади, что от неожиданности я чуть не подпрыгнул.

– Извини, не хотела тебя напугать, – с извиняющейся улыбкой произнесла она. – Что с тобой? Выглядишь взволнованно. Даже непривычно.

Я не мог не восхититься тем, как она выглядит: белое платье с отложным воротником и рукавами до самых запястий, которому придавал «изюминку» необычный рисунок в виде различных мелких надписей. Как бы сказала Ксюша: «Яр-

кий принт». Кажется, она называла это именно так. На ногах красовались белоснежные кеды.

– Дань?

– А? Нет, всё хорошо, – встрепенулся я. – Просто...

– Волнуешься? – закончила она за меня. – На тебя это не похоже.

Я неуверенно кивнул и посмотрел на сцену. Дэн вместе с какими-то ребятами устанавливал декорации. Должен признать, друг неплох в роли руководителя – говорит всё со знанием дела. На противоположном конце сцены стоял бас-гитарист – Ромка, который настраивал свой инструмент, а Стас, как и положено человеку, который ждёт, пока на сцене установят барабанную установку, баловался с рутами. Где-то за кулисами мелькала фигура парня из одиннадцатого класса, который согласился быть нашим клавишником – Ванька Остроумов. Парни выглядели уверенно, несмотря на то, что это их первое выступление на публике, а я, который привык играть в людных местах, волновался, как маленький ребёнок. Признаться, из-за этого мне было немного стыдно.

– Знаешь, тебе нечего переживать, – произнесла Лина, положив мне руку на плечо. – Сам подумай, любые успешные группы с чего-то начинали и, несмотря на все трудности, добивались своего, – она улыбнулась. – Например, «Queen». Четверо невероятно талантливых молодых людей, которые начинали, по сути, с малых сцен, – она обвила рукой во-круг, – стали самыми яркими звёздами за всю историю рока.

Я улыбнулся.

– И откуда ты так много знаешь о «Queen»? – не смог я удержаться от вопроса.

– Потому что «Queen» – одна из самых любимых рок-групп одного моего близкого друга.

Лина. И как у неё получается находить такие нужные и верные слова, когда ты в них так нуждаешься? Мне это безумно в ней нравилось.

– Если молодые парни из Лондона смогли добиться таких высот, то и ты сможешь, – продолжила она. – У тебя не просто талант к музыке, у тебя внутри яркий огонь, который делает тебя особенным – непохожим на остальных. Так пользуйся этим. Ты знаешь, как.

А ведь она, как всегда, оказалась права. Какой смысл был в том, чтобы переживать, бояться реакции публики, если ты сам понимаешь ценность того, что делаешь. Моё выступление не станет просто исполнением, оно станет частичкой моей собственной души, которой я хочу поделиться с миром.

Я отставил гитару и обнял подругу.

– Спасибо, Лина, – прошептал я.

– Просто делай то, что умеешь лучше всего на свете.

– Играть и петь? – уточнил я.

– Нет, – она осторожно отстранилась от меня. – Дарить людям невероятные эмоции.

Мы не сразу заметили, как ученики и их родители начали постепенно возвращаться в зал.

Лина ушла обратно к своему месту, чуть позже к ней присоединились Дэн, Ксюша и Лиля – видел через слегка приоткрытый занавес. Людей было много – полный зал, кому-то даже не хватило сидячего места (прибыла новая партия школьников). После разговора с подругой, я немного успокоился, дрожь пропала. Я подошёл к зеркалу, которое стояло за кулисами у дальней стены, оценивающе взглянул на себя: белая футболка, косуха, классические джинсы и белые кроссовки. Я был собой, в комфортном для себя образе.

Пока все занимали свои места, мы с группой вышли на сцену.

– Ну, что, парни, готовы пробить дыру в крыше этого зала? – спросил Стас, усаживаясь за барабаны.

– Мы слишком долго к этому готовились, – Ромка проверял гитару. – Мы просто не имеем право облажаться.

– Не облажаемся, – мой голос прозвучал серьёзно.

Я взглянул на парней, а потом перевёл взгляд на декорации. Дэн – человек, которому ни в коем случае нельзя губить свой талант. Он много работал над оформлением сцены. Итог: всё оказалось безупречным. По краям сцены были изображения языков пламени, причём они казались довольно-таки реалистичными, по стене развешаны виниловые пластинки. Не знаю, откуда Дэн сумел их достать в таком количестве, но смотрелось очень круто. И, наконец, вишенка на торте – изображение большой гитары модели «Stratocaster» с большими крыльями по центру – прямо за

моей спиной. Мне стало интересно, как это смотрится из зрительного зала. Уверен, что эффектно.

– Парни, вы готовы? – уверенно спросил я, подходя к микрофонной стойке.

– Да, – в один голос сказали они.

Вдох. Выдох. Гаснет свет. Занавес поднимается. Голос одной из девочек организаторов, рассказывающий историю к нашему выступлению, которую придумали Лина и Ксюша:

«Что такое настоящая любовь? Быть рядом, когда близкому человеку хорошо, быть рядом, когда ему плохо, уметь радоваться его достижениям и вместе переживать его неудачи. Когда мы любим, то получаем возможность летать».

Свет зажегся. С первых же секунд я нашёл своих друзей в зрительном зале. Они смотрели на нас, ждали, и как только я сыграл первый аккорд, из зала донеслись аплодисменты. Я расслабился, прикрыл глаза и нагнулся к микрофону:

Порой, мы видим только тьму.

Она – приверженец несчастий.

Когда нет сил, летим ко дну,

Оставив крылья прежней власти.

Мне казалось, что после первых слов я впал в гипноз. Музыка, слова, мой собственный голос – всё обволокло меня какой-то невидимой силой. Волнение постепенно исчезло, и я открыл глаза. Я видел реакцию зала – им нравилось. Им

действительно нравилось!

И свет, который ярко вспыхнул,
Который вновь дал шанс летать,
Я приобрёл под звёздным небом,
Ведь *вы* вернули дар мечтать.

На слове «вы» я сделал акцент, следя за реакцией друзей в зале. В первоначальной версии было написано «ты», ведь я хотел посвятить эту песню Лиле, которая во все глаза смотрела на меня. А Лина, Дэн и Ксюша непонимающе переглянулись, заподозрив что-то, по их мнению, странное. Но ничего странного не было – всё самое интересное было впереди. Я посмотрел в глаза Дэну.

Ты, друг, был рядом всё то время,
Когда я быстро падал вниз.
Ты не давал терять надежду,
Крича в лицо мне: «Поднимись!».

Он чуть не раскрыл рот от удивления, понял, что эти строки я посвятил ему – человеку, который был рядом со мной с самого начала. Вместе с ним мы через многое прошли, через все трудности, которые подкидывала нам жизнь.

Следом, я посмотрел на Ксюшу.

И свет становится всё ярче,
Когда я вижу ваши лица,
Ваши глаза – и вот я знаю,
Вся моя жизнь имеет смысл.

Пока я допевал эти строки, несколько раз успел взглянуть на изумлённых Ромку и Стаса. Честно говоря, я боялся, что от сильного удивления они забудут, как играть на инструментах. Не хотелось бы совершить ошибку, взять не ту ноту или аккорд только из-за того, что я изменил текст песни, не сказав ни слова им.

И вот снова во время проигрыша я посмотрел в зал – заглянул в глаза той, с чьим появлением моя жизнь приобрела новые краски. Лина.

И ангел заглянул мне в душу
Во время царствия там тьмы.
Коснулся ран и старых шрамов,
Сказав: «Преграды разломи!».

Всё то время, пока я смотрел ей в глаза, они блестели в свете сценического света, а потом, на самых последних строках, я заметил, как по её щеке покатилась слеза. И это стало самой лучшей благодарностью, которая способна переплюнуть даже самые громкие овации слушателей. Она поняла. Она всё поняла.

Теперь я полностью посвятил себя залу.

И, вот, стою – живу я снова,
Огонь мой яркий вспыхнул вновь,
А крылья, получив свободу,
Летят под сотни голосов.
Вы подарили мне свободу –
Возможность жить и быть собой.
Вы подарили мне свободу –
Тот свет, что навсегда со мной.

Я повторил последние четыре строчки, прозвучал финальный аккорд и...зал взорвался аплодисментами. От неожиданности я сделал шаг назад, но вовремя спохватился и поблагодарил публику от всей группы за бурные овации.

Я такого ещё никогда не испытывал. За всё то время, что я играю на публике, ещё ни разу реакция слушателей не вызвала у меня такие эмоции и внутренний трепет. Я был рад, нет, я был безмерно счастлив! Я выступил на школьной сцене с песней, которая много для меня значит – мелодия, написанная моим дедушкой и слова, написанные мной. В ней столько смысла, столько чувств и эмоций, которыми я впервые смог поделиться с большим количеством слушателей. Я посвятил эту песню самым дорогим людям – моим друзьям.

Но у меня оставался ещё один человек, который должен знать, что он для меня очень многое значит. Я подошёл к

микрофону. Овации затихли.

– Любовь – это то чувство, которое может изменить твою жизнь. Я это знаю лично по себе, – я облизал губы. – Эта песня значит для меня очень многое, но, больше для меня значат люди, которым я её посвятил. Они здесь, среди вас, и они точно знают, что я говорю именно о них. Просто помните, – наступил час X. Я посмотрел в глаза Лиле Соловьёвой, – когда тебя любят, внутри ты остаёшься прежним, но когда ты любишь, у тебя за спиной распускаются крылья».

Секунда.

От меня не укрылось, что глаза девушки широко распахнулись. Она с таким удивлением смотрела на меня и, казалось, совсем не обращала внимания на окружающих. Теперь всё встало на свои места – теперь она узнала, что то письмо без подписи и обратного адреса было от меня. Я ждал реакции, аплодисменты стали для меня чем-то сторонним, и тут...она улыбнулась. Я почувствовал, как в этот самый момент кровь прилила к моему лицу. Я улыбнулся в ответ.

Я был окрылён. Исполнилось то, к чему я так стремился в последнее время. Возможно, такого шанса больше не представится, поэтому я рад, что хотя бы таким способом смог вспыхнуть ярким пламенем.

После концерта мы с ребятами собрались отметить наш фурор. Слушатели были в восторге, да и сами ребята тоже, ведь они совсем не ожидали, что я тайком сделаю всё по-

своему. Ксюша и Лина не смогли сдержать эмоции, мы еле заставили их прекратить плакать. Я хотел показать друзьям, как много они для меня значат, и я это сделал.

Только мы собирались покинуть территорию школы, нас догнала Лиля и попросила меня уделить ей минутку. Я слегка растерялся, но благодаря Ксюше, которая шёпотом сказала мне: «Иди!», я последовал за девушкой – за моей давней мечтой.

Мы отошли к футбольному полю. Я видел, что Лиля была немного смущена, да и я был не лучше – к лицу снова прилила краска. Она скромно отбросила назад свои длинные светлые волосы, но так и не смогла посмотреть мне в глаза. Моё сердце заколотилось от напряжённого ожидания. И тут она достаёт из сумки конверт – мой конверт с письмом.

– Это... это же ты написал его, верно? – тихо спросила она, всё же подняв на меня глаза.

Я кивнул головой.

– Да, я.

Лиля мило улыбнулась.

– Мне очень приятно, Дань, правда, – вот теперь её голос стал более уверенным. – Но, почему ты раньше не сказал?

Ответ был очевиден с моей точки зрения: Лиля – девушка из обеспеченной семьи, её ждёт достойное будущее, прекрасная жизнь среди достатка и роскоши, а я – простой парень без каких-либо привилегий. И пускай мне всего семнадцать лет, у меня сейчас нет денег, нет машины, одно я мо-

гу сказать точно – мне нечего дать этой девушке сейчас, и не факт, что смогу поравняться на её статус в будущем. Всё было слишком размыто, я это понимал. Мне очень хочется верить, что в будущем я смогу обеспечить себе достойную жизнь, да и тем, кого я захочу видеть частью своей жизни. Но как объяснить это Лиле? Стоит ли вообще это делать?

– Я...я просто, – слова застряли где-то в горле.

Лиля широко улыбнулась, и я растерялся окончательно.

– Это нелегко, я понимаю, – произнесла она. – Знаешь, – она посмотрела на моё письмо, – ты – очень классный парень, Даня, наверное, самый...настоящий из всех, кого я встречала.

Я слышал дрожь в её голосе. Она смущалась, ей было нелегко говорить.

Она достала из сумки ручку и стала что-то писать на конверте. Когда Лиля закончила, она протянула его мне – там красивым почерком был выведен её номер телефона.

– Если захочешь встретиться, звони в любое время.

Я не верил, что это происходит. Девушка, в которую я был влюблён уже много лет, кажется, ответила мне взаимной симпатией. Я немного растерялся, не знал, что сегодняшней день принесёт мне столько невероятных эмоций.

Я так и продолжал молчать, не мог сказать ни слова, несмотря на то, что очень хотел. И тут, девушка сделал большой шаг навстречу ко мне, и коснулась своими губами моей щеки.

– Увидимся, – она помахала на прощание и скрылась за зданием школы.

– Увидимся, – прошептал я ей вслед.

Внутри меня произошёл настоящий взрыв. Я уже и забыл, когда в последний раз был настолько счастлив. Всё начинает налаживаться. Может, я зря переживаю? Я почему-то вспомнил Лину. Тёмная сторона моей жизни подругу ничуть не смутила, она не изменила ко мне отношение после того, как узнала правду о моей семье. Лиля не из тех, кто судит человека по его родственникам, она смотрит на саму личность и поступки, которые совершает человек. Я верил, что теперь всё будет хорошо. Я это знал!

С дурацкой, но очень счастливой улыбкой я вернулся к друзьям.

– Видимо, всё прошло очень даже хорошо, – произнёс Стас с наигранным умным видом. – Ну, рассказывай, герой-любовник.

– Да что тут рассказывать? – теперь к разговору подключился Дэн. – Всё хорошо у нашего Ромео.

Я чувствовал, как моё лицо ещё больше заливается краской, но я не мог перестать улыбаться.

– Так, это касается только их двоих, – Лина подхватила меня под руку, тем самым спасая от расспросов друзей. – Ну, и чего стоим? Идём праздновать! Сегодня наш вечер.

Она была права. Этот вечер только наш. Мы всей компанией очень долго трудились, чтобы наше выступление эта

школа запомнила надолго. Что ж, мы это сделали!

Вечером поднялся сильный ветер, небо заволокло тучами, поэтому нам пришлось перенести место нашего празднования с дикого пляжа в гараж. Но мы не сильно расстроились, это место для нас очень многое значило – была в нём своя атмосфера, здесь находился наш с ребятами личный маленький мирок, который никто не в силах разрушить.

Мы сидели практически до самой ночи. Слушали музыку, ели пиццу, запивали её газировкой, танцевали и просто веселились. Мы забыли обо всех проблемах, превратились в обычных подростков, абстрагированных от внешнего мира.

Мне стало очень легко. После всего пережитого на меня снизошло какое-то озарение – жизнь у нас одна, и только в наших силах сделать её такой, какой мы её хотим видеть. Больше я не буду думать о том, что всё бесполезно и бессмысленно – всё имеет смысл, даже, если мы не сразу это замечаем. Потеря брата, развод родителей, пьянство отца, безденежье – всё это сделало меня сильнее. Я посмотрелся на ошибки взрослых, сам же подобных совершать не хочу. Всё наладится. Всё уже налаживается.

Когда все разошлись, я ещё долго не мог уснуть – думал о Лиле. Как бы я хотел ей позвонить, и я бы это сделал, не будь на часах далеко за полночь. И я не позвонил – я написал. Уже проверенный способ прибавлял мне уверенности. Оставалось только надеяться, что девушка не проснётся от звука уведомления на телефоне.

Я набрал номер Лили и отправил на него короткий текст сообщения:

«Пойдём завтра на свидание?».

Лина

Последние несколько ночей я практически не спала. Нет, меня не мучали кошмары или бессонница, дело было немного в другом. После переезда в этот город всё в моей жизни как-то изменилось, а парадокс состоял в том, что я не могла понять, в какую именно сторону свернула моя судьба.

Всё было хорошо, особенно за последние дни. Дома было тихо, не было скандалов между мной и Ольгой, с Денисом всё в порядке, ведь вопрос с поджогом был благополучно решён, да и с Данькиной ситуацией не было пока что никаких проблем. Но что-то всё равно не давало мне покоя.

Я чувствовала себя разбитой, будто ваза, разлетевшаяся на тысячи осколков по всему периметру комнаты. И меня не собрать. Никак. Почему? Что произошло со мной за несколько дней? У меня даже не осталось сил, чтобы лично себе ответить на эти вопросы. А были ли у меня хоть какие-то ответы, хоть какие-то догадки?

Я не рассказывала о своём состоянии ни Денису, ни Дене, ни ребятам, даже Наташе ничего не рассказала, несмотря на то, что с подружкой мы болтаем довольно-таки часто. Мне кажется, что за эти дни, я впервые так сильно ощутила отсутствие этого человека в моей жизни. Она всегда меня слушала, помогала советами, просто пыталась меня отвлечь,

никогда ничего не прося взамен. Наташа знала обо всём, что со мной происходило здесь, знала о моих проблемах, радовалась моим достижениям и просто, казалось, всегда машинально находилась рядом со мной.

Капаясь в себе, в своих воспоминаниях, во всём, что происходило в последнее время, я поняла, что проблемы гораздо глубже, чем мне казалось до этого. Всё началось после маминого звонка, который Ольга хотела от меня скрыть. Простая случайность открыла мне глаза на то, что моя биологическая мать вообще жива и ищет контакта со мной. Дария никогда не была рядом, она не знает меня, да и хочет ли она на самом деле узнать хоть что-то о своей дочери? Вот мне интересно узнать, кто она вообще такая, какая она, и, главный вопрос, почему она меня оставила и даже не вспоминала обо мне столько лет.

Ольга всегда учила меня быть сильной, не показывать лишних эмоций, чтобы люди не воспользовались мимолётной человеческой наивностью, скрывать от них слёзы, чтобы не казаться слабой. Она надеялась, что я научусь действовать хитрее, но так ничего и не вышло. Пряча эмоции, скрывая боль, я ломала себя, лишала себя возможности быть собой. Демоническая пытка – по-другому не скажешь! С самой Ольгой я не могла поговорить о том, что чувствую. Она обычно жёстко реагировала на мою внутреннюю боль: отвечала твёрдо, переходила на критику вместо поддержки, не думала, что всё настолько серьёзно, когда я считала, что мир

вокруг меня просто рухнул. Сейчас я понимаю, что тогда были детские проблемы: с подружкой поспорили, учительница отругала на уроке за неправильный ответ у доски, неразделённая первая любовь из параллельного класса... Это сейчас всё кажется нелепым и глупым, но боль не была шуточной.

А что сейчас? Ольга со мной не разговаривает после того, как я прогуляла школу, чтобы спасти Дениса от тюремной решётки. Она не дала объяснить, да и я была права. Может, она поняла бы меня? Не чужие же люди, в конце концов! Тётя в последнее время совсем потеряла разум: могла разозлиться без повода, уйти в свою комнату, а там разреваться. Дядя Слава пытался разговаривать с ней, но без толку. Неужели это всё началось со звонка моей матери? Тогда, при чём тут я? В чём я виновата? Да, возможно, я слишком жёстко отреагировала на то, что она пыталась скрыть от меня этот разговор, но можно же обсудить наболевший вопрос?

Так и оставшись без ответа, дополненным чувством вины, я продолжала делать вид, будто всё хорошо. Я пыталась улыбаться, не думать о проблемах, в какие-то моменты мне казалось, что отпустило, но каждый раз, приходя домой, я чувствовала царящее в воздухе напряжение. Эмоциональный разряд в тысячу вольт, пробивающий до самых костей. Я надеялась, что вот-вот всё скоро закончится, но, когда я очередной тяжёлой ночью проснулась с криком в холодном поту, то поняла – это далеко не конец. Тогда же, будучи в потерянном состоянии, я выбежала из дома и несколько часов

бродила по территории дома, как умалишённая. Я не могла прийти в себя до самого рассвета, пока дядя Слава не запоздрил что-то неладное. Он нашёл меня за домом, сидящей на земле и облокотившейся на стену. Я плохо помню, что он мне говорил. Кажется, пытался выяснить, что случилось, что-то спрашивал, но отвечала ли я ему – так и остаётся для меня загадкой.

В этот же день он увёз меня в центр к какому-то своему знакомому психологу. Ольга ничего не знала, дядя позаботился о том, чтобы произошедшее осталось между нами. Я долго сидела на приёме, боялась заговорить с незнакомой женщиной, да ещё и при Славе. Не могла же я сказать, что моя жизнь в последнее время напоминает голливудское кино! Стала свидетелем избиения сына его пьяным отцом. Вместе с его другом практически собственными руками чуть не сдала парня опеке, когда тот от неё прятался несколько лет. Второго своего друга, а по совместительству и парня, спасала от ложных обвинений и съехавшей крыши, когда ему грозил реальный срок за то, чего он не делал. А моя собственная жизнь? Мне казалось, что я хожу по краю пропасти. *Этот* звонок. *Этот* звонок от мамы изменил всё, что только можно. Я запуталась, не понимала, чего я на самом деле хочу, в чём я виновата, а в чём – нет. Безднадёжность, искажённая странными и манящими иллюзиями.

С психологом я поделилась только последней частью своей жизни, да и то не в присутствии дяди. Мы поговорили и,

не скрою, мне немного стало легче. Её рекомендации меня не интересовали, я была благодарна этой женщине за то, что она меня просто внимательно выслушала, ни в чём не упрекнув. Мы обменялись с ней контактами, поддерживали связь последние несколько дней. Меня немного отпустило, но ответы на свои вопросы я так пока что и не нашла. Понадобится время – много времени, чтобы понять хоть что-то.

А пока я просто пыталась разобраться в себе, привести своё внутренне состояние в норму. Очень помогали прогулки: одиночные и с друзьями. Очень часто мы гуляли с Денисом, парень как будто чувствовал, что со мной что-то не так, пытался поддержать, хоть я и не объясняла ему причин своего странного поведения. Я была ему безмерно благодарна, что его эмоции, тот его поцелуй не оказался лишь порывом – всё было по-настоящему. И кто бы мог подумать, что этот эгоист, мажор и наглец окажется на самом деле добрым и искренним человеком? Может, он никогда и не был таким ужасным? Первое впечатление подвело? Да. Такое тоже бывает. По крайней мере, я поняла, что мне с ним очень хорошо и спокойно.

– С тобой что-то не так, – однажды заявил он, заключив меня в объятия. – Что-то случилось?

– Нет, – помотала я головой. – Всё хорошо.

Конечно же, я говорила неправду, просто не хотела, чтобы парень помимо своих проблем решал ещё и мои. Его отношения с отцом из «разрушенных в дребезги» сменили ста-

тус на «нейтральные» после того, как закрыли дело о поджоге школы. Вопрос с внезапным переездом тоже решился довольно-таки быстро – всё просто отменилось, чего, по словам самого Дениса, и следовало ожидать. Я была очень рада, что жизнь друга начала налаживаться. От этого мне становилось спокойнее на душе.

Жизнь Дани тоже постепенно обретала новые краски. После школьного концерта, они с Лилей стали проводить больше времени вместе – ходили гулять, иногда они вместе шли до школы и обратно. Это было милое общение, и перетекать ему во что-то более серьёзное было пока рано. Не скрою, поначалу мне казалось, что я ревную друга. Данька стал мне по-настоящему близким человеком, который сильно изменил не только мою жизнь, но и внёс изменения в мой внутренний мир. Он – друг. Он – брат. Он – частичка моего сердца. Но я была искренне рада за него, верила, что всё в его жизни обязательно наладится. Вот только ситуация с опекой оставалась для нас чем-то пугающе неопределённым. Мы чувствовали – неприятность бродит где-то рядом, но всё ещё не ощущали присутствия конкретной угрозы. В конце концов, в какой-то момент мы расслабились.

А вот я должна была только начать разбираться с собственными проблемами. В первую очередь мне необходимо было наладить отношения с Ольгой, чтобы спокойно двигаться дальше. И со всем этим я должна разобраться сама, не втягивая Дениса или Данию в свои переживания. Мальчикам

сейчас и так забот хватает.

Я никак не могла собраться с силами и поговорить с тётёй, будто какая-то невидимая стена возникла между нами и ни под какими силами не может пасть. Мне всегда было интересно, как дядя Слава справлялся с её нравом, как находил подходы, какие слова говорил. Я решила спросить совета у него, и он дал мне его: «Просто дай Ольге время. Ты же знаешь свою тётю. Она сама пойдёт на контакт, так что, не торопи её».

Я не стала говорить ничего лишнего, но была уверена, что дядя тоже мне что-то не договаривал. Слава знал причину такого импульсивного Ольгиного поведения, но почему-то решил не делиться со мной этой информацией. Если мне оставалось только ждать, что ж, я подожду. Вот только вопрос заключается в другом: «Насколько меня хватит?».

До конца учебного года осталось три недели. Вот-вот начнётся череда годовых контрольных, тестов, различных работ и разговоров про будущее. На классном часе нам не удалось миновать серьёзной темы по последнему пункту. Будущее. Столько всего заложено в этом слове, ...но больше неизвестности. Как выяснилось, немногие из моего класса точно знали, куда будут поступать через год. Несмотря на элитный статус школы, дети везде остаются детьми, и они также не всегда знают, чего именно хотят от жизни. Может, всё дело в возрасте? Ну, да, точно в нём! Ведь не каждый в семнадцать

лет точно скажет, к чему у него лежит душа.

– Раевский! – Лидия Георгиевна перевела свой серьёзный взгляд на мальчишку. – Поделись, какие у тебя планы на будущее?

Лёшка Раевский был нашим негласным комиком: весёлый, артистичный, со своей неповторимой харизмой. Ему бы в актёры или stand up какой-нибудь, но мы уже знали, что он выбрал совершенно другую дорогу.

– Я планирую поступать в «Бауманку» на направление «Космические приборы и системы».

Взгляд учительницы резко переменялся.

– Алексей, ну, какие ещё «Космические приборы»? Что ты тогда делаешь на гуманитарном направлении?

– Спросите об этом мою маму, которая спит и видит, чтобы я выступал на сцене «Большого театра», – вальяжность ушла, парень стал серьёзным. – В следующем году я перевожусь на физико-математическое направление. Сам, – здесь он сделал акцент.

Я сидела рядом с Лилей, а парты Дани и Дениса располагались прямо за нами. Я не удержалась и взглянула на Дэна. Парень опустил глаза в парту, будто размышлял о чём-то совершенно стороннем. И я знала, о чём. Ему, как и Лёше, знакомо то чувство, когда родители решают всё за тебя. Его отец так и не изменил своего решения – отрицал желание сына поступать на архитектурное отделение, что очень сильно огорчало парня. Мне так хотелось взять его за руку и поддержать

хотя бы этим жестом. Хоть чем-то.

– Денис Гранин? – Лидия Георгиевна выбрала очередную «жертву». – Правильно ли я понимаю, что ты после окончания отправишься за границу изучать основы ведения бизнеса?

Так. Стоп. А про за границу он мне ничего не говорил. Я снова обернулась к нему, не скрывая своё удивление.

Денис серьёзно посмотрел на меня, смотрел молча несколько секунд, а потом, переведя взгляд на классную руководительницу, сказал:

– Нет. Вы неправильно понимаете, – его голос прозвучал низко, из-за чего показалось, что строго. – После школы я буду поступать в Московский государственный академический художественный институт имени Суркова на архитектурный факультет.

Лидия Георгиевна удивилась ответу – это было видно по её выражению лица. Класс затаил дыхание.

– Интересно, я слышала от твоих родителей совершенно другую версию. Твой отец уверен, что ты целенаправленно готовишься к поступлению по другому направлению.

– Вот пускай мой отец и поступает по другому направлению. Я остаюсь здесь, чтобы заниматься тем, что МНЕ нравится.

Его непоколебимость меня потрясла. В этот момент я поняла, что горжусь им. Пускай и не прямо в глаза родителю, но при большом количестве свидетелей он показал, что не

намерен отступить от своего.

– Что ж, – учительница не стала мучать парня расспросами. – Хорошо. Аделина, что на счёт тебя?

И тут я замерла. Мне очень не хотелось отвечать ей, говорить что-то по поводу будущего, с настоящим то разобраться не получается. Но, честно говоря, было у меня одно занятие, которое приносило удовольствие.

– Я...я пока что не знаю, какой выбрать институт, – неуверенно начала я, – но знаю, что хочу стать дизайнером одежды.

Да, банально, но это – правда. Я с детства наблюдаю за Ольгой и вижу, какие шикарные вещи она создаёт. Временами, наши вкусы не совпадают, что-то мне кажется слишком гламурным, но это дело выбора. Тётя ведёт бизнес в двух направлениях: вечерние платья, а недавно стала развиваться в стиле «Бохо». Мне же ближе другое – городской стиль или экстравагантный. Я ещё не разобралась. Но мне интересно это дело, таким способом я смогла бы дать людям возможность раскрыть свою индивидуальность, разбавить будничную серость яркими красками и необычными принтами.

– Тоже мне, нашлась Круэлла, – а это уже послышался голос одной из подружек нашей бывшей ученицы – Ани Линовской. – На другое мозгов не хватило.

Я уже давно перестала реагировать на такие глупые выходки людей, вернее, я научилась правильно отвечать на них. Я повернулась к девушке, натянула на себя улыбку и отве-

тила:

– Рогова, а ты куда собираешься поступать? – не отступала я. – Поделись с нами.

Я знала, что эта девушка ещё не разобралась в себе. Она столько лет была тенью Ани, а теперь, когда девчонка ушла после скандала с участием её брата, стала индивидуально-стью, лишённой всяческой поддержки. Мне было жалко её, откровенно говоря.

Девушка ничего не ответила, просто опустила глаза в стол и затихла.

– Настанет время, когда ты тоже найдёшь любимое дело в жизни.

Рогова в изумлении подняла на меня глаза, совсем не ожидала, что я не буду хамить в ответ.

Будущее – тяжёлый вопрос, который требует тщательного анализа. Что касается моих собственных ближайших планов, то я была настроена на то, чтобы поговорить с Ольгой. Я хочу этого! Я хочу помириться с ней и, наконец, наладить наши отношения. Почему-то мне казалось, что после такого серьёзного шага всё в моей жизни наладится.

После классного часа я решила привести мысли в порядок и немного прогуляться по набережной. Денис и Данька проводили меня до остановки, а там я уже добралась сама. Я шла по асфальтированной дорожке и наслаждалась замечательной погодой. Было тепло и солнечно, гуляли люди, кажется, в некоторых из них я узнала типичных туристов. Интересно,

а сколько их здесь будет летом? Всё-таки жизнь в южном городе кардинально отличается от жизни в северной столице. Здесь люди счастливее, сами их улыбки, казалось, излучали какой-то магический свет, а в городе, где ветра и серость привычное дело, совершенно другая картина, несмотря на обилие возможностей для достойной и безбедной жизни.

На набережной я встретила Бориса. Мы немного поболтали с ним, и я купила у него черничное мороженое. Проходя мимо более оживлённого участка, я увидела цветочный магазин. Продавщицей оказалась очень приятная женщина лет шестидесяти, которая помогла мне с выбором цветов для Ольги. Я купила большой букет её любимых розовых пионов, а потом забежала в кондитерскую и взяла два больших круассана с клубничной начинкой, а дяде кусочек пирога с курицей и грибами.

Я была в предвкушении нашего разговора. По пути домой я продумывала свою речь, думала, какие лучше подобрать слова, фразы и даже движения. Я была настроена серьёзно, но, в то же время, не хотела делать наш разговор сухим и, как говорят, «по делу». Я просто хотела поделиться с ней тем, что чувствую, хотела, чтобы она хотя бы раз в жизни поделилась со мной. Мне просто хотелось поговорить с *мамой* – с Ольгой.

Когда я зашла на территорию дома, то услышала какой-то странный шум. Крики, доносящиеся из дома. Истошный вопль *двух* женских голосов и одного мужского. Голоса Оль-

ги и Славы я узнала сразу, а вот третий был мне незнаком. Я с опаской покосилась на входную дверь, сжав стебли пионов в руке от испуга. Что происходит?

– Зачем ты вообще приехала?! На что надеялась?! – голос тёти.

– Ты знаешь, зачем и ради чего я здесь! – опять незнакомый голос.

В какой-то момент я поняла, что надо прекращать то, что творилось за этой дверью. Я схватилась за ручку и толкнула деревянную изгородь, да так, что она глухо ударилась о стену. Переборщила.

Я застала очень странную картину. Дядя Слава держал рвавшуюся из его рук Ольгу. Тётя выглядела так, будто её только что оторвали от рукопашного боя – всегда уложенные волосы были всклочены, лицо перекошено от злобы, а её домашний дорогой шёлковый халат стянут с одного плеча. Напротив неё и дяди стояла молодая женщина лет тридцати – тридцати пяти. Первая мысль, которая мне пришла в голову – эта дамочка, кажется, сошла со страниц заграничного глянцевого журнала: роскошные длинные светлые волосы чуть ли не до самого пояса струились голливудскими волнами, идеальное светлое лицо – карие глаза красиво накрашены, а на губах красовалась алая помада, которая как раз подходила под цвет её костюма. Я разбираюсь в моде, особенно, если речь идёт о дорогих заграничных брендах, поэтому мне несложно было догадаться, что красный брючный

костюм относился к линии бренда «LUISA SPAGNOLI». Да такая одежда стоит целое состояние! А о сумке, солнцезащитных очках и босоножках на высокой шпильке я вообще молчу.

Кажется, моё появление стало спасением незнакомки от моей разъярённой тётки. Я так и застыла с цветами и пакетом с выпечкой на пороге дома в ожидании объяснений. Всё трое уставились на меня.

– Лина, иди к себе в комнату, – тихо, но как-то зло, произнесла Ольга, поправляя свои растрёпанные волосы.

– Аделина? – тихо произнесла незнакомка, с удивлением глядя на меня.

И только в этот момент, когда женщина заглянула мне в глаза, её лицо показалось мне знакомым. Она стала осторожно подходить ко мне ближе.

– Боже, как же ты выросла! – на её глазах навернулись слёзы.

Я недоверчиво посмотрела на неё.

– А...мы знакомы? – неуверенно произнесла я, делая шаг назад. – Дядя Слава, – обратилась я к единственному адекватному человеку в этом доме, – что происходит?

– Лина, милая, иди к себе, я потом тебе всё объясню.

– Нет! – рывкнула на него незнакомка, чем сильно напугала меня. – Вы столько лет прятали её от меня. Сейчас я не дам вам всё испортить, бесчувственные животные!

А вот это был уже слишком.

– Так, девушка, послушайте, – я начинала злиться. Эта дамочка не посмеет оскорблять кого-либо в этом доме. – Попрошу вас проявить немного уважения к моим родителям, – я сделал осторожный шаг навстречу удивлённой незнакомке, – иначе вылетите отсюда, как пробка из-под шампанского, – шёпотом добавила я, глядя ей прямо в глаза.

Незнакомка опешила, взглянула на Ольгу и Славу, потом перевела растерянный взгляд на меня.

– Объясните мне, что здесь происходит? – спокойно спросила я.

– Аделина, детка, – женщина снова странно посмотрела на меня, положив свою руку мне на плечо, – меня зовут Дария. Я...я – твоя мама.

Последние слова прозвучали эхом, а пионы, которые я до этого держала в руках, упали на пол.

Мама? Вот эта женщина – моя мама?! Слова Ольги и то, что я видела, разнились между собой. По словам тёти, Дария оставила меня и отправилась на поиски средств к выживанию, но так и не добилась результата. Много лет про неё ничего не было слышно, и я считала, что женщина уже навсегда исчезла из нашей жизни. И что я вижу? Ухоженная дама в брендовом брючном костюме, с дорогой сумкой и очками назвалась моей матерью! Я долго смотрела на неё, потом перевела взгляд на Ольгу и Славу.

– Это действительно она? – спокойно спросила я у них.

Ольга промолчала, состроив обиженную мину, а дядя Слава утвердительно покачал головой.

Я оставалась спокойной, как удав, потому что устала конфликтовать, а, может, это был просто шок?

Я наклонилась, собрала упавшие пионы и, улыбнувшись, обратилась к Славе:

– Что ж, дядя, поставь, пожалуйста, чайник, – я перевела взгляд на Дарию. – А мы с...мамой пойдём и поговорим.

– Никаких разговоров с этой...

– Это мне решать, – я каким-то чудом успела прервать вновь расплывшуюся Ольгу.

Я подошла к тётке и отдала ей цветы с пакетом выпечки.

– Поставь цветы в вазу, пожалуйста, – голос мой был спокойным. – Дария, – обратилась я к женщине, – пройдемте в мою комнату.

Я не стала ждать её ответа – просто пошла к лестнице и поднялась к себе. Она была осторожна, неловкость и смущение читались на её лице. Она нервно перебирала пальцами ремень своей дорогой сумки, стояла на пороге, пока я не предложила ей присесть на свою кровать. Дария осмотрела комнату и улыбнулась.

– А у тебя тут мило, – тихо произнесла она. – Так светло и просторно.

Я смотрела на эту женщину и пыталась найти хотя бы одну схожую со мной черту. Но, нет. Ничего. Кажется, моё молчание начало её пугать. Она перевела взгляд на мой письмен-

ный стол, и я знала, на что она смотрит.

– Это... твои друзья?

На столе стояла красивая рамка, в которую были помещены две фотографии. На одной из них была запечатлена вся наша кампания: я, Даня, Денис, Стас, Ксюша и Ромка. Мы сделали это фото в день школьного концерта, а я решила, что такой кадр необходимо распечатать. На второй фотографии были я, Даня и Денис. Снимок был сделан на берегу моря в одну из наших совместных поездок. Я стояла посередине на большом камне, который когда-то выбросило на берег, а парни встали по обе стороны рядом со мной. Я крепко обняла их за плечи, так как оказалась почти на голову выше них. В тот день мы были очень счастливы, и наши лица тому доказательство.

– Да, друзья, – ответила я Дарии. – Слушай, – я не стала больше тянуть время, – зачем ты приехала?

Я решила спросить её обо всём коротко и напрямую. Женщина замялась, промолчала.

– Я, – неуверенно начала она, – я хотела увидеть тебя.

– Ясно, – я присела рядом с ней на кровать. – А где ты была все эти четырнадцать лет? Ты не писала, не звонила...

– Я звонила, Аделина, звонила, но Ольга, despota, не давала мне с тобой видеться.

Despota? Итальянский язык?

– Насколько мне известно, ты уехала на заработки, – я придиричиво оглядела её. – Заработала, я смотрю.

– Аделина, – она отчаянно посмотрела на меня. – Я... я очень виновата перед тобой, не отрицаю, но...

– Но? – уточнила я. – Знаешь, мне это больше не интересно – то, что было раньше. Я хочу узнать, зачем ты приехала сейчас, если больше не нуждаешься в деньгах.

На её глазах навернулись слёзы, но мне не было жаль. Она причинила мне большую боль, а мои слова – лишь детский лепет.

– Дочка, ну, зачем ты так? – она заплакала. – И дня не прошло, чтобы я не думала о тебе. Да, я встала на ноги, разбогатела, и...хочу предложить тебе поехать со мной в Италию.

Вот это поворот! Так, получается, она теперь гражданка Италии. Моя мать, которая всё время, по словам тёти, тянула из неё деньги, оказалась богатенькой итальянкой? Неужели удачно вышла замуж?

– Аделина, прошу! Я обещаю тебе достойную жизнь, достойное заграничное образование, – она схватила меня за руки. – Ты познакомишься с новыми замечательными людьми, познакомишься со своим папой, со своей сестрой...

– Так, стоп! – остановила я её после последних слов. – С папой, с сестрой?

– Да, милая, да, – Дария заметно оживилась. – Мы с твоим папой всё ещё вместе, вместе добились всего того, что имеем. Он очень хотел приехать вместе со мной, но не смог из-за работы. А твоя сестра София? Она так сильно хочет познакомиться с тобой...

Я вырвала свои руки из-под её пальцев и вскочила с кровати.

– Я...я теперь вообще ничего не понимаю, – меня окутал шок. – Ты замужем, у тебя есть ребёнок... А я тогда зачем тебе?

– Лина, ты – моя дочь! – она повысила голос. – Что значит, зачем?

– Ты столько лет не приезжала ко мне, не поздравляла даже с днём рождения, ничего этого не было. А теперь ты хочешь, чтобы я встретила тебя с распростёртыми объятиями? – я злилась, но держалась. – Ты сейчас серьёзно?!

И тут Дария вскочила с места и зло уставилась на меня.

– Так, ты сейчас на взводе, поэтому поступим следующим образом, – она достала из сумки блокнот с ручкой и написала на нём свой номер. – Я буду здесь ещё неделю, захочешь поговорить или встретиться – звони.

Она сунула листок мне в руки и, гордо и обижено задрала голову, вышла из комнаты.

Я слышала, как хлопнула входная дверь, и только после этого спустилась вниз. Удручённые Ольга и Слава сидели на кухне, в вазе на столе стояли мои пионы, а на тарелке два круассана и кусок пирога. Они молчали, оба смотрели в свои чашки с остывшим чаем, как замороженные. Я спокойно прошла на кухню, без лишних слов налила себе чай и села к ним за стол.

– Расскажите мне уже всё, как есть, – отчаянно попросила

я. – Я имею право знать правду.

Всё началось примерно двадцать лет назад. Моей матери тогда только-только исполнилось пятнадцать, Ольге было двадцать три. Она окончила институт, работала на швейной фабрике и готовилась к свадьбе с Вячеславом Озерцовым.

Детство у моих тёти и мамы было не из лёгких: мать воспитывала их одна, потому что отец ушёл из семьи практически сразу после рождения Дарии. Ни о какой материальной помощи и речи не было, он отказался общаться даже с родными дочерьми. Дальнейшая судьба моего деда не известна. Ольга, начиная с четырнадцати лет, подрабатывала в продуктовом магазине у их соседки по лестничной площадке, оставшееся время, если оно вообще было, моя тётя тратила на учёбу. Жизнь маленькой Оли не была сладкой: учёба, работа, домашние обязанности, маленькая сестра на руках почти круглые сутки. «Загубленное детство», – так она сказала, утирая слёзы.

Время шло, Ольга окончила школу, поступила в институт и всё также подрабатывала в магазине. С дядей Славой её познакомили друзья, и это была любовь с первого взгляда. Так и начались их отношения. Пока Ольга строила свою жизнь, а её мама работала чуть ли не круглыми сутками, Дария выросла и её воспитанием занялась улица. Ольга считала своим личным упущением, что её сестра постоянно пропадала до поздней ночи с дворовой шпаной, что забросила учёбу, что

появились проблемы с поведением и наплевательское отношение к собственному будущему. И Ольга, и её мать думали, что это всё пройдёт – переходный возраст и прочее. Но всё усугубилось, когда в классе Дарии появился новый ученик – Андрей Мбрисов. Мой отец.

По словам Ольги, он был настоящим красавчиком: русые волосы, большие золотисто-карие глаза, высокий, крепкий, с миловидным лицом. Дария сразу положила на него глаз. Её своенравный характер поначалу отталкивал Андрея, но девчонка была настойчива, чем и покорила сердце робкого красавчика. Два года они гуляли, проводили время вместе. Никто не придавал значения этим невинным встречам, пока перед самым окончанием школы Дария не узнала, что ждёт ребёнка. «Скандал был страшный», – причитала Ольга. Ну, конечно! Кто бы сомневался?

Уже не было смысла проводить воспитательные беседы. Андрей пообещал, что позаботится о Дарии и ребёнке, что будет обеспечивать их. Вот только дальше слов дело не пошло – они очнулись только, когда уже появилась я. По словам Ольги, Дария и Андрей решили оставить меня на время, пока те не заработают денег. И тут в игру вступили мои опекуны. Они убедили непутёвых родителей не отдавать меня незнакомым людям, а довериться им. Слава уже к тому времени обзавёлся неплохой работой, купил квартиру, да и Ольга успешно двигалась по карьерной лестнице. Что касается бабушек, то те отказались участвовать в воспитании внучки.

Такой исход, конечно, сильно удивил всех. Но Слава и Ольга не испугались – взялись за меня, моё воспитание, за мою жизнь, в конце концов.

Поначалу Дария и Андрей навещали меня, хоть я и не помню этого. Они жаловались, что еле-еле сводят концы с концами и не могут позаботиться о будущем ребёнка, несмотря на то, что каждый раз они клялись, что скоро всё у них наладится. Такие встречи происходили всё реже и реже, пока оба не исчезли насовсем. Дария объявилась только спустя четыре года после нашей с ней последней встречи. Но она даже не поинтересовалась мной, потому что приехала за деньгами. Она надеялась взять займы у сестры, но та со скандалом выставила сестру из дома. Как оказалось, моя мать периодически звонила Ольге, жаловалась на жизнь и просила денег, но никогда не спрашивала обо мне. Такие звонки происходили примерно раз в год до тех пор, пока мне не исполнилось тринадцать. Тогда Дария перестала звонить даже по поводу денег. И вот, спустя четыре года, она снова дала о себе знать и даже приехала из Италии только ради того, чтобы увидеть меня. Странно осознавать, что о тебе вспомнили спустя целых семнадцать лет. Но поразило меня не это, а то, что девушка, которая всё время жаловалась на жизнь и столько лет клянчила деньги у родной сестры, явилась к нам домой, разодетая, как светская львица Сицилийских просторов.

Я не понимала, зачем Дарии всё это нужно. Хотела по-

казать сестре, что и без её помощи добилась своего? Тогда, зачем меня в это впутывать? Эта странная ситуация окончательно лишила меня возможности думать. Ольга плакала, дядя Слава просто сидел, опустив глаза в стол. Я посмотрела на пионы. Невероятно красивые цветы, означающие богатство, счастье и нежность. *Нежность*. Я встала, подошла к Ольге сзади и обняла её. Не помню уже, когда в последний раз так делала, но мне было приятно осознавать, что я ещё могу это делать.

– Давайте забудем о том, что здесь произошло, хорошо? – сказала я им. – Не знаю, чего на самом деле хочет Дария, но это не наши проблемы. Надолго она не задержится здесь, думаю, доставать нас тоже не станет.

Я почувствовала, как Ольга кивнула, дядя Слава сделал то же самое.

– Хорошо, договорились, – я села на своё место.

– Лина, нам нужно будет сегодня уехать с Ольгой. Нас пригласили на закрытую вечеринку в честь открытия нового торгового центра в городе, – дядин взгляд переменялся. – Мы вернёмся только завтра утром.

– Нет! – возразила Ольга, ещё не до конца пришедшая в себя. – Я не поеду, не хочу оставлять Лину. Вдруг эта ненормальная снова заявится?

– Не переживайте, – протянула я. – Езжайте спокойно, я останусь дома. Может, схожу куда-нибудь с ребятами. Если Дария снова придёт, я её не пущу.

Ольга ещё какое-то время сопротивлялась, но я уговорила её оставить все переживания. В семь часов вечера они уехали, и только после того, как машина покинула придомовую территорию, я дала волю эмоциям.

Я сидела во дворе дома на скамейке и плакала, слушая грустную музыку. Нет, я не рыдала, только тихо роняла слёзы на тонкий плед, которым спасалась от поднявшегося ветра.

Моя мать. Пришла и предложила мне уехать вместе с ней. Боль. Дикая боль и обида пронизывали меня, когда я вспоминала эту женщину. Вот только её на мою голову ещё не хватало. Услышанная история поразила меня. Прошлые дела и её сегодняшний визит никак не сочетались у меня в голове. Почему именно сейчас? Зачем? Я не могла собраться с мыслями, попытаться хоть что-то понять.

И тут перед моими глазами возникла чья-то фигура. Я сначала дёрнулась от испуга, но сразу же расслабилась, когда поняла, что это Денис. Его взгляд был очень обеспокоенным, вид какой-то взбудораженный, но я никак не реагировала, потому что не слышала его – в наушниках играла музыка. Он что-то говорил, даже присел передо мной, вытер пальцами мои слёзы.

Я поднялась на ноги и взяла его за руку. Я вывела парня на центр двора и отдала ему один из наушников. Он молча, не без тревоги и замешательства, принял у меня проводок и вставил корпус себе в ухо. Мелодия. Ритм. Нехитрые движе-

ния. И вот – мы уже танцуем. Я расслабилась внешне, но была сильно сжата внутри, а вот у Дэна расслабиться всё равно не получилось. Конечно же, его пугала такая странная картина, но он покорно продолжал двигаться в такт музыке. Я почти не открывала глаза – доверилась инстинктам. Мне это понравилось.

Мы танцевали так до тех пор, пока песня не дошла до своего завершения. А потом я, забрав у парня наушник, притянула его к себе и поцеловала. Это получилось неожиданно даже для меня самой, я поддалась эмоциям, которые накатили с новой силой. Я не отпускала его, обвила руками шею и не отрывалась от его губ. Поцелуй получился солёным из-за моих слёз, но от этого он не стал плохим, напротив – получился особенным.

Когда я всё же дала Денису время, чтобы объясниться, он не стал его терять.

– Лиана, я не знаю, что у тебя случилось, но мне остаётся надеяться, что ничего серьёзного, потому что у нас большие проблемы.

Взгляд Дениса мне совсем не понравился. Даже в темноте его глаза заставили меня ужаснуться.

– Что... что случилось?

– Данька. Не знаю, как так произошло. Он позвонил мне буквально двадцать минут назад. Я сообщил ребятам, а сам помчался к тебе.

– Дэн, – я обхватила его лицо руками, – в чём дело? Что

с Даней? Откуда он позвонил тебе?

– Из окраины города. Его забрала опека.

Денис

– Как это могло получиться? Как?! Я не понимаю!

Лина уже раза три задала мне эти вопросы, пока мы ехали в такси. Нужный адрес скинула мне Ксюша, она же взяла его у своего отца. Ребята обещали подъехать к нужному месту своим ходом. Интернат временного содержания, куда увезли Даньку, находился на окраине города. Не стану скрывать – район там не из лучших. Криминал – это обычное дело, то же самое касается и банд, состоящих, в основном, из малолеток.

Когда-то я был в тех окраинах, и до сих пор не могу забыть того, что видел. Дело было года два назад, когда мы с Юркой решили испытать своё везение. Просто приехали и попытались влиться в местную банду шутики ради, но, когда главарь стал угрожать нам холодным оружием, мы поняли, что совершили огромную ошибку. Каким-то чудом мы смогли смыться оттуда целыми и невредимыми. Тогда адреналин в крови зашкаливал как никогда. Мне самому не очень-то хотелось туда возвращаться, не говоря уже о том, чтобы привозить туда свою девушку.

– Я знаю ровно столько же, сколько и ты, – объяснял я ей уже в сотый раз. – Пожалуйста, успокойся.

Я видел в её глазах настоящую панику и страх – страх из-за того, что она может вот-вот лишиться друга. Да и я был

не лучше. Пытался держать спокойствие, но ничего не выходило. Я переживал за Даньку, за человека, которого почти всю сознательную жизнь считаю братом. Где мы прокололись? Какую деталь упустили? В чём ошиблись? Эти вопросы мучали меня и не давали трезво мыслить.

– Я не могу успокоиться. Уже не могу.

Я обнял её. Прижав девушку к себе, почувствовал, как её трясёт. Мне хотелось унять эту дрожь, забрать её себе, лишь бы она наконец-то смогла спокойно вдохнуть, а не прерывисто глотать воздух сквозь слёзы.

От меня не укрылось, как водитель смотрит на нас через стекло заднего вида. Будь я на его месте, вообще растерялся бы. Хорошо, что ехать оставалось совсем немного.

Машина завернула за угол и остановилась прямо у входа в здание. Там нас уже поджидали ребята. Пока я расплачивался за такси, Лина подбежала к ребятам и сходу стала заваливать их вопросами.

– Да мы сами пока ничего не знаем, – Стас нервно поправил очки. – Сейчас там Ксюшкин отец ведёт переговоры.

– А Лиле сообщил кто-нибудь? – подруга почему-то посмотрела именно на Лину.

– Я... даже как-то не подумала, – она протёрла глаза. – Не до этого сейчас! – взорвалась она. – Пускай хоть у одного человека сегодня вечер будет спокойным.

Я огляделся вокруг. Уже давно стемнело, а на всей улице горел только один единственный фонарь – у входа над на-

шими головами. Было совсем как-то неуютно. Я интуитивно притянул Лину к себе, защищая от чего-то невидимого.

– Как так получилось? – Ромка, казалось, был самым спокойным среди нас. – Дэн, конкретно, что он тебе сказал?

– То, что его забрали представители опеки, кто и при каких обстоятельствах он не объяснил. Успел только назвать адрес и сбросил звонок.

В ожидании мы простояли где-то сорок минут. За это время мы успели обсудить все возможные варианты, какие только можно. Мы настолько увлеклись разговором, что даже не сразу заметили, какую-то подозрительную группу подростков, сидящих на детской площадке и подозрительно поглядывающих на нас. «Да, брат, занесло же тебя...», – мысленно послал я сообщение Даньке.

Я взглянул на здание – свет горел всего в трёх окнах. У одного из них на втором этаже стояла девчонка лет четырнадцати-пятнадцати, изящно держа сигарету в руках. Она не обращала на нас никакого внимания, смотрела куда-то вперёд странным заигрывающим взглядом. Наверняка на кого-нибудь из банды, засевшей среди каруселей и детских турников.

Но мне было больше интересно, как там Данька. Он никогда не был конфликтным человеком, но кто знает, какие люди ему попадутся в этом проклятом учреждении? Отпор он даст, если понадобится, но, если речь идёт о нескольких людях...

Я помотал головой, чтобы избавиться от дурных мыслей. Больше не было сил ждать.

– Ну, где он там? – не выдержал я, поднявшись на крыльцо здания.

Я осторожно заглянул в окно, но кроме тучного лысого охранника, смотревшего телевизор, ничего не было видно. Ещё и занавески эти, висящие здесь, наверное, ещё со времён Брежнева, уменьшали шансы на успех.

– Чёрт! – не сдержался я.

– Эй, красавчик! – донеслось откуда-то сверху. – Ты что-то хотел?

Я сошёл с крыльца и посмотрел вверх. Та самая девчонка со второго этажа, всё ещё держа сигарету в руках, изучающе смотрела на нас.

– Э-э-э, нет, – ответил я ей. – Хотя... скажи, ты давно здесь находишься?

– А что? Хочешь присоединиться? – она ехидно улыбнулась. – К пацанам идти не советую, сразу в порошок сотрут, – она сделала паузу. – А вот мы с девчонками очень даже ласковые создания. Да, подружки?! – она повернула голову в сторону комнаты и засмеялась.

– Скажи, к вам же сегодня привозили новенького? – Стас взял ситуацию под свой контроль. – Такой высокий, блондин голубоглазый.

Девчонка состроила умное лицо.

– Да, был тут один такой. Сама не видела, но поговарива-

ют, что он – вылитый семнадцатилетний Джастин Бибер.

Я даже усмехнулся, услышав эти слова. Хорошо, что Даньки не было рядом, ему бы такое сравнение точно не понравилось.

– Ты не знаешь, он в порядке? – а вот Лине было не до шуток. Я видел, что она начинала злиться.

– А я-то откуда это знаю? – сразу же возразила та. – Такие не в моём вкусе, – она покосилась на меня. – Я больше люблю брюнетов.

Начинается...

– Будет время, заходи, красавчик! – сказала она, после чего слезла с подоконника и закрыла за собой окно.

– Дружище, а ты делаешь успехи! – усмехнулся Ромка. – К тебе только что пыталась подкатить детдомовская девчонка. Это что-то новенькое.

– Замолчи, Ром! – не сдержался я.

– Судя по её же словам, – начала Лина, – парни там – настоящие звери. Остаётся только надеяться, что Даньку они не тронут, что вряд ли.

Я не успел ей ничего ответить – из здания вышел Ксюшин отец.

– Ну, что там? – Ксюша перегородила ему путь.

Кирилл Павлович тяжело вздохнул и оглядел всех нас.

– Садитесь в машину. Пока развезу вас по домам, всё расскажу.

Мы юркнули в полицейский бобик, и для меня стало боль-

шим удивлением, что я испытал какое-то странное облегчение. Наверное, причина была в воспоминаниях об этом месте – уж очень они были неприятными.

– Значит так, ребятки, дела у нашего с вами друга плохи. На Даню вышли через директора школы, застали его в вашем гараже, когда он собирался куда-то уходить. Привезли в этот интернат, оформили все документы. Хорошо, что ему дали право на звонок, так он хотя бы предупредил вас о том, что произошло. Его отца собираются лишать родительских прав. С тех самых пор, как он напал на Даню, его никто не видел. Возможно, уехал куда-то или запил у кого-то на квартире.

– Но, у Дани есть мать, – возразил Ромка. – Пускай забирает его к себе.

– Не всё так просто, – Ксюшин отец прочистил горло. – Как оказалось, его мать написала отказ от Дани, когда они развелись с его отцом.

– Вот же га...

– Так, Денис, полегче с выражениями!

– Простите, – буркнул я.

– Ребята, если хотите спасти своего друга, вам необходимо выяснить, есть ли у него ещё какие-нибудь родственники, которые могут стать его опекунами. Если никого не окажется, его отправят в детский дом.

После этих слов у меня сердце рухнуло в пятки. А ведь это всё из-за меня! Я должен был хоть что-то сделать, уговорить отца посодействовать, подключить связи, да самому

усыновить Даньку! Почему я ничего не сделал, когда было нужно?! Я опустил голову на колени, крепко сжав кулаки до боли. Что теперь делать? Как поступить?

– Но, Даня не говорил, что у него кто-то есть помимо родителей, – тихо произнесла Ксюша. – И...и как мы... Что мы...

– Милая, всё будет хорошо. Мы обязательно что-нибудь придумаем, я вам помогу. Но суть в том, что никто не знает этого парня так хорошо, как вы. От ваших знаний здесь зависит очень многое.

Я не мог перестать думать о друге. Голова разрывалась от мыслей – плохих мыслей. Остановиться не получалось. Сил больше не осталось. И тут я почувствовал на своей спине чью-то руку. Это была Лина.

– У меня есть просьба, – прошептала она мне в самое ухо. – Остайся сегодня со мной.

Я посмотрел на неё, не скрывая удивления. Остаться? Но, зачем? Вот только её глаза мне сами всё объяснили – ей было страшно, плохо и невыносимо тяжело. Я знал, что она чувствует к Дане, но меня до сих пор не покидала мысль, что какая-то часть всех этих отношений оставалась для меня скрытой. Я молча кивнул ей и обнял.

Нас высадили у дома Лины где-то около одиннадцати вечера. Мы зашли на кухню, включили свет, и первое, что сделала Лина – направилась к кофе-машине.

– Ты будешь? – спросила она.

– Да.

Через несколько минут она поставила две чашки на стол, но никто из нас не сделал и глотка. Мы сидели молча, думая над тем, что делать дальше. Но потом я вспомнил, в каком состоянии застал девушку перед тем, как сообщил ей о случившемся. Я поднял на неё глаза.

– Лина, расскажи, что с тобой произошло? Почему ты плакала, когда я пришёл?

Она помотала головой.

– Это сейчас неважно.

– Нет, Лина, важно, – настаивал я. – Я прихожу к своей девушке, а она ревёт на крыльце с наушниками в ушах.

Она молчала. Тогда я встал из-за стола, подошёл к ней и, присев, взял её руки в свои.

– Лина, да, я знаю, что сейчас наши головы забиты только Данькой. Он – мой лучший друг, но и ты не чужой мне человек, – я сделал паузу. – Мне не всё равно.

Она подняла на меня свои красные глаза.

– Сегодня к нам домой пришла моя мать.

– Ч-что? – опешил я.

И она мне всё рассказала. Зная историю девушки, мне даже было страшно представить, как тяжело ей далась эта встреча с непутёвой родительницей.

Мы перебрались в гостиницу, там она продолжила свой рассказ. Я обнимал её и не хотел отпускать. С ней мне было легче пережить всё то, что творилось вокруг. Да и она, ка-

жется, немного успокоилась.

– Но с этим я потом разберусь, – она утёрла слёзы. – Сейчас нам важно разобраться с Данькиной ситуацией.

Меня поражало то, что она могла вот так просто забыть о своих проблемах, чтобы спасти кого-то другого. Со мной она когда-то поступила точно также, и после этого я понял, что больше никогда в жизни не брошу эту девчонку.

Но всё-таки меня кое-что тревожило, и я очень надеялся, что ошибаюсь.

– Ты его любишь? – тихо спросил я напрямую.

Она удивлённо посмотрела мне в глаза, будто не поняла вопроса.

– То есть? – уточнила она.

Но я молчал. Хотел, чтобы она сама всё поняла.

– О, Господи! – она вскочила с дивана. – Дэн, ты это сейчас серьёзно?

– Да! – не выдержал я, вскочив следом за ней. – Ты... так привязана к нему. Вы с самого первого дня стали общаться, как давние знакомые, – я уже не понимал, что несую. – Я же вижу, как ты смотришь на него, как он смотрит на тебя... И я... просто... хочу понять, что же тогда между нами?

Лина смотрела на меня, как на сумасшедшего. Казалось, она была в ужасе от моих слов. Чёрт! Вот, с какого перепугу меня понесло?!

– Прости, – прошептал я, уже сто раз пожалев о сказанном. – Я...наверное, пойду.

Я направился в сторону коридора, но Лина перехватила меня за руку и развернула к себе. Мы молча смотрели друг другу в глаза, искали ответы хоть на какие-нибудь вопросы. И тут она обхватила меня руками.

– Послушай. Я знаю, как это выглядит со стороны, – спокойно начала она. – Да, со стороны может показаться, что я и Даня чуть больше, чем просто друзья, – она сделала паузу, – но это не так, и ты знаешь это. Пойми, он оказался первым человеком, с которым я познакомилась в этом городе, у нас нашлось много общих тем для разговора, да мы сами с Даней, как оказалось, очень похожи. Дэн, – прошептала она, – ты спросил, люблю ли я его. Да, люблю. Но так, как любила бы родного брата. Он с самого начала был мне как брат, но никогда чем-то большим, – Лина тяжело вздохнула. – Я знаю, когда люблю по-дружески, и знаю, когда люблю *по-другому*. У нас с Даней никогда ничего не было, и быть не может. Ты мне веришь?

И именно в этот момент я почувствовал себя настоящий кретином. Как я мог вообще усомниться в чувствах девушки, которая столько всего сделала для меня? Как я мог усомниться в верности лучшего друга? Они оба такое из-за меня проворачивали, что и подумать страшно, а я...

Я стыдливо опустил глаза в пол, а потом поднял снова.

– Я верю тебе, – прошептал я. – Прости меня. Я...не знаю, что на меня нашло.

– Всё в порядке, – ответила она.

И тут я понял – пора. Я должен был уже давно сказать ей это.

– Я люблю тебя, Лина, – я почувствовал, как осмелел.

В её глазах на долю секунды я засёк удивление, а потом увидел, как она расплылась в улыбке.

– И я тебя люблю, – прошептала она мне почти в самые губы.

После этих слов у меня сорвало крышу. Я прижал её к себе и начал целовать – так жадно и ненасытно, что боялся в один момент потерять всяческий контроль. Мысли куда-то улетучились, всё вокруг куда-то исчезло. Были только мы вдвоём. И больше никого. Я остановился не сразу, лишь, когда понял, что нахожусь на грани. Мы оба тяжело задышали, будто после изнурительной пробежки. Нам некуда было торопиться, и мы оба это понимали.

– Останешься со мной, – тихо попросила она. – Не хочу ночевать сегодня одна. Мне как-то жутковато после всего произошедшего. А дядя и тётя вернутся только завтра днём.

– Конечно, останусь, – я осторожно убрал прядь её светлых волос за ухо, – если тебе так спокойнее.

Она кивнула.

Мы ещё долго не ложились спать. Лина в подробностях рассказала мне о приезде своей матери: о том, как она уговаривала её поехать с ней в Италию, о том, что у Лины, оказывается, есть родная сестра, о том, с чего вообще началась эта история.

А я думал, что только у меня проблемы с родственниками. У Лины ситуация не лучше. Вот только меня не бросали и не вспомнили о моём существовании спустя столько лет. У нас с отцом хоть и сложные отношения и, да, порою они выходили за рамки дозволенного, но он никогда не бросил бы меня, как ненужную вещь. Я знаю, что он любит меня, несмотря на мои выходки, а я люблю его, несмотря на его вечную занятость и отсутствие времени на семью.

Оказалось, что из нас троих я был самым везучим. Меня не бросали родители, у меня не погибал брат, я никогда не терял, никогда не лишался чего-то ценного. Вернее, не лишался до сегодняшнего дня. Меня трясло от одной мысли, что я могу потерять лучшего друга. Данька – единственный, кто принимал меня таким, какой я есть, он всегда поддерживал меня, был рядом в трудные моменты, даже, когда я вёл себя, как идиот. Я не собирался никого терять, и был готов на всё, чтобы защитить тех, кого люблю.

Плавню наш разговор перешёл к самому Дане. Лина пыталась меня, хотела, чтобы я вспомнил хоть о каких-нибудь родственниках друга. Кроме матери у Даньки никого не было. Бабушки и дедушки? Но он никогда не говорил про них. Дяди и тётки? Тоже ничего не известно.

– Но должен же быть хоть кто-то? – не успокаивалась она. – Дальние родственники, может?

– Я про близких почти ничего не знаю, что уж говорить о дальних.

– Плохо дело.

Мы сидели в гостиной и смотрели кино почти до самого утра. Ни я, ни она не могли заснуть. Где-то под самое утро, когда начало светать, мы смогли немного вздремнуть.

Я проснулся в девять, но Лины рядом не было. Из-за сильного недосыпа моя голова грозила расколоться пополам. Я подошёл к зеркалу, которое стояло почти у самого окна, и ужаснулся от собственного вида: волосы торчат в разные стороны, тёмные круги под глазами, помятый вид.

Я позвал девушку чуть охрипшим голосом. Ответ раздался из кухни. Лина сидела за столом и размешивала ложкой горячий кофе.

– И давно ты не спишь? – спросил я, после чего поцеловал девушку в макушку.

– Где-то с семи, – она взглянула в сторону холодильника. – Завтракать будешь?

Мы приготовили омлет, поели через силу – кусок в горло не лез.

– Слушай, кажется, я знаю, как нам решить проблему с поиском родственников Даньки, – её голос прозвучал, на удивление, очень уверенно.

– Знаешь? – удивился я. – Как?

И только сейчас я заметил, что она держит в руке какой-то лист бумаги.

– Идея не самая удачная, но другого выхода у нас нет, – она подняла на меня уставшие, но очень серьёзные глаза. –

Одна я не смогу этого сделать. Ты мне очень нужен.

– Да, конечно, я с тобой, – я взял её за руку. – Что ты придумала?

Новость о том, что Даньку забрали представители опеки, за день облетела всю школу. Одноклассники были в недоумении, ведь никто не знал о том, что творится в его жизни на самом деле, даже Лиля, которая моему другу далеко небезразлична. Лина решила неправильным скрывать от девушки какие-либо подробности. Этот белокурый ангел, которому казалось, что она живёт в идеальном мире, мы приоткрыли занавес жестокой реальности. Лилия была в ужасе. Её излишне нежная натура никак не могла воспринять сказанное. Насилие? Бедность? Практически сиротство? Как такое могло происходить за её спиной?

Вот только Лина не дала девчонке раскиснуть. Она напрямую спросила у девушки, изменилось ли её отношение к Даниле после того, как она всё узнала. И я был чертовки рад, когда одноклассница отрицательно покачала головой. Наш человек!

– Ну и что, что Данька небогат, что у него проблемы в семье. Он – хороший человек. Это важнее, – сказала она.

Мы встретились после занятий и отправились втроём в центр города. Весь день Лина была напряжённая, нервничала, на одном из уроков чуть не сгрызла свой карандаш. Она до последнего молчала, ничего не говорила нам о своём пла-

не, уверила, что сама обо всём позаботится, но без нашего с Лилей присутствия девушка боялась не совладать с эмоциями.

Когда мы сошли с автобуса на нужной нам остановке, Лина не спешила вести нас в каком-то конкретном направлении. Подруга тяжело вздохнула, будто настраивалась на что-то, а потом сказала:

– Мы сейчас с вами пойдём в китайский ресторан «Ramen». Там нас будет ждать человек, который может помочь решить нашу проблему.

– Что за человек? – спросила Лиля, нервно убирая за ухо прядь светлых волос.

Несколько секунд Лина молча смотрела в сторону китайского ресторана.

– Моя мама.

Лина

Я до последнего пыталась отыскать другие пути решения. Но их не оказалось. Практически всю ночь я перебирала у себя в голове имена влиятельных людей, которые могли бы нам хоть как-то помочь, я даже отыскала телефонную книгу дяди Славы, вот только и там не нашла того, что было нужно. Представители бизнеса, риелторы, архитекторы – кто угодно, но только не те, кто был нужен.

Мысль о том, чтобы обратиться за помощью к Дарии не выходила у меня из головы. Она ясно дала понять, что является «большой шишкой» не только в Италии, где проживает уже много лет, но и в России. Она может иметь хорошие знакомства, а они, в свою очередь, могут помочь нам. Я созвонилась с ней накануне вечером, дрожащим голосом договорилась о встрече. Никак не ожидала, что она выберет самый дорогой китайский ресторан города. Интересно, она вообще знает, какой там ценник?

Мы зашли внутрь. Нас встретила приветливая девушка администратор и проводила за нужный столик. Мы заказали себе по стакану прохладительного морса и стали ждать Дарию.

Мои ноги под столом тряслись, так сильно я ещё никогда не переживала. Моя мать показалась мне своенравным че-

ловеком – если ей что-то не понравится, то построить разговор не получится. Она охотно согласилась на встречу, и я боялась всё испортить тем, что это не будет любезная беседа между матерью и дочерью. Я чётко дала ей понять, что мне нужна помощь. Только помощь и ничего больше.

Я подняла свои глаза на дверь ресторана, когда она зашла внутрь. Её эффектность, казалось, до сих пор не отпускает меня – она точно сошла с обложки глянцевого итальянского журнала. Дизайнерское деловое платье, туфли на высоком каблуке, брошенный на плечи жакет. Она подошла к девушке-администратору, и та указала на наш столик.

– Это...она? – от меня не укрылось выражение лица Дениса. – Вот это да!

Я недовольно закатила глаза. Ещё не хватало, чтобы он пускал слюни при виде Дарии!

– Миловидная женщина, – одобрительно кивнула головой Лиля.

– Да прекратите вы! – не выдержала я.

Я не злилась на ребят за их оценочное мнение. Просто эта женщина, от которой даже пахнет роскошью, не так проста, как может показаться на первый взгляд. Отречение, обман, предательство – вот её внутренняя составляющая. Она подошла к столику, широко улыбаясь нам.

– Аделина, детка, здравствуй! – она села напротив нас. – Ты не говорила, что с тобой будут друзья.

– Да, – протянула я. – Дария, это – Лиля, – я взглянула на

девушку, – а это – Денис. Мой молодой человек.

Я хотела посмотреть на её реакцию, но ничего примечательного не последовало. Она лишь кивнула ребятам, сказала, что ей приятно познакомиться.

– Ребята, а это – Дария, – и, скребя сердцем, добавила, – моя...мама.

Ребята приветливо кивнули ей.

– Итак, – Дария деловито сложила руки в замок, – я слушаю вас, ребята.

Ответственность за этот разговор я изначально решила взять на себя. Лиля и Денис только добавляли различные детали в наш разговор, дополняли меня. Я чётко и кратко изложила ей всю ситуацию, объяснила, насколько важен для меня человек, которому грозит провести минимум полтора года в детском доме. Я не знала, оценит ли Дария то, что я готова на многое ради спасения Даньки, но она же тоже человек, должна иметь хоть немного сочувствия.

Она слушала очень внимательно, не отвлекалась на телефон или роллы, которые она заказала. Я очень хотела только одного – чтобы она поняла нас, поняла наши переживания и тяжесть положения. Моя мать была в этом городе новым человеком, но по всей стране имела неплохие связи. Я как-то резко оборвала свой рассказ, сама не знаю, как так вышло. Дария молча посмотрела на нас несколько секунд, а потом произнесла:

– Так, я вас услышала. Но, что вы от меня хотите?

– Я знаю, что у тебя много влиятельных знакомых, – осторожно начала я. – Уверена, в твоём окружении есть люди, которые смогут помочь нам найти хоть каких-нибудь родственников Дани, – я нагнулась вперёд. – Пожалуйста, помогите нам.

Она не переставала глядеть на нас как-то изучающе. Переводила взгляд с меня то на Лилю, то на Дениса, который всё это время под столом крепко держал меня за руку. Мне так было легче пережить эту встречу. Мы терпеливо ждали ответа, но она не спешила с ним. Дария. Мучает меня даже сейчас!

– Скажите мне, пожалуйста, для вас это действительно так важно?

Я чуть со стула не рухнула от этого вопроса. Она издевается?! Мы, значит, ей тут в деталях и красках описали то, что несколько лет подряд происходило с нашим другом, а она это всё воспринимает за ерунду какую-то? Я была зла на эту женщину всю свою жизнь, не понимала, почему она бросила меня и не вернулась ещё тогда – несколько лет назад. Она появилась только сейчас, когда уже я в ней перестала нуждаться.

– К-конечно! – не выдержала Лилия. Глаза у подруги округлились от этого вопроса. – Даня не заслуживает подобного отношения к себе. Он – самый добрый и бескорыстный парень на свете. И, если мы хоть чем-то можем ему помочь, то не станем упускать даже малейшую возможность.

Я не переставала следить за ней. Неужели откажет? Неужели она воспримет наш крик о помощи, как глупость?

– Дария, – в разговор вступил Денис, – прошу вас, пожалуйста, помогите нам, если это в ваших силах. Пропадёт парень, если мы ничего не сделаем, – его слова звучали искренне. – Мы заплатим, если необходимо. Любую сумму, какую только назовёте. Только помогите.

Нет, ну не может же она так поступить!

Дария снова подняла на нас глаза. На мгновение мне показалось, что она вот-вот согласиться, но её лицо вновь приняло серьёзное выражение.

– Ребята, послушайте, что я вам скажу. Я вижу, что вы люди умные, которые понимают всю серьёзность проблемы. Вы хотите спасти друга, и это похвально, – она сделала паузу. – Но неужели вы действительно считаете, что спасаете того человека от того, что ему грозит?

– Что? – вырвалось у меня.

– Милая, ваш Даня – парень не из самой обеспеченной семьи. Кто его отец? Алкоголик. Кто его воспитывал? Улица. Поймите же, из таких людей никогда ничего хорошего не выходит. Я очень надеюсь, что у этого мальчика всё будет хорошо, но не факт, что он не повторит судьбу собственного родителя, – она сделала паузу. – А его мать? Вот кто просто так берёт и бросает детей...

– А то, что ты меня бросила, не забыла об этом? – я больше не видела смысла сдерживаться.

Эта женщина – самолюбивое мерзкое существо, которому чуждо такие понятия, как: любовь, бескорыстие, преданность, дружба, человечность... здесь и сейчас, сидя прямо передо мной и моими друзьями, она показала своё истинное лицо. Я поняла, что у меня есть причины ненавидеть её до конца своих дней.

Дария стыдливо опустила глаза в стол.

– Аделина, в нашем случае совершенно другая история.

– Неужели? Ты бросила меня, не навещала, не звонила столько лет, – я была на грани истерики. – Зачем же ты явилась сейчас?

– Аделина, что за вздор! – Дария недовольно махнула своими длинными волосами. – Я всё тебе объяснила в прошлый раз.

Я поняла, что этот разговор не для посторонних ушей.

– Дэн, Лиля, подождите меня, пожалуйста, на улице.

Ребята, не задавая лишних вопросов, встали из-за стола, и вышли из ресторана. Мы остались вдвоём.

– И что это сейчас было? – опять её недовольный голос. – Зачем вынесла ссору из избы?

Я молча смотрела на неё глазами, полными ненависти. Как она может так поступать со мной? Чем я заслужила такое отношение?

– Зачем ты пришла в наш дом? – спокойно спросила я.

– Что?

Нет, она, действительно, из себя дурочку строит!

– Зачем ты пришла в наш дом? – повторила я.

– Я пришла увидеть тебя. Я же – твоя мать.

– Ты мне не мать! – выкрикнула я ей в самое лицо.

Она даже подпрыгнула на месте от неожиданности, но промолчала.

– Ты дала мне жизнь, за это тебе спасибо. Больше мне благодарить тебя не за что, – по моим щекам покатались слёзы. – Раз ты приехала, раз ты так хотела встречи, то, почему не хочешь, для начала, наладить контакт со мной? Думала, я встречу тебя крепкими объятиями, буду интересоваться тем, как ты шикарно живёшь в своей Италии и проводишь с тобой всё своё свободное время? Ха! Кто ещё из нас наивный ребёнок?! – я почувствовала, как покраснелось моё лицо. – Я ничего у тебя не просила, не требовала, не вымогала. Всё, чего я хотела – чтобы ты помогла найти родственников моего друга, который находится в большой беде. Ты и от этого нос воротить.

Я перестала наблюдать за ней, мне было уже всё равно. Мне лишь хотелось выплеснуть на неё всю ту злость, которая копилась внутри меня годами.

– Аделина...

– Единственным правильным поступком, который ты ещё можешь сделать, станет твоё исчезновение из моей жизни, – я подняла на неё глаза. – Уезжай обратно в Италию, передай от меня привет Софии, на неё у меня нет причин злиться. Забудь о моём существовании, не ищи попыток связаться со

мной. Я этого не хочу.

Я встала из-за стола и направилась в сторону выхода.

– Детка, стой! – Дария настигла меня у самой двери и схватила за руку.

Её макияж размазался от слёз.

– П-прости меня, милая, – казалось, она не привыкла говорить такие слова. – Я просто не вижу смысла во всей этой затеи.

Я повернулась к ней.

– Даня – очень дорогой мне человек. Он оказался первым в этом городе, кто стал мне настоящим другом, – я перевела дух. – Я стала невольным свидетелем того, как его избил собственный отец, я и мои друзья прятали его в нашем гараже, чтобы опека как можно дольше не могла его найти, а теперь я не сплю ночами, думая, как же ему помочь. Я надеялась, что тебе не станет безразлична судьба этого человека, а оказалось...

Я не смогла договорить, просто не нашла сил. Мне оставалось только выйти из ресторана и направиться в сторону остановки к друзьям, вытирая слёзы бумажной салфеткой, которую я забрала со столика.

Глупая! На что я надеялась? Эта женщина не интересовалась мной в априори, так зачем ей интересоваться судьбой какого-то безызвестного ей парня? Я была разбита, была зла из-за несправедливости и собственной беспомощности. Что теперь делать? Как быть? Я не знала.

Мы с Денисом проводили Лилю до дома, я поблагодарила её за то, что она небезразлична к ситуации Дани. Девушка просила держать её в курсе, обещала сама подумать над решением проблемы.

Денис ещё долго не давал мне уйти домой, переживал, что тётя и дядя поймут, что что-то произошло, взглянув на моё зарёванное лицо. Я им сказала, что задержусь в школе из-за подготовки к очередной годовой контрольной, превратив мои красные глаза в объективную видимую причину. Я была ему безумно благодарна за то, что он был рядом, за то, что помог мне пережить эту тяжёлую встречу. Он держал меня за руку, обнимал, говорил такие ласковые слова, что мне, и правда, становилось легче. Не думаю, что я смогла бы справиться без него со всем этим. А ведь Дэну самому было нелегче, чем мне.

Мы погуляли по набережной, посмотрели на первых туристов, которые плескались в ещё прохладном море, будто дети, съели по мороженому, посидели на берегу. Казалось, что на какое-то время меня отпустило, но надолго ли?

– Не переживай, – шептал мне Денис в самое ухо. – Мы что-нибудь придумаем. Может, я смогу уговорить отца, чтобы он помог нам.

Морские волны грозились вот-вот дотянуться до подошв моих кроссовок.

– Мне кажется, что взрослым всё равно на нас и наши проблемы, – в сердцах выдала я.

– Лина, если Дария отказалась помогать нам, это не значит, что всем наплевать на судьбу дорогого нам человека.

– Я никак не ожидала услышать от неё такие слова, – я уткнулась другу в плечо. – Как она вообще могла сказать подобное?!

– Тише, – он погладил меня по голове, – забудь об этом, не думай о ней и о том, что она сказала. Только сильнее себя расстроишь.

– Я не могу не думать, – призналась я. – Я скоро так с ума сойду!

– Всё будет хорошо, я обещаю тебе, – он обхватил моё лицо руками. – Веришь мне?

Я посмотрела ему в глаза и кивнула головой. Я не была уверена, но хотела хотя бы почувствовать что-то твёрдое под собственными ногами – уверенность хоть в чём-то.

– Спасибо тебе, – прошептала я.

– За что? – удивился парень.

– За то, что согласился пойти со мной на эту встречу. Одна бы я не смогла этого сделать.

– Лина...

– Нет, правда, – перебила я его. – На момент нашего знакомства я считала тебя избалованным мажором и последним эгоистом.

– Вот спасибо...

– Не перебивай, – я снова подняла на него глаза. – Я очень сильно ошибалась. Прости за это. Ты очень много для меня

значить, и я не готова потерять ещё и тебя.

– Так, Лина, притормози, – он серьёзно посмотрел на меня. – Запомни, ты никогда никого не потеряешь, слышишь? Ты не потеряешь дядю с тётей, не потеряешь друзей, не потеряешь Даню и уж тем более меня, – его тревожный взгляд стал результатом моих слов. – Мы справимся, найдём выход. Не надо так себя истязать.

После этих слов он осторожно поцеловал меня, а потом обнял.

Может, друг прав? Не стоит доводить себя до страшного состояния. Я больная не помогу Дане, и особенно не смогу помочь самой себе. В последнее время я что-то совсем раскисла, да ещё и отказ матери в помощи грозился добить меня окончательно.

Успокоиться я смогла только ближе к вечеру. Прохладный морской воздух постепенно приводил в чувство, да и присутствие Дэна рядом придавало уверенности и сил. Парень проводил меня до дома, уже собирался поцеловать на прощание, как на территории дома показалась чья-то фигура. Это был дядя Слава. Он серьёзно смотрел на нас через ограду, а я была готова сквозь землю провалиться от стыда. А если бы мы всё-таки поцеловались? Прямо у него на глазах! Ни Ольге, ни ему я не раскрывала подробности своей личной жизни. Я не знала, почему скрывала то, что встречаюсь с сыном партнёра дяди – Максима Гранина. Наверное, причина была в напряжённой обстановке, которая царилла дома

в последнее время. Я перевела испуганный взгляд на Дениса, и даже в тусклом свете фонарей я заметила, как его лицо покраснело. Да уж... неловко получилось.

Дядя Слава не стал тянуть – он просто двинулся нам навстречу, держа в руках телефон. Он вышел за территорию дома и с интересом посмотрел на нас, но что-то мне показалось странным – искорка строгости, которая совершенно ему не присуща.

– Денис? – он оценивающе посмотрел на парня, будто видел его впервые в жизни. – Так вот, с кем проводит своё свободное время моя дочь.

Я вытаращилась на Славу умоляющим взглядом, мол: «Прошу, молчи! Клянусь, я тебе сама всё потом объясню. Только не спрашивай ни о чём сейчас».

Денис смущённо опустил глаза в землю, но потом поднял их на мужчину.

– Добрый вечер, Вячеслав Александрович, – уверенно поздоровался он.

Краска ещё не отлила от его лица.

– Здравствуй, – ответил дядя. – Мне нужно с вами поговорить.

– О чём? – осторожно уточнила я.

Не очень сильно хотелось слушать воспитательную беседу о взаимоотношениях парней и девушек. Я тогда точно сгорю от неловкости.

– Вячеслав Александрович, вы всё не так поняли...

– Денис, не нужно оправдываться, я не по этому поводу, – перебил он набравшегося смелости мальчишку. – Хотя... пару минут я всё же попрошу тебя мне уделить после разговора?

– Разговора? – я вообще перестала что-либо понимать. – Дядя, что происходит?

– Мне сейчас звонила Дария. Я вышел из дома, чтобы Ольга не слышала разговор, – он серьёзно посмотрел на нас. – Она сказала, что вы встречались с ней сегодня. Это правда?

Теперь и до дяди Славы эта дамочка добралась!

– Да, правда, – не стала врать я. – У нас серьёзные проблемы, вернее, у нашего друга.

– У какого друга? – дядя был настроен серьёзно.

– Не думаю, что вы его знаете, – продолжил Денис. – Его зовут Даниил Февралёв, он учится с нами в одном классе.

– Почему же не знаю? – Слава скрестил руки. – Знаю. Он как-то встречал Лину у нашего дома.

От меня не укрылось, что Денис перевёл удивлённый взгляд на меня. Я предполагала, что этот факт из моей жизни и жизни его лучшего друга станет ему интересен.

Я посмотрела ему в глаза.

– Это в тот самый день, когда мы смотрели у него кино, – пояснила я. – Ну, ты понял.

И он правда понял, о каком именно дне я говорю – когда Даню чуть ли не до смерти пытался забить собственный отец.

– С ним что-то случилось? – спросил Слава, пытливо глядя на нас.

– Скажем так, у него семейные проблемы, – ответила я. – Дане грозит оказаться в детском доме. Мы встретились с Дарией, чтобы она помогла нам найти хоть каких-нибудь родственников, которые могут оформить опеку над ним. Я знаю, что у неё есть связи даже в нашей стране. Я решила, что она нам поможет. Но она...отказала.

– А, что с его родителями? – глаза мужчины расшились от удивления.

– Неприятности в семье, – я была благодарна Денису, что он избавил меня от пытки отвечать на этот вопрос. – Мы хотели просто попытаться.

– Дядя Слава, это была моя идея, – призналась я. – Не самая удачная. Но я не знала, что делать.

Он долго смотрел на нас с Дэном, смотрел изучающе, с неприсущей ему строгостью.

– Уже, вроде, не маленькие дети, а ведёте себя хуже первоклашек! – громко сказал он, после чего посмотрел на меня. – Почему ты сразу не обратилась ко мне, Лина?

– Потому что не хотела портить впечатление о Дане! – выпалила я. – Он не из нашего социального круга, он беден, берётся за любую работу, которая ему только попадётся, чтобы просто прокормить себя и отца, который все свои заработанные копейки тратит на алкоголь. Я боялась, что вы с Ольгой запретите мне общаться с таким парнем, просто потому что

он не такой, как мы, – я перевела дух. – Но он – невероятный человек: добрый, светлый, открытый, честный. Я не могла его бросить в такой ситуации, – перевела взгляд на Дениса и взяла его за руку. – Мы не могли.

Бедный дядя Слава. Сколько же ему пришлось узнать нового о моей жизни за один вечер!

– Нам, правда, безразлична его судьба, – продолжил Дэн. – Мой отец никак не может принять тот факт, что мой лучший друг – бедный парень. У него было бесполезно просить помощи, особенно после того, что недавно пришлось пережить нашей семье, – он точно вспомнил дело о поджоге. – Я виноват, что не смог разобраться с этим делом сам, как мужчина, за что прошу прощение у Лины и вас.

Я не ожидала услышать от друга такое серьёзное признание. Мне оставалось лишь удивлённо смотреть на него и чувствовать, как его рука крепче сжала мою ладонь.

– Я знал о том, что для Лины эта встреча станет настоящим испытанием, и, понимая это, я всё равно не остановил её.

– Дэн...

– С тебя хватит, – серьёзно произнёс парень, глядя мне в глаза. – Дальше я сам.

– И что ты сделаешь сам? – вступил в разговор дядя Слава.

Он смотрел на нас с лёгкой усмешкой. Нет, в его взгляде не было ничего злого или издевательского, напротив – мне показалось, что он чуть ли не умилялся происходящему.

Денис молчал, сделал вид, будто серьёзно думает над вопросом.

– Так, – дядя хлопнул в ладоши, – сами вы в этой ситуации ничего не сделаете, для этого нужны связи и хорошие знакомства. Сделаем по-другому: дадите мне кое-какую информацию о вашем Дане, и я попробую что-нибудь сделать.

Я вытаращила глаза.

– Правда поможешь? – с опаской спросила я, будто ожидала от дяди подвоха.

Он кивнул головой.

– Я знаю человека, который точно сможет помочь, – уверил он, – поэтому вам не нужно влезать в приключения. А то натворите ещё чего-нибудь на свою голову, а нам – взрослым – потом отдуваться.

И почему я сразу не обратилась за помощью к своим родным, а решила пойти сложным путём? Зачем только я обратилась за помощью к матери, зная, что она палец о палец не ударит, чтобы помочь мне? Возможно, я просто хотела получить от неё внимание, поверить в том, что я могу быть ей небезразлична. Глупо! И время это показало.

Я расплылась в улыбке и обняла дядю Славу.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Пожалуйста. Только Ольге ни слова об этом, – предупредил он. – А то могут быть проблемы.

Я и Денис одновременно кивнули, тем самым дав клятву молчания.

Вечером я предоставила дяде всю возможную информацию, которую знала о Даньке. Честно говоря, никаких сложных фактов и не потребовалось: ФИО, дата рождения, адрес проживания, все возможные родственники. Слава пообещал помочь, и я не сомневалась, что он сможет.

После того, как ситуация сдвинулась с мёртвой точки, я впервые спокойно провела вечер. Всей семьёй мы впервые за долгое время собрались за ужином. Конечно же, в столь позднее время о готовке и речи идти не могло, поэтому мы заказали еду из одного местного ресторана. Вечер прошёл в такой тёплой и умиротворённой атмосфере, будто и не было никаких проблем, которые неожиданно свалились на нашу голову. Я смотрела на Ольгу и Славу, думая о том, что для счастья мне большего и не нужно. Пускай Дария возвращается в свою Италию, продолжает жить своей жизнью и больше не беспокоит нас. Скоро решиться вопрос с Даней, и тогда всё окончательно встанет на свои места. Мы с ребятами сделали всё, что смогли – осталось только ждать.

Даня

Первые несколько дней заточения в интернате временного содержания стали самыми адскими в моей жизни. Не стану скрывать – в какой-то момент мне показалось, что разум вот-вот навсегда попрощается со мной. Этого как раз-таки я и боялся.

Я без конца прокручивал в голове тот самый день, когда до меня добрались представители опеки. Я шёл в центр, хотел немного поиграть на набережной перед новыми гостями города, да и лишние деньги не помешали. Какое же у меня было хорошее настроение!

Казалось, моя жизнь постепенно начала налаживаться. Я отлично обустроился в гараже и больше не переживал каждый раз из-за того, что отец, придя после очередной посиделки в баре, начнёт кричать на меня без причины или ещё того хуже – распускать руки. На душе стало спокойно, меня больше не мучала бессонница, я не вздрагивал от каждого шороха, сам я, казалось, обрёл какую-то внутреннюю умиротворённость.

Впервые за очень долгое время я начал строить планы на жизнь. Решил, что мне необходимо двигаться дальше – двигаться решительно, несмотря на все возможные трудности и испытания, которые могут ждать меня впереди. Моей целью

стало музыкальное направление – это моя жизнь, то, без чего я сам себя не могу представить. После выступления я как будто раскрылся, обрёл уверенность, которой раньше у меня не было, будто понял, что нашёл то самое. После окончания школы я планировал уехать из этого города и начать всё сначала. Несмотря на то, что у меня здесь всё – Дэн, Лина, ребята и Лиля, я всё равно пойду своей дорогой, но не потеряю их. Они – самое дорогое, что есть в моей жизни, и я буду горой стоять за то, чтобы наши с ними пути никогда не разошлись.

Такое решение было нелегко принять, особенно после того, как я начал общаться с Лилей. Несколько раз я провожал девушку со школы домой, звал на прогулки, а совсем недавно решился пригласить её на настоящее свидание. Зная, что девушка из очень обеспеченной семьи, я не решился показать ей мир, в котором живу. Накопленных денег не хватало на дорогой ресторан, золотое украшение или сто белых роз, поэтому я решил поступить иначе – купил хорошие продукты, несколько бутылок местного фирменного лимонада в стекле, попросил у Ромки «походный» плед и в день свидания зашёл в цветочный магазин за цветами.

Мы с девушкой поехали на дикий пляж на пикник. Мы ели свежие вкусные бутерброды, пили лимонад, гуляли по берегу, болтали обо всём на свете и слушали музыку, а букет белых хризантем покоился в ласках морского бриза. Никакой неловкости не было, всё было просто и без напряжения,

будто знали друг друга миллионы лет. Мы провели чудесный день вместе, который я запомню надолго. Около десяти вечера я проводил Лилию до дома, а потом, к моему удивлению, когда я уже был готов уходить, девушка поймала меня за руку, развернула к себе и...поцеловала. Моё сердце в тот момент сделало тройное сальто, упало, а потом резко подскочило. В тот момент я был совершенно счастлив! В тот момент я верил, что теперь всё будет по-другому.

Но всё испортил красный сигнал светофора...

Я отошёл от нашего гаража буквально на несколько метров. Направляясь на набережную, я не успевал перейти дорогу на зелёный – оставалось всего пару секунд – решил дождаться следующего. Вот тогда меня и заметили. Женщина из опеки вместе с Маргаритой Артуровной – директрисой нашей школы – как оказалось, давно меня выслеживали. Как они вообще вычислили моё местоположение – так и осталось для меня загадкой.

Я никогда не забуду взгляд Маргариты Артуровны – она чуть ли не плакала, когда меня усаживали в машину. Я был в замешательстве, очень удивился поступку той, кто защищала меня столько лет, кто дала мне шанс на достойную жизнь и никогда не упрекала за промахи, но одно я всё-таки смог осознать – женщина просто устала. Нелегко скрывать семейное положение мальчишки, который вырос у тебя на глазах, который пережил столько испытаний и стал в итоге настоящей обузой. Перед тем, как дверь автомобиля захлопнулась,

она прошептала одними губами: «Прости». Так, простил ли я? Сложно ответить на такой непростой вопрос. Ещё слишком рано делать какие-то выводы.

Когда меня привезли на место, гитару, рюкзак и мобильный телефон тут же отобрали. До этого я успел сделать звонок – сообщить Дэну о ситуации. Меня оформили. Я испытал настоящий страх – панику за собственную жизнь и своё ближайшее будущее. У меня тряслись руки, глаза бегали по страшным коридорам и неестественно спокойным людям. Всё усугубилось, когда меня поселили вместе с группой парней. Нас было пятеро в комнате, но, в отличие от меня, все присутствующие выглядели так, будто только что вышли из колонии для малолетних преступников. Знакомство закончилось синяком под глазом и разбитой губой. «Дикие зверята» – так я прозвал этих людей.

Ночью никто из нас не спал. Местный главарь – громила по имени Витёк, угрожая серьёзной расправой, просто не давал никому этого делать. Я просто лежал на своей койке и пялился в потолок, думая, как же мне избежать надвигающегося ужаса. Но Витьку и это не понравилось. Он снова начал донимать меня, бросаться грязными словами, хотел снова пустить в ход кулаки, но не тут-то было. Все плохие воспоминания из горечи в этот момент превратились в приступ страшной злобы. Я вспомнил абсолютно всё: смерть брата, исчезновение мамы, пьянки отца, вечное безденежье, нескончаемый страх за собственную жизнь и предательство

директрисы школы – женщины, которой я доверял. Взрыв!

Я не стал ждать – просто набросился на громилу с бандитской рожей и из-за всех сил прижал его к стене. Мне было уже всё равно: драться, так до конца; отстаивать свои границы, так, не прекращая; погибать, так с достоинством. Я не сказал этому парню ни слова, зато не прекращал смотреть ему в глаза, еле подавляя рвавший наружу рык. Взгляд или настойчивость, но он усмирил свой пыл и больше не трогал меня весь тот следующий день, который нам пришлось провести в одном помещении.

Громилу забрали на следующий вечер, и без его присутствия стало гораздо легче. Я наконец-то познакомился с парнями, которые всё это время находились под гнётом рыжеволосого Витька. Они оказались вполне себе неплохими людьми: один ещё в раннем детстве потерял родителей, остался на попечении своего деда, но того не стало неделю назад. Других родственников у него не оказалось, поэтому следующие два года, до тех пор, пока ему не исполнится семнадцать, он проведёт в детском доме.

У второго парнишки жизнь тоже была не сахар – мать не была в состоянии воспитывать его вместе с младшей сестрой, которая находилась буквально на этаж выше нас. Мелкое воровство, взлом ларьков, нахождение в банде – все дурные поступки только ради того, чтобы не умереть от голода. А ведь даже по разговорам я мог судить о том, что он не глуп – говорил грамотно, чётко и уверенно. Я был уверен, что,

несмотря на все трудности, его жизнь сложится, особенно, если ты несёшь ответственность не только за себя, но и за другого человека.

Третий и самый младший из нас – четырнадцатилетний Ян – вообще сбежал из приёмной семьи. Нет, они не были плохими людьми, напротив, заботились и проявляли заботу, но, когда ты буквально с пелёнок меняешь детские дома один за другим, то, находясь под чьей-то опекой, теряешь ощущение свободы и вседозволенности, которое было с тобой на протяжении всей жизни. Он и сам это понимал, но ничего не мог с собой поделать. Оставалось лишь надеяться, что парнишка рано или поздно поймёт, что скитаться одному в этом мире – не выход, и найдёт в себе силы прожить эту жизнь счастливо.

Вот они мы – четверо мальчишек, чьи жизни так сильно изменила злодейка-судьба. Хотя, почему же она злодейка? Только потому что мы столкнулись с серьёзными испытаниями, потому что сбились с пути, потому что напуганы и растеряны? Нет. Ненависть и злость – это, однозначно, не моя история. Я потерял слишком много, прошёл через такие тернии, что уже просто не могу сдаться.

Мне всё ещё хотелось верить, что спасение рядом, что всё ещё может наладиться, но проходили дни, и никаких изменений не было. За всё то время, что я провёл на содержании, меня несколько раз были готовы вот-вот отправить в детский дом, но что-то постоянно мешало им осуществить задуман-

ное.

Не стану скрывать, в мою голову не раз посещали мысли о побеге. Всё время я представлял себе этот странный и в то же время желанный момент: были и плюсы, но всё же больше минусов. Жить как беглый преступник, только в статусе детдомовского беженца, мне не хотелось. Я без проблем мог позаботиться о себе, заработать хотя бы на корку хлеба и самое скромное жильё, которое можно было только себе представить, лишь бы не жить, как в тюрьме. А там мне исполнится восемнадцать лет, и я смогу жить полноценной свободной жизнью, не боясь лишней раз выходить на улицу и трястись, как щенок из-за каждого постороннего звука.

Одно я понял твёрдо – я не имею права сдать! Я не был готов пожертвовать остатками сил, веры, мужества, в конце концов. Мне пришлось слишком рано повзрослеть, пройти через страшное не для того, чтобы всё закончилось так печально. По крайней мере, как бы не закончилось эта история, даже при самом страшном раскладе я не был готов отступить. Было тяжело, временами невыносимо больно и страшно, но мысль о том, что моя судьба зависит только от меня, не давала мне упасть на колени.

Я верил в счастливый конец, как наивный ребёнок, ждал чуда, как последнюю надежду на спасение, и только то, что я не позволял себе перейти черту, всё ещё позволяло мне оставаться человеком.

Наивного чуда не произошло. Спустя несколько дней после того, как меня забрали представители опеки, детский дом, который находился на самой окраине нашего города, распахнул для меня свои решётчатые двери.

Тот день, кажется, навсегда отпечатается в моей памяти, как один из самых ужасных в моей жизни. Мне не привыкать общаться с абсолютно разными людьми, пытаться находить общий язык или, напротив, выпутываться из конфликтов, но то, что я увидел в стенах этого детского дома, поразило меня до глубины души.

Я ожидал, что местная шпана встретит меня наездом и кулаками, но всё сложилось совершенно по-другому: парни, примерно моего возраста, удивили меня своим тёплым приёмом и последующим хорошим отношением. Как и положено, в каждой банде имелся свой лидер, а в группе, в которую попал я, им оказался семнадцатилетний парень по имени Драгомир. Чистокровный цыган с приветливой улыбкой сначала не вызвал у меня доверия только потому, что стал единственным, кто заговорил со мной в первый день моего пребывания. Но, приглядевшись к нему поближе, я понял, что Драго – негласный служитель закона, который следит за порядком в учреждении и участвует в улаживании совершенно всех конфликтов, которые периодически возникают среди воспитанников. Строгий и серьёзный, справедливый и беспощадный. Не было значение – малыш ты или выпускник – со всеми он умел находить общий язык, всех за-

ставлял отвечать за свои слова и поступки.

Благодаря Драго, в детском доме царило спокойствие, по крайней мере, инцидентов было очень мало. За несколько дней моего пребывания в этом месте, я стал полностью доверять этому парню. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я помогал ему с делами, даже подсобил ему и физруку в подготовке площадки и инвентаря для внеочередного спортивного соревнования, в котором сам же потом и поучаствовал.

Несмотря на то, что дела шли не так уж и плохо, всё же я очень сильно хотел обрести свободу и встретиться с друзьями. Я скучал по своим ребятам, скучал по Дэну и его шуточкам, скучал по Лине и нашим духоподъёмным разговорам, скучал по Лиле и её объятиям. У меня было время подумать над всем, что со мной происходило в последнее время, и я принял для себя решение: если мне суждено провести в этом месте ближайшие полтора года, я готов потерпеть, чтобы потом прожить достойную и счастливую жизнь. Я не опущу руки, не скачусь на дно – буду держаться, чтобы стать достойным яркой жизни.

Однажды Драго подошёл ко мне после ужина и затеял интересный разговор:

– Слушай, Дань, я хотел с тобой поговорить, – начал он, присаживаясь на скамейку рядом со мной.

До отбоя было ещё несколько часов, поэтому я решил насладиться уходящим солнцем вместо того, чтобы сидеть в затхлой комнате.

– Я тебя слушаю, – произнёс я, подставив лицо тёплому солнцу.

– Через два месяца мне стукнет восемнадцать, – его голос прозвучал как-то по-наставнически. – Как только этот день настанет, я покину детский дом.

Его признание меня слегка удивило. Я прекрасно понимал, что совершеннолетие – ключ к свободе. Но, почему Драго говорит это мне? Я поднял на него глаза.

– Я хочу, – продолжил он, – чтобы ты занял моё место после того, как я уйду. Если, конечно, ты не покинешь это место раньше.

Я смотрел на Драго и не понимал, к чему он клонит.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Понимаешь, – он тяжело вздохнул, – я десять лет своей жизни прожил в атмосфере полного хаоса и беспорядка. Цыгане – народ вольный, мы ценим свободу, но я из тех, кто ненавидит безалаберщину. Именно поэтому я не хочу, чтобы пропало всё то, что я смог создать на территории этого места, – он обвёл рукой вокруг. – Я хочу, чтобы меня заменил человек, который ценит порядок так же, как и я, – Драго зорко взглянул на меня. – И этот человек – ты.

Пауза.

– Ты не похож на типичного детдомовца, – продолжил он. – Ты не собираешься в дальнейшем прожигать жизнь, как на это нацелены многие ребята, не собираешься пускать всё на самотёк, – его тёмные глаза странным образом блеснули

в лучах уходящего солнца. – Мне нравится, что в этом мы с тобой похожи. Ты – дисциплинированный человек, ответственный и сильный. Именно поэтому я знаю, что могу положиться на тебя.

Его странное, но, вполне, понятное предложение каким-то образом смогло задеть что-то внутри меня. Не уверен, воспрянувшее ли чувство гордости дало о себе знать или непонимание того, что происходит, но то, что Драго разглядел во мне что-то стоящее, заставило меня воспарять духом.

– Ты – хороший парень, Данька, – одобрительно качнул он головой, после чего потрепал по плечу. – Не позволяй никому отобрать это у тебя. А по поводу того, что я тебе сказал, всё-таки подумай. В твоих силах вести людей за собой. Да и этот опыт сделает тебя только сильнее.

Сделает только сильнее...

Я с самого первого дня понял, что Драго отличается от других детей, которые здесь живут. Он был не по годам умён, рассудителен, говорил грамотно и, казалось, был способен видеть людей насквозь. Для меня до сих пор остаётся непонятным, что такого особенного он разглядел во мне. Но его слова стали для меня своеобразным толчком вперёд. Я вдруг осознал, что, если человек способен разглядеть во мне потенциального лидера, человека, который способен завоевать доверие людей, то и в реальной жизни есть шансы на успех.

Я улыбнулся, кивнул приятелю и он, удовлетворённый моей реакцией, ушёл в корпус.

Мне всё ещё было трудно держать свои мысли под контролем, я переживал, что однажды они вырвутся наружу и навредят мне самым беспощадным образом. Однако, с каждым днём нахождения здесь, я учился абстрагироваться от проблем, ища различные пути решений. В детском доме нелегко думать о светлом будущем, но обещание, данное самому себе после гибели брата, было сильнее всяких страхов и предрассудков. Я хотел жить, хотел быть счастливым и делать счастливыми дорогих мне людей. Насмотревшись на семейные драмы, мне оставалось только сделать выводы – не повторять чужих ошибок. Зачем мне наступать на чьи-то грабли, если я в глаза ещё и своих не видел?

Я снова подставил лицо к солнцу и улыбнулся. Сам не знаю, почему я это сделал, но был уверен, что именно такой настрой позволит мне перевернуть страницу и начать писать историю своей жизни сначала.

Спустя три недели моего пребывания в детском доме, я почти привык к местному укладу, правилам, а, главное, к людям. Со временем боль, которая неустанно развала мою душу на части, постепенно утихла, уступив своё место неумиряющим надеждам.

За окном был июнь – лето стало возможностью отдохнуть от учёбы и заняться более важными делами. Большинство своего свободного времени я проводил с Драго и нашей компанией, которая всё так же следила за порядком на терри-

тории детского дома. Мы договорились с местным руководством об одном нехитром деле: раз уж нам приходится жить в этом месте без возможности вернуться домой, почему бы не сделать так, чтобы эти старые корпуса хоть чем-то наполнили нам то, куда раньше мы так стремились возвратиться? Вместе с физруком и ещё некоторыми сотрудниками мы начали благоустраивать территорию. Как ни странно, но эту идею хорошо восприняли даже те, кто проклинал это место всеми возможными словами. Не спеша мы трудились над тем, чтобы облегчить свои жизни в этом месте, и в этом был смысл, ведь каждому, даже тому, кто никогда не показывал этого, не хватало места, которое они могли назвать домом.

– Февралёв! – раздался голос издалека.

Я как раз таскал старые доски, расчищая место за корпусом для новой площадки. Кому там опять что-то нужно?!

Я бросил доски и обернулся.

Ко мне направлялась девчонка из старшей группы, засунув руки в карманы Джинс – Ася.

– Что такое? – спросил я, вытирая мокрый лоб.

Она остановилась где-то в метре от меня и обвела оценивающим взглядом. Я осмотрел себя, подумал, что выгляжу хуже, чем думал. Не сразу до меня дошёл тот факт, что из-за сильной жары, я работал без футболки. Упс!

– Так, Ася, – я сам растерялся от нахлынувшей неловкости, – в чём дело?

– Тебя там директриса зовёт, – она всё-таки сумела по-

смотреть мне в глаза. – Сказала, чтобы ты заканчивал работы и через час был у неё в кабинете, – она снова оглядела меня. – Желательно... в опрятном виде и хотя бы в футболке.

Ася, Ася... Эта девчонка всегда говорит, о чём думает, не пропуская через фильтр мысли и слова. Она подмигнула мне и ушла по своим делам.

Я не знал, зачем понадобился директорше, но решил не испытывать её терпение на прочность. Я нашёл Драго, предупредил, что меня не будет какое-то время, а потом убежал приводить себя в порядок. Из-за того, что в это время все были заняты какими-то делами, душевые были свободны. Забавный факт – для парней никогда не было проблемой в любое время пойти и принять душ, а вот, что касается девчонок, то, порою, свободная кабинка становилась причиной междоусобных войн. Когда однажды чуть не дошло до драки между старшими девочками, наш этаж принял чуть ли не единственное верное решение этой проблемы – уступить девчонкам, если их душевые ломились от количества народа. Таки образом, они несколько раз в неделю выгоняли нас с нашего же этажа на час-два минимум. Признаться, для нас это никогда не было серьёзной проблемой – мы всегда находили, чем заняться, пока девчонки тратили нашу воду.

А сейчас тишина. Никого. Я спокойно привёл себя в порядок, надел чистую одежду, забежал в столовую попить воды и только после этого отправился к директорше. Я постучался в дверь кабинета и приоткрыл дверь.

– Янина Павловна, можно зайти? – спросил я, заглядывая внутрь.

С серьёзным лицом, вечно красно покрашенными губами и очками в толстой оправе, она проверяла какие-то бумаги. Спусти лишь несколько секунд она подняла на меня глаза.

– Да, Даня, заходи, – низким голосом произнесла она.

Я зашёл внутрь и только после этого заметил, что в кабинете она находилась не одна – за маленьким письменным столом, который находился у самого окна, сидел какой-то мужчина в дорогом деловом костюме и заполнял бумаги. Он обернулся, когда я закрыл за собой дверь.

Глаза. Эти глаза, это лицо заставили меня сделать шаг назад и упереться обратно в дверь. Я не понимал, что происходит и почему этот человек вызвал у меня такую странную реакцию. Непонятная мысль пронеслась у меня в голове. Почему-то я вспомнил отца.

Незнакомец выглядел очень статно: помимо дорогого костюма на его руке красовались недешёвые часы, да и вообще он был очень ухоженным и опрятным, выглядел лет на сорок пять – пятьдесят, не больше. Он очень удивлённо смотрел на меня, изучал всего с головы до ног.

– Я... я не вовремя? – попытался сказать я хоть что-то. – Я могу зайти позже.

Я уже было хотел схватиться за дверную ручку, но директриса остановила меня:

– Нет, Даня, присядь, пожалуйста.

Я послушался, сел, не переставая пялиться на незнакомо-го мужчину, как и он на меня.

– Дмитрий Константинович, – обратилась она к мужчине, – прошу вас.

Незнакомец отдал Янине Павловне какие-то бумаги.

– Здравствуй, Даня, – поздоровался мужчина очень знакомым голосом. – Не верится, что ты так вырос.

Его голос и улыбка окончательно лишили меня дара речи. Либо я сошёл с ума, либо передо мной человек, очень похожий на моего отца.

– А мы... знакомы? – осторожно спросила я, приглядываясь к нему. – Простите, я не узнаю вас.

Мужчина улыбнулся ещё шире.

– Это не удивительно. Мы виделись очень давно, тебе было тогда где-то года три, если не меньше.

Я непонимающе посмотрел на него, потом перевёл растерянный взгляд на директрису, потом обратно на незнакомца.

– К-кто вы? – от чего-то моё сердце заколотилось, как бешеное.

– Даня, меня зовут Дмитрий Февралёв. Я – твой дядя, родной брат твоего отца.

У меня зазвенело в ушах после этих слов. Что? Какой ещё дядя? Какой ещё брат отца?

– Вы..., – я не знал, что сказать. – Но... у моего отца нет никакого брата.

– Дань, прошу, не волнуйся, – он попытался меня успоко-

ить. – Ты не можешь меня помнить, ты был слишком мал, когда мы с тобой виделись в последний раз. Это нормально.

– Но отец никогда не упоминал вас. Никогда, – я вылупил на него глаза.

– Давайте я вас оставлю ненадолго, поговорите, – директориса встала из-за стола и направилась к выходу.

Когда она ушла, мне стало ещё более странно на душе. Она хотя бы могла мне всё толком разъяснить, а тут... Я во все глаза смотрел на этого Дмитрия и не знал, как реагировать.

– Прежде, чем ты начнёшь задавать вопросы, позволь мне всё тебе рассказать.

Нам всегда кажется, что семейные тайны могут коснуться кого угодно, но только не нас. Ошибка! Никогда не знаешь, коснётся нечто подобное тебя и твоих близких или нет. Вот и мою семью это не обошло стороной.

– У нас с твоим отцом были прекрасные отношения с самого детства. Мы были неразлучны, Михаил никогда не уходил от меня, бегал за мной, словно хвостик. Даже после того, как мы выросли и обзавелись семьями, практически не расставались, – Дмитрий тяжело вздохнул. – Всё изменилось, когда скончался наш отец. Он оставил нам огромное наследство после себя: твоему отцу оставил загородный дом, а мне досталось место в его компании. Михаилу это не понравилось, он хотел делить со мной все полномочия, но по

определённым причинам наш отец не допустил его до дел.

– Почему? – всё же спросил я.

– Он не получил нужного образования. Его отчислили из института на третьем курсе, и продолжать обучение он не хотел. Из-за всего этого мы жутко поссорились. Он оборвал со мной все контакты, не хотел разговаривать и видеться. Я даже не знал, что в вашей семье случилось столько горя.

По ходу его рассказа, в моей памяти стали всплывать какие-то картинки из детских воспоминаний.

– Можно спросить? – оборвал я его.

– Да, конечно, – он был настроен на мои расспросы.

– У меня в детстве была железная дорога. Я не помню, откуда она у меня, отец сделал вид, что тоже запомнил. Это был ваш подарок, верно?

Дмитрий улыбнулся. Наверное, обрадовался, что я хоть что-то вспомнил о нём.

– Да, – кивнул он. – Я подарил её тебе на Новый год.

Странно было осознавать, что у меня всё это время, помимо отца, был ещё один близкий человек. Вот только о его существовании я даже помню.

– Скажите, пожалуйста...

– Даня, – перебил он меня, – давай перейдём на «ты»? Не чужие же люди.

Он улыбнулся, и я машинально ответил ему тем же.

– Хорошо. Скажи, как ты нашёл меня? Как вообще узнал, что я здесь.

Он облокотился на спинку стула.

– Это не я тебя нашёл, а меня нашли?

– И кто же? – я насторожился.

– Меня нашли по просьбе семьи с фамилией Озерцовы.

Мне сказали, что меня очень отчаянно искала некая девочка по имени Аделина и её друзья.

Я расплылся в улыбке. Лина. Моя Лина! Я и не знал, что всё это время она искала кого-то из моей родни. А друзья? Они сделали всё это вместе! В очередной раз я понял, что ошибки быть не может – я никогда не буду один. Они есть у меня – мои ребята.

Я запрокинул голову наверх и почувствовал, как покати-лась слеза. Что? Откуда? Кажется, я не плакал с самого ухода матери из семьи. Возможно, впервые за долгое время это не были слёзы боли или страданий – это были слёзы безграничного счастья. Мои друзья даже не думали мириться с положением дел, они сделали всё возможное, чтобы найти хоть одного моего родственника.

– Могу теперь я задать вопрос?

Я вернул голову в прежнее положение и посмотрел на дя-дю.

– Эта Аделина – твоя... девушка?

Я снова улыбнулся, отрицательно покачав головой.

– Нет. Она больше, чем девушка – она та, кого я могу на-звать сестрой.

Дмитрий всё понял.

– Даня, скажи, – его голос прозвучал серьёзно, – как ты смотришь на то, что я заберу тебя отсюда?

Я снова округлил глаза.

– Мы с женой готовы стать твоими опекунами до совершеннолетия. Понимаешь, детей у нас нет, а ты – чуть ли не единственный мой родной человек. У тебя будет всё: дом, возможности, достойное образование, – он сделал паузу, – любовь. Мы можем всё это тебе дать. Я знаю, что ты уже взрослый парень и сам можешь решать, как тебе жить, но я настаиваю на том, чтобы ты в самое ближайшее время уехал со мной.

– Куда именно уехал? – спросил я.

– В столицу. Мы живём там.

Пауза.

– Я очень хочу, чтобы у тебя было достойное будущее, достойная жизнь и шансы на их реализацию. Поехали со мной. Тебе нечего делать в этом городе.

Такого продолжения дня я не ожидал. Я посмотрел дяде в глаза и понял, что никакой выгоды он не хочет получить от моего усыновления – он просто хочет помочь мне встать на ноги.

– Ты не шутишь? – на всякий случай уточнил я.

– Дань, какие шутки? – мне показалось, что я нечаянно обидел его этой фразой. – Ты не чужой мне человек. Если бы я знал, что в вашей семье такое происходит, давно бы уже забрал тебя к себе.

Я смотрел на него с нескрываемой благодарностью. Передо мной сидел человек, который поможет мне начать всё сначала. Я жаждал этого и боялся одновременно, потому что, по сути, не имея ничего в своей жизни, мне всё жён было, что терять.

Я с минуту подумал и принял его предложение с огромной нескрываемой благодарностью.

– Спасибо, что отозвался, – произнёс я, когда он уже обнимал меня. – Я...я уже думал...

– Теперь всё будет хорошо, – уверил он меня. – Я закончу с оформлением оставшихся документов и заберу тебя отсюда.

– Только у меня будет просьба, – я посмотрел дяде в глаза.

– Я тебя слушаю.

– Позволь мне закончить кое-какие дела, прежде чем мы уедем. Это не займёт много времени.

– Даня, сколько нужно времени, столько и потрать. Документы – не быстрое дело, поэтому время у тебя всё равно есть.

Когда дядя ушёл, у меня внутри осталось странное чувство нереальности всего происходящего. Неужели всё вот-вот наладится? Неужели жизнь дала мне шанс на хорошее будущее. Я не стану доверять Дмитрию Февралёву так сразу и беспрестанно, должно будет пройти время, чтобы я смог получше приглядеться к нему и понять, что он вообще за человек. Но, что-то мне подсказывало, что опасаться нечего, и

дядя с его женой станут для меня хорошей семьёй, которой я когда-то лишился.

Я прекрасно понимал, что так просто всё равно не смогу решиться на такой серьёзный шаг, пока не завершу несколько важных дел. Я должен был объясниться с друзьями, посвятить их в детали случившихся событий и... поблагодарить за то, что они сделали для меня. Я не стану жалеть о своём решении, согласившись на предложение дяди, но буду всегда жалеть о том, что мне пришлось оставить их вот так – без шанса повернуть время назад.

Вечером я поделился новостью с Драго. Приятель был искренне рад за меня, несмотря на то, что его печалила новость о моём скором уходе.

– Вот же чертёж! – с улыбкой произнёс он, ударив меня по плечу. – А на кого я этих шакалов оставлю? Кто будет следить за порядком, когда я выйду отсюда? Эх, Данька, нарушил ты все мои планы!

Я рассмеялся. Странно осознавать, что твоя жизнь в самое ближайшее время так резко изменится. Но эти изменения к лучшему, кто бы что ни говорил. Я уже давно мечтаю просто побыть обычным подростком, который не будет каждый день думать о том, как бы прокормить себя или не нарваться на отцовский кулак за малейшую провинность. Я просто хочу быть простым парнем, который только начинает познавать жизнь и все её возможности. И тут я понял – у меня всё впереди. Впереди.

Денис

Когда мне позвонила Лина и сказала, что её дядя нашёл родственника Дани, был готов сорваться с места и бежать к ней, чтобы обо всём расспросить. Благо, теперь не нужно было ждать окончания уроков или откладывать надоевшую домашку – настало время лета и свободы. Я схватил со стола мобильник и побежал вниз.

– Сынок! – раздался из кухни голос мамы.

Я ещё не видел её сегодня утром, да и не хотел тревожить, потому что накануне в доме снова разразился скандал, но, как ни странно, произошёл он не из-за меня. Честно говоря, я понятия не имею, чем всё вчера закончилось, потому что решил увести детей на время выяснения отношений родителей.

Я зашёл на кухню и застыл на месте. Мама сидела на стуле, держа в руке наполненный бокал, рядом на столе стояла полупустая бутылка дорогого красного вина. Она подняла на меня свои уже замутнённые глаза.

– Мама! – я распахнул глаза от удивления. – Это что? – я подошёл к ней и забрал бутылку со стола. – Тёма и Алиса дома. Не хватало ещё, чтобы они тебя в таком состоянии увидели.

– Всё нормально, они у себя, – попыталась уверить она

меня. – Просто...настроение плохое.

Я обгляделся, не зная, за что хвататься: за остатки алкоголя в её бокале или за неё саму.

– Так, мам, – я забрал у неё бокал и вылил остатки в раковину, бутылку закупорил пробкой и убрал подальше в шкаф, пускай и на её глазах, – пошли-ка со мной.

Я взял её под руку и повёл наверх в спальню. Я облегчённо вздохнул, когда закрыл за нами дверь её комнаты, потому что не хотел, чтобы близнецы увидели её под «анестезией». Я усадил её в кресло, а сам сел на кровать напротив неё. Выглядела она неважно – была пьяна. Я посмотрел на настенные часы – и это был только полдень!

– Что случилось? – спросил я, наклонившись к ней. – Это из-за отца? Он обидел тебя?

Я пристал к ней с расспросами, но не был уверен, что она сможет ответить мне хотя бы на один. Никогда я ещё не видел её в таком состоянии.

Она ласково улыбнулась, потрепала меня по голове.

– Какой же ты у меня хороший, Денис. Такой добрый, заботливый...

– Мама, – я решил ещё раз попытать счастье, – что случилось?

Она помолчала, не переставая гладить мои волосы.

– Я...я решила уйти от твоего отца, – одними губами произнесла она.

– Что?

У меня внутри всё рухнуло, но не из-за маминых слов, а из-за того, что она вообще решилась на это.

– Это из-за вчерашнего конфликта? – я начинал злиться. – Что он тебе вчера сказал?

Молчание.

– Мама! – нервы натянулись до предела.

– Сказал, – пауза, – сказал, что я не смогла вырастить хороших детей, – по её щеке покатилась слеза. – Сынок, скажи, неужели я такая плохая мать? Неужели я не смогла достойно воспитать тебя и Тёму с Алисой? Что я сделала не так?

Я опешил от услышанного. Отец никогда не отличался ласковостью и нежностью, но так бездарно оскорблять свою жену в том, что она плохая мать...

Я сжал до боли кулаки, был готов закричать от злобы, и не стал этого делать только из-за мамы и близнецов, которые сидели через комнату от нас. К моему лицу прилила краска, щёки защипало от нахлынувшей крови. Я молча поднялся с кровати и поцеловал маму в лоб.

– Ложись, поспи немного, – сказал я. – Я позвоню няне, скажу, чтобы пришла и присмотрела за детьми.

– А ты куда? – она успела схватить меня за руку.

– Скоро вернусь. Отдыхай.

Я вырвался из её хватки и вышел из комнаты, не обращая внимания на то, что мама ещё несколько раз позвала меня по имени. Выйдя в коридор, я схватил ключи от мотоцикла и покинул дом.

Сердце разрывалось на куски, всё это отдавало пульсирующей болью во всём теле, но, несмотря на это, я сел на транспорт и поехал в сторону отцовского офиса. Всё. С меня хватит! Он может злиться на МЕНЯ, унижать, огрызаться, даже применять физическую силу, если ему это вдруг взбредёт в голову, но оскорблять маму он не имеет никакого права! Отец своей чёрствостью и жёсткостью чуть не довёл меня нервного срыва, а я – всё-таки парень, в отличие от такой хрупкой и чувствительной женщины, как мама. На что он надеялся, оскорбляя её? Не смогла воспитать хороших детей? Хороших, это, каких же?! Тех, кто не имеет своего мнения, тех, кто не умеет показывать свои клыки, когда нужно, тех, кто повинуется и ведёт себя, как тряпка?

Я мчался на бешеной скорости, грозясь вылететь куда-нибудь на каждом повороте. Но я уже не мог остановиться. На кону было много: психическое состояние детей, мама и её нездоровое пристрастие к вину в последнее время, я сам и моё ближайшее будущее.

Внутри меня всё кипело, кровь бурлила в венах, стремительно распространяясь по всему телу. Особенно сильно я ощутил это, когда стал подъезжать к бизнес-центру. Я не особо сильно обратил внимание на то, какую реакцию у местных богатеев вызвало моё экспрессивное появление. Я оставил мотоцикл чуть ли не у самого входа, зашёл внутрь, как к себе домой и заскочил в лифт.

Дышал я очень тяжело, из последних сил старался пода-

вить злобу лишь бы не натворить непоправимых дел. Я вышел из лифта, чуть не сбив какого-то мужчину с документами, но вовремя увернулся. Люди озирались на меня чуть ли не с испугом. Конечно, я бы тоже напрягся, увидев парня с таким разгневанным лицом.

Я завернул за угол и вошёл в приёмную, естественно, без стука. На меня уставилась молоденькая секретарша, которая до этого что-то печатала на компьютере.

– Отец на месте? – я был так зол, что забыл про какие-либо азы приличия или манер.

– Д-да, – чуть испуганно ответила она. – Только у него сейчас совещание. К нему нельзя.

Я посмотрел на эту скромную офисную мышку и, смерив её строгим взглядом, направился к двери кабинета отца.

– Вам туда нельзя! – громко сказала она, когда я уже зашёл внутрь и закрыл за собой дверь.

Их было пятеро, включая моего отца. Местные богатеи обсуждали какие-то финансы, шурша бумагами, пока я не отвлёк их своим внезапным появлением. Я уставился на отца гневным взглядом, как и он на меня, только дополнительно в них читалось непонимание и удивление.

– Ты что здесь делаешь? – строго спросил он.

– Максим Ярославович, простите, я говорила ему, что нельзя входить, – раздался из-за двери писклявый голосок секретарши.

– Поговорим? – серьёзно спросил я.

– Ты не видишь, что я занят? – процедил отец сквозь зубы. – Коллеги, прошу прощения за этот инцидент, – с извиняющейся улыбкой посмотрел он на мужчин. – Этот молодой человек уже уходит, – снова мне.

– Поговорим, тогда и уйду, – не сдавался я.

Я был готов к абсолютно любым последствиям. Уже плевать на то, что будет со мной, уже всё равно на крики, ругань и психологическое давление. Доведение матери до такого состояния стало моей последней каплей. Больше я выходы отца терпеть не намерен.

Родитель не переставал прожигать во мне дыру своим взглядом. Ещё немного, и я почувствую жар на своей коже.

– Максим, давай мы позже зайдём, – тихо сказал какой-то мужчина в годах. – Всё равно нам ещё не прислали один из отчётов.

Как по команде, офисные планктоны встали из-за стола, и вышли из кабинета, зато ворвалась секретарша.

– Выйдите отсюда! – она повысила голос на меня.

– Эльмира, всё хорошо, – успокоил её отец. – Возвращайся на своё рабочее место.

Девушка ещё раз смирла меня недовольным взглядом и ушла, закрыв за собой дверь. Я остался наедине с отцом.

– Надеюсь, у тебя веские причины, чтобы врываться сюда во время совещания таким беспардонным образом? – он встал из-за стола и подошёл ко мне. – Что ты о себе возмнил?! – прикрикнул он.

– Как ты мог довести маму до такого состояния? – я начал, на удивление, спокойно. – Какое право ты имел её так оскорблять?

Я почувствовал новый прилив злости.

– Ты из-за этого устроил весь этот балаган? – отец вышел на эмоции. – Тебя наши с матерью дела не касаются.

– Касаются, если она уже начинает свой день с бутылки красного сухого! – прикрикнул я. – Как у тебя язык повернулся назвать её плохой матерью, а?

Я вцепился в него своим колючим взглядом, но он вцепился в ответ.

– Она – лучшая мама на всём свете, она – единственная, кто поддерживал меня на протяжении все жизни, кто никогда не давала опустить руки, даже когда ты давил со стороны, – я почувствовал жжение в глазах.

– Не вздумай ныть! – рявкнул отец, схватим меня за грудки. – Тоже мне, мужик нашёлся! Как был тряпкой, так и остался, – он отпустил меня, толкнул в дверь. – Это она своими нежностями сделала тебя таким. Мне нужен был достойный наследник, достойный сын, а не то, что сейчас стоит передо мной! Только и можешь, что жаловаться на жизнь и обвинять во всём других. Ворвался, сорвал мне совещание, лишь бы показать крутость, которой у тебя никогда не было и не будет!

Я был готов к таким словам, к такой реакции, но где-то в глубине души надеялся, что в отце проснётся хоть что-то

человеческое. Я смотрел на него, и не верил тому, что вижу: злой, властный, жёсткий. Кто это? Что за человек так беспощадно набросился на меня? Это уже не мой отец. Давно не мой...

Я выпрямился и посмотрел на него огорчённым взглядом.

– Так вот, чего ты хотел? – спокойно произнёс я. – Достойных наследников для продолжения своего дела? Именно поэтому ты так относишься к тому, что я хочу получить от этой жизни чего-то другого, а не идти по твоим стопам? – я усмехнулся сквозь подступившие слёзы. – Знаешь, отец, я был готов стерпеть всё: все твои оскорбления, претензии, презрение, но, – я ткнул его пальцем в грудь, – я никогда в жизни не буду терпеть того, что ты унижаешь дорогих мне людей. Ты не поверил в мою невиновность, когда на меня повесили дело о поджоге, был сам готов сдать меня ментам, лишь бы не пострадала твоя репутация, – я покачал головой. – Я не хочу, чтобы Тёма и Алиса однажды испытали всё то, что пришлось пережить мне, и уж тем более я не хочу, чтобы они видели, как отец, которого они безумно любят, унижает их мать.

Слеза сорвалась вниз. Я замолчал, ожидал хоть какой-то реакции от отца, всё ещё надеясь хоть на каплю понимания.

– Уходи, – всё, что произнёс он. – Чтобы глаза мои тебя больше не видели.

И тут я понял – всё кончено. Он так ничего и не осознал, не захотел слушать, когда ему кричали чуть ли не в самые

уши, а просто делал вид, что ничего необычного не происходит.

Я отчаянно кивнул головой и посмотрел ему в глаза.

– Не переживай, – с грустной улыбкой произнёс я, – не увидишь.

После этих слов я развернулся и вышел из кабинета, а вот из здания вылетел уже пулей.

Я направился к своему мотоциклу и трясущимися руками достал мобильник. Набрал знакомый номер. Пошли гудки.

– Денис? – раздалось на том конце «провода». – Ты где? Я тебя с утра жду.

– Лина, – я даже не сразу понял, что мой голос сорвался. – Мы...мы можем в другой день встретиться?

– Что у тебя с голосом? Что-то случилось?

Не стану врать – я очень хотел поделиться с подругой тем, что произошло. После того как Даньку забрали в детский дом, Лина осталась единственным человеком, которому я мог доверить всё, что угодно, даже самые мрачные тайны моей семьи.

Но здесь была совершенно другая ситуация – ситуация, где я должен был поступить как мужчина. Моя семья – мои проблемы, не хватало ещё и девушку втягивать в эти скандалы. Я должен был разобраться во всём САМ. Хотя бы раз в жизни я должен поступить так, как считаю нужным.

– Нет, – соврал я. – Всё хорошо, правда. Просто...возникли кое-какие дела. Прости, что не сможем увидеться. Я зав-

тра утром позвоню тебе.

– Дэн... – уже по её интонации я понял, что она засомневалась в правдивости моих слов.

И я отключился. Лина, конечно, далеко не глупая девчонка – рано или поздно выпытает у меня правду, но сейчас этого делать лучше не стоит. Я обязательно объяснюсь перед ней, но только после того, как разберусь с отцом и тем, что происходит за стенами нашего дома.

Конечно же, я не сразу приехал домой. Мои накалившиеся эмоции, моя боль и злоба никак не давали мне остыть. Я мчался на мотоцикле словно угорелый, бросал самому себе вызов, рисковал на каждом повороте, да так, что адреналин бурлил в крови. Я не знал, куда себя деть. Был бы у неба потолок, думаю, я бы и на него умудрился заехать. Я пытался привести себя в чувство, но всё больше и больше убеждался в том, что могу сделать это только в одном месте – в месте, с которого всё когда-то и началось.

Двери и окна моего лучшего друга, моего названного брата смотрели на меня с каким-то вызовом. Надеюсь, я не слетел с катушек, но точно был уверен в том, что где-то на горизонте уже дал о себе знать тревожный звоночек. Я припарковал мотоцикл у калитки и вошёл на территорию дома Февралёвых (дверь калитки оказалась открытой). Я позвал отца Даньки, в надежде, что никто не откликнется, что и произошло в итоге.

Честно говоря, я не сразу нашёл в себе смелость зайти на территорию. Я не был здесь с тех пор, как перевозил вещи друга из его комнаты в гараж. Как же давно, оказывается, это было!

И именно в этот момент внутренняя боль и тоска по другу образовали странное, но невероятно мощное «КОМБО». Я сразу же отправился на задний двор. Удачное место, скажу я вам: сокрытое от посторонних глаз, никакого шума дорог и посторонних звуков. Именно здесь мы с Данькой в своё время скрывались от внешнего мира: не в каких-то отдалённых районах города, не в затхлых квартирах у каких-то посторонних людей и даже не на пляжах, а именно здесь. На заднем дворе дома друга я мог подумать над многими вещами. А ведь мне было, над чем.

Отец окончательно слетел с катушек. Я был готов терпеть все его издевательства, лишь бы они не коснулись мамы и близнецов, но он и тут перешёл черту. Он так и не понял, что однажды может остаться совсем один. К этому всё и шло.

Я уже не знал, что делать. Сел на землю и облокотился на стену дома, обняв руками колени. Хотелось выплеснуть злость, копившуюся чуть ли не годами, хотелось разбить что-то, разорвать, просто заорать во всё горло. И я не выдержал – вскочил с места и обрушил весь свой гнев на стену дома. Я пинал её ногами, скалился, в ход пошли кулаки. Остановиться я уже не мог – колотил и колотил стену до тех пор, пока боль в костяшках стала уж совсем невыносимой. Я раз-

бил себе все руки, но совершенно не чувствовал никакого сожаления, ведь внутри стало немного легче.

Пришёл в себя я только после того, как услышал звук громко проезжающего байка. Он заставил меня отвлечься и вслед за собой пронёс дикую волну пульсирующей боли. Я взглянул на свои окровавленные трясущиеся руки и даже не сразу понял, что именно сейчас произошло. Не знаю, сколько я так простоял: минуту, десять, полчаса... не сразу до меня дошло, что раны необходимо срочно обработать. Я зашёл в дом, (который по каким-то непонятным для меня причинам оказался незапертым) вбежал на второй этаж, достал аптечку и, сидя на краю ванны, словно в гипнозе, обматывал свои руки бинтами.

Я не был доволен тем, что натворил, но стало легче на душе. Я сидел, как последний идиот, пялился на этот бетонный пол, но всё же придумал, что мне делать дальше. Будет трудно, нелегко, сложно переступить через самого себя, но именно благодаря будущему поступку я смогу хоть как-то исправить эту дикую ситуацию.

У нас с отцом никогда не бывает разговоров – мы просто постоянно кричим друг на друга, не в силах подавить свою гордость. И всё это закончилось тем, что страдают близкие нам люди. Я – не маленький ребёнок, должен уметь постоять за себя и свою семью, должен понимать то, что в жизни придётся решать и не такие вопросы.

С облегчённой душой и разбитыми руками я оглядел ван-

ную комнату и тяжело вздохнул – жаль, что Даньки нет рядом, он бы подсказал, как можно выйти из этой ситуации. Но будем реалистами – как бы это ни было печально, Данька не будет рядом со мной всю мою жизнь. Мы сейчас находимся на пороге взросления, на пороге самостоятельной жизни, где уже никогда не будет того, что мы так ценили раньше. Нет, мы никогда не разорвём с ним связь, но всё будет совсем по-другому.

Я тяжело вздохнул и направился к выходу из дома, решительно перейдя с медленного шага на ускоренный бег.

Я стоял в коридоре и ждал отца. Стрелки часов медленно подходили к восьми, а его всё не было. Тишина в этом огромном доме меня всегда пугала, возможно, от того, что я до сих пор испытываю дискомфорт от непривычной обстановки, которая воцарилась в этих стенах.

Я начал нервничать, переживать от того, что всё может выйти из-под контроля. Временами приходилось нервно поглядывать на телефон: Лина забросала меня беспокойными сообщениями с требованиями, чтобы я связался с ней как можно скорее, Ромка и Стас в середине дня чуть не оборвали телефон. Я делал вид, что занят, хоть и понимал, что друзья переживают.

Замок входной двери щёлкнул, и в прихожую зашёл отец. Он как-то удивлённо посмотрел на меня (наверняка не ожидал, что я его встречу) и, сбрасывая туфли, спросил:

– Где мама и близнецы? – спросил он, как ни в чём не бывало. – Как-то подозрительно тихо в доме.

– Они уехали, – чётко произнёс я, осторожно наблюдая за его реакцией. – Поживут временно в другом месте.

Отец аж застыл на месте и вытаращил на меня глаза. У меня создалось ощущение, будто он не до конца понял мои слова.

– Что? Куда уехали?

Теперь он понял, что шутки кончились. В его взгляде читалось настоящее недоумение и непонимание.

Отец подошёл ко мне и пытливо посмотрел в глаза.

– Где твоя мать и дети? – его привычный напор в голосе уже давно перестал неистово давить на меня, и только по этой причине я оставался более-менее спокойным.

– Я же тебе сказал, что они пока что поживут в другом месте.

Мне казалось, что от нарастающего напряжения у меня начали потрясываться колени, но отступить я уже не мог.

– Мы можем с тобой спокойно поговорить? – я кивнул головой в сторону второго этажа, намекая на его рабочий кабинет.

Отец, будучи напряжённым, недоверчиво посмотрел наверх, а потом на меня, обдумывая моё предложение. Он лишь утвердительно кивнул головой, не сказав ни слова.

Мы поднялись наверх, зашли в кабинет, от которого у меня постоянно бегут мурашки по телу, после чего я по при-

вычке закрыл дверь. Обычно я так поступал, потому что не хотел, чтобы мама или Тёма с Алисой слышали нашу с отцом ругань.

Родитель медленно прошёл к своему столу, но не стал садиться в кресло – облокотился на столешницу и пытливо уставился на меня. А я боялся начать разговор...

– Выкладывай, – начал давить он.

Я тяжело вздохнул и взял себя в руки.

– Отец, – произнёс я, – ты же понимаешь, что так больше продолжаться не может?

– Что именно? – он лениво снял с себя дорогой пиджак, показывая тем самым своё сомнительное отношение ко всему происходящему.

– Да всё это, – выдавил я из себя. – Я всё понимаю: у нас с тобой в последнее время отношения совсем не складываются, но самое страшное во всём этом то, что страдают, прежде всего, наши любимые люди. Ты вообще видел, в каком состоянии находится мама в последнее время? Ты знаешь, что она пристрастилась к вину, и теперь пьёт его как воду? – я сделал несколько шагов вперёд. – А близнецы? Алиса в последнее время видит кошмары, и просыпается от собственных криков, ставя на уши весь дом. А я? – в моём голосе появились нотки смелости. – Мне тоже плохо от того, что мы с тобой собачимся чуть ли не каждый день! Думаешь, мне это нравится? Думаешь, мне нравится, что мой собственный отец видит во мне только всё самое плохое? – мне пришлось

перевести дух. Что-то я совсем разошёлся. – Послушай, – я подошёл к нему ещё ближе, – я – не подарок, сам прекрасно знаю, у меня ужасный характер и моему упрямству может любой баран позавидовать, но я такой, какой есть, и этого не изменить. Я знаю, что всё началось с твоего бизнеса – ты хотел видеть меня своим наследником, хотел, чтобы твоё дело однажды перешло ко мне по наследству, но... я вижу свою жизнь по-другому, – я не переставал смотреть ему в глаза. – Я знаю, что тебе, как отцу, такое сложно принять, но я сам вправе решать, как мне строить свою жизнь, а скандалами мы с тобой только усугубляем ситуацию. Меньше всего я хочу, чтобы от этого страдали мама и дети. То, как ты обращаешься с ними в последнее время – недопустимо. Хочешь злиться – злись на меня. Хочешь орать – ори на меня вне стен этого дома, чтобы это не касалось других. Если мы так и продолжим грызться, как кошка с собакой, то можем потерять всё то ценное, что у нас есть – семью, – я подошёл совсем близко. – Смири свою гордость, избавься от своего гнева, своего непринятия меня таким, какой я есть и попробуй сохранить то, что ещё осталось.

Я с вызовом смотрел на отца, а вот его взгляд напоминал что-то анализирующее. Он не отводил от меня взгляда, и я не мог понять, что он испытывает, обдумывая услышанное. Но одно меня всё же поразило – он молчал. Не было упрёков, криков, обвинений, было только молчание, которое я не привык слышать в ответ на подобную речь. Я и не собирал-

ся услышать ответной реакции именно сегодня – отцу нужно время, чтобы подумать над моими словами, над смыслом, который я попытался вложить. Ему необходимо побыть одному, что бы всё переварить.

Не отводя глаз, я попятился назад к двери кабинета.

– За маму и детей не волнуйся, они в хорошем месте, – произнёс я. – Мы проживём отдельно, пока у нас с тобой не получится разрулить ситуацию, которая происходит с нами. Если что, я на связи, мама всё равно не возьмёт трубку.

После этих слов я развернулся и направился в сторону выхода. В коридоре уже стояла спортивная сумка с вещами, которые могут пригодиться на первое время. Предварительно отключив геолокацию в телефоне, чтобы отец не смог меня отследить, я вышел из дома и направился на автобусную остановку.

Дорога до местного городского мини-отеля «Сириус» занимала минут сорок. За это время я успел выдохнуть и переварить свой разговор с отцом. Родителя просто нужно было поставить перед фактом, показать свои клыки и то, что я умею ими пользоваться. Впервые в жизни я не отступил, не опустил до уровня жертвы и не закрылся от проблем. Я сделал первый шаг к тому, чтобы их хоть как-то решить. День выдался трудным, мне необходимо переспать с этой мыслью, чтобы завтра начать решать другие.

Я так и не узнал, что там изменилось в Данькиной ситуации, решился ли его вопрос с опекуном, а самое главное

– кто именно был готов взять ответственность за друга.

Данька, надеюсь, ты мне простишь это маленькое отступление от твоей беды и позволишь мне разобраться со своими проблемами. Мы – братья навек, родные люди, и ничто никогда это не изменит. Но сейчас я должен ненадолго уйти в тень, всего лишь на пару дней, чтобы найти в себе силы помочь и тебе. Ты всегда был рядом, и я никогда не оставлю тебя. Что бы ни случилось, мы всегда будем поддерживать друг друга. Я рядом, брат. Всегда буду рядом.

Лина

Денис не появлялся на горизонте уже три дня. Я звонила, оставляла сообщения, даже приходила к ним домой, но всё было тщетно. Парень просто исчез, пропал и не подавал никаких признаков своего существования. Когда он сказал, что у него возникли какие-то проблемы, я не сразу придавала этому какое-то серьёзное значение: ну не может он сейчас со мной встретиться и поговорить – хорошо, я подожду, но не так же долго. Проблема заключалась даже не в том, что парень скрывается в последнее время, а в том, что он элементарно не выходил на связь. Я сильно переживала, не хотела, чтобы он попал в беду или связался с какими-то странными людьми. Мне и так хватало переживаний за Даньку, а тут ещё и этот решил в невидимку поиграть.

Более-менее я смогла успокоиться, когда получила от Дэна сообщение: «Прости, что не отвечал на звонки и SMS, не мог выйти на связь. Со мной всё хорошо. Можем встретиться сегодня вечером?».

В моей голове уже всплывали картины того, как я убиваю Гранина, не разбираясь с обстоятельствами. Да как вообще он может так поступать?! Пропал на несколько дней, а я должна сидеть и переживать за этого ненормального! Но остыла я быстро – самое главное, что этот чудик жив. Я при-

няла для себя решение, что разберусь с ним позже, сейчас на первом месте Данька.

После того, как дядя сообщил мне о том, что нашёл родственников друга, я впервые за долгое время почувствовала настоящее облегчение. Свершилось! Даня не останется в детском доме! Все эти дни я пыталась выведать у дяди, как он смог всё это проверить, но чёткого ответа так и не последовало. Он что-то скрывал, и я это видела, но не стала его мучать, так как вопрос всё равно уже решился.

Я ответила Дэну на сообщение. Написала, что жду его у себя дома в семь вечера, правда, не сказала о том, что перед тем, как я его придушу, он будет обязан поужинать с моей семьёй. Ольга настаивала на официальном знакомстве с Денисом в качестве моего молодого человека, а не как это было несколько месяцев назад – в качестве сына местного бизнесмена. Это станет моей маленькой мстью за его отсутствие. Пускай понервничает – ему полезно.

До вечера было ещё далеко, а на улице стояла невыносимая жара. Выходить в такую погоду на прогулку – угроза поджариться, не дойдя до калитки собственной территории, поэтому и я, и Слава с Ольгой оставались сегодня в комнатах под струями кондиционеров. Я сидела в тёткиной мастерской и рисовала эскизы коктейльных платьев. Мне предстояло подыскать подходящий образ для лучшей подруги – Наташи. К сожалению, в этом году у нас не будет возможности увидеться, а ведь девчонке скоро семнадцать лет! Инди-

видуальное платье, о котором она так давно мечтала, станет неплохим подарком. Осталось только подобрать необходимый фасон и ткань, остальное за малым.

Раздался стук в дверь. В мастерскую заглянул дядя.

– Ты занята, милая? – спросил он, заглядывая вовнутрь комнаты.

– Не особо, – я выключила колонку, из которой играла музыка. – Заходи.

Слава зашёл и сел на стул. Мне показалось, что он слегка нервничал. Что это с ним?

– Что-то случилось? – насторожилась я.

– Э...нет. Просто...

Он замолчал. Что-то точно не так.

– Дядя?

Он никогда не умел врать. Слава слишком добрый человек, чтобы пойти на обман или какую-нибудь пакость – его бы просто собственная совесть загрызла.

Он поднял на меня глаза и тяжело вздохнул.

– Лина, нам нужно поговорить. Серьёзно поговорить.

Признаться, я насторожилась. Не привыкла слышать от него такие фразы. Я настроилась на серьёзный разговор.

– Лина, начал он. Сразу прошу тебя сильно не злиться и не обижаться на меня. Пойми, так было нужно.

– Ради Бога, не пугай меня! – не выдержала я. – Что случилось?

Он поудобнее устроился на стуле, взглянул на дверь, на-

верное, чтобы убедиться, что она плотно закрыта.

– Ольга ничего не должна знать, иначе она нас живьём съест.

Тётя как раз занималась приготовлением еды к грядущему ужину с Дэном, ей всё равно не до нас. Дядя смог уловить удачный момент для серьёзного разговора.

– Это касается Дани. Я смог найти его родственника, как и обещал. Он готов забрать парня к себе, но...суть немного в другом.

– Какие-то проблемы с оформлением опекунства? – а в голове уже какие только мысли не возникли.

– Нет, милая, с этим всё хорошо. Просто...я нанял одного человека, который помог мне с поисками родственников...

– И этот человек просит неприлично крупную сумму за свою работу? – осторожно уточнила я.

Дядя кивнул головой.

– Да, – произнёс он, виновато глядя мне в глаза, – неприлично большую.

– Сколько именно? – денежный эквивалент меня не особо сильно беспокоил. – Я могу позвонить Женьке – Наташиному брату, который работает в банке. Можем снять деньги с моего счёта и оплатить его услуги.

– Нет, Лина. Этого человека не интересуют деньги, – молчание, – его интересуешь ты.

Я непонимающе уставилась на дядю. Я? А при чём здесь вообще я?

– Я знаю, что времени у Дани оставалось не так уж много, поэтому я решил пойти более действенным, но не самым правильным путём, – дядя подошёл ко мне и, присев, чтобы быть со мной на одном уровне, взял за руки. – Лина, я нанял твою мать.

Мою... Что?! Я смотрела на дядю не в силах сдержать удивление. Зачем? Почему именно её? Она же мне отказала в помощи, так почему же она согласилась теперь?

– Д-Дарию? – у меня внутри всё опустилось. – Но, почему именно она?

Я не понимала, почему дядя так поступил. Нет, я не злилась на него, он никогда не сделал бы мне ничего назло. Должна быть другая причина.

– Понимаешь, – я услышала горечь в его голосе, – Дария – человек с огромным количеством связей даже в нашей стране. Её муж – твой отец – влиятельный человек в своих кругах, соответственно и у Дарии есть нужные знакомства. Я надавил на неё, – признался он, – надавил, чтобы она, в первую очередь, поняла, что твоя просьба – не простой детский лепет, а серьёзное одолжение. Я хотел помочь не только тебе с другом, но и вызвать у неё хоть какое-то чувство по отношению к тебе. Она должна понять, что обязана заслужить твоё доверие, а не просто так явиться в наш дом в надежде, что ты ей всё просто так простишь, – он сжал мои ладони. – Милая, поверь, я не хотел, чтобы ты испытывала боль и обиду, просто... ты сама должна понять, нужен ли этот человек в твоей

жизни или нет. Ни я, ни Ольга не должны в это вмешиваться, ты сама должна раз и навсегда закрыть этот вопрос. Прости, что мне пришлось так поступить, но я должен был.

Дядя чувствовал себя виноватым, я это видела, но сама не была на него в обиде. Да, ситуация неприятная, но, кажется, она того стоила. Для меня важнее был Дани, чем наши отношения с матерью, но Слава был прав – я должна поставить точку в этой истории. Сама.

– Лина, прости меня, пожалуйста. Я не хотел...

– Я знаю, – произнесла я, вставая с места и, тем самым, заставляя встать его за собой. – Я не злюсь и не обижаюсь, правда. Ты прав. Я должна разобраться с этим.

Я помолчала с минуту.

– А плата...она хочет встречи со мной, да?

Слава виновато покачал головой.

– Хорошо, давай сделаем так, – я не переставала держать его за руки, – скажи Дарии, что я готова с ней встретиться, но пускай на тёплые объятия не рассчитывает. Ольге ни слова об этом! Иначе она нас, действительно, живьём съест. Я сама с остальным разберусь. Идёт?

– Идёт, – только и сказал он, после чего крепко обнял меня.

Дядя Слава – очень мудрый человек. Он слишком мягкий для мужчины, но это не мешает ему делать правильный выбор. Он поступил так не из-за Дани, как я считала раньше, а из-за меня. Он хотел, чтобы я сама разобралась с тем,

что мне нужно, сделала свой выбор и приняла окончательное решение. Именно за это я его и люблю – он всегда на моей стороне, даже, когда его выбор таковым не кажется. Я попросила дядю, чтобы он назначил нам встречу с Дарией где-нибудь в людном месте, где она не сможет проявить свою эксцентричность. Обговорив все детали, мы пошли на кухню помогать Ольге с готовкой, но, увидев заваленный всяческой едой стол, мы поняли – тётя перестаралась.

– А что? – удивилась она. – Я же не знаю, какие предпочтения в еде у молодого человека, поэтому и наготовила побольше.

– Оля, будет счастье, если мы это хотя бы за неделю съедим, – дядя чуть ли не сгибался пополам от смеха.

Ольга недовольно упёрла руки в бока.

– Ну, – протянула я, – по крайней мере, Денис не уйдёт голодным. Это радует.

Я наблюдала за этой картиной с тихим удовольствием. Никогда бы не подумала, что наглый и самоуверенный Денис Гранин может быть таким скромным и милым мальчиком. Я еле сдерживала рвавший наружу смех, глядя на этого удивлённого ангелочка, а он, в свою очередь, метал в меня взглядом молнии. Не бросайте женщину, не объяснив ей причины своего временного ухода, иначе последует месть.

Парень скромно сидел за столом, поел совсем немного, отвечал на многочисленные вопросы моей тётки. Среди них

были планы на будущее, перспективы, жизненные цели и то, из-за чего я чуть не поперхнулась – серьёзность отношения ко мне.

– Ольга! – не сдержалась я.

– А что? – она аккуратно промокнула губы салфеткой.

– Серьёзно, милая, – поддержал меня дядя, – они же ещё дети, какая серьёзность?

Теперь настала очередь Дэна подавлять улыбку, а мне краснеть и молить о том, чтобы в столовой провалился пол. Да уж, ну и подстава!

– У меня самые серьёзные намерения, – произнёс друг, хитро взглянув на меня.

Нет, они меня точно решили с ума свести! Нужно бежать, пока не поздно.

– Ольга, дорогая, спасибо большое за ужин! – я подошла, поцеловала в щёчку её и дядю. – Но нам с Денисом нужно кое-что обсудить.

– Да, конечно, идите, – тётя непривычно засуетилась. – Мы позовём вас, когда чайник вскипит.

Дэн также поблагодарил Ольгу и Славу за ужин и тёплый приём, после чего мы с ним скрылись в моей комнате.

– Лина! – начал он, как только я закрыла дверь. – Что это сейчас было? Почему не предупредила, что твои родители хотят поужинать с нами?

Я заулыбалась, победно поглядывая на его шокированный вид.

– Тебе не кажется, что я должен был подготовиться? – он развёл руками. – Ну, не знаю, хотя бы цветы купить твоей тёте или одеть что-нибудь попримечнее?

Дэн выглядел как самый обычный мальчишка: чёрная футболка, синие джинсовые шорты, в коридоре стояли брендовые кроссовки. Интересно, скажи я ему о таком «серьёзном» вечере, он бы пришёл в смокинге? Эта мысль заставила меня улыбнуться.

– Это – моя маленькая месть за то, что ты исчез на несколько дней, и даже не отписался, что с тобой всё хорошо, – я была по аргументам.

Дэн так и задыхался от возмущения, не зная, что ответить на мой выпад. И сдался, как мне показалось. Но этот хитрец странно заулыбался, схватил меня за руку, притянул к себе и поцеловал, да так, что я аж глаза распахнула от удивления. Ого! Не думала, что он так может.

Друг осторожно отстранился от меня, но нас разделяли лишь несколько сантиметров.

– Теперь я прощён? – шёпотом спросил он.

– Думаешь, вот так вот взял, поцеловал меня и всё? – мне хотелось его немного помучить.

– Хм, да, ты права, – он снова прильнул к моим губам и долго не хотел отпускать. Вот же плут!

– Ладно, ладно, ладно, – теперь сдалась уже я, отстранившись от него. – Мы в расчёте.

Он улыбнулся, погладил меня по щеке.

– Как же я по всему этому скучал! – весёлая улыбочка сменилась виноватым взглядом. – Прости, не мог раньше связаться с тобой, дома проблемы.

– Дома? – уточнила я. – Ты же сказал, что у тебя возникли какие-то срочные дела?

И он всё мне рассказал. Посвятил в детали скандала с отцом, а потом и серьёзного разговора с ним же. Дэн признался, что он с мамой и детьми временно переехали в гостиницу, он нашёл подработку на лето и несколько дней вкалывал сверхурочно, чтобы заработать небольшие деньги. Именно поэтому он просил его не беспокоить какое-то время.

– Почему ты сразу не рассказал правду? – мы сидели на кровати, не отпуская руки друг друга. – Я бы помогла, придумала бы что-нибудь...

– Лина, – оборвал он меня. Его серьёзный взгляд заставил меня саму как-то по-другому взглянуть на этого парня, – я уже давно не маленький мальчик, пойми. Рано или поздно всё равно приходится взрослеть, решать вопросы самостоятельно без помощи других, – он сильнее сжал мои руки. – Я благодарен тебе за то, что так сильно беспокоишься, за то, что хочешь помочь, но я должен сам уметь решать свои проблемы, не вмешивая в них других.

Дэн, это точно ты? Не верю! Денис Гранин, которого я знала, не отличался такой стойкостью духа, которую я вижу сейчас в этом человеке. Когда он успел так резко повзрослеть? Когда успел так измениться? Но, должна признаться,

таким этот парень нравится мне гораздо больше.

– Ты чего? – я заметила, как взгляд Дениса изменился.

Я улыбнулась и покачала головой.

– Нет, ничего. Просто...мне нравится, что ты так ответственно подходишь к серьёзным вещам.

– Так, погоди, я сейчас не понял. Ты...восхищаешься мной?

Я улыбнулась ещё шире и дала парню лёгкий щелбан, чтобы не расслаблялся.

– Ладно, понял, – произнёс он, по-актёрски потирая ушибленное место.

Он улыбался, и мне от этого самой становилось легче. Ему сейчас нелегко, но мне хотелось, чтобы он знал – я рядом, всегда буду рядом с ним, что бы ни случилось.

– Дэн, прошу, не исчезай больше вот так вот, – эту часть разговора я хотела обсудить более серьёзно. – Я переживаю, и это не пустые слова.

– Да, я знаю, – он обхватил моё лицо руками. – Обещаю, больше такого не повторится.

И я поверила. Просто поверила без всяких доказательств и демонстраций правдивости его слов. У меня не было повода сомневаться в этом человеке.

– Так, а теперь расскажи мне, как там дела у Даньки.

На самом деле, у меня было не так уж много информации. Я рассказала то, что знала сама: найден родственник друга, который готов взять его под опеку, но кем именно приходит-

ся Даньке этот незнакомый нам человек – не известно.

– Но он хотя бы не проживёт в детском доме следующие полтора года, – Дэн сильно нервничал при упоминании данного заведения. – Я боялся, что после того, как мы отвезли его в больницу, он...

– Пойми, ты тогда всё сделал правильно, – я приобняла друга за плечи. – Сам посуди, что было бы с ним, останься он жить в этом доме с отцом, который постоянно распускает руки? Поверь, ничем хорошим бы это не закончилось. Ты спас его, понимаешь? Если бы не ты, не факт, что Даня вообще был бы ещё жив.

Я не просто так пыталась объяснить Дэну, как много он сделал для друга. Мне хотелось, чтобы парень наконец-таки понял, что может постоять и за себя, и за тех, кого так любит, он способен дать людям гораздо больше, чем он думает. Так почему же он никак не может этого понять?

Настала моя очередь править балом: теперь я обхватила его лицо ладонями, повернула к себе и поцеловала, но не так, как сделал он до этого, получилось как-то невинно и осторожно. Меня умилило то, как он прикрыл глаза и мягко улыбнулся после этого. Дэн напомнил мне маленького мальчика, которому как будто кто-то купил шоколадку. Согласна, немного странное сравнение, но именно это первым пришло мне в голову, когда я увидела у привычно взвинченного или равнодушного парня такое милое выражение лица.

– Нет, сегодня точно какой-то поразительный день! –

громко сказал он. – Может, сегодня всемирный день поцелуев? – он хитро взглянул на меня. – А я опять всё пропустил?

– Ничего подобного, – я решила сразу поставить его на место. – Тебе сегодня просто повезло.

Он недоверчиво закатил глаза, осознав, что мои слова – всего лишь очередной способ съязвить, не более.

– Да уж, – друг закинул руки за голову и рухнул на кровать. – Ты знаешь, что совершенно не даёшь людям расслабиться?

– С этим я не согласна, – я устроилась рядом с ним. – Это одно из немногих моих качеств, которое распространяется исключительно на тебя.

– Я расстроен, – прозвучало так, будто мне только что вынесли вердикт, мол: «Ты совершенно безнадёжна!».

– Ладно, побереги обиды на потом, – я вскочила с места и стала мерить шагами комнату. – Вернёмся к Дане...

Я долго собиралась с мыслями, чтобы решиться на это. Странное чувство, когда не знаешь, что ждёт тебя буквально через считанные часы: мозг понимает, что эти действия необходимы, а вот душа всё ещё сопротивляется – упорно стоит на своём и не желает менять своих убеждений и прощать прошлых обид.

Так было и со мной.

Спустя несколько дней после того, как дядя поведал мне о своей тайне, я долго думала, соглашаться на встречу с Да-

рией или нет. Мне всё ещё было тяжело, больно и обидно. Но речь шла о близком друге, о человеке, которого она спасла от печальной судьбы. Я поняла, что ради Дани готова пожертвовать своей злостью, и не дать его печальному опыту повториться вновь.

В семь утра я уже сидела в ресторане дорогого отеля и допивала остывший капучино. Сегодня Дария должна улететь обратно в Италию, и столь раннее время было назначено ею как раз из-за утреннего рейса.

Я не знала, что скажу ей, но одно могла сказать точно: я хочу поставить все точки над «i». Я так устала от непонимания, которое царило в последнее время вокруг меня, устала от обид, копившихся годами в моей душе, устала от того, что не могу найти в себе силы просто...простить. Я хотела этого – хотела простить свою мать хотя бы только для того, чтобы самой спокойно жить дальше. Я не могу знать наверняка, но мне кажется, что Дария сама себя простить так и не смогла, и это гораздо хуже, чем то, что я так и не смогла отпустить это. Я отпущу. Не сразу, но со временем. Признаюсь в неоспоримом факте – я ещё ребёнок, глупый, не знающий жизни ребёнок. Когда я повзрослею, поумнею, то тогда пойму всю эту философию жизни, а сейчас...мне остаётся только пробовать делать первые шаги к тому, чтобы принимать серьёзные решения и поступать, как взрослый человек.

Она опоздала мину на десять. Без лишних слов заспанная Дария села напротив меня и тут же виновато опустила глаза.

– Здравствуй, Лина, – её голос прозвучал непривычно тихо.

– Привет, – мой прозвучал ещё тише.

Повисло молчание. Нет, пожалуйста, только не это! Терпеть не могу, когда нечего сказать! Хотя... мне было что.

– Хм... Спасибо тебе за то, что нашла родственника моего друга, – я как будто перед судьёй сижу. Сейчас мне объявят вердикт: спасительный Рай или неизбежный Ад. – Для него это очень важно.

– Я так поступила, потому что это было необходимо тебе, – она подняла на меня глаза. – Слава мне всё объяснил. Прости, что тем самым заставила тебя встретиться со мной.

Я опустила глаза. Не знала что ответить.

– Всё нормально, – на это только и хватило моего воображения.

Опять молчание. Опять напряжение.

Я схватила меню ресторана, как за спасательный круг.

– Не хочешь заказать что-нибудь? – спешно спросила я. – У них, оказывается, есть жареное мороженое, – по правде говоря, я пялилась на картинку салата «Цезарь» с королевскими креветками. Какой чёрт меня дёрнул сказать про мороженое?

– Лина, прости меня! – голос Дарии прозвучал так громко, что я чуть не выронила меню из рук.

Я на всякий случай огляделась, надеялась, что такое громкое признание со стороны женщины не привлекло посторон-

них взглядов, но в такой час в ресторане кроме нас и пары официантов никого не было.

Я осторожно опустила меню на стол и подняла глаза на Дарию. Она была готова вот-вот разрыдаться, из глаз уже текли слёзы.

– Я... я знаю, что поступила ужасно, и мне нет прощения, но... Лина, я всегда жалела о том, что оставила тебя, жалела о том, что не смогла забрать тебя с собой или хотя бы просто поддерживать общение. Просто... Ольга уверила меня, что тебе и без меня хорошо. Я знала, что тебя растят в любви, что о тебе заботятся, и я была спокойна за твоё будущее, – она сделала паузу. – Что бы я тебе сказала? Я для тебя была незнакомой, чужой женщиной, и только сейчас, спустя много лет мне хватило смелости приехать к себе.

Смелости? По мне это больше напоминало наглость.

– Ты не обязана меня прощать, – она небрежно утёрла слёзы тыльной стороной ладони. – Просто...

– Ты права, – оборвала я её, – я не обязана. Но я хочу этого.

Дария удивлённо посмотрела на меня, застыв на месте. Она точно не ожидала услышать от меня подобных слов.

– Нет абсолютно никакого смысла копить обиды, вспоминать прошлое, потому что тогда ни ты, ни я не сможем двигаться дальше, – я прочистила горло. – Никто из нас не застрахован от ошибок. Ошибаться – нормально, а признавать ошибки – достойно уважения, – я опустила глаза вниз. – Я...

я не сразу тебя прощу, не сразу приму это, но со временем меня отпустит, – я смело посмотрела ей в глаза. – Мам, послушай меня, – я сама удивилась, как легко я обратилась к ней, как к матери. – Сначала тебе нужно простить саму себя, а уже потом просить прощения у меня, – я нагнулась вперёд к ней. – Я верю, что всё наладится, что у нас с тобой всё наладится. Но нужно время. И я не могу сказать, сколько именно.

Дария грустно улыбнулась и закивала головой. Не думаю, что она рассчитывала хотя бы на такой исход, но я приняла именно такое решение. Я взяла свою сумку и достала из кармашки вдвое сложенный маленький листок бумаги. Я протянула его ей.

Женщина с какой-то подозрительной нерешимостью приняла его у меня и развернула.

– Что это?

– Мой мобильный номер. Можешь звонить в любое время, только сверяйся с часовым поясом.

Она улыбнулась шире, казалось, даже засмеялась.

– Будем общаться, поддерживать связь с тобой и папой.

– Да, конечно, милая, – она снова заплакала, но теперь это были совершенно другие слёзы. – Спасибо тебе, Лина. Ты даже не представляешь, как это важно для меня.

Её глаза сказали мне одно – она не лжёт. Ей по-настоящему важно то, чтобы мы нашли общий язык. Мне никогда не понять того, что она чувствует. Надеюсь, она сама когда-нибудь забудет, что значит всю жизнь жалеть о том, что ты бро-

сила собственного ребёнка. Она справится. Мы справимся с этим.

Я улыбнулась ей и снова схватила меню.

– Так что ты всё-таки думаешь на счёт жареного мороженого?

Дария снова радостно рассмеялась, сквозь льющиеся слёзы.

Мы совсем недолго посидели в ресторане. За Дарией приехала машина, которая должна отвезти её в ближайший аэропорт. Мы попрощались, я даже позволила ей обнять себя, и, признаться, совершенно не испытала негативных эмоций. Мне было комфортно – просто комфортно без лишних дополнений.

Когда я вернулась домой, Ольга сидела в своей мастерской и создавала очередное коктейльное платье.

– Лина! – позвала она меня, когда я стояла на пороге комнаты. – Мне нужен твой совет. Как думаешь, какой цвет лучше подойдёт такому крою? Сахарная вата или сакура?

Я улыбнулась, понимая, что щепетильность в вопросе цвета совсем не мой конёк. Но я посмотрела на дизайн и выбрала цвет сакуры.

– Да, я тоже думаю, что он лучше подходит, – она поправила типичным жестом очки на носу. – Такой заказчик придирчивый попался. Помнишь семью Аминцких? Они приходили к нам на приём. Эта их дочка – Амалия – та ещё изба-

лованная особа. Одиннадцать лет, а уже запросы выше крыши. А что будет в шестнадцать? Не удивлюсь, если к тому времени она потребует кабриолет, а к нему в дополнение какого-нибудь водителя – испанского красавчика.

Я засмеялась. А всё-таки Ольга умеет шутить. За строгим нравом и сложным характером скрывается добрая и забавная женщина, которая предана своему делу и любимым людям. Любимым...

Я не выдержала и обняла её со спины. Ольга была для меня всем: другом, учителем, родным человеком, *мамой*.

– Лина, ты что-то натворила? Лучше признайся сейчас.

Я улыбнулась. Так вот в кого у меня такая тяга к держанию людей в тонусе.

– Ничего я не натворила, – я зарылась лицом в её волосы. – Просто я люблю тебя, вот и всё.

Я почувствовала, как тёплые руки тёти коснулись моих и стали нежно поглаживать.

– Милая, я тоже тебя люблю.

– Прости, что не так часто тебе об этом говорю. Но ты же всё равно знаешь это, верно? – решила уточнить я на всякий случай.

Она развернулась ко мне и обняла.

– Конечно знаю, родная. Всегда знала.

Теперь я могла себе признаться – этот день прошёл не зря. Я наконец-то разобралась в том, как жить дальше. Разговор с Дарией и такое признание Ольге – вот, что мне было нужно.

Теперь я могу спокойно двигаться дальше, спокойно жить без тяжкого груза на душе и строить свою жизнь так, как мне того хочется. Я наконец-то обрела ту самую свободу...

– Э, девочки?

Мы даже не сразу заметили, что дядя вошёл в комнату. Выглядел он непривычно странно: кухонный фартук, перепачканный мукой и, кажется, корицей, а ещё руки в комках сырого текста.

– Я... что-то пропустил?

– А мы? – я всё никак не могла насмотреться на его внешний вид.

– Я решил булочки испечь. Хотел спросить, сколько именно корицы нужно добавлять.

Мы с Ольгой переглянулись и рассмеялись.

– Пойдём, помогу тебе, кулинар мой, – произнесла Ольга, после чего потянула своего благоверного супруга за край фартука в сторону кухни.

А классная у меня всё-таки семья. *Моя семья.*

Денис

Я скучал. Скучал по нему, как никогда. Наверное, именно в этот момент я окончательно осознал, что жизнь намного сложнее, чем мы представляли себе немного раньше. Нет, она не жестокая, просто полна событий и моментов, на которые мы никак не можем повлиять. Переезд лучшего друга и был одним из таких моментов.

Однажды жизнь столкнула меня с мальчишкой, который, казалось, видит мир не таким, каким видят его остальные: он верил в свои цели, невозможное казалось ему достижимым, а проблемы решаемы, несмотря на то, что временами они казались катастрофическими. Фанат группы «Queen», безбашенный мечтатель, парень, обладающий внутренним ярким огнём, казалось, в какой-то момент сделал неосуществимое – научил меня не бежать от своих проблем.

Данька всегда был рядом: было мне хорошо, или я сходил с ума от страданий – не важно – он никогда не бросал меня, даже когда я вёл себя, как последний идиот. Он научил меня не сдаваться, идти до конца и не бояться того, что ещё не произошло. Он сам, находясь на грани гибели, вытаскивал меня из бездны, в которую, чаще всего, я сам себя сбрасывал.

Сила. Я всё время поражался тому, какой внутренней силой обладает этот человек. Как у него хватает терпения, воли

и мужества не давать себе упасть на колени перед судьбой? Хотел бы я у него поучиться. Да я так и сделал. Пускай это заняло несколько лет, пускай я не сразу понял, что это и был ключ к спасению, но сейчас я стараюсь не отступать от того, что так долго доходило до меня.

Вот уже практически неделю я, мама и близнецы живём в недорогой гостинице на окраине города. Не курорт, конечно, но всем необходимым мы обладали: кроватями, душевой, едой. Я старался работать сверхурочно – устроился официантом в один городской ресторан, где мне платили неплохие деньги. По крайней мере, на содержание себя и семьи мне хватало. У меня не было совершенно никакого опыта работы в принципе, не считая, конечно, продажу картин на набережной в курортный сезон. Мне взяли только потому что я, по мнению молоденькой девушки, которая занимала место администратора, обладаю «симпатичной мордашкой». Не думал, что именно генетика позволит мне устроиться на работу. Но, тем не менее, я рад, что начал самостоятельно предпринимать первые шаги. Это было очень непривычно, немного странно, но такова жизнь – в ней важна самостоятельность и умение принимать решения.

Из-за плотного графика я так и не успел встретиться с Данькой. Мне очень хотелось увидеть его перед отъездом, поговорить, повспоминать былые времена, услышать, что именно он скажет мне напоследок. Он уедет через несколько дней, и только перед тем, как лучший друг сядет в машину, у

меня останется всего лишь полчаса на наш финальный разговор. Хотя... я драматизирую. Данька же не на «Тот Свет» отправляется, и мы обязательно ещё увидимся.

Но я всё равно скучал.

– Денис! – из раздумий меня вытащил голос администратора Маши. Девушка подозрительно посматривала на меня. – Обслужи, пожалуйста, третий столик.

На часах было девять утра, и это был наш первый гость на сегодня. Я взял телефон, открыл вкладку с заметками, схватил меню и подошёл к какому-то молодому человеку, вылепив на своём сонном лице доброжелательную улыбку.

– Доброе утро! – я раскрыл меню и положил его на стол перед гостем, даже не взглянув на посетителя. – Меня зовут Денис, сегодня...

И тут я поднял глаза.

Даня. За столиком сидит Даня!

Друг смотрел на меня с улыбкой, ясными голубыми глазами, а я так и не смог сделать даже пары элементарных движений. Я не верил, что передо мной он.

Даня опустил глаза, взглянул на меню, а потом спросил:

– У вас есть холодный американо? На улице сегодня очень жарко.

И я расплылся в улыбке. Данька встал из-за стола и прижал меня к себе.

– Вот же, чертяка! – выпалил я, стискивая его в объятиях. – Хоть бы сказал, что вернулся.

– Я решил, что такой способ напомнить о себе гораздо лучше, чем звонок или SMS, – он отстранился, но не опустил руки с моих плеч. – Хотел лично встретиться перед тем, как уеду. Во сколько ты заканчиваешь? У меня на тебя сегодня большие планы.

Его хитрый взгляд говорил только об одном – нас ожидает душевное завершение этого дня.

Мы с Данькой решили отправить в одно место, о котором знали только мы вдвоём. Ветхий заброшенный домик стоял в зарослях сухой травы на одном из диких пляжей. Именно с этих уже покосившихся стен и старенького фасада начался творческий путь друга. Этот домик когда-то принадлежал его дедушке, который и привил внуку любовь к музыке. Именно здесь некогда маленький Даня впервые взял в руки гитару, здесь он понял, в чём заключается смысл его жизни, именно здесь он отыскивал свой яркий огонь...

Мы нечасто бывали здесь в последнее время. После смерти хозяина дома, здание обветшало и пришло в негодность. Проще говоря, постройка находилась в аварийном состоянии: пол прогнил, окна заколочены. И всё, что нам оставалось – сидеть на ветхом крылечке и наслаждаться морскими просторами.

Моя смена закончилась в три часа дня. Мы с Данькой встретились у магазина, набрали всякой разной еды и прыгнули в автобус, который довёз нас до окраины города. Сами

не знаем, почему мы решили провести время именно там. Наверное, дело было в самом значении этого места – друг приходил сюда каждый раз, когда ему нужно было подумать над какими-то серьёзными вещами, принять сложное решение или просто разгрузить голову. Неужели меня ждёт серьёзный разговор? Или...последний?

– Боже, как же я скучал по свободе! – Данька отпил из бутылки сладкой газировки. – Я как будто из тюрьмы вышел.

– Да уж. Нелегко тебе было на нарах.

Друг улыбнулся и отпил ещё глоток.

Повисло молчание, но я не переставал наблюдать за ним. Я понимал, что наша встреча – не просто возможность увидеться и поболтать по душам, повспоминать былые денёчки, а нечто большее. Я знал, что это, по сути, наш крайний разговор, и мне было интересно, что же он всё-таки скажет мне напоследок.

– Слышал, ты ушёл из дома. Это правда? – Данька пытли-во уставился на меня.

Интересно, кто ему болтнул? Наверняка Стас. У того рот никогда не закрывается.

Я покачал головой. Мне нечего было скрывать от назван-ного брата.

– Отец перешёл все границы. Вот теперь и расхлёбываю, – я откусил большой кусок от бутерброда.

– И...что ты теперь...

– Планирую делать? – я взглянул на Даньку, угадывая его

вопрос наперёд. – Пока лето, я работаю, пытаюсь содержать маму и близнецов, а там... посмотрим.

Снова повисло молчание. Друг явно обдумывал мои слова.

– Дэн, помирись с отцом, – произнёс он после недолгой паузы. – Помирись, пока ещё не поздно.

Я чуть не поперхнулся. Помириться? Первым? И это после того, какие слова он наговорил мне и маме?

– Тебя там на твоих нарах ничем тяжёлым не приложили? – я уставился на парня. – Мы сейчас говорим о моём отце – о человеке, который всячески препятствовал нашей дружбе, если ты помнишь.

И тут Данька улыбнулся. Теперь я вообще ничего не понимаю.

– Дэн, понимаешь, пока я был в детском доме, я познакомился с очень многими людьми. Дети, оказавшиеся там по разным причинам, кое-чему меня научили, – он посмотрел на меня серьёзным взглядом, – жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на ссоры и обиды. Да, признаем, твой отец далеко не подарок, но он всё-таки твой отец, Дэн. Да, он не понимает некоторые твои решения, может злиться, но это не значит, что он тебя не любит. Любит. Я это точно знаю. И тебе стоит один раз поступиться своей гордостью, чтобы самому потом не тащить всё это за собой. Обиды имеют последствия, я это знаю не понаслышке, – Данька посмотрел куда-то перед собой серьёзным взглядом. Я видел, насколько

ко тяжело ему давались эти слова. – Может, после того, как вы с ним серьёзно поговорите, он изменит своё отношение к тебе? Перестанет относиться как к ребёнку?

Я внимательно слушал его. Проблемы друга, по большей части, были намного серьёзнее, чем мои, и я это прекрасно осознавал. Раньше я бы отмахнулся от всего этого, просто бы не стал париться, чётко дав понять, что мои проблемы – исключительно моё дело. Но эти действия не прибавляли мне серьёзности, напротив – они очередной раз доказывали мою несамостоятельность и обнажали страх перед жизнью. Был смысл сейчас послушать друга, услышать его мнение и узнать, что парень, переживший столько горя в своей жизни, всё же скажет мне. Поступиться гордостью, характером, чтобы принять верное решение уже не кажется мне таким безрассудным поступком.

Я неловко опустил глаза в песок.

– Думаешь, мне стоит попробовать?

– А чего тебе бояться? – друг взглянул на меня, и от его взгляда мне стало как-то совестно. Кажется, только я один из нашей компании всё ещё не вырос. – Последствий? Так нужно уметь нести за них ответственность, – Данька открыл вторую бутылку газировки. – Знаешь, в чём твоя проблема? Ты боишься не справиться, боишься, что после совершённых ошибок останешься совсем один, – он пристально посмотрел на меня. – Но ты не один, Дэн. Ты никогда не будешь один.

И тут я улыбнулся – улыбнулся так, что снова опустил глаза вниз.

– И что же тебя так развеселило? – голос друга прозвучал удивлённо.

Я покачал головой.

– Нет, ничего. Просто... Лина мне постоянно так же говорит. Постоянно талдычит, что я не один.

Я поднял глаза на Даньку, и заметил, что он тоже расплылся в улыбке.

– Да, – протянул он, – это на неё похоже.

Мне всегда было интересно, какие эмоции испытывает Даня, думая о Лине. Я знал, что между ними нет ничего, кроме дружбы, но я до сих пор задаюсь вопросом, почему же девушка выбрала всё-таки меня, и это несмотря на то, что наши отношения сначала совершенно не заладились. Во всяком случае, я был спокоен, ведь у меня не было никаких поводов для ревности. Я доверял им обоим. Беспрекословно.

– Она скучает по тебе, – тихо произнёс я. – Очень переживала, когда тебя забрали. По сути... это Лина тебя вытащила оттуда, её упорство дало основной результат.

– Но не без вашей помощи, – Данька посмотрел мне в глаза. – Правда же?

Это, скорее, был риторический вопрос, ведь друг прекрасно понимал, что мы нашли его дядю общими усилиями. Но, в одном я всё же был прав – Лина приложила к этому руку больше, чем все остальные. Это факт. После того, как она

узнала правду о Даньке, она хотела, чтобы у него началась совершенно другая жизнь, и, как мне казалось, подруге совершенно не важна была цена этого шага. Она прощалась с другом, ребята прощались с хорошим приятелем, я прощался с братом...

Я перевёл взгляд на Даньку и почувствовал, как в горле встал ком. Давненько у меня такого не было. Не похоже на меня. В последнее время мне стало казаться, что внутри я стал мягче и... сентиментальнее, что ли.

– Брат, мне будет тебя очень не хватать, – признался я и улыбнулся. – Но будет лучше, если ты, наконец-то, вырвешься из этого города и начнёшь новую жизнь, – я опустил глаза на свою бутылку лимонада. – Знаешь, когда мы с Линой привезли тебя в больницу, я очень жалел о том, что не нашлось другого способа разрулить эту ситуацию, но теперь, – я снова перевёл на него глаза, – я могу сказать, что рад тому, что тогда не послушал тебя.

Данька усмехнулся.

– Напомни мне хоть один случай, когда ты меня послушал?

Настал моя очередь смеяться. Да, здесь он оказался прав.

– На самом деле, – продолжил друг, – я не представляю, как буду там без вас. Это наилучший конец всей этой истории, но знать, что вас не будет рядом...

– Не торопись прощаться с нами, – остановил я его. – Думаешь, мы так просто отстанем от тебя? И не надейся! Лич-

но от меня ты не скоро избавишься.

Прозвучало так, будто я поставил друга перед фактом. От части, так оно и было. Несмотря на то, что он скоро уедет, я не собирался расставаться с Данькой. Мы пережили вместе слишком многое, чтобы расстояние уничтожило нашу дружбу. Будет нелегко, будет больно, но если связь с человеком настоящая, то никакие километры никогда её не разорвут. Со временем мы повзрослеем, заведём новых друзей, а потом и собственные семьи, но человек, которого я столько лет считаю братом, для меня никогда не останется в прошлом.

Мы смотрели на закат, и, кажется, в этот момент думали об одном и том же.

– Фух, – протянул я, опуская голову вниз, – лимонада мне не хватило. Я бы чего покрепче выпил.

Данька рассмеялся.

– Сам перед Линой потом оправдываться будешь.

– Ага, разбежался! С тебя она тоже спросит, – я поднял глаза. – В итоге нам влетит обоим.

– А, если мы не придём? Останемся на пляже и устроим мне достойные проводы прямо здесь?

Я скептически посмотрел на друга.

– Тогда нам не просто влетит – нас четвертуют. А мне, знаешь ли, мои части тела ещё нужны.

– Скажу Лине, чтобы оставила тебе правую руку, а то картины неудобно будет рисовать.

– Спасибо за щедрость!

И тут мы просто заржали. Искренне. От души. Так, как не делали этого уже очень давно. Мне всегда было комфортно в обществе Даньки, и я рад, что спустя много лет ничего не изменилось.

– Ну, – я приподнял почти пустую бутылку лимонада, – за нас, брат?

Данька тоже приподнял бутылку вверх и улыбнулся.

– За нас, брат.

И мы чокнулись прозрачным стеклом.

Я сидел на ступеньках, которые вели на второй этаж. Пустой дом, звенящая тишина и длинные мрачные коридоры – вот что осталось от когда-то живого и наполненного жизнью дома. И когда всё успело докатиться до такого? В какой именно момент всё пошло не так? И почему я не смог остановить всё это намного раньше?

Я всё ещё надеялся на последний шанс. Он был мне просто необходим. Данька прав – мне нужно поговорить с отцом. И речь идёт не о скандале, не о том, как бы принизить его и надавить на больные места. Я хотел только одного – наконец-то поставить точку в семейных разногласиях и постараться начать всё с чистого листа.

Мои конфликты с отцом затянулись надолго. Из-за наших стычек мы даже не заметили, как всё это время страдали дорогие нам люди: как мама терпела наши с папой ссоры, как Тёма и Алиса тихо мучились из-за этого. Всё! Хватит! Я дол-

жен прекратить этот кошмар.

Дело было не только в наших отношениях с отцом и в нашей семье – какая-то часть этой истории касалась и моего будущего. Я понимаю, что отец переживает из-за моей жизни, хочет обеспечить мне и младшим детям достойное существование, но он так и не понял, это – моя жизнь, и я сам должен решать, чем мне заниматься и каким путём идти.

Я посмотрел на часы. Полдевятого. Опаздывает. Я сбросил это на вечерние пробки, надеясь, что отец не передумал встречаться со мной.

И тут щёлкнул замок. Я вскочил с места, будто готовился вот-вот отражать нападение извне, осталась нервная привычка. Включился свет, и внутрь вошёл отец. Он бросил на меня усталый взгляд, замер на несколько секунд и снял пиджак.

– Здравствуй, сын, – сухо поздоровался он. – Я тебя внимательно слушаю.

Прямо с ходу начал. Нехорошо.

– Ты же не думаешь, что наш разговор пройдёт здесь? – я даже удивился подобной несерьёзности со стороны такого человека, как мой отец. – Я приготовил ужин, пойдём на кухню.

– Ты что?

Я не стал повторять дважды – развернулся и направился к столу. Я слышал, как отец зашёл в ванную на первом этаже, пока я раскладывал всё на столе. Ужин получился нехит-

рым: запечённая форель в духовке с лимоном и специями. Простой рецепт, но очень вкусный, который так сильно любит мама. Я часто наблюдал за тем, как приглашённый повар готовил это блюдо. В своё время профессионал раскрыл мне несколько секретов, которые делают рыбу более нежной и сочной. Надеюсь, я не напортачил.

Отец вышел из ванной, вытирая руки полотенцем.

– Ничего себе! – произнёс он и, кажется, еле заметно улыбнулся.

Он смотрел на меня с подозрением, но не с презрением или разочарованием. Я заметил в его глазах каплю удивления и непонимания того, что происходит. Я не собирался выбивать его из стойкой колеи, потому что хотел показать немного другую сторону этой реальности. Данька и Лина были правы – я просто должен поговорить с ним, но уже не как эгоистичный мальчик, а как понимающий мудрый парень, который ищет решение не только для одного человека, а для всех, кто ему дорог. И отец был мне дорог, я знал, что люблю его.

– Садись, – я указал рукой на стул.

С какой-то мнимой осторожностью отец присел на своё место и осмотрел стол.

– Ты, – он указал пальцем на рыбу, – правда, сам это приготовил?

Я чуть улыбнулся и кивнул головой, сев напротив него.

– С чего вдруг такая щедрость? – родитель стал разбирать

рыбу. – Не похоже на тебя.

– Может, – я не стал реагировать за его колкие слова.

Какое-то время мы ужинали молча. Рыба удалась на славу, чему я был несказанно рад. Это моё первое серьёзное блюдо, и то, что я не облажался, стало для меня самого настоящим сюрпризом. А ведь я очень боялся переборщить с солью!

Всё это время я поглядывал на отца, но он просто наслаждался ужином и не поднимал на меня глаза.

– Как там мама и дети? – неожиданно спросил он, всё также глядя в тарелку.

Так вот оно что! Ему непросто так же, как и мне. В этот момент мне показалось, что теперь мы с отцом находимся на равных.

– Э-э-э, мама трудится над новой пьесой, а детей мы вчера отправили на две недели к её сестре.

Отец покачал головой, мол, понял.

– Мама больше не пьёт?

– Нет, – Слава Богу, – пришлось пресечь это на корню. Хорошо, что она сама всё прекрасно поняла.

Я надеялся, что эти слова вызовут у отца хоть какие-то эмоции, и именно в этот момент он впервые за этот вечер задержал на мне взгляд. Мы долго смотрели друг другу в глаза, но молчали.

Отец прокашлялся.

– Тебе... нужна помощь? Ну, в финансовом плане или...

– Нет. Я устроился на работу.

Этот взгляд я запомню надолго. Отец был удивлён. Очень удивлён.

– Правда? – спросил он с подозрением. – Куда?

– Официантом в ресторан. Пока что платят немного, но нам хватает.

Наша беседа протекала в странном русле: с одной стороны, мы не кричали друг на друга, не конфликтовали и не пытались вывести друг друга на эмоции, а с другой – так и не могли найти подходящих слов, чтобы поговорить на более серьёзные темы, чем деньги или работа. Ведь, речь шла о сохранении нашей семьи, в конце концов.

– Я...рад, что ты решил взять ответственность, – продолжил отец мягким голосом. – Это достойно похвалы.

Я аж чуть не поперхнулся от таких слов. Давненько я не слышал от родителя такого.

Снова повисло молчание, но продлилось оно недолго.

– Сын, возвращайтесь домой, – отец поднял на меня грустный взгляд. – Я...понял, что переборщил, когда так грубо разговаривал с тобой и мамой. У меня далеко не ангельский характер, я могу кричать и злиться, но это не значит, что вы для меня пустое место, – я видел, что ему тяжело давались эти слова, но был несказанно рад, что они наконец-то прозвучали. – У меня никогда не было цели держать вас всех на коротком поводке, я просто хотел обеспечить достойную жизнь своей семье, – всё это время он не сводил с меня взгляда. – Я понимаю, что тебе и маме необходимо время, чтобы

подумать над моим предложением, но всё же, я вас жду. И я...я признаю, что поступал неправильно. Прости.

Либо я сошёл с ума, либо в глазах отца я увидел застывшие слёзы. Человек, который славится своим нравом, своим сложным характером и прямолинейностью, признал свои ошибки и просит за них прощения? Отец, ты ли это?

Я принял его слова, но отрицательно покачал головой. Я должен был убедиться окончательно. И сам высказаться.

– А какой в этом смысл, пап? – спросил я. – Смысл лично мне возвращаться туда, где меня не принимают?

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Не совсем понимаю тебя, сын?

– А то, что ты уже давно решил за меня, кем я стану в будущем. Ты уже говоришь о том, что когда-то передашь мне бразды правления своей компании, и совершенно не хочешь слышать того, что я не хочу этим заниматься, – я откинулся на спинку стула и скрестил руки. – Да, может, я веду себя, как последний эгоист, не понимающий того, какой шанс ему выпадает, но я всю жизнь грезил о другом – о творчестве. Кто сказал, что я не смогу вести бизнес в этом направлении? Почему ты так ярко отрицаешь то, что я люблю? – говорить становилось всё тяжелее. – Ты всё время считал, что это лишь ребячество, очередной способ позлить тебя, потрепать нервы. Но ты никогда даже предположить не мог того, что я вижу в искусстве смысл своей жизни. Я хочу поступить на архитектурное отделение! – выдал я. – Это было моей мечтой

с класса шестого, а она для тебя не имеет абсолютно никакого значения, – я нагнулся вперёд. – Так почему я должен возвращаться туда, где меня ни во что не ставят? Почему я должен это делать?

Мы вели бой одними взглядами, все слова уже были сказаны. Мои колени тряслись под столом, сердце колотилось, как во время катания на экстремальном аттракционе. Я выжидал – выжидал хоть какой-нибудь реакции, не торопя события.

Отец долго смотрел на меня. По его взгляду было видно, что он удивлён такому признанию, которое всё-таки смог услышать. Впервые в жизни он не отрицал моих слов, не отмахивался от них рукой, не вздыхал так, что хотелось закричать от бессилия. Он просто переваривал всю эту информацию. Но в верном ли ключе?

Отец опустил глаза и облокотился на спинку стула.

– Денис, послушай меня, пожалуйста, – начал он. – Я никогда не считал твоё увлечение искусством чем-то нелепым и уж тем более бессмысленным. Может, ты мне не поверишь, но я видел твои работы, – отец взглянул мне в глаза, – и ты даже представить себе не можешь, какое я тогда испытал удивление и восторг от того, что мой сын настолько талантливый человек.

Вся моя стойкость и невозмутимость испарилась в тот же момент. Что? Я не ослышался? Неужели он говорит правду? Тогда... Тогда, почему всё зашло так далеко?

– Вижу, что тебя это удивило, – продолжил он, – но это всё чистая правда. Я относился так строго к твоему хобби, потому что боялся, что ты захочешь связать с этим жизнь в профессиональной сфере. Ну, сколько получают художники? Копейки! А я предлагаю тебе обеспеченное будущее.

– Отец, кто тебе сказал, что я собираюсь быть именно художником? – я не смог сдержаться. – Я хочу стать архитектором и в будущем открыть своё бюро, развить свой собственный бизнес. Я же не совсем идиот, чтобы витать в облаках и представлять свою обеспеченную жизнь в роли никому не известного художника. Но мне нужно начать с чего-то, чтобы я смог осуществить задуманное. Именно поэтому я хочу учиться искусству, чтобы потом строить огромные планы на жизнь, – я перевёл дух. – Я не прошу у тебя финансовой помощи, не прошу воспользоваться своими знакомствами, потому что хочу от тебя только одного – принятия и поддержки.

Отец долго смотрел на меня, а я почему-то подумал о том, что остывшая рыба уже не будет такой вкусной. Боже, что творится в моей голове?!

– Я понял тебя, Денис, – отец протёр уставшие глаза. – Возвращайтесь с мамой и детьми домой. До конца лета мы с тобой решим вопрос по поводу твоего поступления на архитектурный. Я знаю людей, который могут помочь тебе подготовиться к вступительным экзаменам. Думаю, оставшегося года хватит.

Я вытаращил на него глаза.

– Что? – прошептал я.

– Знаешь, только сейчас я увидел, что ты настроен серьёзно. Я тоже не зверь, всё понимаю. Если твои планы на будущее такие чёткие и серьёзные, то я не буду препятствовать, помогу тебе всем, чем смогу, – он слегка улыбнулся. – Мне нравится, что ты начинаешь взрослеть и принимать самостоятельные решения. Впервые вижу, что ты настроен на что-то так серьёзно. Этому я и хотел всегда тебя научить.

Я был в шоке. Нет, я вообще не верил в происходящее со мной! Неужели, отец наконец-то меня услышал? Дрожь в коленях усилилась, сердце не могло унять бешеного темпа.

– Я...я...

– Оставим продолжение этого разговора на потом, – отец посмотрел на наручные часы. – Уже поздно. Мама тебя потеряет. Я вызову машину, тебя довезут до нужного места.

– Нет, не нужно. Я пройдусь немного.

– Уверен? – отец скептически посмотрел на меня.

Я лишь кивнул головой.

На ватных ногах я вышел из кухни и направился в сторону холла. Отец молча наблюдал за тем, как я натягиваю кроссовки.

– Кстати, спасибо за ужин, – произнёс он. – Было вкусно.

– Тебе спасибо, – спешно сказал я, встав напротив отца.

– За что?

– За то, что всё-таки услышал меня.

И тут он улыбнулся – так искренне, так любяще, что аж сердце сжалось. Я уже и забыл, каково это – видеть его улыбку и блеск в глазах.

Он по-отечески потрепал меня по плечу, и на этом мы разошлись.

Мне пришлось идти через весь город, и всё это время меня не покидало ощущение искреннего счастья. Наконец-то эта ситуация сдвинулась с мёртвой точки и начала двигаться к чему-то конкретному. Я улыбался – шёл по городу и улыбался, как идиот, оставив позади себя огромный балласт длиной в несколько лет. И, когда внезапно набежал дождь, я не стал бежать под ближайшую крышу, а всё также направлялся в сторону отеля, наслаждаясь каждой минутой, проведённой в состоянии странной эйфории. Капли дождя стекали по моему лицу, мокрая одежда прилипла к коже, но так легко и комфортно, как в этот момент, мне ещё никогда в жизни не было. Теперь я понял, что значит испытывать искреннее счастье – это, когда ты понимаешь, что все риски, все испытания и попытки исправить ненавистное положение оправдали все ожидания.

Даня

Странное ощущение – вот так вот смотреть на горизонт и понимать, что твоя жизнь скоро повернётся на сто восемьдесят градусов. Ты не до конца понимаешь этого, или просто мозг пытается отгородить тебя от возможных опасностей и незнакомой обстановки в целом. Сердце колотится, сознание не верит, и даже глазам кажется, что этот самый горизонт, который столько лет был перед глазами, скоро навсегда сменится другим.

Страх чего-то нового вполне себе объясним, это нормально и естественно, когда на твоём жизненном пути одни вещи сменяются другими. Я никогда не осознавал это настолько сильно, как в данный период жизнь. Последние годы я рос с мыслью о том, что заветного толчка придётся ждать очень долго, а то и вообще никогда.

Я боялся. Всю свою сознательную жизнь я боялся, что обстоятельства способны сломать меня так, как они это сделали с моим отцом. В страшных снах я боялся увидеть себя, опустившимся на самое дно, не в силах заставить себя подняться на ноги. Жизнь ставила подножки, иногда мне вообще казалось, что выхода нет, и всё, что мне остаётся – смириться со своей судьбой и шагать по уготованной мне дороге.

Вот только есть одно НО.

Я не верю в судьбу.

Я не верю в то, что, родившись не в самой благополучной семье, обретя физические и моральные травмы, пережив какие-то страшные вещи, человеку уготована столь же печальная жизнь. Абсурд! Можно родиться в самой богатой семье, иметь просто божественные внешние данные и уйму талантов, но так ничего и не добиться в жизни.

Всё дело в характере, а именно в том, насколько хорошо ты сам сформировал его в себе. Я понял это далеко не сразу. Мне пришлось много думать, анализировать, учиться, чтобы понять одну простую вещь – я сам решаю, какой будет моя жизнь, а, самое главное – чего я на самом деле стою. У каждого из нас бывают моменты, когда мы опускаем руки, разочаровываемся и даже ненавидим себя в какие-то моменты. То, что копилось долгое время, однажды вырвется наружу, но только самому человеку решать, что именно это будет: ненависть и боль или стремление начать всё сначала.

То, что произошло со мной – показательный случай. Я не мирился с катастрофическим положением, в которое попал, пытался что-то делать для того, чтобы выжить, старался не падать духом даже в самые тяжёлые моменты, и даже, когда я оказался в детском доме, где-то глубоко внутри я верил, что всё будет хорошо. Так и случилось. Через два дня я уеду в столицу.

Душа разделилась пополам: одна часть хочет остаться здесь рядом с друзьями и вставать на ноги с помощью их под-

держки, а другая – отчаянно стремиться начать всё с чистого листа. Мысли. Чувства. Эмоции. Всё это играет определённую роль, но не сейчас. Я знаю, чего хочу по-настоящему. У меня появилась возможность исполнить все свои мечты, подумать над многими вещами и строить свою жизнь так, как хочу этого я. У меня появилась возможность почувствовать вкус этой жизни, поверить в то, что ещё не поздно наверстать упущенное и всё исправить.

Буду ли я жалеть? Нет. Мне будет немного грустно, первое время больно, но не жаль. Я верю в то, что жизнь не просто так подкидывает нам знаки и даёт подсказки – она направляет, даёт этот самый «волшебный пинок», который люди привыкли не замечать. А мне, наконец, настала пора заметить.

Странное ощущение – вот так вот смотреть на горизонт и понимать, что твоя жизнь вот-вот повернёт на сто восемьдесят градусов...

«Стоит ли бояться перемен?», – спросите вы.

И я отвечу: «Нет».

Когда я подошёл к этим воротам, то не смог не остановиться. Нет, я не хотел слезливых прощений или повспоминать былое время. Просто...само как-то вышло – ноги не двигались, упрямо вросли в землю, не давая мне сделать шаг вперёд. Вот она – сила дома. Моего дома.

Я не был здесь с тех самых пор, как пригласил Лину в гости на просмотр фильма «Богемская Рапсодия». Жаль, что

такой хороший вечер был испорчен.

Рука как-то сама непроизвольно потянулась к некогда сломанным рёбрам, а в глазах застыло яростное и опухшее лицо отца. А ведь я его тоже не видел с тех самых пор, даже не знаю, где он сейчас и что с ним. Прошло немало времени, но и не скажу, что много – в памяти ещё свежа та сцена и то жуткое избиение.

Я тряхнул головой, чтобы лишний раз не углубляться в болезненные воспоминания. Собравшись с силами, я схватился за ручку и открыл калитку.

И чего мне переживать? Всего лишь заберу свои вещи и уйду.

Опустив глаза, я быстро прошёлся по территории и, достав из кармана шорт ключи, начал открывать замок. Вот только... дверь оказалась открытой.

Не понял? Что за...

Я медленно распахнул её, и уже на пороге услышал какой-то шорох, который доносился из гостиной. Кто-то влез в дом? Но Дэн уверял меня, что закрыл дверь после того, как забрал кое-какие мои вещи для перевозки в гараж. Ничего не понимаю.

Я сделал несколько медленных неуверенных шагов вперёд, не переставая прислушиваться к странным звукам. Было очень похоже на то, что кто-то подметает пол. Чушь какая-то! Стараясь практически не дышать, я повернул голову и увидел висящий на крючке чёрный зонтик. Не самое луч-

шее оружие, но выбора нет.

Я двигался медленно, практически неслышно, но с каждым пройденным шагом моё сердце предательски громко отбивало ритм. Я был всё ближе, а сознание всё дальше. Подойдя к входу в комнату, и напоследок решительно выдохнув, я с криком и дрожью в коленях ворвался в гостиную, крепко вцепившись в зонт.

Казалось, я не так сильно напугал неизвестного, как испугался сам. Я не стал сразу бить, а решил подождать, пока незнакомец, свалившись на пол от страха, суматошно поднимется с колен. Ругаясь благим матом, он кряхтел и неуклюже встал на ноги.

Нет, не может быть.

Это был *отец*.

Вот только я не сразу узнал его в этом человеке. Одежда грязная, руки покрывала какая-то пыль, лицо было сильно опухшим и осунувшимся. Из сорокалетнего мужчины отец превратился в настоящего старика. И эта самая боль, которая копилось очень долгое время, была готова вот-вот вырваться наружу. Я только сейчас понял, насколько больно смотреть на родного человека, который так и не справился с обстоятельствами и опустил на самое дно.

Я опустил глаза, и увидел веник, который лежал на полу, а под ним осколки белой керамики. Что на этот раз разбил? Я поднял на него глаза и увидел, что он тоже смотрит на меня. Это было напряжённо, странно и... страшно. Я не знал, что у

него на уме. Интересно, он вообще помнит, что чуть не убил меня?

В его глазах было что-то странное. Я не понимал, пьян он или трезв, но, по крайней мере, подозрительного запаха не было. Алкогольного так точно. Он смотрел на меня то ли с грустью, то ли с отчаянием, а, может, это вообще было... *искупление*.

– Даня? – его осевший голос заставил меня содрогнуться. – Ты..., – он посмотрел на осколки на полу.

– Ты здесь? – перебил я его.

Отец не ответил, лишь снова взглянул на меня, а потом нагнулся убирать осколки.

– Оставь это, – я отбросил зонтик в сторону. – Дай, я сам.

Я забрал из его трясущихся рук веник и стал подметать пол, полностью забыв даже о малейшей безопасности. Отец, кажется, был трезв, поэтому и вероятность побоев была мала. Я собрал осколки в савок, а потом выбросил их в мусорное ведро.

Папа присел на стул. Вид у него, конечно, был очень плохой. Я сел напротив него.

– Пап, где ты был всё это время? – спокойно спросил я, понимая, что нам всё равно необходимо много обсудить.

Интересно, он вообще знает, что вот уже как почти месяц лишён родительских прав? Знает ли, что я уезжаю в другой город со своим опекуном – его родным братом?

Отец тяжело вздохнул.

– Я...я не помню, что со мной было какое-то время назад, – я видел, как тяжело ему давались эти слова. – Почти месяц жизни выпал из моей памяти. Помню лишь то, что очнулся в больнице под капельницей. Врачи сказали, что кто-то вызвал скорую на заброшенную стройку на окраине города. Там меня и нашли. В больнице сказали, что у меня было...алкогольное отравление.

Алкогольное отравление. К сожалению, я не удивлён.

– Я долго приходил в себя, вот только сегодня смог вернуться домой, – он посмотрел на меня своими красными глазами. – Сегодня я достал из почтового ящика письмо. Оно пришло из суда. Там сказано, что...меня лишили родительских прав, – его голос сильно дрогнул на последних трёх словах.

– Да, – тихо произнёс я после недолгой паузы. – Это правда.

И тут...отец расплакался. Он был похож на беззащитного мальчика, который...нет, вру. Он был похож на обычного мужчину, который, кажется, только сейчас понял, до каких крайностей дошёл, до какого дна так резко опустился.

– Эй, пап? – казалось, я сам готов был разреветься. – Ты чего?

Но он не слышал. Он просто ревел. Таким я видел его только однажды – когда не стало Егорки. Даже, когда мама собрала вещи и ушла в неизвестном направлении, он не реагировал так бурно, как тогда и сейчас. Слезы ему заменили

пьянящие напитки.

Я сам не сразу понял, в какой именно момент у меня по щеке покатилась слеза. Да, этот человек в какой-то момент сдался, натворил много глупостей, которые сильно отразились и на мне, поднимал на меня руку в алкогольном опьянении, не интересовался моей жизнью вообще. Но тут в противовес вступает другое – то, каким он был раньше. Когда в нашей семье всё было хорошо, он и вёл себя по-другому: отец всегда был рядом, заботился о тех, кого любил, защищал, делал всё, чтобы дорогие ему люди были счастливы. Хотя бы именно из-за этого стоит остановить свой пыл обид, злобы и ненависти. Как ни крути, отец всё равно оставался моим отцом.

Каждый из нас может не выдержать в какой-то момент, перейти черту и уже не найти дороги назад. Ему нужна была поддержка – моя поддержка. Я был готов простить ему все обиды, всю ту боль, которую он причинял мне, то, что он на протяжении стольких лет так и не смог самостоятельно встать на верный путь. Я хотел ему помочь, и я готов был для этого многое сделать.

Не без опаски, я осторожно подошёл к отцу и... обнял его. Я уже и забыл, каково это. Меня не смущала грязная одежда, странный запах, который от него исходил, не смущали даже его слёзы, потому что всё это казалось настоящим искуплением. В ответ он обнял меня очень крепко, так сильно, как будто этот жест был для отца самым настоящим спасатель-

ным кругом.

– Пап, всё будет хорошо, – прошептал я, еле подавив дрожь в голосе. Я всё ещё держал его в своих объятиях, с осторожностью похлопывая своей ладонью его по спине.

– Прости меня, сын!

Эти слова отдались странным эхом где-то в глубине моего сознания. Что? Я же не ослышался?

– Прости за то, что я вытворял в последние годы, – его дрожащий голос был для меня словно край пропасти. – Я... я так сильно заикнулся на Егоре, на маме, что полностью забыл о тебе. Мне было проще пить днями напролёт и винить во всём этот чёртов мир вместо того, чтобы попытаться прийти в себя и взять всё в свои руки. Только сейчас я полностью понимаю, что натворил. Теперь, когда уже слишком поздно.

Я затаил дыхание. Непривычно было слышать от отца такие признания. Может, у меня просто галлюцинации начались на фоне всего происходящего в последнее время? Что вдруг так резко переменялось? То, что отец чуть не скончался от отравления или то, что его лишили родительских прав?

– П-пап...

– Сегодня приходил Дима, – отец отстранился от меня. – Он... объяснил мне всю ситуацию, – он вытер тыльной стороной ладонью слёзы и, вроде как, справился с нахлынувшими эмоциями. – Он рассказал, что происходило с тобой в последнее время, признался, что оформил опеку.

Дядя Дима был здесь? Сегодня? А мне сказал, что ему нужно срочно уехать по делам. Теперь я понимаю, какие именно «дела» он имел в виду. Но, мне кажется, он правильно поступил, что встретился с моим отцом и сам ему всё объяснил, вместо того, чтобы кто-то чужой поведал ему о том, что сын уехал в другой город.

Я смотрел на его реакцию и никак не мог понять, что он чувствует: боль, обиду, отчаяние или полное безразличие? Хотя, какое тут безразличие с такими-то слезами? Не думал, что у меня когда-нибудь хватит смелости поверить, но это всё-таки случилось – я поверил, что отец понял и принял ситуацию такой, какая она есть. Он впервые не пытается оправдаться или отрицать происходящее, потому что просто смирился с тем, что в итоге мы получили оба. Может, отец ещё и не до конца осознал происходящее, но существенные сдвиги всё же были. Вот только, куда они в итоге приведут?

– Ты против? – я не переставал пристально смотреть на него. – Против того, чтобы я уезжал?

Отец поднял на меня полные боли глаза.

– Я понимаю, что так будет лучше, Дань. Лучше для нас двоих. Сам видишь, – он осмотрел гостиную, – у меня больше не осталось никаких условий, чтобы обеспечить тебе достойное будущее. Я не смогу помочь тебе, пока не разберусь со своими проблемами, пока не встану на ноги, – он шмыгнул носом. – А там – в столице, под присмотром Димы – у тебя будет возможность достойно строить свою жизнь. Он не

бросит тебя, я это знаю, и именно по этой причине я хочу, чтобы ты поехал с ним.

Его слова вызвали во мне очень странные чувства: с одной стороны – я был рад, что отец наконец-то понял всю сложность нашего положения. Он ничем не сможет мне сейчас помочь, он не даст мне возможность достойно закончить учёбу и поступить в институт не потому что ему всё равно на меня, а потому что мою голову так и будут занимать мысли о том, как бы прокормить нас и не потерять дом из-за долгов. Это было смело с его стороны. Но всё же...неужели он не попытается меня хоть как-то удержать? Неужели просто так отдаст меня своему брату и забудет о моём существовании. Мой отец, конечно, далеко не ангел, проблем много доставил, но всё-таки, он – мой отец, которого, несмотря ни на что, я всё равно всегда буду любить.

– Дань, это не значит, что я хочу избавиться от тебя, – он положил свою тяжёлую руку мне на плечо. – Я это говорю, потому хочу для тебя достойной жизни. Я с болью и дикой виной отпускаю тебя, но со спокойствием, – отец опустил глаза в пол. – Я...Дима предложил мне пройти лечение в одной из заграничных клиник. Они занимаются вопросами зависимости. Он готов полностью оплатить перелёт и лечение, но с одним условием.

– И с каким же? – я уже ничему не удивлюсь.

И тут...отец посмотрел на меня таким ласковым взглядом, что у меня сердце сжалось от смущения и непривычки.

Что... что это значит?

– Что я возьму себя в руки и стану таким же отцом для тебя, каким был много лет назад. Дима взял с меня обещание, что я вылечусь, найду достойную работу, он, кстати, обещал помочь, приведу дом в порядок и...

И?

– ...больше никогда не опущусь до того дна, в котором сейчас нахожусь.

Верить? Или нет?

Но мне хватило буквально несколько секунд, чтобы принять решение. Да, я ПОВЕРИЛ ЕМУ! Не знаю, почему это получилось так легко, но всё же... И снова я не заметил, как по щекам покатались слёзы. Я уже и не надеялся услышать эти слова, увидеть в глазах такую решимость и мотивацию, но вот оно – чудо, которое произошло.

Я опустил голову на руки и уже больше не мог остановиться – эмоции выплеснулись наружу мощным потоком, тот груз, который столько лет лежал у меня на душе, в этот момент просто взял и исчез. Не верится, что это свершилось, но одно я знал точно – это можно назвать настоящим счастьем.

Пытаясь взять себя в руки, я даже не сразу заметил, как отец подошёл ко мне, нагнулся и крепко обнял. Он похлопал меня по спине, говорил какие-то утешительные слова, не понимая, что это были слёзы счастья. Но мы быстро успокоились, взяли себя в руки и серьёзно поговорили.

Наш разговор длился очень долго. Я планировал прийти

домой максимум на час, а задержался на три. Но оно того стоило. Я долго сам не мог признаться себе, что не готов уезжать из города пока не встречу с отцом, ведь эта часть моей жизни чуть ли не единственная, которая заставляла меня задержаться здесь хотя бы на день. Я давно решил все свои внутренние конфликты, простил все обиды, отпустил то, что осталось далеко в прошлом, но отец... до сих пор останавливал меня.

Он дал мне обещание, скреплённое клятвой памяти Егорки, что он возьмёт себя в руки и начнёт новую жизнь. Я мог бы не верить этим фразам, если бы он не вспомнил брата. Мне ли не знать, как сильно он любил своего младшего сына, мне ли не знать, какую мощь приобрели эти слова, чтобы, в конце концов, стать правдой.

После того, как мы расставили все точки над «i», отец помог мне собрать вещи. Я не стал брать слишком много – только то, что было по-настоящему необходимо. Вся моя жизнь уместилась в небольшой рюкзак, и именно в этот момент я понял, что у меня всё только начинается. Маленький багаж, горький опыт и светлая дорога в успешное будущее – всё, что мне удалось накопить за семнадцать лет жизни. Оно и неплохо!

На прикроватной тумбе стояла рамка с фотографией Егорки. Он улыбался мне и, казалось, смотрел совершенно живыми глазами. Как бы сильно я не хотел забрать это фото с собой, понимал, что отцу оно будет нужнее. Глядя на по-

гибшего сына, он будет вспоминать, как дал обещание встать на правильный путь и начать всё сначала. Уверен, лицо Егора будет для него настоящим стимулом – очередным «пинком», который выведет на правильную дорогу.

– Всё собрал? – отец появился за спиной так неожиданно, что я выронил рюкзак.

– Чёрт! – вырвалось у меня.

– Прости, не хотел напугать.

Мы сели на мою кровать и осмотрели комнату. На стене оставались плакаты моих любимых музыкантов – моих кумиров, которые когда-то также начинали с нуля. Пустые шкафы, пустой письменный стол, пустое помещение, в котором когда-то кипела жизнь. Мне грустно оставлять всё так, но я знаю, что всё ради общего блага. Когда-нибудь отец продаст этот дом, не выдержав груз воспоминаний, который таиться в этих стенах, начнёт новую жизнь, но уже в новом месте. Я предчувствовал, что нахожусь здесь в последний раз. Сам не знаю, почему я об этом подумал, но чуйку не обманешь. Возможно, я и в самом деле больше никогда не увижу этих стен, они останутся лишь воспоминанием, стёртым со временем.

Я повернул голову и посмотрел на фото брата.

– Я хочу отдать тебе это, – я взял рамку и протянул отцу. – Когда будет тяжело, просто посмотри на Егорку, и тогда сразу станет легче. Мне всегда помогало.

Банально, смешно, но, правда.

Отец принял у меня фото младшего сына, и именно в этот момент я заметил застывшие в его глазах слёзы.

– Дань, – он взглянул на меня, – я исправлюсь. Обещаю тебе, что приложу к этому все силы, которые у меня ещё остались.

Я слабо улыбнулся.

– Прости меня, сын, – отец перешёл на шёпот. – Я только сейчас понимаю, что тебе приходилось нелегко всё это время. Мне жаль, что у нас с тобой всё так получилось, но... я надеюсь, ещё не поздно наверстать упущенное.

– Нет, – я покачал головой, – ещё не поздно.

И тут он обнял меня. Обнял так крепко, что я испугался за свои недавно сломанные рёбра. Хоть бы не треснули снова! Было тесно, но в этот момент я понял, что готов пожертвовать любой своей костью, лишь бы настрой отца на лечение не был напрасен.

Он проводил меня до калитки, мы попрощались, обещав поддерживать связь друг с другом, и я направился в сторону гостиницы.

Меня немного потряхивало. Странное ощущение, оно напомнило мне первые секунды после выступления нашей группы на школьном концерте. Тебе, вроде бы, стало легко, но не спокойно. Произошедшее ещё не отпустило, хоть головой ты и понимаешь, что всё позади. Но я не смог скрыть счастливой улыбки, не смог таить в себе то чувство, что испытывал. Пройдя столько сложных испытаний, я нако-

нец-то мог сказать себе: «Всё позади». Но мне ещё предстояла нелёгкая работа – работа над самим собой, в первую очередь. И я обязан сделать всё возможное, чтобы возродить в себе тот самый внутренний яркий огонь.

Машина уже ждала нас у гостиницы. Нам повезло с водителем – он согласился подождать, пока я попрощаюсь со всеми дорогими людьми, которых оставляю здесь, да и дядя совершенно не был против, потому что понимал, как тяжело мне всё-таки было.

Самыми первыми появились Дэн, Лина и Лиля. Никогда бы не подумал, что при виде этих ребят я буду еле сдерживать слёзы. Я боялся, что девчонки окончательно меня добьют, ведь обе ещё не успели прижать меня к себе, как начали рыдать.

– Начинается... – Дэн закатил глаза.

Хоть он и закатил глаза, всё же я знал, что таким образом он сам пытается подавить похожие эмоции.

– Не будь таким чёрствым! – бросила ему Лина, после чего уткнулась носом мне в плечо.

– Кто чёрствый? Я? – друг искренне удивился её словам. А я лишь улыбнулся.

– Девочки, ну, правда, – вступился я за Дэна. – Меня же не на войну отправляют и не выносят смертный приговор.

И после этих слов обе заревели ещё сильнее. Какие же эмоциональные они у меня!

– Не известно, когда увидимся с тобой, – протараторила Лиля. – Как мы будем с тобой на расстоянии?

На самом деле, мы с ней обсуждали этот вопрос. Я не хотел, чтобы наши отношения прекратились вот так вот, но был просто обязан узнать, что сама Лиля думает по этому поводу. Мы пришли к сидящему выводу: наше общение не прервётся, как и отношения. Постоянные аудио и видео звонки, совместные праздники и встречи по возможности. Но расстояние есть расстояние, оно играет определённую роль. Мы договорились, что если у кого-то из нас остынут чувства, то не станем скрывать это и пытаться спасти отношения на обмане, а просто останемся друзьями. Так было честно в отношении нас обоих.

– Лиль, мы всё это обсуждали, – негромко сказал я. – Не переживай так сильно, слышишь?

Мне пришлось отпустить Лину, чтобы крепко обнять свою девушку. Та всё никак не могла успокоиться. А вот Лина быстро взяла себя в руки, хоть и не обошлось без объятий Дэна.

На самом деле, эта картина о многом мне говорила. В первую очередь о том, что меня окружали люди, которым я действительно дорог. Мне не нужны были их слёзы в доказательство того, что я им небезразличен, мне хватало того, как много они для меня сделали за всё это время. И, да, мне не хочется оставлять их, никого из них, но головой я понимаю, что выбрал правильный путь.

– А ну расступись! – послышался знакомый голос где-то издалека.

Я вытянул голову и увидел, как прямо ко мне несётся Стас, оставляя Ромку и Ксюшу позади. Хорошо, что Лиля инстинктивно отстранилась от меня, иначе Стас заключил бы её в удушающие объятия вместе со мной. У друга даже очки с носа слетели, когда тот налетел на меня. Стас – типичный Стас!

– На кого же ты нас оставляешь?! – прозвучало иронично, хоть я и понимал, что в шутку. – Что же мы без тебя делать будем?

Почему мне это напомнило похоронный плач?

– Кончай прикалываться, юморист! – голос Ромки.

– Дай мне добить драму! – Стас всё ещё крепко сжимал меня. – Дань, – он перешёл на шёпот, – имей совесть, подыграй мне!

Я рассмеялся, просто не смог сдержаться. Я всегда любил Стаса за то, что даже в самые грустные моменты он мог преподнести нотку юмора в ситуацию. Это сильно разряжало обстановку.

– Ты ещё всплакни! – Дэн по-доброму усмехнулся.

Стас отпустил меня и серьёзно посмотрел на друга.

– Я ведь и зарыдать могу, ты только попроси, дорогуша.

И в этот момент даже девчонки, которые до этого лили слёзы, засмеялись. Пока они приходили в себя, Ромка и Ксюша по очереди обняли меня.

– Нам будет тебя не хватать, – произнесла подруга.

– Мне вас тоже, – я оглядел их всех. – Но я жду вас в гости.

Я спрашивал у дяди, он только «за».

Видеться несколько раз в год, конечно, не то же самое, что видеться каждый день. Я понимал, что будет тяжело, и был готов к этому. Я смотрел на ребят и понял, что самому глаза жгут слёзы.

– Чёрт! – я отвернулся, чтобы убрать влагу с глаз. – Ребят, я безумно буду скучать.

– Боже, я сейчас сам заплачу! – Дэн подошёл и обнял меня, а потом присоединились и остальные.

Я чувствовал себя как в крепости – неприступной крепости, которая никогда не падёт даже под самыми тяжёлыми ударами. Прочность её стен уже была проверена испытаниями и временем. Я знаю, что никогда в жизни не усомнюсь в силе и стойкости нашей с ребятами дружбы. Никогда!

Время шло. Настала пора выдвигаться. Самолёт нас ждать не будет.

– Что? Уже? – Лиля резко встрепенулась.

Я взял её заплаканное лицо в свои ладони.

– Пора.

И после этого она заплакала ещё сильнее.

Я прижал девушку к себе, еле сдерживая собственный ком в горле. Мне самому хотелось кричать от боли, но должен был держать себя в руках ради друзей. Потом я поцеловал её, и мне было всё равно, что я сделал это на глазах у ребят.

Девушка не отходила от меня, пока я прощался и с остальными: Ромкой, Стасом, Ксюшей... А вот с Дэном и Линой я хотел поговорить отдельно.

– Ну, брат, удачи тебе! – Дэн крепко пожал мне руку, а потом крепко обнял. От меня не укрылось, что его голос дрогнул. – Я буду скучать.

– Я тоже, дружище, – негромко произнёс я. – Хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

Друг внимательно посмотрел мне в глаза.

– Пообещай, что добьёшься того, о чём так долго мечтал. Не позволяй никому вставать у тебя на пути, понял?

Он лишь кивнул, пряча внезапно появившиеся слёзы на глазах.

– И ещё: присмотри за Лилей, чтобы сильно не страдала.

– Да, я понял.

– И береги Лину. Сделай всё возможное, чтобы она не переживала.

Я был похож на наставника, который пытается донести до своего подопечного серьёзный смысл этих слов.

– Я обещаю тебе, – прошептал он, серьёзно глядя мне в глаза.

И мы снова обнялись.

Я прощался не просто с другом – я прощался с братом, с человеком, который всегда был рядом со мной в самые сложные и страшные моменты моей жизни. Эта была сильная боль, которая ещё долго будет давать о себе знать.

– Будь всегда на связи, – произнёс Дэн.

– Обязательно. Братья навек?

Я не видел, но почувствовал, как он улыбнулся.

– Братья навек.

Противоречие добивало меня. Я знал, что должен был его отпустить, а с другой стороны не мог. Но выбора не было. И эту проблему мы переживём вместе.

Осталась Лина – светлый человечек, который так внезапно ворвался в мою жизнь и в корне изменил её. Мне не нужны были слова, чтобы выразить ей свою благодарность за всё, что она для меня сделала – она и так всё знала.

Я распростёр свои объятия.

– Иди сюда, – сказал я ей.

Лина очень крепко обняла меня, и я стал переживать, что подруга меня и вовсе не отпустит. Уедет машины, улетит самолёт, а я так и останусь в её объятиях. Мне было очень сложно прощаться с ней, мне казалось, будто я отрываю что-то родное и невероятно ценное. Появившись в моей жизни так внезапно, эта девушка также резко и уходит из неё. Мысли о том, что мы ещё нескоро увидимся, приводили меня в тихий ужас.

– Ну, всё, успокаивайся, – я погладил её по голове. – Мы же не навсегда прощаемся, правда же?

Она лишь кивнула.

– Спасибо тебе большое, – шёпотом произнёс я.

– За что? – её голос дрогнул.

– За то, что спасла меня. И не только от детского дома, но и от... всего остального.

На этих словах я сам был готов разрыдаться. Невыносимо было оставлять дорогих мне людей.

– Обещай, что ты устроишь там свою жизнь и станешь великим музыкантом.

Я улыбнулся, но положительно покачал головой.

Раздался сигнал машины. Пора в аэропорт.

– Подожди! – раздался голос Лины, когда я уже собрался садиться внутрь авто.

Она протянула мне что-то завёрнутое в крафт-бумагу.

– Это тебе от нас небольшой подарок на память. Открой, когда соскучишься.

Я принял у неё подарок.

– Спасибо, – прошептал я.

– Хорошей дороги, Даня, – Лина улыбнулась, и моё сердце сжалось от умиления.

Машина завелась и тронулась с места. Я до последнего махал ребятам рукой. Перестал, только когда их силуэты совсем исчезли из виду. Внутри меня всё сжалось от тоски, мы не успели отъехать, а я уже сильно по ним скучаю.

Скучаю...

Я взглянул на подарок ребят, который всё ещё держал в руках. Напоминало маленькую коробочку. «Открой, когда соскучишься», – голос Лины не покидал мои мысли. Я разорвал крафт-бумагу, положил рядом, чтобы не оставить му-

сор в салоне, и взглянул на памятный подарок.

Фото. Наше групповое фото, которое мы сделали после выступления на школьном концерте, помещённое в рамку. Мы на нём такие счастливые, ещё не знаем, через что нам придётся пройти и что пережить. Эти лица – самое дорогое, что есть в моей жизни, и я сделаю всё возможное, чтобы так было и дальше.

Слёзы потекли по щекам, но я не обращал на них никакого внимания. И пускай впереди новая жизнь, новые люди и возможности, я всё равно буду помнить тех, кто был со мной с самого начала и до самого конца.

«Люблю вас, ребята. И это навсегда».

Эпилог

Год спустя

«Внимание! Совершил посадку рейс № 108 авиакомпании «Аэролайн» Новороссийск – Москва»...

Лина

Самолёт совершил посадку на десять минут раньше расписания. Как только шасси коснулись взлётно-посадочной полосы, моё сердце приятно дрогнуло от предвкушения долгожданной встречи. Вот оно. Уже совсем скоро это случится! Я отвернула голову от иллюминатора и посмотрела на Дэна. Парень спал всё то время, пока мы летели, и не проснулся даже тогда, когда самолёт совершил посадку. Друг не очень любит полёты, поэтому заранее выпил успокоительное. Видимо, хороший эффект вышел. Я улыбнулась и взяла его за руку.

– Дэн, просыпайся.

Он легко вздрогнул и проморгался.

– Что? Уже прилетели? – зевая, спросил он.

Парень глянул в иллюминатор.

– Быстро как-то, – подытожил он.

Я лишь пожала плечами. Весь полёт я не переставала смотреть на часы. Возможно, мне хотелось как можно быстрее прилететь в столицу и наконец-то встретиться с *ним*.

Я периодически поглядывала на соседние сидения, чтобы проверить, как там ребята. Стас и Ксюша дремали, Ромка слушал музыку в наушниках и смотрел весь полёт в иллюминатор, Лиля читала какую-то книгу. Все выглядели впол-

не спокойными, но я знала, что каждый из нас испытывает приятное волнение. У меня даже ладошки вспотели от лёгкой дрожи.

– Фух, ребят, меня что-то укачало, – пожаловался Стас, когда мы двигались к выходу из самолёта.

– Как тебя могло укачать? – Ромка обернулся на него. – Ты же дрых весь полёт, как сурок.

– От того и дрых, – Стас коснулся своего живота. – Больше не буду есть картошку фри перед полётом.

– Ничего, – тихо произнесла Ксюша, похлопав парня по плечу, – попьёшь водички, и всё будет хорошо.

Мы вышли из самолёта, получили багаж и направились к выходу.

Моё сердце колотилось, как бешенное. Я не могла никак взять себя в руки и подавить волнение.

Указатель «Выход». Двери. Он. Даня.

Признаться, я даже не сразу нашла его глазами – зацепилась лишь за такую знакомую улыбку и тёплый взгляд. Я была готова резко сорваться с места, чтобы как можно скорее заключить друга в объятия, но остановилась, поняв, что лучше уступить эту возможность Лиле.

Как я и ожидала, девушка, бросив чемодан посреди тротуара, подбежала к Даньке и бросилась ему на шею. Он крепко обнял подругу, закружил девушку в воздухе и страстно поцеловал. P.S.: Лично меня это ничуть не смутило. И, думаете, я терпеливо ждала? Нет. Стило Лиле только отстра-

ниться от Даньки, я тут же заключила его в свои объятия.

Я ждала этого больше года – ждала, когда же, наконец, смогу обнять друга и увидеть его воочию. Мне безумно не хватало его всё это время, я даже боялась расплакаться.

– Я так соскучилась по тебе! – радостно произнесла я, не отпуская его.

– Я тоже очень скучал! – его голос казался чем-то, что напоминало приятный сон. Кажется, я ещё не до конца осознала, что эти слова раздаются не из-за мобильной связи.

Мне пришлось уступить место другим, ведь они тоже хотели обнять старого друга.

– Брат! – Дэн, кажется, был готов запрыгнуть на друга от радости. – Как же я рад тебя видеть!

Мне было безумно приятно смотреть на это. Такая долгожданная встреча стоила тщательного планирования, перелёта и волнения.

Пока ребята обнимали Даньку, я не могла отвести от него взгляд. Он изменился. Мы не виделись больше года, и мне показалось, что за это время он сильно повзрослел. Даже внешне стал крепче, мужественнее и увереннее. Он очень хорошо выглядел – так, как и положено восходящей звезде: стильная опрятная одежда, ухоженный вид, сам он, казалось, издавал какой-то свет успеха. И не зря, зная, какую работу он проделал над собой.

После долгих объятий и приветствий, мы вызвали такси и поехали в загородный дом Данькиного дяди, который

временно будет нашим местом обитания. Дорога заняла не так много времени, как нам казалось. Возможно, всё дело в непрекращающихся разговорах и распросах.

Не знаю, откуда мы нашли терпение и силы сосредоточиться на размещении в доме. Нужно было решить, кто и где будет ночевать. Более-менее решив этот вопрос без споров, мы разобрали вещи и ближе к обеду собрались в шикарнейшей беседке у озера. Данька заранее позаботился о том, чтобы всё было готово к нашему приезду – стол был просто завален едой. Друг признался, что всё это – заслуга его опекунов. Дядя и тётя были и рады остаться с нами, но их срочно вызвали на важную деловую встречу, так что остаток дня нам предстояло быть... без присмотра.

Мы смеялись, болтали без остановки, ближе к вечеру Ромка, Стас и Дэн даже решили искупаться в озере. Оставшимся на берегу оставалось лишь наблюдать и следить за тем, чтобы никто из них не заплывал далеко.

– Внимание всем водоплавающим! – выкрикнул Даня. – За нарушение правил поведения на воде, виновные останутся без шашлыка. И кое-чего ещё...

– Да поняли мы, поняли! – Стас помахал нам руками, мол: «Вот, машу вам, значит – достаю ногами до дна».

Перелёт и волнения ближе к ночи дали о себе знать – многие ушли отдыхать, набираться сил перед завтрашним активным днём. Остались только сильнейшие – я, Даня и Дэн. Мы сидели на веранде дома, закутавшись в пледы, и смотрели,

как луна красиво переливается в водах озера.

– Я там чайник поставил, так что, не замёрзнем, – Данька укутался по сильнее. – Ночи бывают здесь довольно-таки холодными к середине августа.

– Привыкнем, – Дэн сильнее прижал меня к себе.

– Кстати, – встрепенулась я, – Даня, это правда, что у тебя скоро дебют?

Друг посмотрел мне в глаза и не смог сдержать улыбки.

– Откуда ты узнала?

– Да мы все уже знаем, – ответил за меня Дэн. – Скажи, как долго ты собирался скрывать это от нас?

– Да было бы что скрывать...

– Нет, ну ты посмотри на него! – Денис театрально повысил голос. – У моего друга сбывается мечта всей его жизни – он вот-вот станет звездой – а для него это не особо важно.

– Я этого не говорил! – Даня поднял указательный палец вверх и пристально, но не без улыбки, посмотрел на друга. – Ладно, – сдался он, – на следующей неделе будет запись трека и клипа, и я хочу, чтобы вы были со мной, когда выпустят сингл. Хочу, чтобы люди, которые так верили в меня, сами увидели результат.

Клянусь, я снова была готова расплакаться! Но вместо этого я просто обняла Даньку. Мне ли не знать, через что ему пришлось пройти, чтобы добиться такого успеха. Он много работал, при этом, не забывая про учёбу, старался и в итоге добился своего. Было приятно слышать, что он желал наше-

го присутствия в такой важный для него момент. Это было очень ценно.

– И... как же называется сингл? – спросил с любопытством Дэн, наклоняясь вперёд.

Даня снова улыбнулся и посмотрел куда-то перед собой.

– Я долго думал над названием, пытался соотнести смысл текста и то, о чём я могу сказать. Я вспоминал всё то, через что нам пришлось пройти, – он взглянул на меня и Дэна, – всем нам. Вспомнил, как мы боролись за свои мечты, за то, чтобы быть теми, кем хотим. Я вспомнил, как мы верили, что всё сложится так, как мы задумали, даже, когда казалось, что надежды нет. Мы верили, что всё можем – всегда верили, – он перевёл дух. – Я назвал этот сингл «Яркие огни».

Яркие огни... Столько раз я слышала это сочетание слов, но никогда не задумывалась над его значением. Те самые огни – это мы. Это наши испытания, наши цели, наше противостояние обстоятельствам и неудачам. Наши яркие огни угасали, а потом вспыхивали с новой силой, которая, казалось, уже никогда не ослабнет. Символично получилось.

– Яркие огни... Отличное название, – тихо произнесла я. Данька улыбнулся.

Мы смотрели на тёмное озеро, и именно в этот момент я поняла, что начинается новый этап нашей жизни. Школа закончилась, и мы вышли на новую жизненную дорогу. Мы все.

Даня уже добился многого: обзавёлся собственной груп-

пой, написал первую песню, и я сильно надеюсь, что какой-нибудь известный музыкальный продюсер обратит внимание на талантливых молодых людей, и уже через некоторое время мы услышим имя Даниила Февралёва с крупного мирового стадиона.

Да и с личной жизнью у него всё налаживается: Лиля переезжает в столицу, где будет поступать на экономический факультет. Данька не стал долго думать – он своими силами устроился на работу в известную музыкальную студию, и уже накопил неплохую сумму для того, чтобы снять квартиру для них обоих.

С его отцом тоже всё в порядке. Год лечения в дорогостоящей клинике не прошёл зря – мужчина практически избавился от своей пагубной зависимости, и теперь готовится к возвращению в нормальную жизнь. Они часто разговаривают с Данькой по телефону, и парень окончательно убедился, что теперь у когда-то нерадивого родителя всё будет замечательно. Сын больше не таит обиды на отца, чему я была рада.

Что же касается Дэна? Он, наконец-то, нашёл общий язык с отцом, но не без усилий, конечно. В их доме больше нет скандалов, криков и ссор, всё решается разговорами. Максим и Оксана Гранины смогли переступить через сложный этап и пойти на компромиссы. Не без труда, но они смогли найти точку соприкосновения, и теперь стараются во всём поддерживать друг друга. Сам же Дэн повзрослел, когда начал понимать позицию своего родителя. Так или иначе, па-

рень смог настоять на своём, и теперь он студент архитектурного вуза столицы!

В моей жизни тоже всё встало на места. Пускай не сразу, но я смогла разобраться в себе, смогла понять кто я, и чего хочу от жизни. Пришлось пройти через многое, чтобы спокойно выдохнуть, но я рада, что смогла побороть свои страхи и двигаться дальше.

Полгода назад я решила на поездку в Италию. Не было никакого смысла таить обиды и оставлять незакрытые гештальты. Я встретила с Дарией, познакомилась с отцом и сестрой. Они приняли меня очень тепло, и я до сих пор продолжаю поддерживать с ними связь. На предложение остаться с ними в Милане я отказалась. У меня уже своя совершенно другая жизнь.

Ольга, конечно, моё общение с родителями не сразу одобрила. Она до сих пор держит обиду на сестру, но не препятствует тому, чтобы мы хотя бы изредка общались. Так или иначе, я никогда не променяю её и дядю Славу на других людей, пускай даже и на биологических родителей.

Я закончила школу, и с хорошими результатами за экзамены поступила в столичный институт – в тот же, что и Дэн. Буду продолжать дело тёти – стану известным дизайнером и покорю мир своим творчеством.

Вопрос с жильём у нас решился быстро – дядя Слава разрешил нам с Дэном жить в квартире, которую он когда-то сдавал в аренду. Не очень хотелось вешаться на шею родите-

лям, поэтому мы решили, что обеспечивать себя будем сами, тем более что друг уже нашёл неплохую подработку, связанную как раз с его будущей деятельностью. Я же через институт попробую пройти на оплачиваемую стажировку в один из столичных Домов Моды.

Жизнь идёт своим чередом – мы вырастем и выбираем свои пути. И все наши проблемы, испытания и тяжёлые жизненные моменты стоили того, чтобы в итоге мы получили достойный конец нашей истории. Хотя, какой ещё конец? У нас всё только начинается!

– Слушайте, я вот о чём подумал, – негромко произнёс Дэн – может, мы создадим своё творческое объединение?

Мы с Даней непонимающе взглянули на Дениса.

– Ты о чём? – друг с подозрением сузил глаза.

– Ну, ты будешь писать музыку и тексты, Лина – придумывать сценические образы, я – работать над декорациями к концерту...

– Так, стоп, стоп! – остановил его Даня, замахав руками. – Ты хоть представляешь, сколько денег потребуется на твою задумку?

– Я же не говорю, что мы завтра побежим искать помещение для аренды, – Дэн развёл руками, – это всего лишь перспективы на будущее.

– Перспективы на будущее? – Даня перевёл хитрый взгляд на меня. – Предлагаю для первого взноса продать его почку, – и указал пальцем на Дениса.

– Чего?!

И тут я рассмеялась. Эти двое совсем не изменились – всё такие же мальчишки, что и год назад.

– Чур, оставшиеся деньги отойдут ко мне! – громко сказала я, не в силах престать смеяться.

– Это ещё почему? – восходящая звезда сильно удивилась.

– Эй, имей совесть! Он всё-таки – мой парень!

– И мой названный брат.

– Эй! А меня спросить никто не хочет? – подал возмущённый голос Дэн. – В конце концов, речь идёт о МОЕЙ почке!

Секунда молчания переросла в громкий залиvistый смех. Ни я, ни Даня, ни Денис долго не могли остановиться. Наши покрасневшие лица и накатившие от эмоций слёзы были настоящим доказательством того, что друг для друга мы остались прежними, и яркая луна в эту ночь стала свидетелем того, что наша дружба никогда не познает конца.